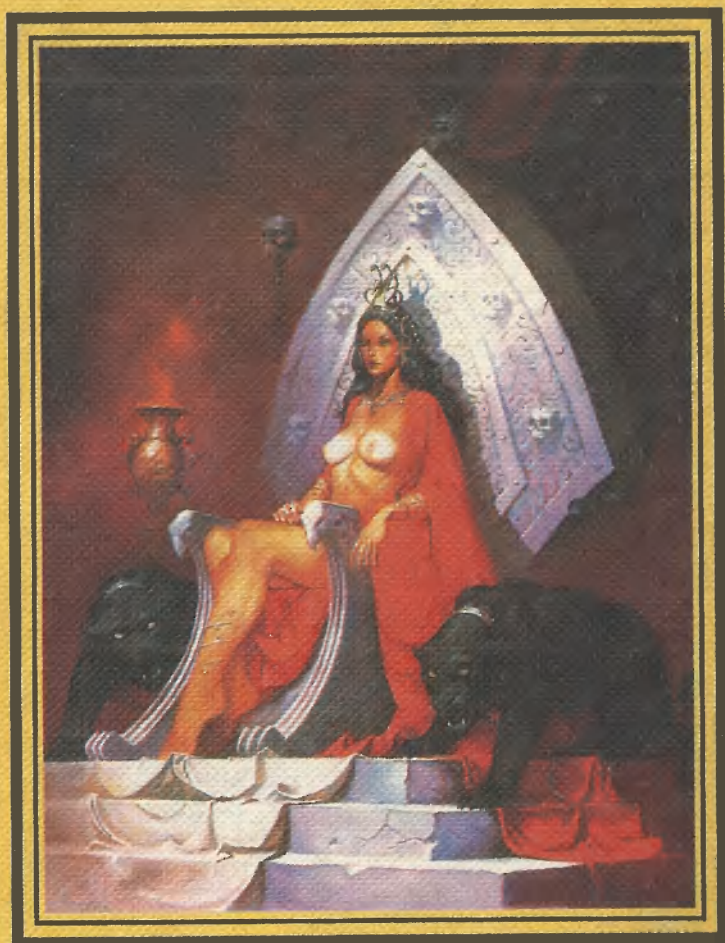

Роберт ГОВАРД

ВРАТА ИМПЕРИИ

Сага вольных городов

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Г 57

Перевод с английского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой
ее части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Говард Р. И.

Г 57 Врата Империи. Сага вольных городов: Роман. /
Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1999. — 448 с.

ISBN 5-7906-0079-4

В очередном томе собрания сочинений Роберта И. Говарда читатели ждут встречи как с новыми, так и с давно полюбившимися героями, каскады головокружительных приключений, экзотика дальних стран и чужих миров, интриги, отвага и колдовство.

Все произведения публикуются на русском языке впервые.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

- © Ken Kelly, 1982
- © «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

ISBN 5-7906-0079-4

ВОИТЕЛЬНИЦА

А

1

гнес! Рыжее отродье дьявола, где ты? — это был крик отца — по-другому он ко мне и не обращался.

Я откинула с лица мокрые от пота волосы и взвалила на плечо связку хвороста. Отдыхать мне случалось редко.

Отец раздвинул кусты и вышел на поляну — высокий, худой, злой. Лицо его было темным от загара, приобретенного во время многочисленных во-

енных кампаний, и покрыто шрамами, полученными на службе у алчных герцогов. Увидев меня, он нахмурился — пожалуй, если б на его лице появилось другое выражение, я бы его и не узнала.

— Где ты прохлаждаешься? — заревел он.

— Ты же сам послал меня в лес за хворостом, — ответила я утрюмо.

— Разве я послал тебя на целый день? — рявкнул он, пытаясь отвесить мне подзатыльник, от которого я увернулась с ловкостью, приобретенной большим опытом. — Ты что, забыла, что сегодня твоя свадьба?

При этих словах пальцы мои бессильно разжались, и бечевка выскользнула из рук, вся связка хвороста рассыпалась по земле. Мне показалось, что даже солнце как-то потускнело, а птицы запели печальнее.

— Я забыла, — прошептала я пересохшими внезапно губами.

— Давай, собирай свои ветки и ступай домой, — сердито произнес отец. — Солнце уже садится. Неблагодарная дрянь, проклятая негодница, твой отец должен тащить свои старые кости через весь лес, чтобы привести тебя к мужу.

— К мужу! — пробормотала я. — Это к Франкусу?! Черт поberi!

— Ах ты дрянь, ты смеешь поминать черта? — заревел отец. — Проучить тебя снова? Ты смеешь пренебрегать человеком, которого я для тебя выбрал? Франкус — самый прекрасный юноша во всей Нормандии!

— Он жирная свинья, — прошептала я. — Чавкающая, вечно жующая, тупорылая свинья!

— Замолчи! — вскрикнул отец. — Он будет мне поддержкой в старости. Я больше не могу ходить за плугом. Старые раны дают себя знать. Муж твоей

сестры Изабель — собака, он мне не помощник. А Франкус не такой. Он тебя укротит. Он тебе потакать не будет, как я. Он-то уж тебя пообломает, моя красавица.

Услышав это, я почувствовала, что кровь в моих жилах закипела, и кровавая пелена заволокла взор. Так всегда случалось при разговорах о том, что меня пора усмирить. Я швырнула на землю ветки, которые до этого машинально собирала и увязывала, и вся моя ярость вылилась в крик:

— Пусть он сгниет в аду, и ты вместе с ним! Я не выйду за него замуж. Бей меня, хоть убей! Используй, как хочешь, но я никогда не лягу с Франкусом в одну постель!

Глаза отца загорелись таким гневом, что я бы дрогнула, если б не охватившее меня бешенство. В его взгляде отражалось пламя ярости, насилия, то, что жило в отце, когда он грабил, убивал и насиловал, будучи воином Вольного Отряда. Он бросился на меня и попытался ударить кулаком в голову. Я увернулась, он ударил левой, но снова мимо. Так он колотил воздух, пока со звериным криком не поймал меня за волосы и не намотал их на руку, дернув назад мою голову и чуть не сломав шею. Затем он ударил меня правым кулаком в подбородок, и свет померк перед моими глазами.

Должно быть, я пробыла сколько-то времени без сознания — достаточно долго, чтобы он успел перетащить меня из леса в деревню. Не в первый раз я приходила в себя после побоев, но сейчас меня тошнило, голова кружилась, и все тело болело от ссадин и синяков, полученных пока отец волок меня по земле. Я лежала в нашей жалкой лачуге. Когда я с трудом приподнялась и села, то

обнаружила, что вместо простого шерстяного платья на мне свадебный наряд. Клянусь святым Дионисием, почувствовать его на себе было отвратительнее скользкого прикосновения змеи, меня охватила дрожь, я хотела сорвать его с себя, но снова подступили тошнота и головокружение, и я со стоном повалилась на пол. И опять на меня навалилась тьма, еще чернее, чем прежний обморок, и я увидела себя в ловушке, из которой нет выхода. Сила вытекала из меня; я бы расплакалась, если б могла. Но я никогда не умела плакать, и теперь была слишком слаба, чтобы проклинать отца. Я просто лежала, тупо уставившись на изгрызенные крысами бревна нашей лачуги.

Затем я почувствовала, что кто-то вошел в комнату. Откуда-то издали послышались разговоры и смех, словно где-то собиралась толпа. Это Изабель пришла ко мне, неся в руках своего младшего ребенка. Изабель смотрела на меня сверху вниз. Я подумала о том, как она ссутулилась, как искривились от тяжелой работы ее пальцы и что лицо ее покрылось морщинами от постоянной усталости и боли. Праздничная одежда подчеркивала все то, чего я раньше не замечала, видя ее в обычном крестьянском платье.

— Все готово к свадьбе, Агнес,— произнесла она робким, как всегда, голосом.

Я молчала. Она усадила ребенка на пол и встала на колени рядом со мной, глядя мне в лицо со странной печалью.

— Ты молода, сильна и свежа, Агнес,— сказала она так, словно говорила больше сама с собой, чем со мной.— Почти прекрасна в этом свадебном наряде. Разве ты не счастлива?

Я устало закрыла глаза.

— Ты должна смеяться и веселиться,— вздохнула она; вздох походил больше на стон.— Это бывает только раз в жизни девушки. Ты не любишь Франкуса. Но и я не люблю Гийома. Жизнь женщины трудна. Твое стройное гибкое тело согнется и усохнет, как мое, от вынашивания детей, пальцы скрючатся, а сознание исказится и затуманится от непосильного труда, усталости и вечно стоящего перед глазами лица, которое ты ненавидишь...

Я открыла глаза и удивленно посмотрела на нее.

— Я лишь на несколько лет старше тебя, Агнес,— прошептала она.— Ты хочешь стать такой, как я?

— Что девушка может сделать? — беспомощно произнесла я.

Внезапно в ее глазах вспыхнул отблеск пламени, которое я так часто видела в глазах отца.

— Только одно! — прошептала она.— Только одно может сделать женщина, чтобы освободиться. Не цепляйся за жизнь, чтобы стать как наша мать, как твоя сестра, не живи, чтобы быть такой, как я. Уходи, пока ты сильна и красива. Держи! — она быстро наклонилась, что-то вложила в мою руку и, схватив ребенка, ушла. Я неподвижно уставилась на кинжал с тонким лезвием, лежащий у меня на ладони.

Глядя вверх на грязные балки лачуги, я поняла, что предлагает мне Изабель. Мои пальцы сжимали тонкую рукоятку кинжала, и новые необычные мысли проникли в мой разум. Прикосновение рукояти вызывало трепет в жилах и странное чувство узнавания, словно в глубине души поднимались смутные воспоминания, которые невозможно объяснить, а можно только почувствовать. Преж-

де я никогда не держала в руках никакого оружия, кроме топора для колки дров и кухонного ножа. Это тонкое смертоносное лезвие, блестящее на ладони, казалось старым другом, вернувшимся после долгой разлуки.

За дверью голоса стали громче, зашаркали ноги, и я быстро сунула кинжал за корсаж. Дверь распахнулась, и несколько чужих лиц злобно уставились на меня. Я увидела мать, огрубевшую и бесцветную — рабочее животное, лишенное всех чувств, и за ее плечом — сестру. На лице Изабель мелькнуло разочарование и тоска, когда она увидела, что я жива. Она отвернулась.

Остальные ввалились в лачугу и стянули меня со скамьи, смеясь и что-то выкрикивая. Принимали ли они мою неохоту идти за девичью застенчивость или знали о моей ненависти к Франкусу — так или иначе это их не останавливало. Железная рука отца обхватила мое запястье, а лапа жирной крикливой тетки взялась за другую руку, и они потащили меня из дома в круг орущих, хохочущих крестьян, уже порядком пьяных. Толпа сыпала грубыми шутками и грязными замечаниями. Я извивалась, как дикое животное, ослепнув и обезумев от ярости, и моим захватчикам приходилось прикладывать все силы, чтобы вести меня. Отец проклинал меня вполголоса и выворачивал мне руку так, что чуть не сломал ее, но все, чего он добился, — это брошенное сквозь зубы проклятие и пожелание ада его душе.

Навстречу нам вышел священник — сморщенный, хлопающий глазами дурень, которого я ненавидела так же, как их всех. Франкус подошел ко мне. На нем была новая кожаная куртка и брид-

жи, а вокруг жирной шеи висела гирлянда из цветов. Он самодовольно ухмылялся, вызывая во мне дрожь отвращения. Он стоял, скалясь, как безмозглая марьяшка, с мстительным победоносным видом и плотоядным выражением поросячьих глазок.

При виде его я внезапно прекратила вырываться, словно пораженная столбняком, и мои мучители ослабили хватку и отошли. Так я мгновение стояла перед ним лицом к лицу, молча с ненавистью уставившись на него, согнувшись, словно желая припасть к земле.

— Поцелуй ее, парень! — раздался чей-то пьяный крик, и тогда, будто развернувшаяся тутая пружина, я выхватила кинжал из корсажа и ударила Франкуса. Удар был молниеносен, и эти тупоголовые болваны не могли ни предугадать его, ни предотвратить. Кинжал вонзился в жирное сердце ничего не подозревавшего Франкуса, а я, завизжав от дикого веселья, увидела глупое растерянное выражение на его лице, сменившееся выражением боли, вытащила кинжал из его груди. Он упал, захлебываясь кровью, как зарезанная свинья. Кровь струилась сквозь его прижатые к груди пальцы, и к ним липли лепестки от свадебной гирлянды. То, что случилось, долго рассказывать, а на самом деле все произошло в одну секунду. Я прыгнула, ударила кинжалом и убежала — все в один миг. Отец, бывший солдат, сообразительнее и подвижнее остальных, вскрикнул и хотел схватить меня, но поймал пустой воздух. Я пролетела сквозь оторопевшую толпу и помчалась в лес. Когда я добежала до деревьев, отец схватил лук и выстрелил. Я отпрыгнула в сторону, и стрела вонзилась в дерево.

— Пьяный дурак! — дико расхохоталась я. — Ты уже выжил из ума, если мог промахнуться в такую цель!

— Вернись, дрянь! — заорал он свирепо.

— Только в ад и вместе с тобой, — ответила я, — пусть дьявол угостит твоим черным сердцем! — Это были мои последние слова отцу. Я повернулась и помчалась в лес.

Куда я бежала, я не знаю. Позади я слышала крики неуклюже преследовавших меня крестьян, затем лишь возгласы, отдаленные и неясные, которые скоро затихли. У большинства моих храбрых поселян не хватало духу заходить в глубину леса в сумерках. Я бежала, пока не перехватило дыхание и не подогнулись колени. Я упала плашмя на мягкую, покрытую листьями землю и пролежала в полубытьи до восхода луны. Луна посеребрила ветки в вышине, и тени деревьев стали вырисовываться еще ярче. Я слышала вокруг себя шорох и движение, говорившие о присутствии зверей, а возможно, и чего-нибудь похуже — оборотней, гоблинов и вампиров, насколько я знала. Однако страха не было. Прежде я не раз спала в лесу, когда ночь заставляла меня далеко от деревни с грузом хвороста или когда отец, напившись, выгнал меня из лачуги.

Я поднялась и пошла через освещенный луной лес, внимательно следя за направлением, чтобы как можно дальше отойти от деревни. В предзвездной тьме меня свалила усталость, я упала на траву и погрузилась в глубокий сон, не заботясь о том, не нападет ли на меня зверь или призрак, прежде чем придет рассвет.

Но день я встретила целой и невредимой, чувствуя страшный голод. Я села и поначалу не могла

понять, где я, однако порванное свадебное платье и кинжал на поясе, запачканный кровью, вернули меня к действительности. Я захохотала, вспомнив лицо умирающего Франкуса, меня охватил неукротимый восторг свободы, захотелось петь и кружиться в танце, как сумасшедшей. Но я отерла кинжал о листья и пошла куда глаза глядят — навстречу солнцу.

Вскоре я вышла на лесную дорогу и обрадовалась, потому что свадебные туфли из шодди почти развалились. Я привыкла ходить босиком, но даже мои ноги не могли вытерпеть шиповник и лесные коряги.

Солнце еще не поднялось высоко, когда, дойдя до поворота дороги, на самом деле бывшей не чем иным, как лесной тропой, я услышала стук копыт. Инстинкт подсказывал спрятаться в кусты, но что-то остановило меня. Я искала признаки страха в душе и не находила. Так я стояла на середине тропы, неподвижно, с кинжалом в руке, когда из-за поворота выехал всадник и натянул поводья, изумленно выругавшись.

Он уставился на меня, а я, молча, в упор смотрела на него. Он был красив — но о такой красоте говорят «порочная» — среднего роста и стройный. Он ехал на прекрасном вороном коне со сбруей из красной кожи и блестящего металла; одет он был в шелковые рейтузы и вельветовый камзол, слегка потертый; позади него развевался алый плащ, а на шляпе торчало перо. На нем не было перевязи, только меч на поясе в потертых кожаных ножнах.

— Клянусь святым Дионисием! — воскликнул он. — Что за лесная фея или богиня зари передо мной?

— Кто ты такой, чтобы спрашивать? — ответила я, не чувствуя ни страха, ни смущения.

— Что ж, я Этьен Вильер из Аквитании, — произнес он и тут же прикусил губу и завертел головой, словно рассердившись на себя за то, что так проговорился. Затем, окинув меня взглядом с кончиков ног до макушки и обратно, он рассмеялся.

— Из какой безумной сказки ты сюда явилась? — спросил он. — Рыжеволосая девушка в рваном свадебном платье с кинжалом в руке посреди леса на рассвете! Это более чем романтично! Иди сюда, хорошая моя, расскажи мне, что это за шутка.

— Нет никакой шутки, — мрачно ответила я.

— Но кто ты? — настаивал он.

— Мое имя Агнес де Шатильон, — произнесла я.

Он снова захохотал, прихлопывая себя по бедрам.

— Переодетая благородная леди, — смеялся он. — Святой Иоанн, история становится все пикантнее! Из какой тенистой обители, из какого охраняемого великанами замка вы сбежали в этом крестьянском уборе, моя леди? — и он отвесил поклон, взмахнув шляпой.

— Я имею столько же прав на это имя, сколько и все те, кто носит высокие пышные титулы, — сказала я сердито. — Мой отец — внебрачный сын крестьянки и герцога де Шатильона. Отец всегда носил имя, которое унаследовали и его дочери. Если оно тебе не нравится, ступай своей дорогой. Я не просила тебя останавливаться и высмеивать меня.

— Нет, я не высмеиваю, — запротестовал он, жадно оглядывая мою фигуру с головы до ног. — Клянусь святым Триньяном, благородное имя под-

ходит тебе больше, чем многим высокородным леди, которые жеманятся и томно вздыхают под его бременем. Зевс и Аполлон, ты высокая и гибкая прелестница — нормандский персик, честное слово! Я буду твоим другом. Расскажи, почему ты одна в лесу в такой час в рваном свадебном одеянии и дырявых туфлях.

Он ловко спрыгнул со своего рослого коня, держа передо мной в руке шляпу. Теперь он не улыбался, его темные глаза не насмехались, но мне показалось, что в их глубине промелькнул какой-то странный огонек. Слова Вильера внезапно открыли мне, как я одинока и беспомощна и что мне не к кому обратиться. Возможно, поэтому я так легко открылась первому дружелюбно настроенному незнакомцу; кроме того, Этьен Вильер умел так располагать к себе женщин, что они доверяли ему.

— Прошлой ночью я сбежала из деревни Ла Фер, — сказала я. — Меня хотели выдать замуж за человека, которого я ненавидела.

— И ты провела ночь одна в лесу?

— Что здесь такого?

Он покачал головой, словно не мог поверить в это.

— Но что ты будешь делать теперь? — спросил он. — У тебя есть друзья поблизости?

— У меня нет друзей, — ответила я. — Я буду идти вперед, пока не умру от голода или что-нибудь другое не обрушится на меня.

Некоторое время он размышлял, теребя чисто выбритый подбородок большим и указательным пальцами. Трижды он поднимал голову и окидывал меня взглядом, и один раз я заметила, как тень пробежала по его чертам, на секунду так изменив его лицо,

что, казалось, передо мной был другой человек. Наконец он произнес:

— Ты слишком красивая девушка, чтобы погибнуть в лесу или попасть в руки разбойников. Если хочешь, я возьму тебя с собой в Шартр, где ты сможешь получить работу служанки и зарабатывать этим на жизнь. Ты умеешь работать?

— Ни один мужчина в Ла Фер не умеет делать больше, чем я, — ответила я.

— Клянусь святым Иоанном, я тебе верю, — сказал он, восхищенно кивнув головой. — В тебе есть что-то почти языческое — в высоком росте и гибкости. Поехали, ты будешь мне доверять?

— Я не хочу доставить тебе неприятности, — сказала я. — Люди из Ла Фер преследуют меня.

— Чепуха! — презрительно фыркнул он. — Слышал ли кто-нибудь о том, чтобы крестьянин отошел от деревни дальше, чем на одну лигу? Ты в безопасности.

— Только не от отца, — мрачно произнесла я. — Он не простой крестьянин, а солдат. Он будет идти за мной до конца, пока не найдет и не убьет.

— В таком случае, — предложил Этьен, — мы должны найти способ одурачить его. Ха! Придумал! Сдается мне, меньше мили назад я проезжал мимо юноши, чья одежда подойдет тебе. Жди меня здесь. Мы сделаем из тебя мальчика! — с этими словами он повернул коня и умчался прочь.

Я смотрела ему вслед и раздумывала, увижу ли его снова, не смеется ли он надо мной. Я ждала, а стук копыт затих вдалеке. Над лесом воцарилась тишина. Вновь я ощутила приступы жестокого голода. Некоторое время спустя, показавшееся мне бесконечным, послышался стук копыт, и Этьен Ви-

льер галопом подлетел ко мне, весело хохоча и размахивая связкой одежды.

— Ты убил его? — спросила я.

— Нет, я отпустил его на все четыре стороны, правда, голого, как Адама. Теперь иди вон в ту рощицу и быстро переоденься. Нам надо спешить, до Шартра много лиг. Брось мне свое платье, я брошу его на берегу реки, что течет неподалеку отсюда. Возможно, твою одежду найдут и подумают, что ты утонула.

Он вернулся быстрее, чем я закончила одеваться в мой новый непривычный наряд, и мы переговаривались через кусты.

— Твой почтенный отец будет искать девушку, — смеялся он, — а не мальчика. Когда он спросит крестьян, не видели ли они высокую рыжеволосую девушку, крестьяне будут только непонимающе качать головой. Ха-ха-ха! Хорошая шутка над старым негодяем!

Я вышла из-за кустов, Вильер внимательно осмотрел меня. Я чувствовала себя непривычно в рубашке, штанах и шляпе, но в то же время я ощутила свободу, которой никогда не испытывала в юбке.

— Зевс! — пробормотал Вильер. — Переодевание тебе почти не помогло. Только безнадежно тупой слепой деревенский олух не сообразит, что ты не мужчина. Послушай, давай я отрежу кинжалом вот эти рыжие локоны. Может быть, это поможет.

Но, отхватив мою гриву по плечи, снова покачал головой.

— Даже так ты женщина с головы до ног, — сказал он. — Что ж, может быть, случайный встречный, быстро проезжающий мимо, ничего и не заметит. Будем надеяться на это.

— Почему ты так беспокоишься обо мне? — поинтересовалась я, так как не привыкла к доброму отношению.

— Почему, бог мой? — удивился он. — Разве любой человек, о котором стоило бы говорить, смог бы оставить юную девушку скитаться и голодать в лесу? В моем кошельке меди больше, чем серебра, и камзол потерт, но Этьен Вильер ставит свою честь так же высоко, как любой рыцарь или барон, и не позволит издеваться над беззащитными, пока в его кошельке есть хоть монета, а в ножнах — меч.

Услышав эти слова, я почувствовала необычайное смущение и замешательство, так как была неграмотна и необучена, и не знала слов, чтобы выразить благодарность. Я что-то неуклюже забормотала, а он улыбнулся и мягко велел замолчать, объяснив, что не нуждается в благодарности и что добро само по себе награда для того, кто его совершает.

Он вскочил на коня и подал мне руку. Я села позади него, и мы понеслись по тропе. Я держалась за его пояс и наполовину завернулась в его развевающийся на ветру плащ. Я почувствовала уверенность, что любой прохожий, мимо которого мы пролетим, в самом деле, подумает, что скачут мужчина и юноша, а не мужчина и девушка.

Мой голод усиливался, но я не жаловалась, так как мне это было привычно. Мы ехали на юго-восток, и казалось, что чем дальше, тем очевиднее становилось беспокойство Этьена. Он говорил мало и старался держаться менее людной дороги, постоянно сворачивая на верховые тропы или тропинки дровосеков, петлявшие между деревьями. Мы встретили лишь несколько человек: два-три

крестьянина с топором на плече или связкой хвороста, которые главели на нас и стягивали с головы потерянные шапки.

Был уже полдень, когда мы остановились у таверны — лесной гостиницы, малолюдной, стоящей на отшибе, с обшарпанными выпцветшими стенами. Этьен назвал ее «Пальцы мошенника». Навстречу нам вышел хозяин, вытирая руки о грязный фартук и глупо кивая головой. Был он сутулый, неуклюжий, с косыми злыми глазками.

— Мы желаем поесть и переночевать, — громко объявил Этьен. — Я Жерар де Бретан из Монтобана, а это мой младший брат. Мы были в Кане и теперь едем в Тур. Позаботьтесь о коне и принесите жареного каплуна, хозяин.

Хозяин закивал, что-то забормотал, взяв поводья скакуна, и подозрительно долго задержал на мне взгляд, когда Этьен спускал меня с седла, так как у меня от долгой скачки онемели руки и ноги. Я не была уверена в том, что одежда не выдала меня.

Войдя в таверну, мы увидели только одного человека за столом, он потягивал вино из кожаного бурдюка. Это был толстяк со свисающим жирным брюхом. Он посмотрел на нас и открыл было рот, чтобы что-то произнести, но Этьен многозначительно взглянул на него, и мне показалось, что они молча обменялись понимающими взглядами. Толстяк, не промолвив ничего, вновь принялся за вино, а мы с Этьеном сели за столик, куда неряшливо одетая служанка принесла заказанного каплуна, горох, хлеб, канский рубец в огромном блюде и два кувшина вина.

Я жадно набросилась на еду, помогая себе кинжалом; Этьен же ел мало, вертя куски в руках и то

и дело переводя взгляд с толстяка, который теперь, казалось, спал, сидя ко мне спиной, на грязные ромбовидные окна и даже на задымленные балки под крышей. Пил он много, вновь и вновь наполняя кувшин, и под конец трапезы спросил, почему я не притронулась к своему кувшину.

— Я была слишком занята едой, чтобы пить, — ответила я и неуверенно поднесла вино к губам — прежде я никогда его не пробовала. Все спиртное, оказывавшееся каким-либо образом в нашей жалкой лачуге, выпивал отец. Я опустошила разом весь кувшин, как это делал отец, закашлялась и задохнулась, но вино пришлось мне по вкусу. Этьен удивленно прошептал:

— Клянусь святым Михаилом, ни разу в жизни не видел, чтобы женщина выпила вот так целый кувшин вина! Ты опьянеешь, девушка.

— Ты забыл, что с этого дня я не девушка, — так же тихо напомнила я. — Ну что, поехали дальше?

Он покачал головой:

— Мы останемся здесь до утра. Ты, наверное, устала и нуждаешься в отдыхе.

— Мое тело онемело, так как я не привыкла к верховой езде, но я не устала.

— Тем не менее, — произнес он нетерпеливо, тронув меня за руку, — мы остаемся здесь до завтра. Я думаю, так будет безопаснее.

— Как хочешь, — согласилась я. — Я полностью в твоих руках и хочу во всем тебе повиноваться.

— Вот и хорошо, — сказал он, — ничто так не красит девушку, как готовность к послушанию. — Он подозвал хозяина, который уже вернулся из конюшни и топтался теперь около стола. — Хозяин, мой брат устал. Проводи его в комнату, где можно поспать. Мы приехали издалека.

— Да, ваша честь! — хозяин закивал и забормотал что-то, потирая руки. Манера Этьена держаться производила на простой народ впечатление значительности, как будто он был по меньшей мере графом. Но об этом позже.

Хозяин, шаркая ногами, провел нас через примыкающую к бару комнату с низким потолком, которая вела в другую комнату, более просторную. Она была под самой крышей, скудно обставленная, но мне показалась изысканнее всех комнат, что я видела когда-нибудь раньше. В комнате была только одна дверь — почему-то инстинктивно я начала обращать внимание на такие детали — выходящая на лестницу, и только одно окно, слишком узкое даже для меня. Изнутри на двери не было засова. Этьен нахмурился и бросил подозрительный взгляд на хозяина, но тот, казалось, этого не заметил и, потирая руки, расписывал прекрасные достоинства каморки, в которую привел нас.

— Пости, брат, — сказал Этьен, чтобы слышал хозяин. Уходя, он шепнул мне на ухо: — Я не доверяю ему, уедем отсюда сразу, как стемнеет. Отдохни пока. Я приду за тобой.

То ли от вина, то ли действительно от усталости, я уснула в ту же секунду, как только легла, не раздеваясь, на соломенный тюфяк.

2

Меня разбудил тихий звук открывающейся двери. Я открыла глаза и увидела лишь тьму и пару звездочек в кропечном окне. Все было тихо, но в темноте кто-то двигался. Я услышала скрип половицы, и мне

показалось, что я уловила звук сдерживаемого дыхания.

— Это ты, Этьен? — прошептала я. Ответа не последовало, я спросила чуть громче: — Этьен! Это ты, Этьен Вильер?

Мне снова показалось, что я слышу тихое сопение, затем опять скригнула половица, и дверь тихо открылась и закрылась. Я поняла, что снова одна в комнате. Я вскочила и схватила кинжал. Это был не Этьен, обещавший прийти за мной ночью. Я хотела знать, кто пытался подкрасться ко мне в темноте.

Проскользнув к двери, я открыла ее и взглянула в темноту нижней комнаты, но ничего нельзя было увидеть, словно я смотрела в колодезь, однако было слышно, как кто-то пробирается вниз, а затем хлопнула входная дверь. Взяв кинжал в зубы, я съехала по перилам лестницы так легко и бесшумно, что сама удивилась. Когда мои ноги коснулись пола, я схватила кинжал и замерла в темноте. Входная дверь качалась открытая, и в проеме на секунду мелькнула чья-то тень. Я узнала сутулую большеголовую фигуру хозяина гостиницы. Он дышал так шумно, что не мог услышать моего приближения. Хозяин неуклюже, но быстро побежал на задний двор гостиницы и исчез в конюшне. Я напрягла все свое зрение и разглядела, что он вышел с конем под уздцы. Но он не сел на него, а повел в лес, стараясь не шуметь. Спустя некоторое время, я услышала стук копыт вдалеке. Очевидно, отойдя на безопасное расстояние, он вскочил в седло и пошел к какой-то неведомой цели.

Все, что я могла подумать, — это то, что хозяин каким-то образом узнал меня и теперь поскакал, чтобы сообщить обо мне отцу. Я приоткрыла дверь в

бар: там никого не было, кроме спящей на полу служанки. Свеча горела на столе, и мошки кружились вокруг нее. Откуда-то издали доносился неясный звук голосов.

Я выскользнула из таверны и крадучись обошла ее кругом. Тишина окутывала черный лес, лишь изредка вскрикивала ночная птица и перебирал копытами конь в стойле.

В маленькой комнате на другой стороне таверны мерцал свет свечи. Эта комната была отделена от общей гостиной коротким коридором. Проходя мимо окна, я внезапно застыла на месте, потому что услышала свое имя. Я приникла к стене, без смущения подслушивая. Это был быстрый, внятный, хотя и приглушенный шепот Этьена:

— ...Она сказала, Агнес де Шатильон. Какая разница, как назвала себя крестьянка? Разве она не красotka?

— Я видел в Париже и более хорошеньких и в Шартре тоже, — громко ответил другой голос. Я была уверена, что принадлежал он толстяку, которого мы видели в таверне.

— Хорошенькая! — презрительно воскликнул Этьен. — Девушка более чем хорошенькая. В ней есть что-то дикое и необузданное, что-то свежее, полнокровное, говорю тебе. Любой поизносившийся знатный господин дорого заплатит тебе за нее; она вернет молодость самому пресытившемуся развратнику. Послушай ты, Тибальт, я не предлагал бы тебе такую цену, если бы для меня не было так рискованно ехать с ней в Шартр. К тому же эта собака, хозяин, подозревает меня.

— Если он действительно узнал в тебе человека, за чьей головой охотится герцог д'Аленсон... — проговорил Тибальт.

— Тихо, дурак! — запипел Этьен. — Это еще одна причина, по которой мне надо избавиться от девчонки. Случайно я назвал ей свое настоящее имя. Но клянусь всеми святыми, Тибальт, встреча с ней потревожила бы покой и праведника! Я сворачивал по дороге и выехал прямо на нее: высокую, стоящую на фоне зеленого леса, в рваном свадебном платье, с горящими синими глазами и с солнечными лучами, вспыхивающими в рыжих волосах и на запачканном кровью кинжале! На секунду я даже усомнился, что она человек, и на меня накатили страх, почти ужас.

— Деревенская девчонка на лесной дороге испугала Этьена Вильера, распутника из распутников, — фыркнул Тибальт и шумно глотнул из кувшина.

— Ты не понимаешь, — не унимался Этьен. — В ней было что-то роковое, как в героине какой-нибудь трагедии, что-то ужасное. Она чиста, но в ней есть нечто странное и темное, чего я не могу ни объяснить, ни понять.

— Хватит, хватит, — зевнул Тибальт. — Ты плетешь целый роман вокруг нормандской шпешки. Перейдем к делу.

— Я как раз подошел к главному, — резко произнес Этьен. — Я собирался привезти ее в Шартр и продать знакомому владельцу борделя. Но вовремя осознал свою глупость. Мне бы пришлось слишком близко проезжать от владений герцога Аленсонского, если бы он узнал, что я поблизости...

— Знаю, — проворчал Тибальт. — Он дорого заплатил бы за сведения, касающиеся твоего местонахождения. Открыто он не смеет арестовать тебя; ему удобнее убить тебя кинжалом из-за угла или

выстрелом в спину. Он заткнул бы тебе рот тайно и тихо, если б мог.

— Да, — произнес Этьен, содрогнувшись. — Я — дурак, что так далеко заехал на восток. К утру меня уже здесь не будет. Но ты можешь отвезти девушку в Шартр без всякой опасности, можешь даже в Париж, неважно куда. Дай мне цену, которую я прошу, и она твоя.

— Это слишком дорого, — запротестовал Тибальт. — Полагаю, она дерется, как дикая кошка?

— Это твоя забота, — грубо ответил Этьен. — Ты укротил достаточно девиц, так что должен справиться и с этой. Хотя предупреждаю тебя, в этой девушке пламя. Но это твое дело. Ты говорил, твои компаньоны сейчас в деревне неподалеку. Пусть помогут тебе. Если не сумеешь получить за нее кругленькую сумму в Шартре, Орлеане или Париже, то ты еще глупее, чем я.

— Ладно, ладно, — проворчал Тибальт. — Я попытаюсь, в конце концов это то, чем должен заниматься деловой человек.

Я услышала звон монет, падающих на стол, и он показался мне похоронным звоном по моей жизни.

И в самом деле это были мои похороны, потому что, узнав, стоя под окном гостиницы, что меня ждет, девушка, которой я была, умерла, а вместо нее родилась женщина, такая, как я теперь. Вся моя слабость исчезла, и холодная ярость сделала меня твердой, как сталь, и податливой, как огонь.

— Выпьем, чтобы скрепить сделку, — сказал Этьен. — И я должен ехать. Когда пойдешь за девчонкой...

Я рывком распахнула дверь. Рука Этьена с чашей замерла у самых губ. Тибальт выпучил на меня

глаза. Улыбка исчезла с лица Этьена, он побледнел, прочтя смертный приговор в моем взгляде.

— Агнес! — воскликнул он, поднимаясь.

Я шагнула через порог, и мой кинжал пронзил сердце Тибальта, прежде чем он успел встать. Предсмертное хрипение искривило его толстые губы, он свалился со скамьи, захлебываясь кровью.

— Агнес! — снова крикнул Этьен, протянув вперед руки, словно пытаясь меня отстранить. — Подожди, девушка...

— Ты паршивая собака, — закричала я, впадая в бешенство. — Ты свинья, свинья, свинья! — Только моя безумная ярость спасла его от смерти.

Прежде чем я ударила его, он успел повернуться так, что кинжал содрал только кожу с его ребер. Трижды я ударила его, молча и неотвратимо, но он как-то уклонялся от удара в сердце, хотя и рука, и плечо его были в крови. Он отчаянно схватил меня за запястье, пытаясь сломать мне руку. Сцепившись, мы упали на стол. Этьен перегнул меня через край стола, стараясь побороть, но чтобы схватить меня за горло, ему пришлось убрать руку с моего запястья. Тогда я вырвалась из ослабшей хватки и вонзила кинжал в грудь Этьена. Лезвие скользнуло по железной пряжке и прорезало рваную рану через грудь; хлынула кровь, раздался стон. Этьен отпустил меня, я вывернулась из-под него и нанесла ему удар кулаком. Голова Этьена резко дернулась назад, кровь из ноздрей брызнула. Я прыгнула на него и пальцами надавила ему на глаза, но он оттолкнул меня с такой силой, что я пролетела через всю комнату и, ударившись о стену, повалилась на пол.

Я почувствовала головокружение, но вскочила, схватив отломанную ножку стола. Одной рукой Этьен

отирал кровь с глаз, а другой искал меч. Он снова не рассчитал скорость моей атаки, и ножка стола с силой обрушилась на его голову, содрав кожу с черепа. Кровь хлынула ему на лицо, он закрылся руками, а я продолжала осыпать его ударами. Он, полусогнутый, ослепший, пятился назад, пока не свалился на обломки стола.

— Боже, девушка, — простонал он, — ты убьешь меня?

— С легким сердцем! — расхохоталась я так, как никогда прежде не смеялась, и ударила его повыше уха, снова отбросив его на сломанный стол, с которого он с усилием пытался встать.

Стон сквозь слезы слетел с искаженных губ Этьена:

— Во имя бога, девушка, — молил он, слепо протягивая ко мне руки, — будь милосердна! Остановись во имя святых! Я не готов умереть!

Он старался встать на колени. Кровь, хлеставшая из разбитой головы, обагрила его одежду.

— Остановись, Агнес, — бормотал он. — Пощади меня, во имя бога!

Я колебалась, мрачно глядя на него, затем бросила в сторону свою дубинку.

— Живи, — произнесла я с презрением. — Ты слишком ничтожен, чтобы пачкать о тебя руки. Убирайся!

Он попытался встать, но не смог.

— Мне не подняться, — простонал он. — Комната плывет, и в глазах темно. О Агнес, ты подарила мне горький поцелуй! Бог милосерден, но я умираю в грехе. Я смеялся над смертью, а теперь, когда она рядом, я боюсь. Ах, господи, мне страшно! Не оставляй меня, Агнес! Не дай мне умереть как собаке!

— С какой стати? — зло спросила я. — Я тебе доверяла, считала, что ты благороднее обычных людей, слушаю твои лживые слова о рыцарстве и чести. Тьфу! Ты продал бы меня в рабство, которое отвратительнее, чем турецкий гарем.

— Знаю, — простонал он. — Моя душа чернее ночи, что надвигается на меня. Позови хозяина, пусть он приведет священника.

— Он уехал по каким-то своим делам, — ответила я. — Он прокрался через заднюю дверь и поскакал в сторону леса.

— Он поехал, чтобы выдать меня герцогу Аленсонскому, — прошептал Этьен. — Он все-таки узнал меня. Я действительно пропал.

Я догадалась, что это произошло из-за того, что в темноте я позвала Этьена по имени — так хозяину стало известно настоящее имя моего фальшивого друга. Следовательно, если герцог арестует Этьена, это случится из-за моего непредумышленного предательства. Как большинство деревенских людей, я испытывала к знати только страх и недоверие.

— Я увезу тебя отсюда, — сказала я. — По моей воле даже собака не попадет в руки закона.

Я поспешила из таверны к конюшне. Неряхи-служанки уже не было: возможно, она тоже побежала в лес, если не была слишком пьяна, чтобы заметить что-нибудь. Я оседлала коня Этьена. Конь прыдал ушами, грыз поводья и лягался, но я подвела его к двери. Войдя к Этьену, я увидела, что он, действительно представляет собой страшное зрелище: весь в синяках и кровоподтеках, в рваном камзоле и рубашке, залитой кровью.

— Я привела твоего коня, — сказала я. — Потерпи, я тебя донесу.

— Ты не сможешь этого сделать, — запротестовал он, но я, не дослушав, взвалила его на плечи и понесла к коню. В самом деле, я передвигалась с трудом, потому что тело его совершенно обмякло, как мертвое. С огромными усилиями я положила его поперек седла и привязала.

Некоторое время я колебалась, не зная, куда отправиться. Наверное, он почувствовал мою нерешимость и проговорил:

— Скачи по дороге на запад, в Сен-Жиро. Там есть таверна в миле от города — «Красный вебрь». Хозяин таверны — мой друг.

За ночь, пока мы скакали на запад, я говорила мало. Мы никого не встретили на дороге, огороженной черными стенами леса и освещенной лишь бледными звездами. Мои руки стали липкими от крови Этьена, так как из-за скачки его многочисленные раны снова начали кровоточить, а сам он начал бредить, несвязно бормотать о временах и людях, не известных мне. Вскоре он стал перечислять имена, которые я слышала, — лордов, леди, солдат, разбойников и пиратов. Он, захлебываясь, шептал о темных делах, подлых преступлениях и странных геройских подвигах. Временами он пел отрывки из военных, застольных песен и непристойных баллад, любовную лирику, тараторил на незнакомых мне языках. С той ночи я проехала немало дорог, но эта скачка в лесу Сен-Жиро была незабываемой.

Когда я подъехала к таверне, о которой говорил Этьен, сквозь ветки деревьев забрезжил рассвет. Судя по строению, это была она, и я крикнула хозяина. На порог деревенский мальчик вышел в ночной сорочке, зевая и кулаками протирая заспанные глаза. Увидев огромного коня и всадника,

залитого кровью, он оторопел от страха и удивления и шмыгнул за дверь. Через минуту наверху осторожно приоткрылось окно, из которого высунулся ночной колпак и дуло мощной аркебузы.

— Езжай своей дорогой, — сказал колпак, — мы не имеем дел с бандитами и убийцами.

— Здесь нет бандитов, — сердито ответила я, чувствуя усталость и нетерпение. — Это человек, на которого напали и чуть не убили. Если ты хозяин «Красного веоря», то это твой друг — Этьен Вильер из Аквитании.

— Этьен! — воскликнул хозяин. — Я сейчас спущусь. Почему ты не сказал, что это Этьен?

Окно захлопнулось, и слышались звуки бегущих по ступеням ног. Я спрыгнула с коня, подхватила падающее тело Этьена и положила его на землю. Хозяин и слуги бежали к нам с факелами.

Этьен лежал как мертвый. Лицо его было мертвенно-бледным там, где не было запачкано кровью, однако сердце билось нормально, и он был в полусознании.

— Кто это сделал, господи? — с ужасом спросил хозяин.

— Я, — коротко ответила я. Хозяин, бледный в свете факелов, перевел на меня взгляд.

— Боже милосердный! Юноша, который... Защити нас, святой Дионисий! Это женщина!

— Хватит болтать! — рассердилась я. — Отнеси его наверх и устрой в лучшей комнате.

— Н-н-но... — замямлил хозяин, все еще ошарашенный.

Я топнула ногой и обругала его, как всегда делаю в подобных случаях.

— Смерть дьявола и Иуды Искарота! — воскликнула я. — Ты позволишь своему другу умереть, пока

глазеешь и пилишься на меня! Несите его! — я положила руку на кинжал на поясе, и слуги поспешно повиновались, косясь на меня так, словно я дочь самого дьявола.

— Этьен всегда здесь желанный гость, — пробормотал хозяин, — но дьяволица в штанах...

— Свои штаны ты дольше проносишь, если будешь меньше говорить и больше работать, — заверила я его, выхватив широкодульный пистолет из-за пояса одного из слуг, который был так напуган, что забыл о своем оружии. — Делай, как я говорю, и сегодня больше не будет убийств. Быстро!

Воистину, события этой ночи закалили меня. Я еще не совсем переродилась во взрослую женщину, но была к этому близка.

Они отнесли Этьена в комнату, которую Дюкас (так звали хозяина) называл лучшей в таверне, и, по правде говоря, она была гораздо удобнее, чем любимая комната в «Пальцах мошенника». Она была наверху, выходила на входную лестницу и имела подходящего размера окна, хотя в ней и не было второй двери.

Дюкас уверял, что из него такой же врач, как из любого в округе, но мы раздели и принялись лечить Этьена. В самом деле, более неумелого ухода за человеком я еще не видела, не говоря уже о том, что Этьен был тяжело ранен. Но когда мы смыли с него кровь и грязь, то обнаружили, что ни одна из ран не задевала жизненно важных органов, череп тоже был цел, хотя кожа на голове повреждена в нескольких местах. Правая рука была сломана, другая — почернела от синяков. На сломанную кость мы наложили жгут. Я помогала Дюкасу во всем, так как несчастные случаи и раны были обычным делом в Ла Фер.

Когда мы перевязали раны и уложили Этьена в чистую постель, он настолько пришел в себя, что смог выпить вина и поинтересовался, где он. Узнав, что это «Красный вебрь», он прошептал:

— Не оставляй меня, Агнес. Дюкас — редкий человек, но мне нужна женская мягкая рука.

— Избави меня святой Дионисий от такой мягкой руки, как у этой бешеной кошки, — чуть слышно пробормотал Дюкас.

— Я останусь, пока ты не встанешь на ноги, Этьен, — сказала я, он, видимо, обрадовался, услышав это, и спокойно уснул.

Я попросила комнату и для себя. Дюкас послал мальчишку позаботиться о коне, а меня провел в комнату, примыкающую к комнате Этьена, но не связанную с ней дверями. Когда я улеглась в постель, уже всходило солнце. Я не только раньше не лежала на перине, но даже ее ни разу не видела. Я проспала много часов.

Проснувшись, пошла к Этьену и нашла его в полном сознании и спокойным. Тогда люди были поистине железными и, если их раны не были изначально смертельными и по легкомыслию и невежеству лекарей не начинали гноиться, быстро поправлялись. У Дюкаса не было ни одного тошнотворного и глупого средства, превозносимого докторами, он собирал целебные травы в глубине леса. Он сказал, что научился этому искусству у сарадинского народа хакимов во время путешествия в юности. Дюкас оказался человеком со многими неожиданными достоинствами.

Мы вместе ухаживали за Этьеном, и он быстро поправлялся. Этьен подолгу разговаривал с Дюкасом, но большую часть времени он просто лежал и молча смотрел на меня.

Дюкас иногда беседовал и со мной, но, кажется, побаивался меня. Когда я спросила, сколько должна ему, он ответил, что нисколько и что еда и ночлег будут бесплатными для меня, пока Этьену нравится мое присутствие. Однако Дюкас очень боялся, что я проболтаюсь кому-нибудь из жителей городка о том, что Этьен Вильер здесь. Слуги, по его мнению, были абсолютно надежны. Я ничего не спрашивала у Дюкаса о причине ненависти герцога д'Аленсона к Этьену, но Дюкас как-то сказал:

— У герцога особые счеты с Этьеном. Когда Этьен был в свите этого благородного господина, то оказался недостаточно мудр и не исполнил одно очень деликатное поручение герцога. Д'Аленсон честолюбив; говорят, его может удовлетворить лишь должность не меньше, чем констебль Франции. Он сейчас в большой милости у короля, и блеск его положения может померкнуть, если станет известно, какими письмами однажды обменялись герцог и Карл Германский, который теперь известен народам как император Священной Римской империи.

Этьен один знал всю подноготную этой государственной измены. Поэтому д'Аленсон жаждет его смерти, однако не решается напасть открыто. Он хочет ударить тихо и тайно, из-за угла — это будет кинжал, яд или засада. Пока Этьен в пределах досягаемости герцога, единственное спасение для него — секретность.

— Полагаю, есть и другие такие же, как негодий Тибальт? — спросила я.

— Разумеется, — сказал Дюкас, — конечно, среди банды висельников есть те, кто клонет на наживу, но у них есть правило чести — не предавать

своего. А Этьен в прошлые времена был одним из них — вором, похитителем женщин, грабителем и убийцей.

Я покачала головой, размышляя над странностью людей: Дюкас, честный человек — друг бандита Этьена и хорошо знает о его преступлениях. Возможно, многие из честных людей втайне восхищаются разбойниками, видя в них тех, кем хотели бы быть, если б хватило смелости.

Итак, пока я выполняла все пожелания Дюкаса. Время тянулось медленно. Я редко выходила из таверны, только ночью, чтобы побродить по лесу, не опасаясь встретить людей из деревни или из города. Во мне зарождалось беспокойство и чувство, что я жду чего-то, сама не знаю чего, и что мне надо что-то сделать — не знаю что. Так прошла неделя, а потом появился Жискар де Клиссон.

3

Однажды утром я вошла в таверну после утренней прогулки по лесу и увидела сидящего за столом незнакомца, увлеченно обгладывающего кость. Он, заметив меня, на секунду прекратил жевать. Он был высок, мощного телосложения. Его худое лицо пересекал шрам, серые глаза были холодны как сталь. Он в самом деле выглядел стальным человеком в своей кирасе, в набедренных и ножных латах. Его палаш лежал на коленях, а шлем — рядом на скамье.

— Клянусь богом, — произнес он. — Хотел бы я знать. Ты мужчина или женщина?

— А ты как думаешь? — спросила я, опершись руками о стол, глядя на него сверху вниз.

— Только дурак мог задать подобный вопрос, — сказал он, покачивая головой. — Ты женщина с головы до ног, однако мужской наряд тебе странно подходит. И пистолет на поясе тоже. Ты напоминаешь мне одну женщину, которую я знал. Она ходила в походы и сражалась, как мужчина, и умерла от пули на поле боя. Ты светлая, она была темная, но в тебе есть что-то похожее на нее в линии подбородка, в осанке — нет, не могу объяснить, в чем. Садись, поговорим. Я Жискар де Клиссон. Ты слышала обо мне?

— Много раз, — ответила я, усаживаясь. — В моей родной деревне ходит много рассказов о тебе. Ты возглавляешь наемные войска и Свободных Компаньонов.

— Когда у мужчин достаточно мужества, чтобы стоило их возглавить, — сказал он, отпив из кувшина и протянув его мне.

— Эй, клянусь кишками и кровью Иуды, ты пьешь, как мужчина! Возможно, женщины вынуждены становиться мужчинами, ибо, клянусь святым Триньяном, мужчины становятся женщинами в наши дни. Я не завербовал ни одного новобранца для своей кампании в этой провинции, где в не столь далекие времена мужчины дрались за честь последовать за капитаном наемников. Смерть сатаны! Когда император собирает своих проклятых ландскнехтов, чтобы выгнать из Милана де Лотрека, и король так нуждается в солдатах — не говоря уже о богатой добыче в Италии, — каждый дееспособный француз обязан отправиться в поход на юг, клянусь богом! Эх, за бытую силу духа истинных мужчин!

Глядя на этого покрытого шрамами ветерана, слушая его, я почувствовала, что сердце мое засту-

чало быстрее и наполнилось странными желаниями, мне показалось, что я слышу, как всегда слышала в мечтах, отдаленный гром барабанов.

— Я еду с тобой! — воскликнула я. — Я устала быть женщиной. Я стану участником твоей кампании!

Он расхохотался, словно над самой смешной шуткой на свете.

— Клянусь святым Дионисием, девушка, у тебя подходящий характер, но нужно иметь больше, чем пару брюк, чтобы стать мужчиной.

— Если та женщина, о которой ты говорил, могла воевать, то смогу и я! — воскликнула я.

— Нет, — он покачал головой. — Черная Марго из Авиньона была одна на миллион. Забудь свои фантазии, девушка. Надень юбку и снова стань примерной женщиной. Тогда... что ж, в твоём истинном обличье я был бы рад взять тебя с собой!

Выкрикнув проклятие, от которого он вздрогнул, я вскочила, оттолкнув скамью так, что она с грохотом упала. Я стояла перед ним, сжимая кулаки, дыша яростью, которая всегда молниеносно загоралась во мне.

— Всегда мужчины на первом месте! — проговорила я сквозь зубы. — А женщина должна знать свое место: пусть доит коров, придет, шьет, печет пироги и носит детей, пусть не выходит за порог и не приказывает своему господину и хозяину! Да! Плевала я на всех вас! Нет на свете такого мужчины, который встретился бы со мной с оружием в руках и остался жив, и прежде чем я умру, я докажу это. Женщины! Рабыни! Стонущие, раболепствующие крепостные, пресмыкающиеся под ударами, мстящие за себя самоубийством — как толкала меня сделать моя сестра. Ха! Ты отказыва-

ешь мне в месте среди мужчин? Клянусь богом, я буду жить так, как мне нравится, и умру так, как пожелает бог, но если я не подхожу в товарищи мужчине, то по крайней мере я не стану и его любовницей! Так что отправляйся к черту, Жискар де Клиссон, и пусть дьявол разорвет твое сердце!

Я развернулась и гордо ушла, а он смотрел мне вслед, разинув рот. Поднявшись к Этьену, я застала его в кровати, почти поправившимся, правда бледным и слабым, с перевязанной рукой, которая еще не зажила.

— Как дела? — спросила я.

— Неплохо, — ответил Этьен и, пристально посмотрев, спросил: — Агнес, почему ты оставила мне жизнь, когда могла ее забрать?

— Из-за женщины внутри меня, — угрюмо ответила я, — которая не выносит, когда беспомощный несчастный молит о пощаде.

— Я заслужил смерть от твоей руки, — прошептал Этьен, — больше, чем Тибальт. Почему ты ухаживала и заботилась обо мне?

— Я не хотела, чтобы ты попал в руки герцога по моей вине, — сказала я, — потому что это я непреднамеренно выдала тебя. Теперь, когда ты спросил меня об этом, я тоже хочу задать тебе один вопрос: зачем тебе быть таким отъявленным негодяем?

— Только бог знает, — ответил он, закрыв глаза. — Сколько себя помню, я всегда был таким. Память возвращает меня в трущобы Пуатье, где в детстве я питался корками и обманывал ради нескольких пенни и там я получил первые уроки жизни. Я был солдатом, контрабандистом, сводником, головорезом, вором — всегда последним не-

годаем. Святой Дионисий, некоторые из моих дел слишком грязны, чтобы сказать о них. И однако в глубине моего существа всегда был спрятан истинный Этьен Вильер, не запятанный этой мерзостью, и этот Этьен страдает от раскаяния и страха. Поэтому я молил о жизни, когда мне следовало принять смерть, и поэтому, лежа здесь, рассказываю тебе правду, вместо того, дабы плести сети, чтобы соблазнить тебя. Если б я мог быть целиком чист или целиком порочен!

В эту минуту раздался грубые голоса и шаги по лестнице. Я подбежала к двери, чтобы закрыть ее на засов, так как услышала имя Этьена, но он поднял руку, останавливая меня, прислушался и с облегчением откинулся на подушку.

— Нет, я узнал голоса. Войдите, друзья! — позвал он.

В комнату ввалилась развязная, разухабистая группа под предводительством толстопузого негодяя в громадных ботинках. Его команда состояла из четверых оборванных бродяг, в шрамах, с обрезанными ушами и с перебитыми носами. Они злобно посмотрели на меня, затем на Этьена.

— Итак, Этьен Вильер, — сказал толстяк, — мы нашли тебя! От нас спрятаться не так легко, как от герцога д'Аленсона, да, собака?

— Что за тон, Тристан Пеллини? — спросил Этьен, неподдельно удивившись. — Вы пришли поприветствовать раненого товарища или...

— Мы пришли свершить справедливое возмездие над крысой! — прогремел Пеллини. Он повернулся к своей команде и стал тыкать толстым пальцем в каждого: — Видишь, Этьен Вильер? Жак Вортс, Гастон Волк, Жан Корноухий, Конрад Немец и я, пятый, — мы хорошие люди и когда-то, в самом деле,

твой товарищи, но сейчас пришли, чтобы свершить суд над тобой — грязным убийцей!

— Ты спятил! — воскликнул Этьен, стараясь подняться на локте. — Кого я убил, что ты так разъярился? Когда я был одним из вас, разве не разделял я всегда наравне с вами тяготы и опасности воровства и не делил ли честно добычу?

— Сейчас мы говорим не о добыче! — прогремел Тристан. — Мы говорим о нашем товарище Тибальте Базасе, грязно убитом тобой в таверне «Пальцы мошенника»!

Этьен замер, открыв рот, ошарашенно поглядев на меня, затем снова закрыл рот. Я шагнула вперед.

— Дураки! — воскликнула я. — Он не убивал эту жирную свинью Тибальта. Его убила я.

— Святой Дионисий! — засмеялся Тристан. — Это девочка в штанах, о которой говорила служанка! Ты убила Тибальта? Ха! Хорошенькая ложь, но не убедительная для тех, кто знал Тибальта. Служанка слышала, что дерутся, и убежала в испуге в лес. Когда она решилась вернуться, Тибальт лежал мертвый, а Этьен и эта ведьма усаkali вместе. Нет, все слишком ясно. Этьен убил Тибальта, безусловно, из-за этой самой шлюхи. Отлично, когда мы избавимся от него, то позаботимся и о его потаскухе, да, парни?

Те согласно кивнули на грязное предложение негодяя.

— Агнес, — проговорил Этьен, — позови Дюкаса.

— Черта с два, — сказал Тристан. — Дюкас и все слуги в конюшне, чистят коня Жискара де Клиссона. Мы закончим свое дело до того, как они вернуться. Привяжем этого предателя вон к той скамье. Прежде чем перережу ему горло, я с радостью опробую свой нож на других частях его тела.

Он презрительно оттолкнул меня и шагнул к постели Этьена. Этьен попытался встать, и Тристан ударил его кулаком, и тот снова повалился на подушку. В эту секунду кровь моя закипела. Прижок — и меч Этьена был в моей руке. Когда я ощутила в ладони рукоять меча, сила и необычная уверенность, словно огонь, наполнили мои вены.

Со свирепым криком я подлетела к Тристану, и он отступил, запнувшись о свой меч. Коротким ударом в толстую шею я заставила его замолчать. Он упал, фонтанируя кровью, голова его повисла на куске кожи. Остальные бандиты завопили, как стая борзых, и уставились на меня с ужасом и ненавистью. Вспомнив о пистолете, я выхватила его и, не целясь, выстрелила в лицо Жака, превратив его голову в красное месиво. В пистолетном дыму трое оставшихся бросились на меня, изрыгая проклятия.

Есть вещи, для которых мы рождены и в которых талант превышает опыт. Я, никогда прежде не державшая меч, почувствовала, что он словно ожил в моих руках, управляемый неведомым инстинктом. Я обнаружила в себе быстроту глаз, рук и ног, которая не могла сравниться с неуклюжестью этих болванов. Они только мычали и слепо рубили воздух, теряя силы и скорость, словно дрались не мечами, а дровоколами, я же наносила удары молча и со смертоносной точностью.

Я мало что помню из той схватки: все смешалось для меня в багровом тумане, на фоне которого выделяются лишь несколько деталей. Мой мозг работал слишком стремительно, чтобы действия зафиксировались в памяти, и я теперь точно не помню, с какими прыжками, наклонами,

отходами в сторону я парировала атаки мечей. Знаю только, что размозжила голову Конрада Немца, как дыню, и его мозги повисли на лезвии меча. Помню, что тот, кого звали Гастон Волк, слишком доверился своей кольчуге под лохмотьями, мой удар пронзил ржавое железо, и он рухнул на пол с вывалившимися кишками. В красном тумане один Жан надвигался на меня, и я коснулась мечом его правого запястья, отрубив руку державшую меч, хлынул багровый фонтан крови. Жан глупо уставился на хлещущий кровью обрубок, а я пронзила его грудь с такой яростью, что упала вместе с ним на пол.

Не помню, как я встала и вытащила меч из трупа. Перешагивая через тела, волоча меч, я проковыляла к окну и прислонилась к подоконнику. Смертельная усталость навалилась на меня вместе с жестокой рвотой. Из раны в плече струилась кровь, моя рубашка превратилась в лохмотья. Комната плыла перед глазами, запах свежей крови вызывал отвращение. Как сквозь дымку, я увидела белое лицо Этьена.

Затем послышался топот ног по лестнице, и вбежали Жискар де Клиссон с мечом в руке и Дюкас. Они уставились на открывшееся им зрелище как в столбняке, де Клиссон с отвращением выругался.

— Что я вам говорил? — чуть не задохнулся Дюкас. — Дьявол в штанах? Святой Дионисий, вот это бойня!

— Твоя работа, девушка? — странно тихо спросил Жискар. Я откинула назад мокрые волосы и, качаясь, выпрямилась.

— Да. Это был долг, который я должна была оплатить.

— Боже мой! — прошептал Жискар, обводя взглядом комнату. — В тебе есть что-то темное и странное, при всей твоей чистоте!

— Да, Темная Агнес! — сказал Этьен, приподнявшись на локте. — Звезда тьмы светила при ее рождении, звезда тьмы и покоя. Куда бы она ни пошла, везде будет литься кровь и будут умирать мужчины. Я понял это, когда увидел ее стоящей на фоне восхода, который высветил кровь на ее кинжале.

— Я заплатила свой долг тебе, — сказала я. — Если я и подвергла риску твою жизнь, то оплатила долг кровью, — и, бросив меч к его ногам, я повернулась к двери.

Жискар, наблюдавший все это с глупым от изумления лицом, покачал головой и, как в трансе, шагнул ко мне.

— Когти дьявола! — сказал он. — То, что произошло, в корне изменило мое мнение! Ты вторая Черная Марго из Авиньона. Настоящая женщина меча стоит двух десятков мужчин. Ты все еще хочешь поехать со мной?

— Как товарищ по оружию, — ответила я. — Я никому не буду любовницей.

— Никому, кроме смерти, — сказал Жискар, посмотрев на трупы.

4

Неделю спустя после битвы в комнате Этьена Жискар де Клиссон и я выехали из таверны «Красный вепрь» и отправились по дороге на восток. Я сидела на горячем боевом скакуне, одетая как подобает товарищу де Клиссона — в вельветовый

камзол, шелковые бриджи и длинные испанские сапоги. Под камзолом мое тело защищала простая стальная кольчуга, а на голове возвышался блестящий шлем. Из-за пояса торчали пистолеты, меч висел на богато вышитой перевязи. Поверх всего этого развеялся плащ из багряного шелка. Все это купил для меня Жискар, начинавший ругаться, когда я протестовала против его расточительности.

— Можешь заплатить мне из той добычи, что мы возьмем в Италии, — сказал он. — Но товарищ Жискара де Клиссона должен ехать нарядно одетым!

Иногда я сомневалась в том, что Жискар принимает меня как мужчину в той полной мере, как мне хотелось. Возможно, тайно он еще лелеял свою первоначальную мысль. Но это не имело значения.

Прошедшая неделя была очень насыщенной. По несколько часов каждый день Жискар учил меня искусству владения мечом. Сам он считался лучшим мастером меча во Франции, и он клялся, что не встречал еще ученика способнее, чем я. Я училась тонкостям битвы мечом так, словно была рождена для этого, и быстрота моих глаз и рук часто срывала изумленное восклицание с губ Жискара. Кроме того, он учил меня стрелять в цель из пистолета и показал много искусных и невероятных трюков в битве один на один. Ни один новичок никогда не имел более знающего учителя, и ни один учитель никогда не имел более устремленного ученика. Я горела желанием постигнуть все, что касалось этого мастерства. Казалось, я заново родилась для этого нового мира, предназначенного мне с самого рождения. Прошлая жизнь превратилась в сон, который скоро забудется.

Итак, однажды ранним утром, еще до восхода, мы с Жискаром вскочили на коней во дворе «Красного вепря», и Дюкас пожелал нам попутного ветра. Мы уже повернули со двора, когда раздался голос, звавший меня по имени, и я увидела белое лицо в окне наверху.

— Агнес! — крикнул Этьен. — Ты уезжаешь, даже не попрощавшись со мной?

— Для чего такие церемонии между нами? — спросила я. — Ни ты, ни я ничего не должны друг другу. И нет, насколько я знаю, между нами дружбы. Ты уже достаточно здоров, чтобы самому заботиться о себе, и не нуждаешься больше в моей помощи.

Не сказав больше ни слова, я отпустила поводья, и мы с Жискаром поскакали по лесной дороге, подгоняемые ветром. Он посмотрел на меня сбоку и пожал плечами.

— Странная ты женщина, Темная Агнес, — сказал он. — Ты, кажется, двигаешься по жизни, как парка, — всегда одинаковая, неумолимая, отмеченная роковой печатью. Я думаю, мужчины, которые находятся рядом с тобой, не проживут долго.

Я не ответила, и так мы молча ехали сквозь зеленый лес. Солнце встало, залив золотом ветви, качающиеся на ветру. Впереди через дорогу пронесся олень, птицы защебетали песню радости жизни.

Мы ехали по той дороге, по которой я везла Этьена после битвы в «Пальцах мошенника», но в полдень свернули на другую, пошире, спускающуюся на юг. Не успели мы свернуть, как Жискар произнес:

— Покой там, где нет человека. И что теперь?

Какой-то деревенский парень, спавший под деревом, вздрогнул, проснувшись, и уставился на нас, затем отпрыгнул в сторону и нырнул в дубовую чащу, что окружала дорогу. Я только мельком успела его рассмотреть: на нем была рубаха дровосека с капюшоном, он производил впечатление отъявленного негодяя.

— Наше воинственное появление напугало этого деревенщину, — рассмеялся Жискар. Но мной овладела странная тревога, заставлявшая меня беспокойно вглядываться в лесную чащу вокруг.

— В этом лесу нет бандитов, — пробормотала я. — У него не было причины убежать от нас. Мне это не нравится. Слушай!

Откуда-то из-за деревьев донесся высокий, пронзительный, переливающийся свист. Через несколько секунд ему ответил другой, очень отдаленный. Я напрягла слух и, кажется, уловила третий свист, еще дальше.

— Мне это не нравится, — повторила я.

— Птица подзывает своего друга, — отмахнулся Жискар.

— Я родилась и выросла в лесу, — нетерпеливо произнесла я. — Это не птица. Это люди в лесу подают друг другу сигналы. Мне кажется, это связано с негодяем, убежавшим от нас.

— У тебя инстинкт старого солдата, — рассмеялся Жискар, сняв шлем со вспотевшей головы и повесив его на луку седла. — Подозрительность, настороженность — это хорошо. Но они бесполезны в этом лесу, Агнес. У меня нет здесь врагов. Напротив, я здесь хорошо известен и всем друг. И поскольку рядом нет грабителей, нам нечего опасаться.

— Говорю тебе, — не соглашалась я, — у меня непреодолимое предчувствие, что не все в порядке. Почему парень убежал от нас и потом свистел кому-то, скрытому в глубине леса? Давай свернем с дороги на тропинку.

К этому времени мы проехали некоторое расстояние от места, где услышали первый свист, и выехали к открытому месту вокруг мелкой речки. Здесь дорога как бы расширялась, хотя по-прежнему ее окружали густой кустарник и деревья. С левой стороны кусты были гуще и ближе к дороге. Справа рос редкий кустарник, окаймляющий речушку, на противоположной стороне которой берег упирался в голые скалы. Пространство между дорогой и речушкой, заросшее низким кустарником, составляло около сотни шагов.

— Агнес, девочка, — сказал Жискар, — говорю тебе, мы в такой же безопасности, как...

Бах! Грохочущий залп раздался из кустов слева, покрыв дорогу клубами дыма. Мой конь пронзительно заржал и шарахнулся в сторону. Жискар выбросил вперед руки и повалился в седле, а его конь упал под ним. Все это я видела лишь короткий миг, так как мой конь понесся стрелой направо, продирая кусты. Ветка выбила меня из седла, и я, ослепленная, рухнула на землю.

Лежа там, не видя дороги из-за густой травы, я услышала громкие грубые голоса выходящих из засады на дорогу мужчин.

— Мертв как Иуда Искарот! — рявкнул один. — Куда поскакала девчонка?

— Ее раненый конь помчался туда, через речку, с пустым седлом, — ответил другой. — Она упала где-то в кустах.

— Если бы только взять ее живой, — произнес третий. — Она доставила бы редкое развлечение. Но герцог сказал, лучше не рисковать. А, здесь капитан де Валенса!

По дороге простучали копыта, всадник закричал:

— Я слышал залп, где девушка?

— Лежит мертвая где-то в кустах, — ответили ему. — А вот мужчина.

Через секунду раздался крик капитана:

— Тысяча чертей! Идиоты! Растяпы! Собаки! Это не Этьен Вильер! Вы убили Жискара де Клиссона!

Поднялся шум, посыпались проклятия, обвинения и оправдания, заглушаемые голосом того, кого называли де Валенсой.

— Говорю вам, я узнал бы де Клиссона и в аду, это он, несмотря на то что вместо головы у него кровавое месиво. О, идиоты!

— Мы только повиновались приказам, — ревел другой голос. — Когда вы услышали сигнал, то послали нас в засаду и приказали стрелять, кто бы ни проехал по дороге. Откуда мы знали, кого должны были убить? Вы не называли его имя, наше дело было только стрелять в того, на кого вы укажете. Почему ты не остался с нами, чтобы посмотреть, как выполняется приказ?

— Потому что я на службе у герцога, дурак! — закричал де Валенса. — Меня слишком хорошо знают. Я не могу рисковать, чтобы меня увидели и узнали, если дело провалится.

Затем они набросились на кого-то другого. Послышался звук удара и крик боли.

— Собака! — вопил де Валенса. — Разве не ты дал сигнал, что Этьен Вильер едет этой дорогой?

— Я не виноват! — завыл парень — крестьянин, судя по выговору. — Я не знал его. Хозяин «Паль-

цев мошенника приказал мне следить за мужчиной, скачущим вместе с рыжей девушкой в мужском платье, и, когда я увидел ее верхом на коне рядом с солдатом, я подумал, что это, должно быть, и есть Этьен Вильер... ах... простите!

Раздался выстрел, пронзительный крик и звук упавшего тела.

— Нас повесят, если герцог узнает об этом, — сказал капитан. — Жискар пользовался большой благосклонностью виконта де Лотрека, правителя Милана. Д'Аленсон повесит нас, чтобы умиловить виконта. Мы должны позаботиться о своих шеях. Спрячем тела в реке — ничего лучшего нам не придумать. Ступайте в лес и ищите труп девчонки. Если она еще жива, мы должны закрыть ей рот навеки.

Услышав это, я начала потихоньку отползать назад, к реке. Оглянувшись, я увидела, что противоположный берег низкий и плоский, заросший кустарником и окруженный скалами, о которых я упоминала, и среди них виднелось что-то похожее на вход в ущелье. Казалось, ущелье показывает путь к отступлению. Я подползла почти к самой воде, вскочила и подбежала к журчащей по каменистому дну реке. В этом месте она была не выше колен. Бандиты рассеялись в виде полумесяца, шаря по кустам. Я слышала их позади себя и вдаль от меня, с другой стороны. Внезапно один завопил, словно гончая, увидевшая дичь:

— Вон она идет! Стой, черт возьми!

Щелкнул фитильный замок, пуля просвистела мимо моего уха, но я продолжала бежать дальше. Они догоняли, грохоча и вопя, продираясь сквозь кусты позади меня — десяток мужчин в шлемах, кирасах, с мечами в руках. Тот, что кричал, увидел

меня, когда я уже вошла в воду. Опасаясь удара сзади, я повернулась к нему на середине реки. Он шел ко мне, поднимая брызги, огромный, усатый, вооруженный мечом.

Мы схватились с ним, рубя друг друга, стоя по колено в воде. Вода сковывала ноги. Его меч опустился на мой шлем, и искры посыпались у меня из глаз. Я видела, что остальные окружают меня, и бросила все силы на отчаянную атаку. Мой меч стремительно прошел между зубов врага и пробил его череп насквозь по краю шлема.

Он упал, окрасив реку в багровый цвет. Я выдернула меч из тела, и тут пуля ударила меня в бедро. Я закачалась, но не упала и быстро выпрыгнула из воды на берег. Враги неуклюже бежали по воде, выкрикивали угрозы и размахивали мечами. Некоторые стреляли из пистолетов, но цель была слишком подвижна. Я достигла скалы, волоча раненую ногу. Сапог был полон крови, вся нога онемела.

Я бросилась сквозь кусты к входу в ущелье — и холодное отчаяние внезапно сжало мне сердце. Я была в ловушке. Это оказалось не ущелье, а просто широкая, в несколько ярдов, расщелина в скале, которая сужалась до узкой щели. Она образовывала острый треугольник, стены которого были слишком высоки и гладки, чтобы взбираться по ним даже со здоровыми ногами.

Бандиты поняли, что мне не ускользнуть, и подходили с победными криками. Я бросилась за кусты у расщелины, выхватила пистолет и прострелила голову ближайшему из них. Тогда остальные приникли к земле, чтобы укрыться. Те, что были на другой стороне реки, рассеялись по кустам у берега.

Я перезарядила пистолет и старалась не высовываться, а они переговаривались и стреляли наугад. Но пули свистели высоко над моей головой или расплющивались о скалу. Один из них выполз на открытое пространство, и я подстрелила его, остальные кровожадно завопили и усилили огонь. От другой стороны реки было слишком большое расстояние, чтобы метко стрелять, а остальные плохо прицеливались, так как не смели высунуться из укрытия.

Наконец один закричал:

— Почему бы одному из вас, идиоты, не спуститься вдоль реки и не поискать место, где можно залезть на скалу и добраться до девчонки сверху?

— Потому что невозможно выйти из укрытия, — ответил де Валенс. — Она стреляет как сам дьявол. Подождите! Скоро стемнеет, и в темноте она не сможет целиться. Ей не сбежать. В сумерках мы поймаем ее и закончим это дело. Сучка ранена, я знаю. Подождем!

Я выстрелила в сторону, откуда доносился голос де Валенсы, и по взорвавшейся ругани поняла, что мой свинец был близок к цели.

Затем потянулось ожидание, во время которого изредка раздавались выстрелы из-за деревьев. Раненая нога ныла, мухи вились надо мной. Солнце садилось, начало смеркаться. Меня мучил голод, но вскоре жестокая жажда вытеснила все мысли о еде. Вид и журчание реки сводили с ума. Пуля в бедре причиняла невыносимые страдания, я ухитрилась вырезать ее кинжалом и остановила кровотечение, придавив рану смятыми листьями.

Я не видела выхода; казалось, здесь мне суждено умереть вместе с мечтами о блеске, славе и удивительных приключениях. Бой барабанов, за которыми

ми я хотела идти, стих, превратившись в похоронный звон, пророчащий смерть и забвение.

Но я не нашла в душе ни страха, ни сожаления, ни печали. Лучше умереть здесь, чем жить и стареть, как женщины, которых я знала. Я подумала о Жискаре де Клиссоне, лежащем рядом со своим мертвым конем головой в луже крови, и пожалела о том, что смерть настигла его таким образом — не так, как он желал, не на поле битвы со знаменем короля, развевающимся над ним, среди грохота боевых горнов.

Часы тянулись медленно. Один раз мне почудился стук копыт скачущего галопом коня, но звук быстро стих. Я шевелила онемевшей ногой и проклинала комаров. Я хотела, чтобы враги поскорее напали на меня, пока еще достаточно светло для стрельбы.

Они переговаривались в сгущающихся сумерках. Внезапно я услышала голос сверху и резко обернулась, подняв пистолет. Я подумала, что они все-таки залезли на скалу.

— Агнес! — тихо окликнул голос. — Не стреляй! Это я, Этьен! — Кусты раздвинулись, и из-за края скалы появилось бледное лицо.

— Назад, дурень! — воскликнула я. — Тебя подстрелят, как птенца!

— С их стороны меня не видно, — уверенно произнес он. — Говори тише, девочка. Смотри, я спускаю веревку. Она с узлами. Сможешь подняться по ней? Я не смогу тебя вытянуть одной рукой.

— Да! — шепнула я. — Спускай быстрее и хорошо укрепи конец. Я слышу, как они идут по реке.

Веревка змеей скользнула ко мне вниз. Обхватив ее согнутыми коленями, я поднималась на руках. Это было тяжело, так как нижний конец болтался как маятник, в разные стороны. Я не могла

помочь себе ногами, потому что раненое бедро полностью онемело, да и мои испанские сапоги не были предназначены для лазанья по канату.

Я взобралась на вершину скалы в тот момент, когда на берегу закрипел песок под сапогами и почти рядом постышалось звяканье стали.

Этьен быстро смотал веревку и, сделав мне знак рукой, повел меня через кустарник. Говорил он быстрым беспокойным полутшепотом:

— Я услышал выстрелы, когда ехал по дороге. Привязав коня в лесу, я прокрался вперед посмотреть, что происходит. Я увидел мертвого Жискара и по крикам этих вояк понял, что ты в беде. Я знаю это место с давних времен. Я снова вернулся к коню и скакал вдоль реки, пока не нашел место, где можно проехать верхом по скалам через ущелье. Веревку я сделал из плаща, разорвав его и связав куски при помощи пояса и сбруи. Слушай!

Позади раздались бешеный рев и проклятия.

— Д'Аленсон в самом деле жаждет заполучить мою голову, — прошептал Этьен. — Я слышал разговор этих ребят, пока крался рядом. Все дороги на несколько лиг от владений Аленсона патрулируются такими же бандитами, так как эта собака — хозяин гостиницы — доложил герцогу, что я в этой части королевства.

Теперь тебя тоже будут преследовать. Я знаю Рено де Валенсу, капитана этой банды. Пока он жив, ты не будешь в безопасности, так как ему нужно уничтожить все свидетельства того, что это его головорезы убили Жискара де Клиссона. Вот мой конь. Нам нельзя терять время.

— Но почему ты поехал за мной? — спросила я.

Он повернулся ко мне — бледная тень вместо лица в сумерках.

— Ты была не права, когда сказала, что между нами нет никаких долгов, — сказал он. — Я обязан тебе жизнью. Это из-за меня ты дралась и убила Тристана Пеллини и его воров. Почему ты ненавидишь меня? Ты вполне отомщена. Ты приняла Жискара де Клиссона как товарища. Разреши мне поехать на войну вместе с тобой.

— Как товарищу, не больше, — сказала я. — Запомни, я больше не женщина.

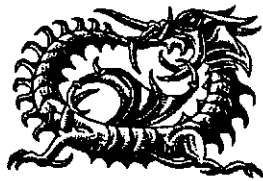
— Как брат по оружию, — согласился он.

Я протянула руку, он — свою, наши пальцы сомкнулись.

— Опять мы поедem на одном коне, — засмеялся он и запел веселую песенку старинных времен. — Едем скорее, пока те собаки не нашли сюда дорогу. Д'Аленсон перекрыл дороги в Шартр, Париж и Орлеан, но нам принадлежит мир! Я думаю, нас ждут славные дела, приключения, войны и добыча! Вперед, в Италию! Да здравствуют храбрые искатели приключений!

КЛИНКИ ДЛЯ ФРАНЦИИ

1

й, парень, на что тебе меч?
О, клянусь святым Дени, да это
женщина! Женщина в шлеме и
с мечом!

И разбойничьего вида вер-
зила с черными усами и боро-
дой резко остановился, изум-
ленно глядя на меня.

Нисколько не смутившись,
я спокойно встретила его взгляд.
Да, женщина, но ведь здесь без-
людное место — темный лес,
унылая просека и никакого

жилья поблизости. Но я не носила охотничьего ко-
стюма, камзола и испанских сапог — мне совершен-
но ни к чему попусту красоваться и пускать кому-
либо пыль в глаза. Мои рыжие локоны украшал самый
простой шлем, а на боку висел самый простой меч.

Я внимательно пригляделась к черноусому не-
знакомцу, с которым волею судьбы встретилась в
лесу, и он мне даже немного понравился. Вид у
него был довольно неплохой — лицо украшали глу-
бокие шрамы, глаза смотрели настороженно и не-
доверчиво; шлем поблескивал золотой отделкой,
так же как и доспехи, видневшиеся из-под плаща.
Плащ, кстати, сам по себе был замечательным —
из благородного кипрского бархата, с золотым
шпильем. По всей видимости, обладатель роскош-
ного плаща остановился здесь, чтобы вздремнуть
под раскидистым деревом. Неподалеку стоял его
конь, привязанный к толстой ветке и покрытый
богатой попоной из красной кожи с золотыми
шнурами. При виде этого прекрасного животного
я печально вздохнула, потому что самой мне с
рассвета пришлось брести пешком и ноги в длин-
ных сапогах уже ныли и горели.

— Женщина! — все так же изумленно повторил
черноусый. — А одета как мужчина! Послушай, де-
вочка, сними-ка этот потрепанный плащ, у меня
есть для тебя кое-что получше! Черт возьми, да ведь
ты хорошенькая, стройная — просто прелесть! Да-
вай снимай свои лохмотья!

— Прочь с дороги, собака! — резко осадил я
его. — Я тебе не дешевая потаскушка для твоих за-
бав!

— А кто тогда? — спросил он, глядя на меня
влюбленными глазами. Попросту говоря, он просто
пожирал ими меня.

— Агнес де ля Фер, — ответила я. — Если ты здесь не чужеземец, то должен знать обо мне.

Он покачал головой, продолжая мысленно меня раздевать.

— Нет, я только что приехал сюда, а вообще-то я родом из Шалона. Но это неважно. Важно, что ты мне нравишься. Подойди-ка поближе ко мне, Агнес, и поцелуй меня.

— Болван! — во мне уже начала закипать ярость. — Неужели во Франции мне нужно перебить половину мужчин, чтобы научить остальных приличным манерам? Знаешь, я ношу эту одежду только как форму и инструмент моего ремесла, а не для того, чтобы привлекать внимание мужчин. Я пью, сражаюсь и живу, как мужчина...

— Но любить будешь, как женщина! — нетерпеливо воскликнул он и тут же прыгнул ко мне, как дикий зверь, пытаясь заключить меня в свои объятия, но тут же отскочил назад, получив хороший удар по губам. Тоненькая струйка крови потекла из рассеченной губы, красиво окрашивая его черную бороду.

— Мерзавка! — взревел он. — Да я тебя сейчас изуродую!

Он вновь протянул ко мне огромные ручищи, но в то же мгновение я выхватила свой меч, и он вдруг словно протрезвел, увидев, что я не шучу. Отпрянув назад, он тоже выхватил меч из-под плаща и замахнулся на меня.

Наши клинки встретились; раздался оглушительный звон, разбудивший эхо в тихом сонном лесу. С первого же удара я едва не убила своего противника, и его спасло лишь то, что ему частично удалось парировать мой удар. Острием меча я попала ему в челюсть, и кровь обильно полилась на латный во-

ротник. Он завыл, как бешеная собака, но рана все же несколько остудила его пыл, и он, кажется, понял, что столкнулся отнюдь не с детской задачей.

Мой противник владел мечом не так уж плохо, но для меня не имели значения его успехи в фехтовании, — ведь я училась у лучшего во Франции мастера этого дела! Чернобородый был силен и опытен более не в честном бою, а в ином: он ловко использовал различные хитроумные и довольно подлые трюки, красноречиво свидетельствующие о том, что он нечестный человек. Скорее всего, он был наемником, убийцей, которому платили за его работу, и он продавал свой меч всякому, кто мог отсыпнуть ему за это достаточно денег.

Но я не была ребенком в этой игре, и с моей реакцией не мог тягаться ни один мужчина. Потерпев неудачу во всех своих уловках и увертках, чернобородый попытался одолеть меня простой и грубой силой, начав обрушивать на меня страшные удары. Но и из этого у него ничего не вышло, потому что хотя я и женщина, но обладаю упругой гибкостью пантеры, и мне удалось уклониться от всех его выпадов. Придя в неопишуемую ярость, он рубился все сильнее, но наконец силы его начали иссякать, дыхание становилось все более прерывистым и затрудненным, и пена, полившаяся изо рта, смешалась с кровью на его бороде.

И тут, когда его сила и ярость начали угасать, я принялась безжалостно и неумолимо атаковать его. Несколько точных ударов — и острие моего меча вонзилось, пройдя сквозь бороду, в горло над верхним краем латного воротника. Коротко вскрикнув, он тут же рухнул на землю к моим ногам.

Я вытерла меч и принялась размышлять о своих дальнейших действиях, решив для начала опусто-

шить его кошелёк. Открыв его, я разочарованно вздохнула, увидев там лишь несколько серебряных монет — а ведь я была совсем без денег и сильный голод уже давно мучил меня. Но, как бы то ни было, содержимого кошелька вполне хватало на ужин в какой-нибудь дешевой таверне. Затем я оглядела свой плащ. Он был совсем старым и рваным, как заметил чернобородый, и я взяла его бархатный, с роскошным золотым шитьем, приводившим меня в умиление. Когда я снимала с него плащ, оттуда выпала черная шелковая маска, и сначала я не хотела поднимать ее, но затем, поразмыслив, все же подняла и сунула себе за пояс. Потом я накрыла тело своим старым плащом, оттащила его в кусты, чтобы на него не наткнулся случайный прохожий, и, вскочив на коня, помчалась дальше в том же направлении, в котором шла до этого, испытывая радость от того, что теперь смогу дать отдых уставшим ногам.

Я мчалась сквозь ступающие сумерки, размышляя о событиях, что выпали на мою долю с тех пор, как я, никому не известная девушка из провинции, заколола кинжалом человека, за которого мой отец заставлял меня выйти замуж. После этого я убежала из дому и стала воином, вольным странником и разбойником.

Опасности и смерть ходили за мной по пятам. Жискара де Клиссон — тот, кто научил меня искусству владения мечом, тот, кто плечом к плечу со мной принимал участие в войнах в Италии, — был подло застрелен в спину, из кустов, головорезами, нанятыми герцогом д'Аланконом. Они приняли его за моего друга Этьена Вильера. Этьену многое было известно об интригах против короля Франсиса, которые плел герцог, и за эти знания мой друг мог

поплатиться жизнью. Теперь и меня тоже преследовал Рено де Валенс, главарь этих наемников, потому что он считал меня опасным свидетелем — ведь кроме него только я одна знала правду о смерти де Клиссона.

Де Валенс не сомневался: если всплывет наружу то, что он и его головорезы убили Жискара де Клиссона, знаменитого боевого генерала, их повесит герцог д'Аланкон — хотя бы для того, чтобы успокоить друзей де Клиссона. Тело генерала они бросили в реку, и после этого де Валенс начал охотиться за мной, имея на то личные мотивы — точно так же по личным мотивам охотился за Этьеном герцог д'Аланкон.

Нам с Этьеном удалось бежать; мы петляли и прятались, как дикие звери от гончих собак, стремясь добраться до Италии, но наши преследователи, прочесывая всю страну, загнали нас в этот глухой край. Сейчас я мчалась на встречу с Этьеном. Он уже добрался до берега и там пытался найти одного пирата по имени Роджер Хауксли. Этот англичанин совершал набеги на побережье.

Ищейки следовали за нами по пятам; спрятаться от них было уже негде, поэтому мы надеялись на помощь пирата. Я должна была встретиться со своим другом в полночь, в одном условленном месте у дороги, ведущей к берегу.

Сумерки ступались, а я продолжала скакать. В душе моей не осталось ни малейшего сожаления о том, что променяла свою жизнь, полную нудной однообразной работы в деревне Ля Фер, на жизнь, полную опасностей и приключений. Непостижимый рок уготовил мне эту жизнь, и я оказалась приспособленной к ней, как любой мужчина, — пить, ругаться, играть в азартные игры и драться. С пистолетом,

кинжалом или мечом в руках я вновь и вновь доказывала свою доблесть и отвагу и не боялась ни одного мужчины на свете. Лучше короткая, дикая, но яркая жизнь, чем тоскливая работа по дому в качестве служанки у мужчины, которого я ненавидела.

Наконец я подъехала к маленькой таверне у лесной дороги. Я осторожно заглянула внутрь, но в просторной комнате не увидела никого, кроме мальчика — разносчика вина — и молодой служанки. Я оставила коня на попечение слуги из конюшни и решительно шагнула в таверну.

Мальчишка-разносчик изумленно взглянул на меня, но притаил большой кувшин вина, а девушка уставилась на меня так, что глаза ее готовы были вылезти из орбит. Но я давно привыкла к таким взглядам и спокойно велела ей принести еды, а затем уселась на скамью, не снимая шлема, — он напоминал мне, что нужно быть постоянно начеку и в полном вооружении.

Я принялась за еду и вскоре услышала, как в задней части таверны дверь открылась, а затем тихо закрылась; до моих ушей донесся приглушенный гул голосов. Я еще не знала, что бы это могло значить, но постаралась побыстрее закончить трапезу, притворяясь, что не обращаю никакого внимания на хозяина таверны — молчаливого смуглолицего человека в кожаном переднике, который вышел откуда-то из внутренней комнаты и пристально посмотрел на меня, а затем повернулся и вновь исчез в недрах своего заведения.

Вскоре после его ухода в таверну через боковую дверь вошел другой человек — маленький, плотного телосложения, с резкими чертами темного лица, закутанный в черный шелковый плащ. Я чувствовала на себе его взгляд, но даже не поглядела в его

сторону, а лишь украдкой вытянула немного меч из ножен. Он быстро подошел ко мне и прошепел:

— Ля Балафр!

Поскольку он явно обращался ко мне, я обернулась, продолжая сжимать рукоять меча, и он отпрянул, дыша со свистом сквозь зубы. Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, а затем он воскликнул:

— Святой Дени! Женщина! Ля Балафр — это женщина! Они не сказали мне... Я не знал...

— И что? — грозно спросила я, все еще не понимая причин его замешательства.

— Да нет, неважно, — пробормотал он наконец. — Вы не первая женщина, которая носит бриджи и меч. Неважно, какой палец нажимает на курок, главное, чтобы пуля достигла цели. Ваш хозяин велел мне найти этот плащ — именно благодаря золотому шитью я и узнал вас. А теперь идемте, а то уже поздно. Вас ждут в потайной комнате.

Теперь я поняла, что этот человек принял меня за того наемника, которого я убила; несомненно, чернородый головорез ехал к месту назначенной встречи. Я не знала, что и сказать. Если бы я стала отрицать, что я — Ля Балафр, то вряд ли его друзья позволили бы мне уйти с миром, не выяснив, каким образом ко мне попал этот плащ. Я не видела никакого другого выхода, кроме как сбить с ног темнoлицего человечка и броситься наутек. Но после следующих его слов все резко изменилось.

— Наденьте свою маску и плотно закутайтесь в плащ, — сказал он. — Никто не знает вас, кроме меня, а я знаю вас только потому, что мне описали ваш плащ. С вашей стороны было непростительно глупо сидеть здесь, в таверне, открыто, когда любой мог вас увидеть. Наша задача такова: мы должны скры-

вать наши личности, не только сегодня вечером, а всегда. Меня зовут Жан, и больше я ничего не скажу вам о себе. Остальных вы не будете знать, так же как и они вас.

После этих слов мною овладело неудержимое желание последовать за ним — результат свойственного мне безрассудства и чисто женского любопытства. Не говоря ни слова, я поднялась, надела маску, позаимствованную у настоящего Ля Балаффа, закуталась в плащ так, что никто не смог бы определить, что я женщина, и двинулась вслед за человеком, назвавшимся Жаном.

Он провел меня через дверь в конце комнаты, которую затем тщательно запер на засов, и, вытащив черную маску, похожую на мою, надел ее. Затем, взяв со стола свечу, Жан повел меня по узкому коридору, выложенному деревянными панелями. Наконец он остановился и, задув свечу, осторожно постучал в стену. С той стороны раздался шорох, деревянная панель отодвинулась, и я увидела полоску тусклого света, упавшую в коридор. Жестом приказав мне следовать за ним, Жан проскользнул в образовавшееся отверстие, а за ним вошла я, закрыв за собой панель.

Я оказалась в маленькой комнате без окон и дверей, хотя, очевидно, там должны были быть какие-нибудь вентиляционные окошки. Накрытый капюшоном потайной фонарь тускло освещал комнату, и в его призрачном свете я увидела девять фигур, сидевших вдоль стен на скамьях. Все они закутались в темные плащи, надвинули по самые брови шляпы с перьями или черные шлемы, а лица закрыли такими же, как и у меня, черными масками. Через прорезы в масках были видны только их горящие глаза. Никто из них не двигался и не разговаривал. Всем

видом своим они напоминали приговоренных к смертной казни.

Жан молча указал мне мое место на скамье, а затем бесшумно пересек комнату и отодвинул другую панель. Тотчас появилась еще одна фигура, в маске и плаще, как и остальные, но все же кое чем на них не похожая. Этот человек вошел решительным шагом — он явно привык командовать, и, даже не видя его лица, я почувствовала в его облике что-то знакомое.

Он прошел в центр комнаты, и Жан сделал движение в сторону остальных, как бы говоря, что все в сборе и готовы начать. Вновь прибывший кивнул и обвел нас взглядом.

— Вы получили свои инструкции перед тем, как прийти сюда. Все вы знаете, что должны лишь следовать за мной и подчиняться моим приказам. Не задавать никаких вопросов; вам хорошо заплотят, и это единственное, что вас касается. Разговаривать как можно меньше. Вы не знаете меня, а я не знаю вас. Чем меньше каждый знает о других, тем лучше для всех. Как только наше задание будет выполнено, мы рассеиваемся в разные стороны. Все понятно?

Все сидевшие на скамьях молча кивнули в знак согласия. Я еще плотнее закуталась в плащ, пристально вглядываясь в стоявшего посреди комнаты человека. Я уже слышала его голос при обстоятельствах, которые вряд ли когда-нибудь забуду, — это был тот самый голос, что отдавал команды убийцам Жискара де Клиссона, когда я лежала раненная в расщелине скалы и отстреливалась от них. Главари злодеев звали Рено де Валенс — именно тот, кто разыскивал меня, желая отнять мою жизнь.

Когда его стальные глаза, горевшие из-под маски, обвели нас пристальным взглядом, я невольно сжалась и нащупала под плащом рукоять меча. Но мои опасения были напрасны — де Валенс все равно не смог бы узнать меня в этом облачении, будь он хоть самим Сатаной.

По знаку Жана мои враги поднялись и направились к панели, через которую вошел де Валенс. Молча мы прошли гуськом вслед за ним в открытое отверстие — цепь молчаливых черных призраков. Оставшийся последним Жан погасил светильник и последовал за нами. Какое-то время мы шли в полной темноте, затем перед нами открылась дверь, и широкие плечи главаря на мгновение мелькнули в дверном проеме на фоне звезд. Мы вышли в маленький внутренний дворик позади таверны, где двенадцать коней непрерывно били копытами о землю и грызли удила. Моего среди них не было, хотя я и велела слуге следить за ним. Очевидно, у каждого в этой таверне был свой приказ.

Не произнося ни слова, мы сели на коней и тронулись за де Валенсом через двор на дорогу, которая вела в лес. Мы ехали в полной тишине, если не считать цокота копыт по твердой земле да легкого поскрипывания кожаных подпруг. Мы двигались на запад, к берегу; лес наконец стал редеть, а дорога раздвоилась и исчезла в густом кустарнике. Дальше мы уже ехали не цепочкой, а беспорядочной массой, и я подумала, что судьба послала мне удачу. Я не знала, куда мы направляемся, но меня это не очень и заботило, — должно быть, это было очередное задание герцога д'Аланкона, поскольку злодеями командовал де Валенс, его правая рука. Но я хорошо знала одно — пока

жив де Валенс, ни моя жизнь, ни жизнь Этьена не стоили и ломаного гроша.

Было совсем темно; луна еще не взошла, а звезды скрывались за толщей густых облаков. Дорога так больше и не появилась, и нам приходилось продираться через колючие заросли кустарников. В ветвях деревьев завывал ветер, под шум которого я потихоньку все ближе и ближе подбиралась к де Валенсу, сжимая под плащом кинжал.

Теперь я уже ехала рядом с ним и слышала, как он тихо говорил Жану, наклонившемуся к нему со своего седла: «Он был дурак, что насмеялся над ней, когда она могла сделать его выше короля Франции. Если Роджер Хауксли...»

Приподнявшись в стремях, я ударила кинжалом между его лопаток с такой силой, на которую только была способна. Из его груди вырвался хрип, и де Валенс, вывалившись из седла, рухнул на землю. В то же мгновение я развернула своего коня и рванула прочь.

Дико заржав, скакун помчался напролом сквозь непроходимые заросли, оставив позади нас черные силуэты, и мы исчезли в темном лесу прежде, чем злодеи успели сообразить, в чем дело, и выхватить свои мечи.

Позади себя я слышала вопли и проклятия, звон стали и голос Жана, пронзительно бранившегося, а также голос де Валенса, который, задыхаясь, отдавал команды. Он не умер! Я начала проклинать судьбу. Очевидно, он носил под плащом пластинчатую кольчугу, такую же, как у меня, и мой кинжал даже не ранил его — лишь страшная сила удара сбросила его с коня. Зная врага достаточно хорошо, я не сомневалась, что он быстро нападет

на мой след, если только другое, более важное и срочное дело не остановит его. Хотя трудно было себе представить, что у него могло быть дело более важное, чем поймать меня; к тому же Жан наверняка уже сказал ему, что мнимый Ля Балафр — на самом деле рыжеволосая девица, и де Валенс понял, что это и есть его заклятый враг Агнес де Шатильон.

Поэтому я продолжала прищипывать коня, который мчался бешеным галопом во тьме через кустарники, и в любой момент ожидала услышать за спиной топот копыт. Я скакала на юг, к дороге, где мы должны были встретиться с Этьеном Вильером, и вылетела на нее раньше, чем рассчитывала. Дорога извивалась к западу на берег, и злодеи все это время двигались параллельно ей.

Примерно через милю я увидела на обочине каменный крест — там была развилка. Одна часть дороги шла на запад, а другая — на юго-запад. Именно в этом месте мы и должны были встретиться с Этьеном Вильером. До полуночи было еще несколько часов, и я ничего не имела против, чтобы провести их под открытым небом, ожидая друга, если только де Валенс не явится раньше. Подъехав к кресту, я нашла себе неподалеку убежище среди частых деревьев, и принялась ждать Этьена.

Ночь была тихая и спокойная, и я не слышала никаких звуков преследования; я надеялась, что если наемники и помчались за мной, то сразу потеряли меня в темноте, что было вполне возможно.

Я привязала коня к дереву и едва устроилась поудобнее на траве, как вдруг услышала топот

копыт. Я вскочила на ноги, но тут же с облегчением вздохнула — конь был один, и приближался он с юго-запада. С мечом в руке я затаилась за деревом, а топот становился все громче и громче, пока наконец луна, прорвавшаяся сквозь толщу облаков, не осветила всадника, который галопом мчался по белой дороге в развевающемся на ветру плаще. И тут я узнала стройную фигуру и украшенную пером шляпу Этьена Вильера.

2

Он подлетел к кресту и огляделся, по привычке вслух сказав самому себе: «Слишком рано; ну что ж, я подожду ее здесь».

— Тебе не придется долго ждать, — молвила я, выходя из-за дерева.

Он резко обернулся в седле, держа в руке пистолет, а затем рассмеялся и спрыгнул на землю.

— Клянусь святым Дени, Агнес! — воскликнул он. — Я никогда не удивлюсь, встретив тебя где угодно и в какое угодно время! Что, у тебя конь? И великолестный новый плащ! Дьявол, да тебе явно где-то привалила удача — интересно, это игра в кости или меч?

— Меч, — коротко ответила я.

— Но почему ты приехала сюда так рано? — спросил он. — Есть причина?

— Здесь недалеко рыскает Рено де Валенс, — сказала я и увидела, как он поднял пистолет, вглядываясь в темноту. Я быстро рассказала ему, что произошло, и Этьен покачал головой.

— Дьявол его поberi,— пробормотал он.— Рено трудно убить. Но послушай, я хочу рассказать тебе одну странную историю. Здесь неплохое место, чтобы смотреть и слушать, и смерть не сможет подобраться к нам из-за угла или потайного хода. А потом мы решим, что делать дальше, потому что на Роджера Хауксли рассчитывать больше нельзя.

Итак, слушай: прошлой ночью, едва взошла луна, я подошел к небольшой бухте, где, как я знал, должна была стоять на якоре посудина англичанина. Мы, бродяги, умеем узнавать секреты — ты прекрасно это знаешь, Агнес. Берег там кругом неровный, со скалами и фьордами, а сама бухта окружена деревьями, которые растут на склонах вплоть до самой кромки берега. Я пробрался между ними и увидел его корабль «Надежный друг», стоявший на якоре, с мертвецки пьяной командой на борту. Эти пираты — полные идиоты. Я видел, как они валялись на палубе и их помятые каски рядом с ними, и я проклинал тех, кто должен был охранять их, — такие же пьяные, они спали крепким сном. Я стал размышлять, окликнуть ли мне их или подплыть к кораблю, и вдруг услышал приглушенный всплеск весел и увидел три большие лодки, плывущие прямо к покоящемуся в безмолвии кораблю. В лодках сидели люди, и при свете луны я увидел, как заблестела сталь в их руках. Не видимые спящими пиратами, они начали подниматься на борт, и я не знал, что мне делать — то ли закричать, то ли затаиться, — ведь это мог быть сам Роджер, возвращавшийся со своими людьми из очередного рейда.

При свете луны я разглядел их — то были, несомненно, англичане, одетые в костюмы простых

матросов. Внезапно один из пьяных на палубе зашевелился во сне, приподнялся, а затем резко вскочил и пронзительно закричал, предупреждая товарищей об опасности. Из кают, хватая оружие, немедленно выскочили люди Роджера Хауксли и он сам, но на них уже навалились таинственные пришельцы, рубя полусонных пиратов мечами. Это скорее напоминало бойню, чем сражение. Пираты, так и не успевшие до конца протрезветь, были безжалостно перерезаны почти до последнего человека. Я видел, как их тела сбрасывали за борт. Некоторые сами прыгнули в воду и поплыли к берегу, но таких было совсем немного. Затем победители подняли якорь, и несколько человек прыгнули обратно в лодки, потащив за собой на буксире «Надежного друга». Из своего укрытия я видел, как корабль расправил паруса и вышел в открытое море, а через несколько мгновений за ним последовал другой корабль. Я больше ничего не знаю об оставшихся в живых пиратах, потому что они, выбравшись на берег, тотчас бросились в лес и исчезли. Я знаю одно — Роджер Хауксли больше не хозяин корабля, и я не знаю, жив он или нет, но в любом случае мы должны найти кого-нибудь другого, кто мог бы отвезти нас в Италию.

Но вот тут-то и загадка — некоторые из англичан, которые захватили «Надежного друга», были простыми грубыми матросами. А другие нет! Я понимаю английский и узнаю благородную речь! Вымазанные дегтем штаны не скроют высокого происхождения их владельца от зоркого взгляда. Агнес, теми матросами командовали аристократы, изменившие свой облик!

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как зачем? Все очень просто! Они подплыли к мысу, где бросили якорь, и послали людей в лодках за добычей. Удача была на их стороне — ведь будь Хауксли и его люди трезвы и бдительны, они немедленно заметили бы приближение лодок и перевернули бы их. Поэтому аристократы оделись простыми матросами, намереваясь уничтожить морских разбойников быстро, молча и тайно. Почему они это сделали, я точно не знаю, но Хауксли одинаково ненавидели и французы, и англичане.

— Этьен, слушай! — воскликнула я.

С востока раздался топот копыт. Облака вновь закрыли луну, и стало темно, как в царстве мертвых.

— Де Валенс! — прошептала я. — Он едет сюда — и совершенно один! Дай мне пистолет, на этот раз он не ускользнет!

— Надо убедиться, что он действительно один, — шепнул в ответ Этьен, вручая мне пистолет.

— Абсолютно один, — твердо сказала я. — Если только сам дьявол не скачет вместе с ним.

Летящая тень смутно замаячила во мраке ночи, и в это мгновение свет луны прорезал узкую полоску в облаках и выхватил из темноты всадника и коня. И тогда я выстрелила.

Огромный конь мгновенно рухнул на землю. Тишину ночи прорезал крик отчаяния, который эхом подхватил Этьен. Он увидел — так же, как и я — в момент вспышки выстрела женщину, сжимающую поводья летящего коня.

Мы побежали вперед и увидели ее стройную фигуру. Она встала на колени, беспомощно поднимая руки и всхлипывая от страха.

— Вы ранены? — тяжело дыша, спросил Этьен. — О Боже, Агнес, ты убила женщину!

— Я убила только ее коня, — ответила я. — Он скинул голову как раз в тот момент, когда я выстрелила. Сейчас я осматриваю ее.

Наклонившись над ней, я подняла ее лицо, бледный овал которого смутно видела в темноте. Ее кожа была удивительно мягкой и нежной, так же как и ткань ее одежды.

— Ты ранена, девочка? — спросила я.

Но, услышав мой голос, она вдруг вскрикнула и обвила руками мои колени.

— О, вы тоже женщина! Пощадите меня! Будьте милосердны, не убивайте меня! Пожалуйста...

— Перестань хныкать, девочка! — нетерпеливо приказала я. — Здесь никто не собирается тебя убивать. Ты не переломала кости, когда падала?

— Нет, я только ушиблась и испугалась. Но... о, моя бедная лошадь!

— Прошу прощения, — пробормотала я. — Я не люблю убивать животных. Я метила в вас.

— Но зачем вам убивать меня? — вновь запримечала она. — Я вас даже не знаю...

— Меня зовут Агнес де Шатильон, — представилась я, — некоторые называют меня Темной Агнес де ля Фер. А ты кто?

Я подняла ее на ноги и отступила на шаг. В это мгновение сквозь облака прорвался лунный свет, и дорога заискрилась серебристым сиянием. Я с изумлением смотрела на богатую одежду нашей пленницы; красота ее нежного лица, обрамленного ореолом шелковистых волос, казалась какой-то нереальной; темные глаза сверкали в лунном свете, словно черный жемчуг. И вдруг Этьен как-то странно вскрикнул.

— Моя госпожа! — Он сорвал с себя шляпу и рухнул перед ней на колени. — Становись на

колени, Агнес, скорее! Это же Франсуаза де Фуа!

— Чего ради честная женщина будет становиться на колени перед королевской куртизанкой? — сурово спросила я, сунув руки за пояс и широко расставив ноги. Этьен лишился дара речи, а девушка вздрогнула, услышав мои слова, сказанные с деревенской прямоотой.

— О, прошу вас, встаньте! — робко сказала она Этьену. Тот поднялся, по-прежнему держа шляпу в руках.

— Но это было в высшей степени безрассудно, моя госпожа! — пылко произнес он. — Ехать одной, ночью...

— О! — внезапно вскрикнула она, схватившись за виски. — Ведь сейчас они, может быть, убивают его! О, сударь, если вы мужчина, прошу вас, помогите мне!

Она схватила Этьена за руки и умоляюще сжала их.

— Послушайте, — взмолилась она, хотя Этьен и так слушал только ее. — Я приехала сюда сегодня ночью одна, как вы видели, чтобы попытаться исправить зло и спасти жизнь человека. Вы знаете меня как Франсуазу де Фуа, любовницу короля...

— Я видел вас при дворе, где не всегда был посторонним, — сказал Этьен, и мне показалось, что эти слова он произносил с трудом. — Я знаю вас как самую красивую женщину во Франции.

— Благодарю вас, мой друг, — сквозь слезы улыбнулась она, все еще продолжая крепко сжимать его руки. — Но мир видит мало из того, что происходит за дворцовыми дверями. Люди говорят, что я вожу короля за нос, но — да поможет мне Бог — клянусь, что я всего лишь пешка в игре, которой не

понимаю. Я рабыня более сильной воли, чем воля Франсиса.

— Луиза Савойская, — прошептал Этьен.

— Да, она через меня управляет своим сыном, а через него — всей Францией. Именно она сделала меня тем, кто я сейчас есть. А ведь я могла бы быть не любовницей короля, а честной женой какого-нибудь честного человека. Послушайте, мой друг, послушайте и поверьте мне! Сегодня ночью один человек мчится к берегу — и к своей смерти! И письмо, которое завлекло его туда, было написано мною! О, как я отвратительна — ведь он любит меня! Но я сама себе не госпожа, я рабыня Луизы Савойской. Я выполняю все, что она мне велит делать. Она распоряжается мною по своему усмотрению, и я не в силах ей сопротивляться. Этот человек был в Аланконе, когда получил письмо, в котором я просила его встретиться со мной в одной таверне на берегу. Он поехал бы туда только ради меня, потому что ему хорошо известно о своих могущественных врагах. Но мне он доверяет — о, Боже, смилуйся надо мной!

Она истерически всхлинула, а я смотрела на нее в изумлении, потому что за всю свою жизнь ни разу не видела плачущих людей.

— Это козни Луизы, — продолжала она. — Когда-то она любила этого человека, но он отверг ее, и она поклялась ему отомстить. Она уже лишила его титула и почестей, теперь она хочет лишить его жизни. В той таверне его должны встретить, но не я, а наемные убийцы. Они убьют его слуг и возьмут в плен его самого, чтобы отдать в руки пирата Роджера Хауксли, который хорошо заплатил, чтобы избавиться от него навсегда.

— Зачем же было так все усложнять? — недоверчиво спросила я. — Если хочешь избавиться от человека, то чего уж проще — нож в спину, и все дела!

— Луиза на это не осмелится, — покачала головой Франсуаза. — Этот человек слишком силен и могуществен...

— Во Франции есть только один человек, которого Луиза может так сильно ненавидеть, — сказал Этьен, пристально глядя ей в глаза. Она опустила голову, затем подняла ее и встретилась взглядом с моим другом.

— Да, — всего лишь вымолвила она.

— Для Франции это будет ударом, — пробормотал Этьен, — если ему не повезет. Но, моя госпожа, Роджер Хауксли не придет туда, чтобы забрать его...

И он коротко рассказал ей о том, что видел на берегу.

— Тогда наемники сами его убьют, — с горечью произнесла она. — Они ни за что не дадут ему уйти. Ими командует Жан, правая рука Луизы...

— И Рено де Валенс, — добавил Этьен. — Теперь я все понял — ты была как раз в этой шайке, Агнес. Интересно, знает ли д'Аланкон о заговоре?

— Нет, — ответила Франсуаза. — Но Луиза намеревается извести его, поэтому использует его самого доверенного человека — Рено де Валенса. О, Боже, мы теряем время! Прошу вас, помогите ему! Поедьте вместе со мной к таверне «Ястреб». Может быть, мы еще успеем его спасти, если опередим наших врагов. Я убежала из дворца и скакала всю ночь во весь опор, так, пожалуйста, помогите мне сейчас!

— Франсуазе де Фуа никогда не придется просить дважды Этьена Вильера, — каким-то напряжен-

ным, неестественным голосом произнес Этьен, стоя в полосе призрачного лунного света со шляпой в руках. Возможно, это была всего лишь игра луны, но мне показалось странным выражение его лица — почему-то вдруг смягчились его резкие черты, ставшие таковыми за время дикой жизни бродяги, и он выглядел совсем другим человеком — благородным и утонченным.

— И вы, мадемуазель! — Придворная красотка повернулась ко мне, протягивая руки. — Вы не должны преклонять передо мной колени — вот, смотрите, это я стою на коленях перед вами!

И она тут же грохнулась на колени в придорожную пыль. Я поморщилась, увидев, как на ее глазах вновь заблестели слезы.

— Вставайте, девушка, — неуклюже буркнула я, вдруг чего-то застыдившись. — Не надо стоять передо мной на коленях. Я помогу всем, чем смогу. Мне ничего не известно о дворцовых интригах, и то, что вы сказали, мне не совсем понятно, но что мы сможем сделать — мы сделаем!

Всхлипнув, она поднялась и, обвив своими нежными руками мою шею, поцеловала меня в губы, что привело меня в совершенное замешательство. Я вдруг поняла, что меня поцеловали впервые.

— Пошли, — грубовато сказала я. — Мы теряем время.

Этьен поднял Франсуазу и усадил ее в свое седло, усевшись сзади, а я взгромоздилась на своего огромного черного коня.

— У тебя есть какой-нибудь план? — спросил меня Этьен.

— Никакого. Мы будем действовать по обстоятельствам. Сейчас нам надо как можно быстрее мчаться в таверну «Ястреб». Если Рено потерял вре-

мя, разыскивая меня, — а я в этом не сомневаюсь, — то он и его наемники еще не успели добраться до таверны. Если они все же уже близко к ней — что ж, у нас всего два меча, но они стоят многих!

Я принялась перезаряжать пистолет, взятый у Этьена, а это было нелегкой задачей — в темноте, да еще на полном скаку. Поэтому что за беседа происходила между Этьеном и Франсуазой, я не знаю, но их неразборчивое воркование время от времени доносилось до моих ушей, причем в его голосе звучала незнакомая мне нежность, что было очень странным для такого бродяги, как Этьен Вильер.

Наконец мы подъехали к таверне «Ястреб», силуэт которой неясно вырисовывался на фоне темного неба. Таверна почти полностью была погружена во мрак, если не считать тусклого фонаря, освещавшего общую комнату. Над таверной стояла гробовая тишина, а в воздухе чувствовался запах свежeproлитой крови...

На дороге перед таверной лежал человек в ливрее лакея; его белое удивленное лицо невидящими глазами смотрело на звезды, а костюм его был залит кровью. Возле двери распростерлась фигура в черном плаще, рядом валялись обрывки пропитанной кровью черной маски. Его лицо вряд ли узнал бы даже близкий друг — оно напоминало кровавое месиво.

Внутри, у самых дверей, лежал другой слуга, из пробитого черепа которого все еще вытекал мозг, а сам он продолжал сжимать сломанный меч. Общая комната представляла собой нагромождение сломанных скамеек и изрубленных столов, обильно залитых кровью. Третий слуга, скрючившись, лежал в углу; на его пропитанном кровью костюме было

не меньше дюжины колотых ран от меча. Над помещением висела неестественная звенящая тишина.

Франсуаза, закрыв лицо руками и глухо застонав, упала на пол, охваченная ужасом от увиденного, и Этьен тут же бросился ее поднимать.

— Рено со своими головорезами уже был здесь, — сквозь зубы проговорил он. — Они взяли свою добычу и ушли. Но куда? Хозяин таверны и его слуги, должно быть, в ужасе разбежались, и, пока не наступит день, они не вернутся.

Но, внимательно оглядывая с мечом в руке все уголки, я обнаружила за перевернутой скамьей фигуру, что скрючилась и замерла в безумном страхе. Вытащив ее оттуда, я увидела, что это девушка-служанка, которая тут же рухнула передо мной на колени, моля о пощаде.

— Не бойся, все уже позади, — терпеливо сказала я ей. — Никто тебя не тронет. Ну-ка, быстро расскажи, что здесь произошло.

— Люди в масках, — всхлипнула она. — Они внезапно вошли в дверь и...

— И ты не слышала топота копыт? — спросил Этьен. — Разве...

— Разве Рено предупреждает когда-нибудь своих жертв? — резко перебила я его. — Конечно, они оставили коней где-то поблизости, а сами тихо подошли к таверне. Пойдем, девочка!

— Они набросились на господина и его слуг, — зарыдала она. — На господина, который приехал сюда раньше и молча сидел здесь за кубком вина, как будто о чем-то думал или грустил. Когда люди в масках вошли, он вскочил на ноги и крикнул, что его предали...

— Ах! — издала крик ужаса Франсуаза де Фуа, заламывая руки.

— И тогда здесь началась борьба, убийства... смерть, — продолжала рыдать девушка. — Они убили слуг господина, а его самого связали и увели...

— Это он так отделал наемника, который валяется за порогом? — спросила я.

— Нет, он убил его из пистолета. Но главный из тех, что были в масках — такой высокий человек в блестящей кольчуге под плащом, — изрубил лицо мертвого своим мечом...

— Да, — пробормотала я. — Де Валенс не оставил бы его так — он не желает, чтобы кого-нибудь из его наемников узнали.

— И этот же высокий человек, прежде чем уйти, проткнул мечом каждого из убитых слуг, чтобы убедиться, что они мертвы, — снова всхлинула девушка. — Я спряталась за скамейкой, потому что была так испугана, что побоялась бежать, как хозяин и другие слуги.

— В каком направлении они побежали? — спросила я, хорошенько встряхнув дрожащую девушку.

— Вон туда! — указала она рукой. — По старой дороге к берегу.

— Ты слышала какие-нибудь разговоры людей в масках — куда они собирались направиться дальше?

— Нет-нет, они говорили мало, а я была так напугана...

— Дьявол тебя побери, бестолочь! — в сердцах воскликнула я. — Такая работа никогда не делается молча. Подумай как следует, вспомни хоть что-нибудь из того, что они говорили, прежде чем я перекину тебя через свое колено.

— Все, что я помню, — со страхом глядя на меня, произнесла она, — это то, что высокий мужчина сказал бедному господину, когда они его связыва-

ли. Он снял шлем и шутливо поклонился, а потом с насмешкою сказал: «Мой господин, корабль ждет вас!»

— Значит, они посадили его на корабль! — воскликнул Этьен. — А ближайшее место, где может стоять корабль, — это Пиратская Бухта! Они не могли уйти далеко от нас. Если они поехали по старой дороге — а скорее всего, так оно и есть, ведь они не знают страну так хорошо, как я, — то им придется добираться до бухты на полчаса дольше, чем нам, потому что мы поедем кратчайшим путем — я его знаю!

— Тогда скорее! — крикнула Франсуаза, в которой вновь вспыхнула надежда. Несколько мгновений спустя мы уже мчались сквозь мрак ночи к берегу. Тропинка, бравшая начало откуда-то из густых зарослей, была едва заметной, затем она перешла в горную тропу, что спускалась к морю мимо огромных валунов и поваленных деревьев.

Наконец мы примчались в бухту, окруженную каменистыми склонами, на коих росли могучие деревья. Сквозь них мы увидели мерцающие блики воды, а в ней — отражение дрожащей луны. Соскочив с коней, мы с Этьеном бросились вперед, оставив Франсуазу, и вскоре увидели открытый берег, который ярко осветила луна — как раз в этот момент она полностью вышла из-за облаков.

В тени деревьев стояла группа черных злобых фигур, а на берегу, возле лодки, мы увидели людей, одетых в матросские костюмы. Чуть подалее в бухте стоял корабль, поблескивая позолоченной отделкой бортов, и Этьен тихо выругался.

— Это же «Надежный друг», но только с другой командой! Та уже пошла на корм рыбам, а эта — люди, захватившие корабль. Что же за дьявольская игра здесь идет?

Мы увидели человека, которого толкали вперед наемники в масках. Он был высок и хорошо сложен, и, несмотря на то что его одежда была порвана и залита кровью, а руки связаны за спиной, он выглядел победителем.

— Святой Дени,— прошептал Этьен.— Ведь это он, действительно он!

— Кто? — спросила я.— Кто этот человек, ради спасения которого мы рискуем жизнью?

— Шарль...— начал было он, но вдруг замер.— Слушай!

Мы подобрались поближе, и до нас отчетливо донесся голос Рено де Валенса:

— Нет, этого не было в условиях сделки. Я вас не знаю. Пусть на берег сойдет ваш капитан, Роджер Хауксли. Я хочу убедиться, что он знает свои инструкции.

— Капитана Хауксли нельзя беспокоить,— ответил один из моряков — высокий человек с горделивой осанкой. Его французский не был безупречен.— Вам не стоит опасаться: вот «Надежный друг», а вот и храбрецы капитана Хауксли. Вы привезли нам пленника. Мы возьмем его на борт и отплывем. Вы сделали свою часть работы, теперь мы будем делать свою.

Я разглядывала моряков с любопытством, потому что никогда раньше не видела англичан. Высокие и крепкие, все они были вооружены огромными мечами, а под их одеждой тускло поблескивали кольчуги. Они взяли за плечи человека, которого Этьен назвал Шарлем, и повели его к лодке — за

этим наблюдал солидный, внушительного вида господин в красном плаще.

— Да,— сказал Рено,— там действительно «Надежный друг», мне он хорошо знаком. Но вот вас я не знаю. Позовите капитана Хауксли, или я сейчас заберу пленника обратно.

— Ну хватит! — высокомерным тоном прервал его моряк.— Я же сказал, что Хауксли не может выйти. Вы не знаете меня...

Но де Валенс, внимательно прислушиваясь к голосу англичанина, внезапно в ярости закричал:

— Нет, клянусь Богом, я думаю, что знаю вас, мой господин!

И он вдруг подскочил к моряку и сдернул с него нахлобученную по самые брови широкополую шляпу, обнаружив под ней стальной шлем, венчавший его голову, и гордое надменное лицо с резкими ястребиными чертами.

— Ах вот как! — воскликнул де Валенс.— Теперь я знаю, зачем вам нужен мой пленник! Вы собирались держать его при себе — как дубинку над головой Франсиса! Вы просчитались! Я могу быть разбойником, но предателем моего короля — никогда!

И, выхватив пистолет, он выстрелил — не в английского лорда, а в пленного Шарля, однако англичанин успел ударить его по руке, и пуля пролетела мимо. В следующее мгновение на берегу началась суматоха — наемники Рено, услышав крики своего главаря, бросились на моряков; те достойно встретили их. Я увидела, как, выхватив меч, Рено замахнулся на лорда, но тот, подняв свой, парировал удар. Некоторое время они ожесточенно сражались, затем вдруг меч Рено стал красным, а англичанин упал на песок и затих.

Потом я увидела, что люди, державшие связанного Шарля, оставили его под присмотром господина в красном плаще и присоединились к сражению. Господин немедленно потащил пленника к лодке, несмотря на его отчаянное сопротивление. Затем я услышала всплеск весел и увидела три другие лодки, быстро плывущие к берегу.

Мы с Этьеном переглянулись и, выскочив из убежища, помчались по песку в сторону Шарля и господина в красном плаще.

Накал битвы уже достиг своего предела. Наемники, которых было много меньше, чем моряков, но зато они были злобные и яростные, как волки, отчаянно рубились с англичанами, заливая кровью песок.

Но когда мы вмешались в сражение, англичане вдруг набросились и на нас. Этьен выстрелил, промахнулся — его подвел обманчивый лунный свет — и в следующее мгновение уже сцепился с одним из моряков на мечах. Я не стреляла до тех пор, пока дуло моего пистолета едва ли не коснулось груди противника, так что, когда я нажала на курок, тяжелая пуля разорвала его кольчугу как бумагу и занесенный над моей головой меч в то же мгновение упал на песок.

До Шарля и его охранника оставалось несколько шагов, но когда я приблизилась к ним, то увидела там еще одного. Пока люди на берегу сражались, убивали и погибали, де Валенс ни на миг не упускал из виду свою цель. Поняв, что ему не удастся вернуть пленника, он решил безжалостно убить его.

Он принялся прокладывать себе дорогу, отчаянно рубя мечом направо и налево. Подобравшись к

пленнику, он попытался ударить его мечом по незащищенной голове, но плотный господин в красном плаще парировал удар и завопил, призывая на помощь своих соратников. В суматохе битвы его никто не услышал, и он продолжал парировать удары де Валенса, но так неуклюже, что вскоре Рено легко выбил меч у него из рук. Однако прежде, чем он успел еще раз замахнуться, я одним прыжком оказалась рядом с ним, обрушив на него всю силу своего удара и метя ему в шею над латным воротником. Но удача вновь изменила мне — мои ноги скользнули по песку, и острое меча лишь царапнуло его кольчугу.

Де Валенс мгновенно обернулся и узнал меня. Он потерял свою маску, и при неверном свете луны лицо его казалось безумным, а глаза горели дьявольским пламенем.

— Клянусь Богом! — взревел он, дико расхохотавшись. — Это же рыжеволосая бестия, которую я ищу!

Крича это, он все же успел отбить мой клинок и больше уже не произносил ни слова — мы молча, ожесточенно дрались. Кровь хлестала из моего бедра, раненая рука с трудом удерживала меч, но это только разозлило меня и удеситерило мою ярость. Наконец я нанесла ему решающий удар, пробив его шлем и почувствовав, что меч коснулся головы — из-под шлема потоком хлынула кровь, заливая его лицо. Еще один такой же удар — и он зашатался, бросив быстрый взгляд в сторону и увидев, что почти все его наемники лежат мертвыми и никто не сможет ему помочь. Дико расхохотавшись, де Валенс вдруг отпрянул и метнулся прочь, пробиваясь через людей, пытавшихся его остановить. Ему это удалось, и вскоре он исчез в

тени деревьев, а еще через несколько мгновений оттуда послышался топот копыт.

Я стремительно бросилась к узнику, которого, пыхтя и тяжело дыша, цепко держал человек в красном. Отшвырнув этого толстого господина в сторону, я быстро перерезала веревки, стягивающие руки Шарля, и, схватив его за руку, потащила к лесу. Не рассчитав своей силы, я так резко сдвинула его с места, что он упал и вынужден был следовать за мной едва ли не на четвереньках.

Господин в красном плаще отчаянно заверещал и пустился за нами в погоню, пытаясь вновь отобрать свою добычу, но я бесцеремонно отбросила его на несколько шагов и, поставив Шарля на ноги, снова потащила его в сторону леса. Похоже, он был немного не в себе от удара мечом плащом по голове — я видела, что он едва мог идти. Но теперь к нам на помощь пришел Этьен; мы подхватили пленника с двух сторон под руки и поволокли его дальше.

Но господин в красном плаще не сдавался. По примеру де Валенса, он подбежал к Шарлю и ударил его мечом в спину. Но меч лишь скользнул по одежде пленника, потому что я успела ударить толстяка по руке с такой силой, что он покатился по песку, визжа, как обезумевшая свинья. Несколько англичан в испуге бросились поднимать его, увидев, что красный плащ господина окрасился бурой кровью, но я знала, что он всего лишь легко ранен, так как силу моего удара смягчила кольчуга.

Они выкрикивали какое-то имя, звучавшее как «Уолси», и бестолково вертелись вокруг него вместо того, чтобы осмотреть рану, а он, корчась на

песке, яростно ругался и проклинал своих неуклюжих помощников. Между тем мы с Этьеном и спасенным нами человеком добрались наконец до леса, где возле привязанных лошадей нас ждала Франсуаза.

Бледной тенью она стояла под освещенными лунной деревьями и, когда Шарль взглянул на нее, вздрогнула и протянула к нему руки.

— О, Шарль! — горячо воскликнула она. — Прости меня! У меня не было выбора...

— Я доверял тебе, как никому другому, — грустно сказал он, отвернувшись в сторону.

— Мой господин герцог Бурбонский, — почти-тельно произнес Этьен, коснувшись его плеча. — Я имею право рассказать вам, что если против вас и было совершено зло, то этой ночью оно было исправлено. Если Франсуаза де Фуа предала вас, то она же и рисковала жизнью ради вашего спасения. Теперь я прошу вас, возьмите этих коней и скачите как можно быстрее, потому что никто не знает, что может случиться в следующий момент. Тех людей привел кардинал Уолси, а его не так-то просто одолеть.

Словно во сне, герцог Бурбонский нетвердыми шагами подошел к коню и с трудом взобрался на него, а Этьен заботливо подсадил в седло другого коня Франсуазу де Фуа. Кивнув нам на прощание, они тронули поводья и поскакали сквозь причудливые тени деревьев, перемежающиеся с серебристым лунным светом, и вскоре исчезли из виду. Я повернулась к Этьену.

— Что ж, — улыбнулась я, — несмотря на все наше рыцарство, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начинали. Мы без денег, у нас нет никакой возможности добраться до Италии, да ты еще и

отдал им наших коней! Интересно, каким будет наше следующее приключение?

— Я держал Франсуазу де Фуа в своих объятиях,— мечтательно произнес он.— И в конце концов, любое приключение — это ни что иное, как разрядка для Этьена Вильера.

ПОДРУГА СМЕРТИ

В

глубине темной аллеи впереди меня раздались звуки лязгающей стали и дикий крик человека — так кричат только в предсмертном ужасе. Из темноты метнулись три закутанные в плащи тени и в панике бросились бежать, словно за ними по пятам гналась сама смерть. Я прижалась к стене, чтобы дать им дорогу, и двое, не замечая меня, промчались мимо, судорожно хватая ртом

воздух, а третий, бежавший чуть позади, наткнулся на меня.

Он завопил, как безумный, очевидно полагая, что на него напали и сейчас будут бить; он схватил меня за руку, в отчаянии вцепившись в нее зубами будто бешеная собака. С проклятиями я вырвала свою руку и оттолкнула незнакомца в сторону с такой силой, что сама не удержалась на ногах и рухнула на колени.

Продолжая вопить, он помчался по аллее, а я быстро вскочила на ноги и тотчас увидела перед собой уже другую темную фигуру, призраком возникшую из мрака ночи. Свет мерцающего вдали факела тускло блеснул на шлеме незнакомца, и как раз в этот момент он занес над моей головой огромный меч. Я едва успела отразить его; раздался оглушительный звон стали; брызнул сноп искр, когда наши мечи встретились. В ярости я нанесла нападавшему такой сокрушительный удар, что острие, пройдя сквозь горло, вышло наружу с затылка, сбросив шлем с его головы.

Кто были эти люди — я не знала, да и не было времени на какие-то переговоры или объяснения. Темные неясные фигуры лезли теперь на меня со всех сторон, их длинные мечи со свистом кружили надо мной. Я почувствовала сильный удар по шлему, и перед глазами у меня сверкнули искры, на миг ослепившие меня, но я, не останавливаясь, продолжала отчаянно рубить направо и налево, слыша разъяренные крики и проклятия тех, до кого добирался мой клинок. И тут случилось непредвиденное — отступив на шаг, чтобы увернуться от удара, я запуталась ногой в плаще одного из убитых мной и, потеряв равновесие, рухнула прямо на распростертое тело.

Тотчас раздался радостный победный клич, и один из разбойников с поднятым мечом бросился на меня. Но прежде, чем он смог нанести мне смертельный удар и прежде, чем я смогла поднять над головой меч, чтобы отразить его, раздался торопливый звук шагов позади меня и в слабом свете возникла неясная фигура. В то же мгновение занесенный надо мной меч отлетел в сторону, выбитый из рук разбойника чьим-то сильным и точным ударом.

— Собаки! — произнес загадочный незнакомец с каким-то странным акцентом. — Неужели вы способны бить лежащего?

Тот, кто хотел убить меня, свирепо зарычал и, подхватив свой клинок, бросился на моего спасителя. Но к тому моменту я уже вскочила на ноги и принялась неистово, как демон, рубить наседавших со всех сторон врагов. Краем глаза я заметила, что мой спаситель пронзил насквозь своего противника; еще один упал, сраженный моим мечом, и наконец разбойники дрогнули, в панике бросились бежать и исчезли вскоре в глубине темной аллеи.

Я повернулась к моему незнакомому другу и увидела стройного худощавого человека, ростом ненамного выше меня. Тусклый свет факела упал на его высокие сапоги и бархатный камзол, под которым сверкнула тонкая серебристая кольчуга. На плечах его был красивый малиновый плащ, а на голове — украшенная пером шляпа. На его чисто выбритом загорелом лице холодно поблескивали спокойные светлые глаза, а на щеках и лбу белели шрамы, свидетельствующие о бурной, полной приключений жизни. Он держался слегка высокомерно; каждое его движение выдавало сталь-

ную силу его мускулов и точность отличного фехтовальщика.

— Благодарю тебя, мой друг, — сказала я. — Мне повезло, что ты оказался рядом в самый нужный момент.

— Дьявол! — воскликнул он. — Это все ерунда! Я сделал не больше, чем делал для любого мужчины, но — святой Андрей! — ты женщина!

Ничего не ответив, я молча почистила свой меч и вложила его в ножны, в то время как он смотрел на меня во все глаза.

— Агнес де ля Фер! — медленно произнес он наконец. — Да, а как же иначе? Я слышал о тебе, еще в Шотландии. Дай мне свою руку, девочка! Я мечтал о встрече с тобой. И знаешь, не такой уж пустяк для Темной Агнес пожать руку Джону Стюарту!

Я пожала ему руку, хотя, по правде говоря, мне никогда не приходилось слышать о Джоне Стюарте. Я ощутила стальную силу его пальцев и в то же время их гибкость и подвижность, что означало страстность натуры.

— А кто были те негодяи, что покушались на твою жизнь? — спросил он.

— У меня много врагов, — небрежно ответила я. — Но я думаю, что это были обычные головорезы, грабители и убийцы. Они гнались за какими-то тремя, а я просто попала им на дороге, вот они и решили заодно перерезать горло мне.

— Понятно, — кивнул он. — Я видел троих в черных мантиях. Они бежали к выходу из аллеи с таким видом, будто за ними гнался сам Сатана. Это возбудило мое любопытство, и я пошел посмотреть, что творится там, впереди. Потом я услышал звон стали... Святой Андрей! Люди говорили, что твой

меч подобен молнии, и теперь я сам в этом убедился! Но давай сейчас посмотрим, убежали негодяи или затаились где-нибудь в тени, чтобы затем напасть на нас сзади.

Он прошел до большой ниши в стене и, заглянув туда, повернулся ко мне.

— Похоже, они убежали, но тут рядом что-то лежит. Кажется, мертвец.

Тут я вспомнила, что слышала в самом начале всей этой стычки дикий крик, и подошла к Джону Стюарту. Мы склонились над двумя недвижимыми телами, лежавшими в слякоти в глубине аллеи. Один из мертвецов — человек небольшого роста, был одет в такую же мантию, как и те трое беглецов. В груди его зияла глубокая, явно смертельная рана.

Стюарт перевернул на спину другого убитого и в изумлении застыл.

— Этот человек мертв уже давно! — воскликнул он. — Более того, он умер не от меча или пистолета. Смотри! Видишь, как распухло и побагровело его лицо? Он был повешен! И одет он в наряд висельника... Агнес, ты знаешь, кто это?

— Я отрицательно покачала головой, и Джон сказал:

— Это Костранно, итальянский маг и чародей, которого сегодня на рассвете вздернули на виселице за городской стеной! Его осудили за занятия черной магией и обвинили в том, что он отравил сына герцога Тура, а потом свалил вину на другого. Но Франсуаза де Бретань, догадываясь об истине, хитростью выманила у него признание и сообщила об этом властям.

— Я что-то слышала об этом деле, — сказала я. — Но в Шартре я всего лишь неделю.

— Это точно Костранно,— выпрямившись, произнес Стюарт.— Хотя черты его лица так искажены, что я сразу и не узнал бы его, если бы не отсутствие среднего пальца на левой руке. А вот тот, второй,— Жак Пелиньи, его ученик. Ему тоже вынесли смертный приговор, но он сбежал, и его никто не мог найти. Что ж, магия все равно не спасла беднягу от меча разбойника! Значит, последователи Костранно вытащили своего учителя из петли. Но зачем они принесли тело обратно в город?

— У Пелиньи что-то есть в руке,— сказала я, разжимая пальцы мертвеца, крепко державшие какой-то предмет. Им оказался обрывок золотой цепочки с необычным красным драгоценным камнем, сверкнувшим в темноте, как глаз хищника.

— Святой Андрей! — пробормотал Стюарт.— Это очень редкий камень!

Он внезапно схватил меня за руку.

— Стража! Нас не должны увидеть рядом с этими покойниками!

Я заметила в конце аллеи свет факела и услышала стук кованых сапог. Я резко выпрямилась, и — цепь с камнем выскользнула у меня из рук, как будто ее кто-то вырвал, и упала на грудь мертвого чародея. Не желая терять время, чтобы поднять драгоценность, я помчалась по аллее вслед за Стюартом. Оглянувшись на бегу, я увидела неистово горевший на груди мертвеца камень, похожий на багровую звезду.

Выбежав из аллеи в узкую улочку, чуть лучше освещенную, мы торопливо двинулись по ней, пока не увидели таверну. Зайдя внутрь и усевшись чуть в стороне от остальных посетителей, что праздно болтали за уставленными кувшинами и бутылками

столами, мы потребовали себе вина, и хозяин тотчас принес нам две большие кружки.

— За наше знакомство,— улыбнулся Джон Стюарт, поднимая свою кружку.— Клянусь святым Андреем, теперь я вижу тебя при свете и все больше и больше восхищаюсь тобой. Ты красивая женщина, и даже в шлеме, камзоле и сапогах тебя не перепутаешь с мужчиной. Так вот кого называют Темной Агнес! Действительно, несмотря на твои рыжие волосы и нежную кожу, в тебе есть что-то необычное, темное. Люди говорят, что ты идешь по жизни, как сама судьба,— неутомимая и неизбежная, и те, кто идет рядом с тобой, долго не живут. Скажи мне, девочка, почему ты носишь мужскую одежду и следуешь дорогой мужчины?

Я покачала головой, раздумывая, стоит ли мне рассказывать о себе, но Стюарт еще раз настойчиво повторил свой вопрос, и я решила кое-что ему все-таки поведать.

— Меня зовут Агнес де Шатильон, а родилась я в деревне Ля Фер, что в Нормандии. Мой отец — незаконный сын герцога де Шатильона и простой крестьянки. Он служил наемником в zahraniчных походах, пока не стал слишком старым, чтобы маршировать и сражаться. Если бы я не была такая сильная и выносливая, то умерла бы еще в детстве от его побоев. Когда он решил выдать меня замуж за человека, которого я ненавидела, я убила своего жениха и убежала из деревни. Моим другом стал Этьен Вильер. Он объяснил мне, что беспомощная женщина — легкая добыча для любого мужчины. Позже я поняла, что я такая же сильная, как большинство мужчин, но гораздо более гибкая и подвижная.

Потом я познакомилась с Жискаром де Клиссоном — генералом наемников в заграничных походах, — который научил меня искусству владеть мечом. Его потом подло убили выстрелом в спину из кустов. Я действительно веду образ жизни мужчины — пью, ругаюсь, хожу в походы и сражаюсь так, что не каждый мужчина может со мной сравниться. Более того — я еще не встречала равного себе в сражении на мечах.

Стюарт еле заметно усмехнулся, услышав эти слова, а затем поднял свою кружку и, сделав большой глоток, сказал:

— Еще ни один человек ни во Франции, ни в Шотландии не сказал, что меч Джона Стюарта сделан из соломы. Если хочешь, можешь сама в этом удостовериться. Э, кто это?

Дверь таверны открылась, и порыв холодного ветра едва не задул свечу, заставив ее неистово задрожать, а людей, сидевших за столами, судорожно поежиться. В таверну вошел высокий человек. Он был закутан в широкую черную мантию, а когда поднял голову, чтобы обвести пристальным взглядом присутствующих, в таверне воцарилось глубокое молчание.

Лицо вошедшего было каким-то странным, неестественным — цветом очень темное, почти черное. Его глаза, горевшие мрачным неземным светом, казались неподвижными и застывшими. Я заметила, как несколько подвыпивших посетителей таверны быстро перекрестились, встретившись с ним взглядом, и как будто бы вмиг протрезвели, — а он между тем закрыл за собой дверь, прошел через зал, спокойно уселся в дальнем углу, где едва светило тусклое пламя свечи, и еще плотнее завернулся в свой плащ, хотя ночь была довольно душная. Потом не-

знакомец взял в руки кружку, которую принес ему трясущийся от страха слуга, и низко склонился над ней, так что его лица больше не было видно — его закрывали широкие поля шляпы.

Гул в таверне постепенно возобновился, но был уже не такой оживленный, как раньше.

— Кровь на той мантии, — тихо произнес Джон Стюарт. — Если этот человек не убийца, то, значит, я полный дурак! Хозяин, еще бутылку!

— Ты первый шотландец, которого я встретила, — сказала я. — Хотя раньше мне приходилось иметь дело с англичанами.

— Дьявол бы их всех побрал! — вскричал Стюарт. — Всю их подлую породу! А также тех, кто изгнал меня из Шотландии!

— Так ты изгнанник? — спросила я.

— Да! С жалкой горсткой золота в сумке. Но удача всегда благоволит к отважным. — И он выразительно положил руку на рукоять меча.

Я скосила глаза, чтобы еще раз посмотреть на загадочного незнакомца, сидевшего в дальнем углу таверны. Стюарт, заметив мой взгляд, тоже повернулся к нему. Человек, напугавший пьяных завсегдаев, поднял руку и поманил пальцем толстого хозяина, который тотчас подошел, почтительно кланяясь и нервно теребя край кожаного фартука. Когда незнакомец заговорил, на лице хозяина таверны появились признаки крайнего замешательства.

— Он итальянец, — прошептал Стюарт. — Я всегда узнаю их тарабарщину.

Но загадочный посетитель вдруг перешел на французский, и мы отчетливо слышали его слова:

— Франсуаза де Бретань. — Он произнес это имя несколько раз. — Где находится дом Франсузы де Бретань?

Хозяин харчевни принялся жестикулировать, указывая направление, в котором следовало искать дом Франсуазы де Бретань, а Стюарт пробормотал:

— Какого дьявола этому итальянскому придурку понадобилась Франсуаза де Бретань?

— Тебя это так волнует? — усмехнулась я. — Что же удивительного в том, что мужчины хотят с ней встретиться?

— Вокруг красивых женщин всегда много сплетен, — сказал Стюарт, взяв в руки кружку. — Если о ней и говорят, что она любовница герцога Орлеанского, то это не значит, что...

Внезапно он замер с поднесенной к губам кружкой; на его лице появилось выражение крайнего изумления. Обернувшись, я увидела, что итальянец поднялся и направился к двери.

— Остановите его! — крикнул Стюарт, вскочив на ноги и вытащив меч. — Держите этого проходимца!

В это мгновение в таверну ввалилась толпа солдат в доспехах и шлемах, и итальянец проскользнул мимо них, закрыв за собой дверь. Крепко выругавшись, Стюарт рванулся вперед, но солдаты загородили ему дорогу. Вперед вышел высокий человек в сверкающих доспехах. Он встал на середине комнаты, окинул всех суровым взглядом и громко сказал:

— Агнес де ля Фер, вы арестованы за убийство Жака Пелиньи!

— Что это значит, Тристан? — в ярости крикнула я, вскочив на ноги. — Я не убивала Жака Пелиньи!

— Эта женщина видела, как вы убегали из аллеи, где был убит Жак Пелиньи, — сказал он, указав на

высокую стройную девушку в бусах и перьях. Она съежилась от страха в руках свирепого вида солдата и старалась не встречаться со мной взглядом. Я прекрасно ее знала — это была одна куртизанка, с которой я недавно познакомилась, но я никак не ожидала, что она даст против меня ложные показания.

— Тогда она должна была видеть и меня тоже, — вмешался Джон Стюарт, — потому что я был вместе с Агнес. Если вы арестуете ее, то должны арестовать и меня, но, клянусь святым Андреем, мой меч скажет в этом деле свое слово!

— Мне об этом ничего не известно, — ответил Тристан. — Я получил распоряжение арестовать лишь эту женщину.

— Потому что ты осел! — воскликнул Стюарт. — Она не убивала Пелиньи. Но даже если бы убила — разве этого негодяя не приговорили к смертной казни?

— Это должен был сделать палач, а не кто попал, — возразил Тристан.

— Слушай, — продолжал горячиться Стюарт, — его убили разбойники, которые потом напали и на Агнес. Она случайно проходила в это время по аллее. Я пришел к ней на помощь, и мы убили двоих из нападавших. Неужели вы не нашли их тел? На их лицах — маски, что свидетельствует об их кровавом ремесле!

— Ничего подобного мы не находили, — ответил Тристан. — Вот эта женщина видела, как Агнес де ля Фер гналась по аллее за Пелиньи, а затем убила его. Поэтому я обязан отвести ее в тюрьму. А вас, сударь, там никто не видел, так что ваши слова можно считать ложью.

— Я прекрасно знаю, почему ты хочешь меня арестовать, Тристан, — холодно сказала я, легкой

походкой приблизившись к нему. — Я отказалась стать твоей любовницей, и теперь ты мне мстишь. Глупец! Я стану любовницей только самой смерти!

— Хватит болтать! — рявкнул Тристан. — Хватайте ее!

Это были его последние слова на земле, потому что мой меч пронзил его прежде, чем он поднял руку. Солдаты тут же бросились ко мне, и я начала рубить их мечом направо и налево. Я заметила, что Джон Стюарт тоже сражается рядом со мной. В одно мгновение таверна превратилась в дом для умалишенных — топот ног, падающие столы, крики, проклятия и звон стали. Затем нам удалось прорваться к дверям. Оставив после себя груды трупов, мы выбежали на улицу. В последний момент я успела увидеть, что девушка, которую привели свидетельствовать против меня, спряталась за перевернутой скамьей. Я схватила ее за русые волосы и выволокла ее на улицу за собой.

— Бегом по аллее! — крикнул Джон Стюарт. — Сейчас сюда подоспеют другие стражники! Клянусь святым Андреем, Агнес, неужели ты потащишь с собой эту девку? Из-за нее мы можем застрять!

— У меня с ней личные счеты, — зловеще сказала я и резко дернула девицу за волосы, заставляя поторопиться. Мы пробежали по аллее и остановились, чтобы перевести дух.

— Посмотри, что там на улице, — велела я Стюарту, повернувшись к пленнице и свирепо взглянула на нее. — Марго, — тихо сказала я, — если явный враг заслуживает удара мечом, то какой участи заслуживает тайный предатель? Четыре дня назад я вырвала тебя из лап пьяных солдат и дала тебе

денег, потому что твои слезы тронули мое глупое сердце. Клянусь святым Триньяном, за это я сейчас оторву тебе голову!

— О, Агнес, — всхлинула она, упав передо мной на колени и обнимая мои ноги. — Прости меня, будь великодушна...

— Я пощажу твою никчемную жизнь, — с презрением сказала я, начиная расстегивать свой широкий ремень. — Но сейчас я задержу твои шуршащие юбки и отхлестаю тебя ремнем так, как это не делал ни один школьный надзиратель!

— Нет, Агнес! — взмолилась она. — Сначала выступай передо мной! Я не лгала! Я действительно видела тебя и шотландца! Видела, как вы выбежали из аллеи с обнаженными мечами в руках. Стражники нашли три мертвых тела; двое из них были в масках, какие бывают у грабителей. Тристан сказал, что, кто бы их ни убил, он сделал хорошую ночную работу, и спросил меня, видела ли я кого-нибудь. Я подумала, что не будет ничего страшного, если я скажу, что видела тебя и шотландца Джона Стюарта. Но когда я назвала твоё имя, он улыбнулся и сказал своим людям, что давно мечтает посадить Агнес де ля Фер в тюрьму и увидеть ее беспомощной и безоружной. Затем он сказал мне, что мое свидетельство против тебя он принимает, что же касается Джона Стюарта и двух грабителей — я должна молчать о них. Он угрожал мне смертью, если я проболтаюсь, и я не осмелилась сказать правду.

— Пес поганый, — сквозь зубы пробормотала я. — Ну что ж, теперь им придется назначить нового командира стражи.

— Но ты говорила о трех телах, — вмешался Джон Стюарт. — А их было четыре. Пелиньи, Костранно и два грабителя.

Она покачала головой:

— Я видела троих. Пелиньи лежал в глубине аллеи, полностью одетый, а другие два — возле ниши, и тот, что повыше, был обнажен.

— Как? — вскричал Стюарт. — Клянусь небом, это итальянец! Только теперь я понял! Скорей, к дому Франсуазы де Бретань!

— Это еще зачем? — нахмурилась я.

— Когда итальянец в таверне встал, чтобы уйти, я заметил, как под его плащом мелькнул обрывок золотой цепочки с большим красным камнем — помнишь, Пелиньи сжимал его в руке? Я думаю, тот человек — друг Костранно, такой же черный маг, который теперь хочет отомстить Франсуазе де Бретань. Пошли!

Он стремительно помчался вперед, и мне ничего не оставалось делать, как броситься за ним, оставив Марго. Она тут же побежала в другую сторону, радуясь, что осталась цела.

Стюарт молча летел впереди; я следовала за ним, несколько сбивая с толку его мрачным молчанием. Улицы тоже были почему-то странно безмолвными — ничто не нарушало тишины, повисшей над городом. Я не видела ни подвыпивших гуляк, ни потасовок и ссор. Невольно я даже начала немного дрожать, хотя ночь все-таки была теплой. По дороге мы не встретили ни одной живой души, даже солдат, которые обычно все время попадают на пути.

Ее дом, как ни странно, оказался совсем недалеко от таверны, притулившейся в самых грязных трущобах города, — дом одной из богатейших женщин Франции! Когда мы приблизились к нему, то не увидели ни единого огонька в окнах; точно так же были погружены во мрак и соседние дома. Мы оста-

новились, прислушиваясь к ночной тишине, но так ничего и не услышали.

Наконец Джон Стюарт подошел к воротам, которые бесшумно открылись, едва он дотронулся до них.

— Вот как! — сказал он, обернувшись ко мне. — Замок сломан, и, держу пари, не больше чем полчасика назад.

— Пошли быстрее, — нетерпеливо прошептала я, — иначе может быть слишком поздно!

— Да, — пробормотал Стюарт и вошел внутрь, оставив ворота открытыми. — Идем!

В темноте я увидела, как он вытащил меч из ножен. Внутренний двор был таким же пустынным и безмолвным, что и улицы, откуда мы только что пришли, и лишь колыхавшиеся от ночного ветерка ветви деревьев отбрасывали на землю смутные тревожные тени.

— Святой Андрей! — услышала я рядом с собой приглушенный возглас Стюарта и увидела, как он склонился над чем-то или кем-то, лежащим на земле. Я подошла к нему, вглядываясь в темноту.

В это самое мгновение луна вышла из-за облаков и отчетливо осветила тело человека, который, судя по его одежде, несомненно был слугой Франсуазы де Бретань.

— Он жив? — спросила я.

— Нет, — ответил Джон Стюарт. — Его задушили — судя по вздувшемуся лицу и отметинам на шее... Правда, эти следы какие-то странные. Здесь произошло что-то необычное. У тебя есть кремьень и огниво, Агнес?

Ни слова не говоря, я извлекла из-за пояса кремьень и огниво и резко ударила ими друг о друга.

Мгновенная вспышка пламени выхватила из темноты перекошенное, страшное лицо. Это длилось всего лишь мгновение, но нам его было достаточно, чтобы все понять.

— Клянусь всеми святыми,— прошептал Джон.— Кажется, мы столкнулись с непостижимым и ужасным врагом. Может быть, лучше бросить все и убежать из этого города?..

— О чем ты говоришь, Джон Стюарт?

— А разве ты сама не видишь, малышка?

— Вижу, но я хочу услышать, что ты скажешь.

— Тогда слушай. Я вижу следы рук на горле этого человека, и на одной руке не хватает среднего пальца.

— Ты хочешь сказать, что это рука Костранно? — мрачно спросила я.— Но как это возможно? Мы же видели его мертвым — разве ты не помнишь следы веревки на его шее, которые были такими же отчетливыми, как следы рук на горле этого бедняги?

— А камень... — покачав головой, пробормотал Стюарт.— Святой Андрей! Все, что здесь происходит,— это черная магия! Вспомни аллею, где на тебя напали! Я слышал, что булыжники, которыми ее мостили, были взяты из древнего языческого храма, что стоял за городскими стенами. Меня мороз продирает по коже, едва я подумаю о том, что все, связанное с Костранно,— правда, но никуда от этого не деться. Может быть, такие же черные маги, как и он, нарочно притащили его тело туда, где безмолвно лежат языческие камни,— видимо, для них это очень важно. Наверное, Пелиньи произносил какие-то магические заклинания, чтобы вернуть мертвого к жизни, и вдруг в ход дела вмешались грабители. Он даже не успел

спрятать камень, который для этого ритуала был явно необходим. Все кончилось, когда этот талисман выпал из твоих рук и оказался на груди мертвого Костранно.

— Святые угодники! — в ужасе произнесла я.— Значит, я сыграла свою роль в дьявольской игре! Но, если хочешь знать, камень не выпал из моих рук — его кто-то выхватил! Или что-то! Какая-то неведомая сила!

— Еще скажи, что она вышла из-под земли,— хмуро отозвался Стюарт.— Ну вот что, девочка: тебе лучше всего сейчас сесть на коня и умчаться из этого города куда подальше. Да ты и сама знаешь, что сейчас вся стража города поднята на ноги с приказом найти тебя. Нет, Агнес, тебе нельзя оставаться в Шартре.

— Я не могу скрыться бегством, иначе получится, что я признаю свою вину,— решительно сказала я.— И вообще, ты что, боишься мертвеца? Пусть даже он встал из могилы — нас же двое против его одного!

Джон Стюарт ответил не сразу, и я уже ожидала длительного спора, но вместо этого он сказал:

— Тогда у нас мало времени. Если Костранно восстал из мертвых, то он нацепил на себя одежды грабителей и помчался в дом Франсуазы де Бретань. Нам повезло, что по пути он забрел в ту самую таверну, где мы сидели, хотя вообще-то он и так должен был знать, где искать тот дом.

— Но ведь дом был совсем рядом,— прошептала я.— Меня удивило, что он находится в квартале, кишмя кишящем грабителями и убийцами,— правда, они не имеют никакого отношения к Костранно, так же как и он к ним. Но в любом случае нам надо спешить!

Мы добрались до двери, которая открылась так же легко, как и ворота. Я увидела горящую свечу и взяла ее, чтобы освещать нам дорогу. Оказалось, что мы находились в большой гостиной, обставленной так, как это принято в высших кругах. Но времени оценить все это великолепие у нас не было.

— Сюда,— махнул рукой Стюарт, и я немедленно последовала за ним.

Мы добрались до вершины лестницы и там увидели узкий коридор, тускло освещаемый мерцающим пламенем факела. Мы молча двинулись по нему, пока наконец Джон не сказал:

— Вот эта дверь!

Мы стремительно избежали вверх по ступенькам и замерли на пороге роскошной спальни. Кровать была пуста, и покрывала валялись среди опрокинутой мебели. Я увидела разбитое зеркало — как будто неведомый убийца, не найдя своей цели, выместил на нем свою злобу, ударив с силой, яростно. И при всем при том не было никаких признаков ни Франсуазы де Бретань, ни Костранно.

— Он что, применил свою черную магию? — спросила я. — А потом растворился в воздухе и унес ее с собою? Но почему тогда мы их не заметили?

И тут вдруг из темноты рядом со мной раздался какой-то звук, настолько внезапный и громкий, что рука моя задрожала и я чуть не выронила свечу. Тем не менее я нашла в себе силы и посветила в дальний угол, где, скрючившись, лежал дрожащий от страха человек.

Джон Стюарт шагнул к нему, и бедняга тотчас отпрянул к стене, издавая какие-то странные звуки, непохожие на голос и слова нормального че-

ловека. Легкая дрожь пробежала у меня по спине. Я взглянула на Джона и увидела, что он тоже содрогнулся.

— Он уже ничего не соображает,— глухо произнес Стюарт.— Вот что — теперь я все понял! Франсуаза де Бретань поняла, что ей нужна защита, и преданные ей слуги бросились на врага будто верные псы. Но никто не ожидал, что там будет нечто сверхъестественное. Франсуаза, скорей всего, убежала, не в силах разобраться, что за черные силы витают над ее головой. А слуги... Как мы видим, один из них лежит задушенный, а другой мало чем похож на человека. Теперь самое главное, что мы должны знать: где она?

— Джон Стюарт,— решительно произнесла я.— Я готова отомстить за Франсуазу де Бретань, и хотя, наверное, я не смогу спасти ее, по крайней мере, я отомщу ее убийцам.

— Тогда вперед! — коротко отозвался Стюарт. Он еще раз окинул взглядом комнату, затем стал выворачивать ящики комода и рыться в них.

— Думаю, что у Костранно более зловещие планы, чем просто убить ее, иначе сейчас мы бы имели дело с ее трупом,— сказал он, бросив комод и задумчиво оглядывая комнату.— Для его дьявольских ритуалов... О, что это?

Он откинул рваную занавеску и что-то отодвинул... Я увидела, как часть стены плавно отъехала и за ней появился небольшой коридорчик, который заканчивался лестницей, ведущей вниз.

— Вот как убежал наш некромант,— сказал Джон Стюарт, мрачно глядя вверх.— Похоже, что Франсуаза де Бретань не знала об этом тайном ходе. А вот Костранно очень хорошо знал все ходы-выходы этого города.

— Может быть, — рассеянно отозвалась я, оглядываясь кругом. — А может быть, ты преувеличиваешь.

Ступеньки были каменными, и, казалось, вырезанными из огромной скалы. Они вели вниз гораздо глубже, чем обычно в городских домах располагались винные погреба или казематы. На какое-то мгновение мне почудилось, что я спускаюсь в ад, но затем я вздохнула с облегчением, увидев свет у самого основания лестницы.

Мы замерли на ступеньках, напряженно вслушиваясь в звенящую тишину; потом увидели слабый свет, выбивавшийся из-под дверей.

Мы вглядывались в темноту, освещаемую лишь этой узкой полоской света, и меня не оставляло ощущение, что мы находимся в загробном царстве, как вдруг я поняла, что слышу звук голоса, очень тихого и приглушенного, но все же определенно человеческого.

Я поставила свечу на ступеньку, чтобы освободить руки, и, замерев, стала вслушиваться в этот голос. Я была уверена, что толща стен скрывает любые звуки, но теперь я поняла, что враги — кто бы они ни были — прекрасно слышат нас и готовятся отразить нашу атаку. Я вытащила из ножен меч и увидела, что Джон Стюарт сделал то же самое.

Я задула свечу и в полной темноте сделала еще несколько шагов вниз по ступенькам, вслед за Стюартом. Молча мы достигли основания лестницы, а затем за полуоткрытой дверью увидели усыпальницу, ярко освещенную факелами. Может быть, это была и не усыпальница, но мне так показалось, потому что вдоль стен в нишах стояли ящики, похожие на гробы. Присмотревшись, я разглядела, что

надписи, вырезанные на гробах, были не христианскими, — они вообще не принадлежали к какой-либо известной мне религии. В центре склепа возвышался помост из черного мрамора, на котором, обнаженная и неподвижная, лежала Франсуаза де Бретань. А в нескольких шагах от нее на коленях стоял Костранно, пытаясь поднять с полу, какой-то огромный камень. Когда мы вошли внутрь, он заметил нас и еще яростнее принялся отрывать от пола камень — наконец ему удалось сдвинуть его с места, и мы увидели под ним большую черную дыру.

Плащ Костранно валялся рядом, и теперь мы смогли рассмотреть черты его лица. Надо сказать, виселица хорошо сделала свою работу: лицо мага было распухшим, губы почернели, след от веревки глубоко врезался в шею. Он издал громкий нечленораздельный крик, увидев Джона Стюарта, который приближался к нему, а затем отпрянул к стене, выхватив из держателя факел. Продолжая верещать безумным голосом, висельник метнул факел в моего спутника.

Факел упал на каменный пол у ног Стюарта, извергнув сноп искр и клубы черного дыма. В то же мгновение Джон исчез из виду, но я услышала его яростные ругательства. Дым рассеялся так же внезапно, как и появился; я увидела Стюарта живым и невредимым. Но когда он бросился на Костранно, какая-то сила толкнула его обратно, будто он налетел на невидимую стену.

Я не стала терять время, чтоб пытаться разгадать магию Костранно. Чародей мог схватить другой факел, и я бросилась ему наперерез. Пока Стюарт продолжал ругаться, не в силах сдвинуться с места, я дважды пронзила насквозь тело колдуна, не причинив ему, впрочем, никакого вреда.

Из горла Костранно вырвался дикий разъяренный вопль; он молниеносно выхватил меч, и только кольчуга, которую я носила под камзолом, спасла меня от его страшных ударов. Я вынуждена была отступить, а Костранно продолжал насаждать на меня, нанося удар за ударом такой силы, что я едва могла их отражать.

Впервые за свою жизнь я испытала чувство страха, охватившего мою душу и почти лишившего меня возможности думать — я сражалась, применяя только силу, и даже не пыталась одолеть врага какой-нибудь хитростью. Итальянцу была нужна моя жизнь и жизнь Стюарта, а также жизнь несчастной Франсуазы де Бретань, которая явно предназначалась для жертвоприношения.

Я продолжала отчаянно биться, все еще не понимая его замысла, пока мои ноги не коснулись края дыры в полу. Чародей загонял меня именно туда, желая, чтобы меня поглотила черная бездонная пропасть. Может быть, дно у нее и было, но меня это мало утешало — не очень-то приятно найти свою смерть на дне глубокой ямы, разбившись вдребезги. Я почувствовала, что в там, в жутком мраке, есть нечто ужасное, с чем мне совершенно не нужно встречаться, и тогда мой страх превратился в дикую безотчетную панику. Наверное, это и спасло меня.

В слепой ярости я обрушилась на Костранно, вложив в удары всю свою силу, и в какой-то момент мне удалось отбросить его назад. Я увернулась в сторону от дыры, а затем одним прыжком оказалась позади чародея, в то же мгновение вонзив меч глубоко в его шею — удар был таким мощным, что голова Костранно полетела с плеч на пол, и не куда-нибудь, а в ту самую черную дыру, в которую он намеревался спихнуть меня.

Оттуда раздался леденящий душу вопль, между тем как обезглавленное тело продолжало стоять на ногах, покачиваясь, у края пропасти.

Я почти лишилась рассудка от ужаса, но все же сообразила, что надо сделать — несмотря на отвращение от самой мысли, что придется дотронуться до тела Костранно. Я много раз сражалась и видела, как умирают люди; много раз мне приходилось уносить на себе с поля боя мертвых товарищей, и я никогда не испытывала страха прикосновения к окоченевшему телу. Но мысль о том, чтобы дотронуться рукой до ходячего мертвеца, была просто невыносима.

Я должна была сделать так, чтобы он не смог коснуться меня. Собрав все силы, я подбежала к нему сзади и ударила по плечам. В то же мгновение нечто подобное вспышке молнии пронзило меня и отбросило назад, но, падая, я успела заметить, как обезглавленное тело полетело в черную дыру.

В комнате воцарилась звенящая тишина; ни я, ни Стюарт не двигались. Затем вдруг лежавшая на жертвенном алтаре Франсуаза де Бретань пошевелилась и тихо застонала — сознание возвращалось к ней. Джон, свободный теперь от заклания, бросился ко мне, чтобы помочь встать на ноги. Я вдруг испытала ужасное чувство стыда за свой женский страх перед Костранно и, оттолкнув руку Стюарта, поднялась с пола самостоятельно, хотя и пошатываясь от слабости.

— Я в полном порядке, — нетвердо произнесла я. — Не беспокойся.

Джон Стюарт улыбнулся, нежно глядя на меня.

— Все же ты в большей степени женщина, чем сама это признаешь, Агнес де ля Фер, — сказал он. — Поверь мне.

— Если ты так хочешь помочь беспомощной женщине, — раздраженно ответила я, — то позаботься о Франсуазе де Бретань. Я думаю, нам понадобится ее покровительство, чтобы беспрепятственно покинуть город, не напоровшись на стражу.

— Это точно, — согласился Джон.

Он подошел к Франсуазе.

Я все еще стояла, пытаясь успокоить нервы, и со страхом смотрела на черную дыру. Наконец я сдвинулась с места и, подойдя к стене, вынула из держателя факел; затем я опустилась возле дыры на колени, пристально вглядываясь во тьму.

Все произошло так быстро, что я даже не успела что-либо сообразить. Откуда-то из глубины появилась гибкая как змея, покрытая черной шерстью рука и вцепилась в мой камзол. Она потянула меня в бездну. Вскрикнув, я изо всех сил ударила по ней факелом.

Раздался животный вопль; мерзкая рука исчезла, а факел полетел в пропасть вслед за ней, словно падающая звезда. Неожиданно я заплакала, как ребенок, и попятилась от дыры, тут же попав в мягкие дружеские объятия Джона Стюарта. Уже не испытывая никакого стыда, я прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Все уже позади, Темная Агнес, — тихо сказал Джон. — Теперь уже нечего бояться — и нечего стыдиться. Ты прекрасно справилась с этим чудовищем, и я горжусь тобой. А если под конец ты испытала чувства, которые испытала бы всякая женщина, то ничего плохого в этом нет, — ведь ты и есть женщина. Прекрасная женщина!

Я уже не сопротивлялась, когда он помог мне встать на ноги.

— Ты не будешь возражать, — с улыбкой спросил он, — если я покину город вместе с тобой?

— Не забудь о проклятии, которое висит над мной, Джон Стюарт. Тебя не пугает, что мужчины, идущие вместе с Темной Агнес, очень быстро находят свою могилу?

— Не пугает, — рассмеялся Джон Стюарт, — потому что есть еще одно проклятие, и оно висит над головой самого Стюарта!

Мы вместе задвинули камень, закрыв ужасную черную дыру, а затем помогли Франсуазе де Бретань подняться с жертвенного алтаря и повели ее наверх, уже не вспоминая о том ужасе, который только что пережили.

КОРОЛЕВСКАЯ СЛУЖБА

Пролог

С

тремительное падение Рима потрясло западный мир. Только в странах Востока гибель имперских городов вызвала всего лишь незначительное кратковременное смятение, подобное легкой ряби, что появляется вдруг на поверхности стремительно несущихся вод. Даже сами воспоминания о некогда могущественных и богатых городах стирались в сознании людей — так пески

пустыни, надвигаясь, размывают человеческие следы, а заросли джунглей покрывают ветхие заброшенные башни и обвалы некогда крепких каменных стен.

То же и княжество Нагдрагор: его надменные правители собирали дань с дехкан в то время, когда светловолосые варвары с обагренными кровью руками проходили через ворота Рима. И вот прежняя слава Нагдрагора была забыта на тысячи лет. Даже в пестром венке индийских легенд, воспевающих исчезнувшие династии, не было ни малейшего намека на это великое и могущественное царство. От Нагдрагора остались лишь безымянные руины, затерянные в зеленых волнах буйных джунглей.

Эта история повествует о временах бывшего величия Нагдрагора — до того как он пришел в упадок и рухнул, не устояв перед натиском гуннов, татар и монголов; о людях, которые видели его блеск, подобный сверканию драгоценного камня на темной груди Индии — когда золотые, белые и пурпурные башни величественно вздымались в голубое небо, с гордостью глядя на мир через белоснежную пену простора Камбайского залива.

* * *

— Туман рассеивается!

Сильные мозолистые руки еще крепче взялись за длинные ясеневые весла; острые, привыкшие к соленым ветрам глаза зорко вглядывались сквозь дымку проясняющегося тумана. Корабль был необычным для восточных вод — длинный и узкий, низкий в середине и высокий в корме и носу, который переходил в вырезанную из дерева голову дракона. Матросы тоже отличались от здешних мореплава-

телей — это были высокие желтобородые воины с холодными светлыми глазами.

На корме стояла небольшая группа людей. Один из них, мрачный гигант с тяжело нависшими бровями, тихо ругался в бороду:

— Орды Галгейма знают, где мы находимся и в каком направлении идем. Вода и пища у нас кончаются — Гроттар, ты говоришь, что чувствуешь где-то рядом землю, но, клянусь Тором...

Его слова прервал внезапный шум, поднявшийся в команде. Гребцы бросили свои весла и замерли с открытыми ртами — туман уже почти рассеялся, и перед их глазами вспыхнуло изумительное сияние драгоценных камней и полированного мрамора. Внушая страх непрошеным гостям, на них смотрели грозные бастионы и башни портовой крепости.

— Клянусь кровью Локи! — воскликнул предводитель викингов. — Это же Мдигаард!

Позади него на корме раздался негромкий смех. Викинг в гневе повернулся и грозно уставился на смеющегося. Этот человек не был похож на своих товарищей — он не носил оружия и доспехов, но остальные тем не менее смотрели на него с угрюмым уважением. Во всем его облике было естественное достоинство, благородство манер и осознание своей власти. При этом он был совершенно лишен высокомерия. Высокий, такой же широкоплечий и мускулистый, как и все прочие на корабле, он отличался еще какой-то кошачьей гибкостью, которой не имелось у большинства его сильных, но неуклюжих товарищей. Как и у них, его волосы отливали золотистым цветом, а глаза сверкали холодно, словно два голубых осколка льда. И все же он казался совсем другим — как

будто природа создавала его отдельно и с особой любовью. Его лицо с резкими чертами было подвижным, взгляд быстрым и пронизательным, рот слегка кривился в извечной насмешке, присущей кельтам.

— Донн Отна, — сердито пробурчал атаман пиратов, — ну, а теперь над чем ты смеешься?

Тот, кого звали Донн Отна, махнул рукой и покачал головой:

— Меня немного развеселила мысль, что в этом блеске великолепия, который мы сейчас увидели, саксонец узрел город своих холодных диких богов, построенный скорее из крови и костей, чем из золота и мрамора.

Легкий бриз разогнал остатки тумана, и город засиял еще ярче. Порт, гавань и стены вырастали из исчезающей дымки с поразительной быстротой.

— Город-мечта, — пробормотал Гроттар, и его холодные глаза зажглись от восхищения. — Значит, туман был более густым, чем мы думали, раз мы так близко подошли к неизвестному порту и едва не проскочили мимо него. Смотрите, сколько кораблей стоит у его причалов! Что будем делать, Ателред?

Гигант с тяжелыми бровями усмехнулся:

— Теперь они нас уже увидели. Я думаю, что если мы сейчас рванем назад, они тотчас отправят за нами дюжину галер. К тому же у нас кончается пресная вода — необходимо пополнить ее запасы. Что ты думаешь, Донн Отна?

Кельт пожал могучими плечами:

— Кто я такой, чтобы что-нибудь думать? Я ведь вам не главарь и не вождь. Но сдается мне, что попытаться уйти сейчас обратно — значит, вызвать у них подозрения, поэтому мы должны смело идти

вперед. Я вижу в гавани много кораблей. Похоже, они пришли издалека — очевидно, жители города торгуют со многими странами, а потому не осмелятся напасть на нас на виду у всех. Не все же саксонцы!

Ателред проглотил насмешку над саксонцами и дал команду рулевому, отдыхавшему на носу. Длинные весла снова вспенили воду, и галера смело устремилась вперед, к сказочному городу. Навстречу викингам из порта уже вышло несколько кораблей. Первыми стремительно шли причудливо украшенные резбой галеры с темнокожими гребцами на бортах, и саксонцы невольно пригнулись, ожидая града стрел. Ателред, подняв руку, пытался вступить в переговоры с командирами.

Викинги удивленно и настороженно смотрели на невиданные корабли, богато украшенные орнаментами, на их тяжелые стальные носы, увенчанные шипами с серебряными шариками на концах; на ястребиные лица воинов в тюрбанах, чья одежда сверкала серебром и шелком, а оружие — золотой чеканкой и горящими на солнце драгоценными камнями; на длинные тонкие копья и кривые сабли.

С не меньшим изумлением и азиаты рассматривали бледнокожих воинов с льняными волосами, их рогатые шлемы, чешуйчатые кольчуги и изогнутые топоры с выпуклыми лезвиями.

Высокий чернобородый человек встал на носу ближайшего из кораблей и крикнул что-то Ателреду, который ответил ему на своем языке. Ни один из них не мог понять другого, и предводитель саксонцев уже начал закипать яростным нетерпением варвара. В воздухе повисла опасная напряженность. Викинги опустили весла и украдкой

потянулись к топорам; на кораблях азиатов лучники начали вынимать стрелы из колчанов. И тогда Донн Отна наудачу выкрикнул приветствие полатыни. В то же мгновение лицо командира противников прояснилось.

Он поднял руку и произнес одно слово на том же языке, что означало вполне дружеский ответ. Кельт заговорил дальше, но командир азиатов вновь повторил то же латинское слово и взмахом руки показал, что чужеземцы могут пройти в порт.

Викинги по команде своего капитана вновь взялись за весла. Корабль с головой дракона поплыл к порту в сопровождении азиатских галер с каждой стороны.

Чернобородый азиат жестом указал, где они должны остановиться, а также велел им оставаться на борту корабля. Ателред нахмурился, однако решил промолчать и пока не вмешиваться в ход событий. Он напряженно вглядывался в высоких бородатых воинов, которые заняли боевые позиции вдоль причала. Казалось, их совершенно не интересовали чужеземцы, тем не менее викинг заметил, что они значительно превосходят численностью его команду и держат наготове огромные луки.

Люди, бывшие в тот час на пристани, оживленно жестикулировали и издавали возгласы изумления при виде мрачных белокожих гигантов. Не церемонясь, лучники грубо отогнали толпу подальше от причала.

Донн Отна улыбался. В отличие от своих флегматичных спутников, он искренне восхищался яркой панорамой красок открывшегося перед ним города.

— Донн Отна, — настороженно обратился к нему Ателред. — На чьей стороне ты будешь?

— Что ты имеешь в виду?

Гигант махнул огромной рукой в сторону лучников на причале.

— Если дело дойдет до сражения, ты будешь воевать за нас или ударишь меня в спину?

Насмешливо взглянув на Ателреда, кельт равнодушно пожал плечами.

— Странные слова ты говоришь пленнику! Что значит один мой меч против всей твоей команды? К тому же у меня его отобрали.

Затем выражение его лица изменилось.

— Вот что, прикажи-ка вернуть мой меч. Если ты хочешь, чтобы я помог вам, то эти люди не должны видеть, что я ваш узник.

Его повелительный тон не на шутку раздражил Ателреда. Он промывчал в бороду какие-то проклятия, но, посмотрев в холодные спокойные глаза кельта, тотчас отвел взгляд в сторону и приказал принести оружие. Через несколько мгновений на корму поднялся один из воинов, неся с собой длинный тяжелый меч в кожаных ножнах, прикрепленный к широкому, с серебряными пряжками ремню. Глаза Донна Отны сверкнули, когда он взял оружие, надел на себя и застегнул ремень. Положив ладонь на рукоять из слоновой кости, украшенную драгоценными камнями, он наполовину вытащил меч из ножен, и голубое обоюдоострое лезвие издало легкое мелодичное гудение.

— Клянусь Тором! — пробормотал Гротгар. — Твой меч поет, Донн Отна!

— Он поет, потому что почувствовал воздух родины, Гротгар, — отозвался Донн Отна. — Теперь я понял, что мы прибыли в землю индусов, потому что именно здесь много лет назад и родился мой меч, в горниле кузницы, под молотом неизвестно-

го мне мастера. Сначала это была огромная сабля, принадлежавшая одному могущественному восточному правителю, которого впоследствии победил Александр Македонский. Затем Александр взял ее с собой в Египет, и она оставалась там, пока туда не пришли римляне. Саблю взял себе римский консул, но ему не понравилась ее изогнутая форма, и он велел оружейнику из Дамаска переделать оружие — ведь римляне пользовались только прямыми лезвиями. Затем меч вместе с Цезарем прибыл в Британию, где в большом сражении был захвачен как трофей и достался кельтам. И вот наконец я взял его у Эохайда Мак Элба, короля Эрина, которого я убил в сражении у западного побережья.

— Да, действительно, королевский меч! — с неподдельным восхищением произнес Гротгар. — О, смотрите — к нам идут!

Бряцая оружием и громко восклицая, к причалу двигалось целое войско. Не меньше тысячи воинов в сверкающих доспехах, на арабских скакунах, гордых верблюдах и ревущих слонах сопровождали того, кто был, по всей видимости, верховным правителем этого города, — он величественно восседал на золотом троне на спине огромного слона. Донн Отна увидел тонкое надменное лицо, черную бороду и ястребиный нос, острые темные глаза, что сейчас пристально разглядывали чужеземцев. Внезапно кельт догадался: этот человек, даже если он действительно владыка, по крови принадлежит к совсем другой нации, чем его подданные.

Кавалькада остановилась напротив корабля с головой дракона; оглушительно зазвенели цимбалы и запели рожки, а затем пестро одетый командир

индийских воинов отвесил глубокий поклон со своего седла и разразился приветственной речью, слова которой ровным счетом ничего не значили для застывших с раскрытыми ртами викингов. Человек на троне махнул ему рукой и заговорил на чистой латыни:

— Он говорит, дорогие гости, что избранный сын богов, великий раджа Констанций оказывает вам огромную честь, прибыв сюда, чтобы лично вас приветствовать.

Глаза викингов немедленно повернулись к Донну Отне, единственному человеку на борту, который мог понять этот язык. Огромные саксонцы смотрели на него с нетерпением, как большие бесполовые дети; на него же устремились и глаза азиатов. Кельт стоял со сложенными на груди руками и высоко поднятой головой, прямо глядя в глаза раджи. Хотя его одежда не сверкала роскошью и великолепием, как наряд восточного правителя, королевское достоинство в нем было не менее очевидно. Два прирожденных владыки смотрели друг на друга, безошибочно чувствуя один в другом монаршую кровь.

— Я Донн Отна, принц Британии, — произнес кельт. — А это Ателред, командир саксонцев. Мы плавали много лун и теперь желаем только одного — отдохнуть и достать еды и воды. Что это за город?

— Это Нагдрагор, один из главных городов Индии, — отвечал раджа. — Приглашаю вас сойти на берег, теперь вы мои гости. Прошло много дней с тех пор, как я впервые обратил свой взор на Восток, и теперь испытываю жажду поговорить на одном из древних языков Рима и услышать новости с Запада.

— Что он говорит? Война или мир? Где мы находимся? — градом посыпались на кельта вопросы.

— Мы действительно находимся в земле индусов, — ответил Донн Отна. — Но их владыка иной крови. Если он не грек, тогда я саксонец! Он просит нас быть его гостями на берегу; это может также означать, что мы будем его пленниками, но у нас нет выбора. Надеюсь, однако, что раджа поступит с нами справедливо...

1

Донн Отна поднял резной кубок с огромным драгоценным камнем и сделал большой глоток. Снова поставив его, он скользнул взглядом по богато инкрустированному столу тикового дерева и посмотрел на раджу, который томно откинулся на мягкие подушки обитого шелком дивана. Они были в комнате одни, если не считать огромного чернокожего раба, молча стоявшего позади раджи. В руках он держал кривую саблю с широким лезвием, почти такую же длинную, как и он сам.

— Ну так что, принц, — произнес раджа, лениво поигрывая огромным сапфиром на пальце, — разве я не честно обошелся с тобой и с твоими людьми? Ведь теперь они сыты и пьяны такой едой и таким вином, кои могли им лишь присниться. Они отдыхают на мягких подушках, в то время как музыканты ублажают их слух игрой на струнных инструментах, а гибкие, как пантеры, девушки танцуют для них, как для самых дорогих гостей. Я даже не отобрал у них топоры! Но что касается тебя — ты сидишь здесь, со мной, и я до сих пор вижу недоверие в твоих глазах.

Донн Отна указал на свой меч, лежавший поодаль на полированной скамье.

— Я не выпускал бы меч Александра из рук, если бы не доверял тебе, — усмехнулся он. — А саксонцы — они как медведи во дворце. Если бы ты попытался разоружить их, то они пришли бы в дикую ярость и тут же пустили бы в ход свои кривые топоры. В моих же глазах ты видишь одно лишь удивление, клянусь богами! Когда я был несмышленным мальчишкой и ходил в походы на Эрин, я удивлялся городам Тара и Одун. Когда я повзрослел и начал совершать набеги на Римскую территорию, я думал, что Кориниум, Акве Сулис, Эббракум и Лундиниум — величайшие города на земле. Но когда я стал зрелым мужчиной, память о них мгновенно потускнела, как только я увидел сам Рим, хотя он уже и находился под оскверняющей пятой готтов и вандалов. Но теперь, когда я смотрю на увенчанные коронами шпиль и золотые башни Нагдрагора, даже Рим кажется мне обычным городом.

Констанций кивнул, но глаза его вдруг погрустнели.

— Эта империя достойна того, чтобы за нее бороться, и однажды я возмечтал захватить индийскую землю от моря до моря — вспомни Рим и Византию! Да, прошло много дней с тех пор, как я впервые обратил свой взор на Восток. Тогда германские варвары уже прорывались через римские границы, и Генсерик грабил саму столицу. Слухи о странном и ужасном народе докатились до Византии, которая в то время корчилась под пятой Острогота...

— Гунны! — рыкнул Донн Отна, и в его глазах сверкнула ярость. — Они ворвались с Востока, как

петер смерти или как стая саранчи! Они гнали готтов, франков и вандалов впереди себя, и в своем жутком стремительном полете тевтонцы растоптали Рим! Затем они увидели перед собой море, и им больше некуда было лететь. Они повернули к бухте, и там у Шалона встретились два войска — клянусь богами, это была грандиозная битва! Они накатили на нас, как черная волна, и так же, как волна разбивается о камень, они разбились о стоявших стеной германцев и ряды легионов Эция. Там вороны кружили тучами, а топоры, казалось, насквозь пропитались кровью!

— Так ты был там? — воскликнул Констанций.

— Конечно! С пятью сотнями моих соотечественников! — Донн Отна скрипнул зубами и с размаху ударил кулаком по столу. — Мы поплыли с британскими легионами — они отправились на помощь Риму и никогда больше не вернулись на родную землю. На галльских и итальянских равнинах покоятся их кости — кости тех людей, которые никогда не кланялись Риму, но пали за него в борьбе с диким восточным врагом. Мы бились день и ночь, и наконец гунны отступили. Клянусь богом, мой меч был красным, и кровь запеклась на нем от самого острия до рукояти, и я уже едва мог шевельнуть рукой. А из моих пяти сотен воинов в живых осталось только пятьдесят! Тогда Фотигерн призвал ютов помочь ему в борьбе против пиктов и англов, и саксонцы побежали за ним, как голодные волки. Я вернулся в Британию, и в водовороте войны, охватившей южные берега, попал в плен вот к этому самому Ателреду. Узнав мое имя и титул, он решил потребовать за меня выкуп, но тут начали происходить странные вещи...

Донн Отна замолчал и коротко рассмеялся. Раджа Констанций слушал его, не прерывая; в его задумчивых глазах светились интерес и уважение к собеседнику.

— Наш народ умеет долго и сильно ненавидеть, — продолжил рассказ кельт. — Но наши галльские соседи сотворили из мести культ, и, клянусь богом, я никогда не знал, как сильна могла быть страсть к отмщению, пока мы не увидели корабли Астримма. У этого короля моря была старинная вражда с Ателредом, и он устроил на наш корабль настоящую охоту. Кром! Он гонял нас едва ли не по всему миру! Он прилип к нашей корме подобно клещу, вцепившемуся в собачью шкуру, и нам никак не удавалось избавиться от него. Мы протащили его за собой вдоль всего галльского побережья, затем миновали Испанию, а когда повернули в Средиземноморье, он вынудил нас проскочить через Геркулесовы Столбы и нестись все дальше и дальше на юг. Мы плыли мимо мрачных берегов, полных влажных испарений, сырых от трясин и болот и темных от густых джунглей; там чернокожие дикари грозно кричали нам вслед и стреляли в нас из луков. Но наконец мы обогнули мыс и направились на восток и где-то там все-таки избавились от своих преследователей. С тех пор мы так и плывем неизвестно куда, полагаясь на судьбу. Поэтому, царь Констанций, мои новости о Западе устарели по крайней мере на год.

Раджа некоторое время молчал, продолжая задумчиво смотреть на Донна Отну. Молчаливый черный раб вновь наполнил его кубок. Констанций сделал большой глоток, вздохнул глубоко и, отведя взгляд в сторону, заговорил:

— Почти двадцать лет назад я отплыл из Византии с кипрскими торговцами, которые направлялись в Александрию. Тогда я был всего лишь неопытным юнцом, не устававшим удивляться миру, но при этом с королевской кровью в жилах. Из Александрии я окольными путями добрался до Дамаска и там присоединился к каравану, что возвращался из Персии в Шираз. Потом я искал жемчуг в Оманском заливе, где меня захватили в плен мальдивские пираты. Они продали меня на невольничьем рынке в Нагдрагоре... Потом... Впрочем, нет нужды повторять тебе, какими сложными путями я добрался до трона, на котором теперь сижу. Прежняя династия вырождалась и вот-вот должна была исчезнуть; Нагдрагор раздирали беспрестанные войны с соседними царствами... Мой путь — это кровавый след, черный от вероломства и предательств, которые совершались по отношению ко мне и которые я совершал по отношению к другим, но, как бы то ни было, теперь я раджа Нагдрагора — хотя этот трон и шатается подо мной.

Констанций поставил локти на стол и уперся подбородком в ладони, продолжая неотрывно смотреть на белокурого гиганта, сидевшего напротив него. Донн Отна тоже не отводил взгляд.

— В тебе сразу виден принц, — сказал раджа, — хотя твоим дворцом может быть всего лишь плетенная из соломы хижина. Мы с тобой из одного и того же мира, хотя я родился на одном его конце, а ты на другом. Мне нужен человек, которому я могу доверять. Мое царство расколото внутренней враждой; я сраживаю своих врагов — это приносит вред Нагдрагору, но пользу мне. Мои главные враги — Ананд Мулхар и Нимбайдур Сингх. Первый богат, труслив и жаден; он слиш-

ком осторожен, чтобы выступить против меня открыто. Второй — молод, горяч, романтичен и храбр, но его крепко держат в лапах ростовщики, выжидая, какая рыба всплывет на поверхность. Простые люди ненавидят меня, потому что они любят Нимбайдура Сингха, в жилах которого есть примесь царской крови. Высшие слои — раджлиуты — не любят меня, потому что я чужеземец. Но я управляю ростовщиками и через них — всем Нагдрагором.

Констанций вновь отпил из кубка и немного помолчал. Теперь Донн Отна слушал его, не прерывая.

— Я постоянно пытаюсь столкнуть между собой Ананда Мулхара и Нимбайдура Сингха, продолжая крепко сжимать бразды своего правления. Они слишком ненавидят друг друга, чтобы объединиться в совместной борьбе против меня. — Раджа невесело усмехнулся. — Но я боюсь кинжала убийцы, который метит мне в спину. Своей охране я доверяю лишь наполовину; это вряд ли лучше, чем полная подозрительность, и гораздо более опасней. Вот почему я приехал на причал, чтобы лично приветствовать вас. Ты мог бы со своими саксонцами остаться здесь, во дворце, и сражаться за меня, если возникнет такая необходимость? Официально я не буду называть вас своей охраной. Это оскорбит моих офицеров, и против меня может мгновенно вспыхнуть заговор. Для виду я просто включу вас в состав армии, но вы останетесь во дворце, и ты, принц, по-прежнему будешь моим собеседником за кубком вина.

Донн Отна задумчиво усмехнулся и протянул руку к своему кубку.

— Я поговорю с Ателредом, — медленно произнес он. — Думаю, он согласится.

2

Когда кельт нашел Ателреда, тот сидел, развалившись на шелковых подушках, со скрещенными по-восточному ногами, и с аппетитом обглаживал жареного барашка, время от времени запивая ароматным индийским вином. Саксонец промышлял невнятное приветствие, продолжая непрерывно работать челюстями, в то время как Донн Отна уселся напротив него, с усмешкой оглядывая комнату. Пиратская команда всюю наслаждалась долгожданным отдыхом — одни лениво валялись на шелковых подушках, другие бродили взад-вперед, восхищенно разглядывая сверкающий драгоценными камнями купол над их головами, третьи выглядывали из отделанных золотом окон на внутренние сады — там цветущие деревья источали пряные экзотические ароматы, а из круглых, выложенных мрамором фонтанов били в небо сверкающие серебряные струи. Суровые викинги удивлялись и восхищались всему как дети, при этом оставаясь подозрительными как волки — они ни на миг не расставались со своими изогнутыми, с выпуклыми лезвиями топорами.

— Ну, что еще, Донн Отна? — пробормотал Ателред, не переставая жевать и чавкать.

— А что у тебя? — вместо ответа спросил кельт.

— А вот что! — Саксонец взмахнул полуобглоданной костью. — Здесь такая добыча, что от зависти лопнул бы сам Генгист, да и Сердик с ним в придачу! Давай сделаем так: ночью мы тихонько встанем и устроим во дворце пожар; затем, когда

начнется суматоха, похватаем все добро, какое только сможем унести, и прорвемся к нашему кораблю — его никто не охраняет в порту. И все — хо! — плывем к западным морям! Когда наши увидят, что мы везем, нас будет сопровождать целая сотня кораблей с головами дракона. Мы разграбим Нагдрагор, как Генсерик разграбил Рим, и проложим себе путь домой нашими топорами!

— Если бы при этом твоих морских волков выгнали из Британии, я бы согласился, — мрачно усмехнулся Донн Отна. — Но твой план безумен даже для тупоголового саксонца. Если тебе и удастся поджечь дворец и унести все золото, которое в нем находится, ты не сможешь пройти и половины пути до своего корабля. Полторы сотни пиратов с топорами не пробьются через пять тысяч воинов с луками и копьями? Выкинь все это из головы.

— Ах вот как! — разъярился Ателред. — Клянусь Тором, кажется, мы с тобой поменялись местами — на корабле ты был нашим пленником, а теперь, похоже, мы стали твоими! Ты — мой враг, и я не могу быть уверен, что ты ведешь себя честно по отношению к нам! Откуда я знаю, о чем вы там болтаете с раджой наедине? Может быть, вы собираетесь перерезать нам глотки!

— Ты не знаешь, о чем мы говорим, и тебе остается только поверить мне на слово, — спокойно отозвался принц. — Я не испытываю никакого расположения ни к тебе, ни к твоему народу, хотя и считаю вас храбрыми воинами. Но сейчас мы должны действовать сообща, для нашего же блага. Без меня у вас не будет переводчика, без вас у меня не будет вооруженной поддержки. Констанций предложил нам службу в его дворце-

вой охране. Я доверяю ему не больше, чем ты доверишь мне; он обманет нас в любой момент, когда ему это будет выгодно. Но до этого момента нам выгодно согласиться с его предложением. Если я разбираюсь в людях, то скупость не является одним из его пороков. Мы здесь неплохо проживем, пользуясь его щедротами. Сейчас он нуждается в наших мечях, потом эта необходимость может отпасть, и мы вернемся на наш корабль — но знай, Ателред, что с этого дня я свободен. Только свободным человеком я снова взойду на борт твоего корабля, и ты довезешь меня до британских берегов, не требуя выкупа.

— Ладно, клянусь своим мечом, — неохотно пробурчал Ателред.

Донн Отна кивнул, вполне удовлетворенный таким ответом, так как твердо знал, что этот грубый саксонец — человек слова.

— Восток полон неисчерпаемых возможностей, — сказал кельт. — Здесь храброе сердце и острый меч нужны так же, как и на Западе, но награда неизмеримо больше и приходит быстрее. И все же я сомневаюсь, что Констанций полностью мне доверяет. Теперь я должен убедить его в том, что мы действительно ему нужны.

3

Такая возможность представилась быстрее, чем ожидал Донн Отна.

В последующие дни викинги бродили по городу, плутая в лабиринтах его улиц и удивляясь контрастам, с которыми сталкивались на каждом шагу: здешняя знать купалась в богатстве и роскоши, а

низы пребывали в беспросветной нищете и жалком убожестве. Столь же противоречив был и тот, кто правил Нагдрагором.

Вновь Донн Отна сидел в украшенной золотом комнате и пил вино с раджей Констанцием; вновь им прислуживал молчаливый чернокожий раб. Но в этот раз британский принц с удивлением смотрел на раджу. Тот пил необычно много и сейчас был уже изрядно пьян; глаза его казались пустыми и бессмысленными.

— Ты и помощь мне, и защита, Донн Отна, — с умилением произнес раджа, слегка икая. — Я одному тебе могу по-настоящему доверять, потому что чувствую в тебе силу и прямоту северных народов. Ты принес с собой мощь северных ветров, чистый соленый привкус северных морей. Я не прошу тебя навсегда оставаться в моей охране. Знаешь, Донн Отна, править государством — тяжелое и неблагоприятное занятие. Если бы мне пришлось жить сначала, я выбрал бы ту жизнь, которой жил когда-то, — жизнь длинноногого загорелого юноши, что нырял в Оманский залив в поисках жемчуга и потом швырял его горстями черноглазым арабским девушкам. Но трон — это мое проклятие и моя судьба. Я раджа не потому, что мудр или глуп, а потому, что в моих жилах течет монаршая кровь. Я подчиняюсь судьбе; я просто не могу ее избежать. Тебе тоже предстоит сидеть на троне и проклинать корону, которая сдавливает твою голову... Давай еще выпьем!

Но Донн Отна отодвинул предложенный ему кубок.

— Я уже достаточно выпил, а ты даже чересчур много, — с грубоватой прямоотой сказал он. — Клянусь богом, я чувствую себя так, как будто накурил-

ся гашиша. И хочу тебе сказать вот что — ты несомненно и мудр и глуп одновременно. Как такой человек может быть владыкой?

Констанций рассмеялся:

— Такой вопрос другому стоил бы головы! Я могу сказать тебе, почему я раджа: потому что я умею льстить людям и видеть правду сквозь их лесть; потому что я знаю слабости сильных людей; потому что я знаю, как использовать деньги; потому что я не испытываю ни сомнений, ни колебаний и использую любые способы, честные и бесчестные, чтобы достичь своей цели; потому что я родился на Западе, но поднялся к вершинам власти на Востоке, и хитрость обоих миров присутствует во мне; потому что, хотя ум мой несовершенен, порою он достигает высот истинной гениальности, недоступной просто мудрому человеку. И потому что — а без этого все мои таланты были бы бесполезны — я имею безграничную власть над женщинами. Они словно мягкий воск в моих руках. Стоит мне только взглянуть какой-нибудь из них в глаза да покрепче прижать ее к себе, как она становится моей рабыней на всю жизнь.

Донн Отна недоверчиво пожал плечами и немного отхлебнул из кубка.

— Воск притягивает меня своим странным очарованием, — сказал он. — Хотя я все же предпочел бы править племенами каких-нибудь простодушных кимров. Клянусь богом, жить в таком хитроspлетении интриг, как ты, — это не по мне!

Констанций засмеялся и, слегка пошатываясь, поднялся на ноги. Слегка кивнув кельту, он отправился спать, сопровождаемый немим чернокожим рабом. Донн Отна тоже поднялся и ушел в соседнюю комнату.

Отпустив своего раба, кельт подошел к плотно закрытому окну, выходящему на внутренний двор, и глубоко вдохнул пьянящие восточные ароматы, что проникали в комнату сквозь щели ставен. Древнее очарование Индии коснулось его век своими навевающими сон перстами, и в тайных глубинах души Донна Отны шевельнулись смутные отголоски памяти веков. Несмотря на все различия, кельт чувствовал отдаленную родственную связь с этими смутными раджпутами. Они были той же крови, что и он, если верить древним легендам, повествующим о тех далеких днях, когда арийцы были одним великим племенем. Затем предки Нимбайдура Сингха, отделившись от этого племени, начали свой великий поход на Восток, а предки Донна Отны — на Запад...

Легкий, едва различимый шорох оторвал его от этих раздумий и вернул в настоящее. Донн Отна быстро пересек комнату и через щель в шелковой занавеске заглянул в соседние покои, отделанные золотом. Крадучись, туда вошла девушка-танцовщица — совсем юное создание, тонкое и гибкое; легкое шелковое платье подчеркивало ее волнующую прелесть и красоту. Кельт удивился, как ей удалось пройти мимо недремлющих стражей с саблями, которые стояли снаружи у дверей.

Не оглядываясь, девушка быстрыми бесшумными шагами приблизилась к немому чернокожему рабу. Тот замер, угрожающе уставившись на нее. Она протянула к нему руки в умоляющем жесте и что-то торопливо произнесла шепотом. Донн Отна не смог разобрать ее слов — хотя уже достаточно хорошо освоил язык этой страны, — но он увидел, как чернокожий раб решительно затряс бритой головой и поднял свою огромную кривую саблю.

И вдруг девушка бросилась на него, как кобра. Откуда-то из складок платья она выхватила кинжал и стремительным движением вонзила его прямо в сердце раба. Он закачался, словно огромный черный идол; сабля выпала из рук, и он рухнул на пол, корчась в судорогах и пытаясь издать хоть какой-нибудь звук, чтобы предупредить хозяина. Затем кровь хлынула из его открытого рта, и огромный раб, в последний раз дернувшись, затих навсегда.

Бесшумно и молниеносно девушка метнулась к двери, но Донн Отна одним прыжком оказался рядом с ней. На мгновение она замерла, а затем бросилась на кельта, подобно разъяренной фурии. Восточные танцы развивают силу и гибкость, и, когда годы спустя западные завоеватели вновь побывали на Востоке, они узнали, что юные танцовщицы порой не уступают в схватке опытному воину. Эта девушка так отчаянно покушалась на жизнь Донна Отны, что ему пришлось немного побороться, прежде чем схватить ее и разоружить.

Он огляделся по сторонам, решая, что делать дальше, но в это мгновение дверь королевской спальни открылась, и оттуда вышел Констанций, удивленно глядя на кельта и его пленницу сонными и все еще затуманенными вином глазами. Затем он вздохнул, сообразив наконец, что произошло.

— Еще одна женщина-убийца? — спокойно спросил он, как будто речь шла о чем-то совершенно обыденном. — Ставлю свой трон против твоего меча, Донн Отна, что ее подослал Ананд Мулхар. Нимбайдур Сингх слишком прямолинеен для таких уловок... О, бедняга! — пробормотал он, тронул носком туфли тело своего верного раба и равнодушно отвернулся.

— Что делать с этой ведьмой? — спросил Донн Отна. — Она слишком молода для виселицы, но если ты отпустишь ее...

Констанций покачал головой:

— Ни то и ни другое. Дай-ка мне ее!

С облегчением Донн Отна передал радже девушку. Наконец он освободился от этого маленького дьявола, что извивался в его руках и очень больно царапался. При первом же прикосновении рук Констанция пленница внезапно затихла — лишь легкая дрожь пробежала по ее телу. Раджа сел на диван, поставив девушку на колени перед собой. Она вдруг всхлипнула и тихонько захныкала. Раджа положил руку ей на голову, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Ты очень молода и очень глупа, — мягко сказал он. — Ты пришла сюда убить меня, потому что тебя послал злодей, которому ты служишь. Посмотри мне в глаза — я твой настоящий хозяин. Я не причиню тебе зла; ты останешься со мной и будешь любить меня.

Пока он говорил, его рука гладила девушку по голове.

— Да, хозяин, — еле слышно прошептала она, как замороженная; ее глаза больше не пытались избежать взгляда Констанция. Теперь они были широко раскрыты и наполнены каким-то странным новым светом — девушка откликнулась на ласку раджи. Констанций улыбнулся, и эта улыбка вдруг сделала его лицо необыкновенно привлекательным. Сейчас Донн Отна мог бы поклясться, что прежде не видел человека, столь же красивого.

— Скажи мне, кто ты, и кто тебя послал, — мягко произнес раджа.

К великому удивлению Донна Отны, она покорно склонила голову.

— Меня зовут Ятала. Ананд Мулхар послал меня сюда. Он устроил все так, чтобы я танцевала во дворце. Прошла уже целая луна, как я здесь. Сегодня ночью я должна была убить тебя. Я подошла к стражникам — они позволили мне приблизиться, увидев, что я маленькая и без оружия, — и бросила им в глаза порошок, который вызывает глубокий сон. Затем я взяла у одного из них кинжал и вошла сюда — а остальное ты знаешь, хозяин.

Она уткнулась лицом ему в колени, и раджа изглянул на Донна Отну с небрежной улыбкой.

— Ну, что ты теперь думаешь о моей власти над женщинами, Донн Отна? — спросил он.

— Да ты просто дьявол, — пробормотал кельт, изумленно глядя на раджу. — Я, наверное, не смог бы и под пыткой вырвать у этой девицы признание — а тебе она сделала его добровольно!

В коридоре вдруг послышался звук осторожных шагов. Глаза девушки мгновенно наполнились внезапным ужасом.

— Берегись, хозяин! — воскликнула она. — Это Тамур-душитель, слуга Ананда Мулхара! Он пришел проверить, как я исполнила...

Донн Отна рванулся к двери. В то же мгновение она открылась, и на пороге возникла ужасная, поражающая своими размерами фигура. Тамур был выше и шире, чем кельт; его почти обнаженное тело прикрывала лишь набедренная повязка, под смуглой кожей вздымались и перекатывались могучие мускулы. Его ноги, подобные дубовым стволам, были гибкими и упругими, как у тигра. Его невероятно широкие плечи и толстую короткую шею украшала круглая, будто шар, голова с обезьяньими чертами лица — низким скошенным лбом, хищно раздутыми ноздрями и злобно искривленным ртом. Все говори-

ло о том, что Тамур был прирожденным убийцей. На поясе у него висело орудие его ремесла — тонкий, но прочный шелковый шнур, а в правой руке он держал длинную кривую саблю.

Окинув быстрым взглядом это чудовище, Донн Отна выхватил меч, бросившись в атаку со всей яростью кельта. Но и Тамур не медлил. Оба клинка столкнулись одновременно, издав ужасающий скрежет стали. Кривая сабля, не выдержав силы удара, раскололась, но, прежде чем Донн Отна успел поднять меч еще раз, Тамур-душитель отбросил в сторону обломок оружия и, словно змея, стремительно бросился на своего белокожего врага, мертвой хваткой вцепившись ему в горло.

Британский принц тоже отбросил меч, бесполезный в таком тесном пространстве, и попытался разжать хватку Тамура. Через мгновение он уже понял, что имеет дело с искусным, опытным и жестоким противником. Гладкое обнаженное тело индийца, подобное огромной скользкой змее, трудно было обхватить и сжать, но Донну Отне приходилось бороться с римскими атлетами, и он многому научился у них. Он отразил сильный удар коленом и ответил резким выпадом локтем, затем ему удалось разжать хватку стальных пальцев Тамура и броситься в атаку самому. Тонкий налет цивилизованности, появившийся у кельта после долгого общения с римлянами, теперь исчез без следа. Он вновь стал варваром, таким же диким, как готты и саксонцы. Рыча, словно зверь, он дрался со своим врагом в золотой комнате раджи Нагдрагора.

Через плечо Тамура Донн Отна увидел, как Констанции поднял меч и начал приближаться к ним. Синие глаза кельта грозно блеснули. В ярости он

крикнул радже, чтобы тот убирался прочь. Он должен был сам одолеть врага.

Тесно сцепившись, гиганты боролись, кружа по комнате и наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Изловчившись, Тамур выдернул руку из тисков кельта и схватил его за лицо, пытаясь большим пальцем выдавить ему глаз. Донн Отна, резко отклонившись, внезапно ударил головой в мощную грудь великана и тут же вцепился ему в горло. Тамур на миг отшатнулся, затем схватил руку Донна Отны и, наверное, переломил бы ее, как тонкую ветвь, если бы кельт вновь не ударил его головой — на сей раз в лицо. Кровь брызнула из носа душителя, и Донн Отна, воспользовавшись мгновением, нанес ему еще один сокрушительный удар. Индиец рухнул на пол, увлекая противника за собой. Кельт навалился на Тамура, пытаясь прижать его к полу, но тому удалось высвободиться и снова железной хваткой вцепиться в шею британца.

Огромными усилиями Донн Отна разжал хватку врага, но тут Тамур со всей своей звериной мощью принялся давить ему коленом на живот. От боли кельт невольно ослабил усилия, и индиец молниеносным движением вытащил свою шелковую веревку. Донн Отна попытался подняться, но от ужасной боли у него закружилась голова. Тут же Тамур-душитель набросил ему на шею удавку.

Донн Отна услышал пронзительный крик девушки и почувствовал, как скользкий прохладный шнурок змейкой обвил его шею. Задыхаясь, он в дикой ярости нанес врагу страшный удар кулаком, попав ему прямо в лицо. Удар оказался подобен удару молота по наковальне, и Тамур рухнул на пол как подкошенный. Мощным усилием Донн Отна разор-

вал веревку и снова бросился на душителя, который с трудом поднимался на ноги.

Британец начал изо всех сил молотить его своими огромными тяжелыми кулаками, тренированными за годы борьбы с римскими бойцами. К такой атаке Тамур был не готов. Прикрывая разбитое лицо левой рукой, правой он размахнулся и ударил Донна Отну по голове, но не кулаком, а открытой ладонью. Кельт пошатнулся; искры посыпались у него из глаз; на мгновение он ослеп, однако тут же нанес душителю резкий яростный удар в живот. Великан рухнул на колени, корчась и задыхаясь. Из последних сил он схватил противника за ноги и дернул, отчего Донн Отна упал навзничь, и вновь враги сцепились и покачивались по полу. Но кельт уже чувствовал, что Тамур слабеет, и, удвоив ярость атаки, как тигр, обезумевший от запаха крови, он придавил его к полу и сжал его горло мертвой хваткой. Железные пальцы британца погружались все глубже и глубже в шею врага, пока он не почувствовал, что жизнь покинула огромное тело душителя.

Тогда Донн Отна поднялся и, вытерев пот и кровь с лица, мрачно улыбнулся ошеломленному радже, который стоял недвижимо, все еще продолжая сжимать в руках меч Александра.

— Ну что ж, Констанций, — сказал Донн Отна, — как видишь, я достоин твоего доверия.

СЛЕД ГУННА

Пролог

Т

ишина и покой царили на огромном военном корабле, что лениво покачивался на неторопливо бегущих водах бесконечного моря. Ярко блестя на солнце латунная и золоченая отделка палубы и бортов, бесполезные паруса слегка шелестели, обвиснув на мачтах. На высокой корме сидели трое; они потягивали доброе старое вино и вели неспешную беседу.

Саксонец Ателстейн был настоящим гигантом — его рост от сандалий из бычьей кожи до макушки с копной всклокоченных льняных волос составлял шесть с половиной футов. Выючая борода отливала золотом, как и браслеты, которые он носил на запястьях. Могучий торс обтягивала чешуйчатая кольчуга, на поясе висел широкий двуручный меч в потертых ножнах — Ателстейн не расставался с ним ни днем, ни ночью.

Высокого худощавого воина звали дон Родриго дель Кортес. Глубокие темные глаза его почти всегда были мрачны; смуглое лицо украшали небольшие тонкие усики. Манеры дон Родриго отличались изяществом и холодным достоинством. Он носил простые доспехи, а единственным его оружием был длинный узкий меч — предшественник шпаги.

Терлог Даб О'Брайен — крепкий черноволосый воин — не был так высок, как его спутники, хотя и его рост достигал шести футов. На смуглом, гладко выбритом лице кельта светились неистовым блеском яркие синие глаза, подобные быстрым огонькам на темной глади озерных вод. В каждом его движении ясно ощущались железная мощь и копающая гибкость. Видимо, он обладал гораздо лучшими, чем его товарищи, боевыми качествами, ибо ему была присуща необыкновенная стремительность, которой недоставало саксонцу, и огромная сила, которой не было у испанца.

Одеяние Терлога состояло из черной кольчуги, перехваченной зеленым поясом — на нем висел длинный кинжал. Неподалеку в оружейном отсеке хранилось остальное его снаряжение — простой шлем без забрала, круглый щит с острым шипом посередине и боевой топор с рукояткой на длинном древке. Топор составлял предмет особой гор-

дости хозяина — тонкое острое лезвие и удобная дубовая рукоятка свидетельствовали о том, что это оружие мастера. Он был легче, чем большинство топоров той эпохи, а короткие острые шипы вверху и внизу лезвия добавляли ему поистине смертоносную силу.

— Дон Родриго, — обратился к испанцу Ателстейн, сделав большой глоток вина, — что вы можете сказать о тех азиатах, к которым мы плывем? Клянусь Тором, мне приходилось биться со всеми воинами западного мира, но этих я никогда не видел. Многие мои товарищи бывали в Милигаарде, а вот мне не довелось.

— Сарацины — храбрые и жестокие воины, добрый сэр, — отвечал дон Родриго. — Они дерутся копьями и кривыми саблями. И они ненавидят нашего господ Иисуса Христа, потому что верят в своего Магомета.

— Как я себе представляю, — продолжал Ателстейн, — те земли, куда мы направляемся, лежат вдоль пролива, отделяющего Европу от Африки. Нечестивые сарацины владеют и африканской землей, и значительной частью Испании. А дальше по одну сторону Средиземного моря лежат Италия и Греция, а по другую — восточная часть Африки и Святая земля, которую оскверняют арабские шакалы. Дальше находится Константинополь, или Милигаард, как называют его викинги. А еще дальше что?

Дон Родриго повертел в руках свой кубок.

— Иран, или Персия, и дикая земля, где рыскают полчища тюрков и татар. За ними — Индия и Китай. Там обитают злые духи, драконы и...

Терлог внезапно прервал его коротким смешком.

— Там нет драконов, дон Родриго, хотя разных других опасностей для путешественника предостаточно — как от хищных зверей, так и от людей.

Спутники с любопытством взглянули на него — не так уж часто кельтский изгнанник открывал рот, чтобы рассказать о своих долгих странствиях и приключениях. Но теперь, по-видимому, у него появилось для этого настроение.

— Я был лет на семь моложе, — начал он свой рассказ, — когда однажды поплыл из Эрина в поход. Клянусь своим топором, это был очень долгий поход, потому что прошло больше трех лет, прежде чем я снова ступил на ирландскую землю. Можете себе представить, тогда у меня был свой собственный корабль и своя команда.

— Я помню, — отозвался Ателстейн, — мои викинги совершали набеги на западное побережье Англии. Немало они там кораблей захватили! Но все же, как насчет тех восточных земель, куда мы плывем?

— Если сойти на берег на самом юго-восточном берегу Балтийского моря, — ответил Терлог О'Брайен, — и двинуться дальше на юг и восток, то придешь к большому внутреннему морю, которое называется Каспийским. Между обоими морями лежит необжитая земля со множеством лесов, рек и диких холмистых равнин, поросших густой высокой травой, — пустынная, серая земля...

1

Над унылой однообразной степью в сером свинцовом небе летели болотные цапли. Повсюду, насколько можно было охватить взглядом, простиралось море чахлой, тускло-коричневой травы,

по которой гнал волны резкий порывистый ветер. Однообразие пейзажа нарушали редкие деревья, низкорослые и высохшие, да сверкавшая вдали река, подобно змее извивавшаяся в траве. Над ее берегами, что поросли густым камышом, с печальными унылыми криками кружили болотные птицы.

Терлог О'Брайен окинул взглядом эту пустынную землю, и его душу наполнила какая-то непонятная тоска. Он уже собирался повернуть коня и поскакать куда глаза глядят, как вдруг заметил возле реки четыре возникшие из камышовых зарослей фигуры всадников, помчавшихся по направлению к нему. Один из всадников ехал впереди, на некотором расстоянии от остальных.

Терлог натянул поводья своего чалого жеребца и быстро поскакал к перелеску. Приглядевшись повнимательнее, он понял, что всадники не собирались нападать на него, — трое увлеченно преследовали четвертого, который скакал впереди. Затаившись, кельт стал наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Они быстро приближались, и вскоре Терлог увидел, что его предположения оказались правильными. Тот, что ехал впереди, опустив голову, раскачивался в седле; одна рука свисала вдоль туловища; сломанный меч он зажал в зубах. Он был молод и высок, светлые волосы развеивались на ветру. Он мчался быстро, но преследователи скакали еще быстрее, и расстояние между ними немолимо сокращалось. Они были ниже ростом, чем тот, за кем они охотились, и ехали на небольших, но очень проворных лошадях. Когда преследователи приблизились к убежищу Терлога, он увидел их смутные лица, сверкающие серебряные

кольчуги и украшенные перьями тюрбаны, легкие круглые щиты и кривые восточные сабли.

Кельт размышлял совсем недолго. Азиаты не видели его, поэтому ему самому ничего не угрожало; но на его глазах трое вооруженных людей гнались за раненым воином, который по происхождению был явно ближе к Терлогу, чем трое преследователей. Скорее всего, это были турки. Так решил кельт, хотя, по его представлению, их земли должны лежать далеко к югу отсюда. Непроизвольная ярость заклокотала в его душе — слишком сильной была извечная смертельная вражда между арийцами и тюрками, настолько сильной, что заставляла отдаленных потомков диких древних воинов и сейчас вцепляться в горло друг другу.

Светловолосый юноша теперь поравнялся со скудными зарослями деревьев, где укрывался кельт. Один из его преследователей был уже совсем близко от него. Кривая сабля сверкнула в смуглой руке, и к небесам вознесся гортанный победный клич, — но через мгновение он сменился возгласом изумления, когда неожиданная тень метнулась из-за деревьев наперерез турку.

Словно пушечное ядро, огромный чалый жеребец налетел на низкорослого коня азиата, не успевшего отскочить в сторону. Ударив сбоку, он повалил его на землю и обрушил тяжелые копыта на голову выпавшего из седла седока.

Терлог натянул поводья, поворачивая жеребца в сторону остальных турок, завывших, как волки, от изумления и ярости, но тут же бросившихся на него в атаку с обеих сторон. Тот, который был ближе, уже занес свою кривую саблю над головой Терлога, но кельт выставил вперед щит и ударил

почти одновременно. Острое лезвие топора прошло сквозь тюрбан азиата, раскроив ему череп. Не успел он вывалиться из седла, как Терлог уже отразил щитом удар другой занесенной над ним сабли. Светловолосый юноша, обернувшись, увидел схватку и немедленно повернул коня, чтобы прийти на помощь своему спасителю, но сражение закончилось еще до того, как он приблизился.

Последний оставшийся в живых турок попытался атаковать Терлога слева, рыча и вой, как безумный, и надеясь, что враг не сможет достать его своим окровавленным топором прежде, чем развернет коня или переложит оружие в левую руку. Он замахнулся кривой саблей, и — в этот момент светловолосый юноша увидел такой трюк, о каком прежде никогда даже не слышал. Терлог привстал на стременах, наклонился влево и отразил удар сабли топором, а затем резко выбросил вперед руку со щитом, подобно тому как кулачные бойцы разят противника прямым ударом кулака. Злорадно ухмылявшийся азиат извыл от ужаса и смертельной боли, когда острый шип, что находился в самой середине щита, пронзил насквозь его яремную вену. Кровь потоком хлынула из шеи, и турок с диким ревом повалился на землю. Вырвав в агонии клочок своей окровавленной бороды, через мгновение он скорчился и затих.

Терлог повернулся, взглянул на юношу, остановившего своего коня рядом с его чалым жеребцом. Раненый воин заговорил с кельтом на языке, который тот мог понять:

— Благодарю тебя, брат, кто бы ты ни был. Эти псы собирались доставить мою голову Хогар-хану, и, если бы не ты, скорее всего, им бы это удалось.

Их было четверо, когда они набросились на меня в камышах, но одного мне удалось убить. Оставшиеся трое озверели и хотели разорвать меня на куски, но всего лишь перебили мне руку и сломали меч, так что я вынужден был спасаться бегством. Скажи мне свое имя — ведь мы действительно можем оказаться братьями.

— Меня зовут Терлог Даб, что означает Черный Терлог, — ответил кельт. — Я из рода О'Брайенов, из земли Эрин. Но сейчас я изгнанник. Я покинул родину и странствую по свету уже много лун.

— А меня зовут Сомакельд, — сказал юноша. — Мой народ — тургославы, что обитают в степях. Вон на той линии горизонта стоят сейчас временные жилища моих сородичей. Поедем со мной, тебя там радушно примут.

— Дай я сначала посмотрю твою руку, — сказал Терлог, а юный славянин засмеялся, уверяя, что это всего лишь царапина.

Кельт, опытный и искусный в деле врачевания ран, вправил сломанную кость и крепко перевязал глубокую рану от сабельного удара корой и паутиной. Сомакельд не издал ни единого звука и даже не поморщился от боли, а когда Терлог закончил, спокойно поблагодарил его. Затем они вместе поскакали в славянский лагерь.

— Где ты научился понимать мой язык? — спросил Сомакельд.

— Я повидал много разных племен, живущих в лесах, — ответил Терлог. — Они родственны степным народам, и язык почти такой же. Но скажи мне, Сомакельд, откуда здесь взялись эти турки, которых мы убили? Я видел татар — временами они совершали набеги на лесные племена, — но империя турок, как я думал, лежит далеко к югу.

— Да, это так, — кивнул Сомакельд. — Но этих псов изгнали их же сородичи.

И Сомакельд стал рассказывать их историю. Слушая его, Терлог понял, что этот юноша куда более умен и проницателен, чем молчаливые мрачные жители лесов, с которыми кельту приходилось встречаться в своих последних путешествиях. Несмотря на молодость, юный славянин уже успел побывать во многих далеких землях — он рассказывал и о южных песках, где ходил с караванами в Бухару, и о далеком Аральском море, и о великих реках Волге и Днепре. Его народ не оставался подолгу на одном месте, но и он сам, благодаря своей любви к путешествиям, объездил немало стран.

Те турки были более дикими и более кровожадными родичами сельджуков, набеги которых один за другим разрушали арабские халифаты. Их племя находилось в состоянии бесконечных пограничных войн, как с персами, так и с другими турецкими кланами. Они бросили свои пастбища, издавна принадлежавшие их предкам, и двинулись кочевать далеко вперед, вторгаясь в чужие земли.

Они пришли в степи, где столкнулись с враждебным им народом, — с теми арийскими племенами, которые продвинулись дальше остальных на восток. И вот теперь турки, которые продвинулись дальше всех на запад, постоянно воевали со своими соседями.

С той и другой стороны попеременно совершались обычные военные действия — стычки, грабежи и набеги за женщинами и конями. Кочевники-татары, тоже появлявшиеся в степях, принимали то одну, то другую сторону, в зависимости от того, какие у них в данный момент были настро-

ния и прихоти. Но впоследствии вражда между турками и арийцами перешла в новое русло. Новый хан появился среди турок, что владели пастбищами за рекой. Это был жестокий и коварный Хогар-хан, пришедший к власти посредством убийства предыдущего повелителя. Его честолюбие не знало границ, и одних пастбищ ему уже было мало, — он грезил о великой империи, которая простиралась бы до самого Каспийского моря. Он не был безумным, заметил Сомакельд, ибо старики рассказывали немало историй о подобных — возникавших едва ли не за одну ночь — империях. Великое множество их было известно темному, загадочному Востоку.

Но у Хогар-хана было одно препятствие на пути к цели, и именно его надо было устранить в первую очередь, — тургославы, издавна населяющие степи. Его первым и главным шагом должно было стать их уничтожение.

Турки, вдохновленные своим воинственным правителем, уже разбили наголову татарские племена, кочевавшие неподалеку, убив многих, а прочих взяв в плен и заставив подчиняться воле Хогар-хана. Теперь мусульмане собирали силы, готовясь к большому походу против своих арийских врагов, и тургославы тоже начали объединяться — день и ночь славянские всадники ездили по степям, созывая своих сородичей на борьбу со страшным врагом. «Мы разбросаны друг от друга порой довольно далеко, — пояснил Сомакельд, — и не строим городов, поэтому отражать нападения большой армии врагов мы можем, лишь объединившись».

Разведчики докладывали о том, что турки уже засылают за реку свои передовые отряды, и вот сегодня, возвращаясь домой из одного отдаленно-

го славянского лагеря, Сомакельд столкнулся с четырьмя турками, подстерегавшими его в камышовых зарослях. «Мое племя не слишком большое, — продолжал рассказ юный тургослав, — но оно всегда побеждало своих врагов. Когда-то оно насчитывало много тысяч человек, но постоянные войны обескровили его, а отдельные ветви племени ушли дальше на запад, чтобы забыть о своей жизни на пастбищах и стать обычными земледельцами». Последние слова Сомакельд произнес с нескрываемым презрением.

— А теперь ты, брат мой, — воскликнул он вдруг, — Расскажи мне, как получилось, что ты отправился странствовать в одиночку? Уверен, что ты был правителем на своей родине.

Терлог мрачно усмехнулся:

— Да, когда-то я был правителем острова, который находится далеко к западу отсюда и называется Эрин. Мой король был старым и мудрым, его звали Брайан Бору. Но он пал в сражении с рыжебородыми морскими разбойниками, называемыми ютами, хотя его народ и выиграл эту битву. Затем последовало время интриг и распрей. Месть одной женщины и ревность ее родственника стали причиной того, что меня изгнали из моего клана и я был обречен на голодную смерть в безлюдной пустоши. Но, хотя я больше и не принадлежал к своему клану, мое сердце все еще было полно гнева и ненависти к ютам, которые разоряли мою землю веками, и тогда я привлек к себе таких же изгнанников, как и я сам, и нам удалось отбить у ютов галеру.

И Терлог живописал юному славянину свои странствия, приключения и опасности, с которыми он столкнулся за это время.

Корабль, ранее носящий название «Ворон», он переименовал в «Ненависть Крома», в честь древнего языческого бога. Кельты захватили этот корабль сложным путем обмана и ожесточенной борьбы, и командой его стала грязная пена морей — отбросы общества, не ценившие ни свои, ни чужие жизни. К Терлогу со всех сторон стекались разного рода бродяги, воры и убийцы, единственной добродетелью которых была бесшабашная удаль отчаявшихся людей.

Ирландские изгнанники, шотландские преступники, беглые саксонские рабы, валлийские пираты, британские висельники — именно они сидели на веслах и руле «Ненависти Крома», сражались и грабили, повинувшись приказам своего командира. Среди них попадались люди с отрезанными ушами и рваными ноздрями, с клеймом на лице или плече, с рубцами от оков на руках и ногах. Они жили без любви и надежды и сражались, как изголодавшиеся по крови дьяволы.

Единственным законом для них стало слово Терлога О'Брайена, и закон этот был железным и непреложным. Между командиром и его подчиненными не было никаких теплых чувств; они рычали на него, как волки, а он проклинал их за дикость. Но они боялись и уважали его за жестокость и храбрость, а он признавал их неукротимую ярость. Он не делал никаких попыток навязать им свою волю теми способами, какими это делают командиры и правители, действующие в согласии с остальным миром. Он лишь требовал от своих людей, чтобы они шли за ним и сражались, как демоны, если он приказывал. Он также никогда не повторял приказ дважды. В тех поистине адских условиях в кельте проснулась необуз-

данная свирепость тигра, и из всей его кровавой команды он был самым ужасным и жестоким.

Когда он отдавал приказ, ему немедленно подчинялись, или столь же немедленно он пускал в ход оружие. Поэтому наказание за неповиновение или медлительность было всегда одинаковым — топор командира молниеносно обрушивался на голову смутьяна, и мозги его разлетались во все стороны. Люди, которые следовали за Терлогом О'Брайеном в прежние дни, немало изумились бы, увидев его сейчас стоящим на залитой кровью палубе «Ненависти Крома», с дико горящими глазами и окровавленным топором, рычащим приказы своей разношерстной команде голосом, что звучал, как дикий вопль разъяренной пантеры.

Он был пиратом, который охотился на пиратов, и, только когда команде требовалось пополнить запасы еды и денег, командир приказывал сойти на берег, дабы грабить цветущие берега Англии, Уэльса или Франции. Доходящая до безумия ненависть к викингам, сжигавшая его душу, заставляла О'Брайена вновь и вновь совершать жестокие набеги на их крепости, при этом часто проникая в глубь материка. Когда зимние штормы господствовали в западных морях, Терлог и его головорезы налетали на врагов на суше яростнее самого свирепого урагана, оставляя за собой кровавый и выжженный след.

Тяжелую службу предложил кельт людям, которые пришли к нему, сбежав от своих оков и цепей. Он обещал им только полную опасностей и лишений жизнь, бесконечную войну и кровавую смерть, но все же он дал им возможность отомстить миру за свою исковерканную жизнь и на-

сладиться свободой вершить над этим миром собственный суд — и люди пошли за ним.

Пока суровые норвежцы, затащив свои корабли на берег, пережидали зиму, потягивая эль и слушая песни скальдов, Терлог и его разбойники рыскали повсюду, нападали на охрану кораблей, безжалостно уничтожая ее, а от кораблей оставляя тлеющие угольки. Затем та же участь постигала и самих викингов, спящих безмятежным сном после обильной выпивки — в живых не оставляли никого.

Это был один из дней суровой зимы. В Балтийском море бушевал яростный шторм, с неба валил мокрый снег, засыпавший уже всю палубу и гребцов. Корабль нещадно заливали волны, врывающиеся на палубу через низкие борта. Пираты были мокрыми с головы до ног, их бороды стали белыми от снега и льда. Даже они, равнодушные к любым трудностям и лишениям, жившие как волки, были на грани полного отчаяния. Терлог О'Брайен, стоя на носу корабля, одной рукой опирался о выступ с головой дракона, а другой вытирал лицо, которое залеплял мокрый снег. Кольчуга Терлога обледенела, в лед превратилась и кровь, запекаясь на его башмаках, льдом злоеце поблескивал его топор. Но он не обращал на все это никакого внимания — когда-то его, новорожденного, бросили в сугроб, чтобы удостовериться в его праве на жизнь. Он был крепче и неприхотливее, чем волк. А теперь его сердце жгла такая испепеляющая ненависть, что никакой внешний холод не мог остудить ее.

В этом набеге они продвинулись достаточно далеко, оставив после себя на побережье Ютландии и берегах, окружающих пролив Скагеррак, тлеющие руины, обгаренные кровью. И все же Терлог не был

вовне доволен. Он велел отправиться в Балтийское море и теперь считал, что находится в заливе, который называется Финским.

Внезапно он увидел возникшую из пелены снега и тумана тень и яростно вскрикнул. Корабль викингов! Несомненно, они отправились за Терлогом и его разбойниками, узнав о резне, учиненной над их соседями. Они не хотели, чтобы их так же застigli врасплох ночью, во сне, как тех, чьи головы теперь украшали изгороди.

Терлог, пристально вглядываясь в колеблющуюся тень, выкрикнул приказ рулевому: повернуть в сторону вражеского корабля. Но тут его помощник, угрюмый одноглазый шотландец, внезапно осмелился возразить своему командиру.

— Нас гонит ветер; если мы попробуем развернуться хотя бы наполовину, волны переломят корабль надвое. Это же настоящее безумие — мчаться по такому бушующему морю на корабле, который...

— Дьявол позаботится, чтобы корабль не переломился! — резко оборвал его Терлог. — Делай, как я сказал, исчадие ада! Викинги сейчас пропадут в тумане — я уже почти их не вижу...

В это мгновение огромная ледяная волна швырнула длинный приземистый корабль, как щепку. Шотландец был прав — только безумец мог отправиться в плавание по бушующему зимнему морю. Но в недрах души кельта и в самом деле таилось безумие, порой прорывавшееся наружу.

Внезапно прямо перед ними из тумана вынырнул нос корабля викингов, похожий на клвов хищной птицы. Пираты с «Ненависти Крома» увидели рогатые шлемы и свирепые бледные лица норвежцев, которые дико орали и бряцали оружием.

— Идти прямо на них и взять их на abordаж! — крикнул Терлог, и в это мгновение град стрел, вылетевших из тумана, обрушился на его разбойников. «Ненависть Крома» рванула вперед, как припорошенная лошадь, но тут же самый сильный человек в команде — гигант-саксонец с клеймом беглого раба на лице — рухнул на палубу со стрелой в сердце, и корабль остался без управления — никто не сумел подхватить руль. Терлог в ярости завопил, и тогда к рулю снова бросились несколько человек, но мощный натиск разбушевавшихся волн уже начал разворачивать судно, а затем и неистово швырять во все стороны. Половину команды смыло с борта в воду, и наконец корабль викингов протаранил галеру.

Железный птичий нос врезался в середину корабля Терлога под углом, прорубив огромную дыру до самого носа и переломав с одной стороны все весла; затем судно викингов встало боком вплотную к «Ненависти Крома», палубу которого через несколько мгновений заполнила дикая разъяренная толпа рычащих людей, что с неистовой жестокостью принялись рубить направо и налево оставшихся в живых разбойников Терлога.

Люди погибали один за другим; топоры раскалывали их черепа, а мечи, прорубая кольчуги, вонзались в тело. Помощник-шотландец увидел командира, который размахивал топором и рубился, словно атлчущий крови демон, и закричал ему:

— Воды уже по колено! «Ненависть Крома» может затонуть в любой момент!

— Если мы и утонем, то только с ними вместе! — крикнул в ответ Терлог, дико сверкая глазами. Теперь он и в самом деле обезумел, и на губах его закипела пена. — Цепляйся за их борт крюка-

ми! Мы потащим этих поганных псов за собой в ад! Мы будем их убивать, пока погружаемся на дно!

Он первым бросил крюк, зацепившись им за борт корабля с птичьим носом. Викинги поняли его намерения и попытались отцепиться, но было уже слишком поздно. В их борт одновременно полетело еще несколько крюков, и оба корабля оказались сцепленными вместе — ни тот, ни другой не могли уже самостоятельно отойти. Теперь они целиком были во власти ветра и волн, которые яростно швыряли их из стороны в сторону, в то время как люди на палубе тесно сцепились друг с другом в последней отчаянной схватке. Безостановочно рубя топором, уже почти вслепую в этом кромешном кровавом аду, Терлог едва смог различить, как сквозь дикий шум и грохот прорвался страшный треск — оба корабля налетели на подводные рифы. Но безумный кельт и его оставшиеся в живых разбойники, в которых вселилось такое же безумие, ни на миг не прекращали рубиться своими кровавыми топорами, а искоженные корабли тем временем уже стремительно погружались в темную бушующую пучину.

2

— И из всех только ты один остался в живых? — затаив дыхание, спросил Сомакельд.

— Да, — мрачно подтвердил Терлог. — И даже сам не знаю почему. В какое-то мгновение битвы меня вдруг окутала кромешная тьма, а потом я очнулся уже в хижине, окруженный какими-то людьми. Очевидно, волны выбросили меня на берег, когда все погибли. Но я не один оказался на

берегу — море выбросило и многих других, и наших, и норвежцев, но жизнь теплилась лишь во мне. Остальные умерли от ран, утонули или замерзли. Люди, которые нашли меня, сказали, что я тоже почти замерз, — но мой топор и щит были крепко зажаты в моих руках! Так крепко, что они не смогли отнять их, и я продолжал сжимать их железной хваткой, пока не пришел в сознание.

Я узнал, что эти люди — финны, очень дружелюбный народ; они хорошо заботились обо мне и довольно быстро меня вылечили. Благодаря им я встал на ноги и, может быть, остался бы с ними на некоторое время, но их земля была слишком холодной, покрытой толстым слоем снега и льда, и, когда я узнал, что в южных странах уже начинается ранняя весна, я ушел от них. Они дали мне коня, и я отправился на юг через дремучие леса, полные волков, медведей и еще каких-то ужасных зверей, с которыми мне, к счастью, не пришлось столкнуться, — я видел лишь их следы.

В этих лесах я столкнулся с какими-то дикими племенами; от одних я убегал, а у других ненадолго останавливался. Некоторые из этих народов являлись потомками Рюрика, и тогда я не упускал возможности еще раз отомстить норвежцам. Так я путешествовал много лун, сначала на коне финнов, затем на скакунах, которых я украл или купил, и под конец вот на этом сером жеребце — мне дал его один вождь иноверцев. Когда я покинул хижину финнов, там была поздняя зима. Теперь снова приближается зима, а я все еще далеко от южных земель, куда влечет меня мое сердце.

— Поедем со мной! Ты поживешь у нас, о мой брат! — с искренним дружелюбием воскликнул Со-

макельд. — Мы храбрый народ и любим отважных воинов. Ты можешь быть нашим вождем! А знаешь, какие девушки у тургославов? Останься с нами!

Терлог задумчиво пожал плечами:

— Хорошо, я поеду с тобой, Сомакельд, потому что мой конь устал, а я голоден. Я останусь с вами на какое-то время, потому что чувствую в воздухе запах войны, — видишь, вороны уже слетаются сюда со всех сторон! Я не уйду от вас, когда в этом поле скрестятся клинки, я буду сражаться за вас.

Когда Терлог и Сомакельд подъехали к лагерю тургославов, ночь уже опустилась на землю. Кельту приходилось видеть лагерь татар, и славянский мало чем отличался от них. Такие же высокие неуклюжие повозки — рядом с ними, сложенные в аккуратные кучки, лежали конские седла; те же кольца вокруг костров, где женщины готовили пищу и наполняли роги молоком и медом. И арийцы, и тюрки развивались во многом одинаково. Терлог понял, что сейчас он видит уже уходящую стадию жизни арийцев — они постепенно расставались с кочевой жизнью и переходили к оседлой, начиная заниматься земледелием; или сливались и поглощались татарскими кочевниками.

Кельт увидел все признаки этого смешения среди арийских и монгольских степных народов. У многих тургославов были широкие скулы и черные волосы, свидетельствующие о наличии в них тюркской крови; попадались и чистокровные татары, хотя все же основная масса соплеменников Сомакельда имела арийскую внешность — высокий рост, крепкое сложение, светлые глаза и льняные волосы. Следы смешения с татарами, пожалуй, заметнее всего были среди казаков.

Лошади арийских кочевников отличались ростом и мощью, а их мечи были длинными, прямыми и обоюдоострыми. Кроме того, их вооружение состояло из тяжелых топоров, пик и кинжалов, а также луков, более легких и менее действенных, чем луки их турецких противников.

Доспехи они носили довольно примитивные — железные пластины, прикрепленные к рубашам из грубой кожи, железные шлемы, круглые деревянные, обтянутые кожей и обитые железом щиты. Поверх одежды они надевали плащи из овечьих шкур. Мужчины были выносливыми, храбрыми в бою и добродушными в дружеском застолье, а женщин отличали приветливость, мягкость и красота.

К ним навстречу помчались часовые, что разъезжали по степи, но Сомакельд крикнул им несколько слов, и они тотчас повернули обратно. На небе уже появилась луна, когда Терлог и его новый товарищ рысью поднялись на склон, с которого открывался вид на славянский лагерь. Скинув острым взглядом равнины, кельт увидел темные, похожие на тени фигуры, приближавшиеся со всех сторон к лагерю.

— Мой народ собирается вместе, чтобы дать бой туркам, — пояснил Сомакельд, и Терлог кивнул, вглядываясь в темную колышущуюся массу. Его глаза вспыхнули в темноте, когда смутная память предков шевельнулась где-то в глубинах его души. Да, славянские кланы собирались, как когда-то арийские — в далекие смутные времена, — и среди них предки самого Терлога приезжали в эти же степи, трясаясь в неуклюжих громохочущих повозках или крепко держась за гривы полудиких коней.

Терлог и Сомакельд спустились со склона и приблизились к кострам, откуда тотчас раздался возглас приветствия. Терлог сразу определил вождя племени — его звали, как сказал Сомакельд, Грогар Скел. Он был уже стар, но в его льняного цвета бороде все еще не было седых волос, и, когда он поднялся, чтобы приветствовать вновь прибывших, кельт увидел, что вождь обладал могучим телосложением и годы не затуманили орлиного взора его острых глаз, не ослабили его железных мускулов.

— Твое лицо незнакомо мне, — произнес Грогар Скел глубоким спокойным голосом. — Ты не славянин, не турок и не татарин. Но, кто бы ты ни был, слезай с коня и дай ему отдохнуть. Поешь и выпей с нами сегодня ночью.

— Это очень храбрый и опытный воин, атаман, — поспешно заговорил Сомакельд. — Богатырь, герой! Он пришел помочь нам в борьбе против турок! Клянусь честью моего племени, нынче он отправил троих турецких псов выть у ворот ада!

Старейшина наклонил голову с густой, как у льва, гривой волос.

— Наши жизни принадлежат тебе, богатырь!

Соскочив с коня, Терлог заметил у костра воина средних лет, по-татарски приземистого и плечистого. У него был вид полководца, а под накидкой из овечьей шкуры поблескивала серебряная кольчуга. Его темное широкоскулое лицо было неподвижным, но маленькие, похожие на бусинки глаза загорелись, когда он взглянул на великолепного чалого жеребца кельта. Рядом с ним сидел стройный красивый юноша, по-видимому его сын.

Терлог убедился, что о коне его хорошо заботятся, и присел возле костра. Сомакельд, гордый своим новым знакомством и тем, что ему разрешено сидеть вместе с бывальыми воинами, поведал о своей встрече с кельтом, а затем пересказал историю о его странствиях и приключениях. Все слушали его с нескрываемым интересом, а к костру между тем все продолжали подходить люди, которые смотрели на кельта с любопытством и удивлением, выслушивая пересказанные шепотом рассказы о его подвигах.

— Ты выглядишь орлом, и взгляд твой орлиный, богатырь, — сказал Грогар Скл. — Для меня немного значит, что ты был когда-то правителем в своей земле, но я хорошо знаю, что ты прирожденный правитель людей. Да, тургославам нужны люди с острыми мечами и сильной волей. Хогар-хан надвигается на нас, и кто знает, как могут повернуться события? Турки — опытные воины, но они разлетелись, как птицы, гонимые ветром, от крыльев воинов Чага-хана. — И он кивнул в сторону татарина, который не спеша потягивал сброженное кобылье молоко — кумыс.

— Да, — отозвался татарин. Его голос был подобен лязгу меча, вынимаемого из ножен. — Они были как волки среди овец — клянусь Эрликом, они все безумны!

— Они действительно безумны — в бою они быстрые и беспощадные, подобно огню, пожирающему степную траву, — кивнул Грогар Скл. — Иногда мне кажется, что они исполнены каких-то злых чар. Хогар-хан заявляет, что ему свыше передана власть, которой некогда, в далекие времена, обладал царь с обгаренными кровью руками — Аттила, правитель гуннов. Более того — Хогар-хан носит

на поясе его меч, налитанный кровью убитых царей.

Терлог удивленно покачал головой. Глаза-бусинки Чага-хана обратились к нему.

— Я видел этот меч, — сказал он, вновь подняв свою кружку с кумысом. — В его руке горело пламя, которым он кормил змей. Клянусь Эрликом, старуха смерть несется впереди его коня, и черный ветер, исходящий из нее, сжигает все вокруг. Когда он скачет, то кажется, что скачет целая орда, и никто не может встать у него на пути. Он выстелил за собой кровавый след из искромсанных тел моих воинов.

В воздухе повисло молчание. Ночной ветерок шелестел высокой травой, вдаль слышались громыханье повозок и перекличка часовых. Грогар Скл задумчиво теребил густую косматую бороду.

— Они быстро собираются — к рассвету все кланы тургославов уже придут сюда, — наконец произнес вождь. — Надо будет определить, кто поведет за собой остальных. Но на душе моей камнем лежат сомнения. Те, с кем мы будем сражаться, — больше чем обычные смертные люди.

Все глаза невольно обратились в сторону Терлога. Неразвитые примитивные народы часто охотно верят самым нелепым рассказам, не сомневаясь, что все вокруг просто пропитано сверхъестественными силами. Теперь они думали, что Терлог не случайно оказался здесь — его принесли в славянский лагерь таинственные силы, невидимые глазу, чтобы он помог тургославам одолеть врага. Но кельт, неожиданно зевнув, заявил:

— Я буду спать.

Шагнув под полог сделанного из овечьих шкур шатра Грогара, кельт вновь ощутил в себе отголоски неясной памяти предков. Он вслушивался в ночные звуки лагеря кочевников, и все казалось ему удивительно знакомым — и потрескивание поленьев в костре, и запахи еды из котлов, и запахи потной кожи и конских тел, и пение кочевников и их раскатистый смех. Эти славяне словно пришли из глубокой древности, из самых истоков арийской расы — они были ее корнем и основанием. Они крепко цеплялись за ту первоначальную основу, которую предки Терлога оставили уже много веков назад. Народ Сомакельда был чист и силен своей примитивной жизнью и принципами.

Терлог уже начал погружаться в сон, и последние его мысли были о том, что хотя между ним и его народом пролегло полмира, кровь этих кочевников была его кровью и после веков странствования в различных землях он наконец вернулся домой. Затем он погрузился в глубокий сон с видениями, в которых он узрел себя диким, светлоглазым, закутанным в звериные шкуры, едущим через бесконечные леса и равнины в грубой шатковой повозке. Еще он видел себя на спине полуобъезженного коня, в окружении таких же, как он сам, светлоглазых, закутанных в звериные шкуры сородичей. Они с грозным рычанием размахивали мечами, разя врагов на безымянных полях сражений в далеких забытых странах. Терлог боролся и с человеком, и с диким зверем, и с разбушевавшимся штормом; он попирал ногами древние, изжившие себя цивилизации, выражая волю юного, поднимающегося мира, и олицетворяя собой обновляющую силу варварства.

3

Грогар окинул взглядом лагерь, где шла подготовка к предстоящему сражению, — женщины чинили упряжь и одежду, мужчины точили мечи.

— Вот весь мой народ, — медленно произнес он, повернувшись к Терлогу. — Я могу выставить на войну только семьсот воинов, сильных и храбрых, не слишком юных и не слишком старых, чтобы сражаться. С нами пойдут еще три сотни татар — они будут биться на нашей стороне, пока летят стрелы, но мы не можем заставить их остаться, когда в ход пойдут мечи. А у Хогар-хана добрая тысяча воинов и пятьсот татарских союзников.

— А что говорит Чага-хан? — спросил Терлог. Грогар покачал головой:

— Татары подобны волкам, окружающим кольцом двух дерущихся быков, чтобы с жадностью наброситься и сожрать упавшего. Чага-хан однажды посылал к нам людей — просить о помощи, но вступил в сражение раньше, чем мы подошли. В той битве он был разбит, и ему пришлось отступить на восток. Мы ничем не смогли ему помочь, и он не считает себя чем-то нам обязанным. Он просто хочет посмотреть, чем все кончится. Те татары, которые сейчас за нас, и те, которых Хогар-хан подавил, заставив служить себе, принадлежат к маленьким кочевым племенам. Племя Чага-хана — самое могущественное из них в этой части степей. Несмотря на то что он потерпел поражение в битве с турками, Чага-хан и сейчас может выставить не меньше тысячи всадников.

— Но, дьявол его побери! — взревел Терлог. — Неужели ты не можешь объяснить ему, что, если он сейчас объединит свои силы с твоими, вы наголову разобьете этих турецких псов?

Старый славянский вождь пожал плечами:

— Мало толку спорить с татарами. Хогар-хан вселил в него страх, и он боится идти против него. В любом случае, я не уверен, что он искренне хочет помочь нам. Сейчас он просто выжидает. Если мы победим, Чага-хан вернет себе свои старые пастбища. Если победят турки, он может отступить дальше на восток, где в пустынях живет его народ, а может и соединиться с Хогар-ханом. Он считает, что турку суждено стать великим завоевателем, как его предшественник Аттила, и для него будет честью вступить под знамена завоевателя.

— Тогда почему ты сам не присоединишься к Хогар-хану? — спросил Терлог, пристально глядя в лицо старому вождю. Могучая рука, державшая древко копья, судорожно сжалась и побелела, глаза Грогара сверкнули гневом.

— Мы, люди с белой кожей, были хозяевами степей с незапамятных времен. Потом сюда начали вторгаться дикие орды завоевателей, но, когда нас было много, мы прогоняли темнокожих дикарей обратно в их восточные пустыни. Теперь мы слабый и малочисленный народ, но все же ответим им так же, как отвечали наши предки: собачья смерть вам, поганые псы! — Глаза Грогара горели неукротимой яростью; гордо вскинув голову, он посмотрел в сторону реки, за которой его враги тоже сейчас готовились к битве. — Господь наш Иисус Христос поставил нас выше всех остальных рас, и если я буду пресмыкаться перед

этими мусульманскими шакалами, прося их о мире, то пусть лучше дьявол вырвет сердце у меня из груди!

Терлог мрачно усмехнулся:

— Ты сделан из железа, старик! Но ты не принимаешь во внимание одну вещь: даже если мы победим, твое племя все равно понесет потери и ослабнет и Чага-хан не замедлит воспользоваться этим. Он нанесет тебе удар в спину и уничтожит всех тех, кто остался в живых после битвы с турками.

Грогар нахмурился и задумчиво погладил бороду.

— Ты прав... Но что же нам делать?

Кельт пожал плечами:

— Как ты собираешься сражаться с турками?

— Как обычно, — вздохнул старый атаман. — Как мы сражались всегда. Мы сядем на коней и галопом помчимся по степям, пока не встретим их орду. Там мы прокричим наш боевой клич, бросимся на них и будем рубить, колоть и резать, пока они не побегут.

— И они, конечно, не вытащат свои луки и не будут выбивать вас стрелами из седел? — насмешливо спросил Терлог. — Они спокойно будут дожидаться, когда вы перерубите их всех до последнего?

— Конечно, будет целый шквал стрел, — согласился Грогар. — Но эти турки не такие, как татары, — они любят биться мечами. Сначала они выпустят тучи стрел, а затем вытащат свои кривые сабли. Воины Чага-хана успешно наступали, пока продолжался обмен стрелами с обеих сторон, но, когда турки бросились на них с саблями, они не смогли отразить их атаку. Мусульмане крепче их и лучше вооружены.

— Хорошо,— задумчиво произнес Терлог.— Вы тоже покрепче, чем турки, и у вас будет то же преимущество, что у них было над татарами. Но тургославы должны как можно быстрее перейти к сражению на мечах — тогда вы можете надеяться на победу.

САД УЖАСА

ВРАТА ИМПЕРИИ

П

ировавшие в подвале замка Годфрея де Куртенэ не слышали ни бряцания оружия утрюмых часовых на башнях, ни порывов весеннего ветра. Также и наверху никто не слышал шума пирушки.

Трепавшая свеча освещала неровные стены, сырые и негостеприимные, вдоль которых стояли покрытые паутиной плетенные бутылки и бочки. Из одной бочки выбили затычку, и кожаные кружки в ослабевших

от выпитого вина руках снова и снова погружались в пенистую глубину.

Агнесса, девушка-служанка, накануне украла с пояса управляющего массивный железный ключ от подвала, и теперь, пользуясь отсутствием хозяина, там веселилась небольшая, но далеко не избранная компания.

Сидя на колене слуги Питера, Агнесса отбивала кружкой рваный ритм в такт непристойной песне, которую оба горланили каждый на свой лад. Эль переливался через край качающейся кружки, стекая за воротник Питера, чего тот не замечал.

Другая служанка, толстая Мардж, раскачивалась на скамейке, хлопая себя по крутым широким бедрам и шумно комментируя пикантную историю, только что рассказанную Джайлсом Хобсоном. Судя по его манерам, он мог бы быть хозяином замка, а вовсе не бродягой-мошенником, мотавшимся по волнам житейского моря. Опершись спиной о бочку и положив ноги в сапогах на другую, он ослабил ремень, что стягивал его объемистое брюхо под поношенным кожаным камзолом, и вновь погрузил губы в пенящуюся кружку.

— Джайлс, клянусь бородой святого Витольда, — промолвила Мардж, — я еще никогда не слышала ничего подобного! Даже вороны, которые будут обгладывать твои кости на виселице, лопнут от смеха. За тебя — принца всех сквернословов и лжецов!

Она взмахнула громадной оловянной кружкой и осушила ее столь же решительно, как любой мужчина.

В этот момент появился еще один участник пирушки, который вернулся со свидания: в дверях наверху лестницы показался человек в обтягивающем

бархатном костюме. На ногах он держался нетвердо. Через приоткрытую дверь донеслись звуки ночи — шелест портьер где-то в доме, шум ветра в ущельях, сердитый оклик часового на башне. Порыв ветра пронесся по лестнице, едва не погасив свечу.

Гильом, паж, закрыл дверь и, шатаясь, спустился по грубым каменным ступеням. Он не был столь пьян, как остальные, просто из-за юного возраста еще не привык к большим количествам подобных напитков.

— Который час, мальчик? — спросил Питер.

— Далеко за полночь, — ответил паж, неуверенно напаривая открытую бутылку. — В замке все спят, кроме стражи. Однако я слышал стук копыт сквозь шум ветра и дождя; кажется, сэр Годфрей возвращается.

— Пусть возвращается, будь он проклят! — закричал Джайлс, звучно шлепая Мардж по жирному заду. — Может быть, он и хозяин замка, но сейчас мы — хозяева подвала! Еще эли! Агнесса, маленькая шлюха, еще песню!

— Да, еще эли! — шумно потребовала Мардж. — Брат нашей хозяйки, сэр Жискар де Шатильон, рассказывал невероятные истории про Святую Землю и неверных, но, клянусь святым Данстеном, вранье Джайлса затмевает правду рыцаря!

— Не клевети на... ик!... святого человека, побывавшего... ик... в паломничестве и крестовом походе, — икнул Питер. — Сэр Жискар видел Иерусалим и сражался рядом с королем Палестины... сколько лет тому назад?

— Десять лет — десять лет прошло с того майского дня, когда он отправился в плавание к Святой Земле, — сказала Агнесса. — С тех пор леди Элеонора не видела его, пока вчера утром он не подъехал

к воротам. Ее муж, сэр Годфрей, вообще никогда его прежде не видел.

— И не знал его? — пробормотал Джайлс. — И сэр Жискар его не знал?

Он заморгал, проведя широкой ладонью по рыжим волосам. Он даже не осознавал, насколько пьян. Мир вокруг него завертелся, словно волчок, и голова, казалось, залипала на плечах. В парах эля и перебродившего спирта родилась сумасбродная идея.

Джайлс внезапно расхохотался и выпрямился, пролив содержимое кружки на колени Мардж, что вызвало град ругательств с ее стороны. Задыхаясь от смеха, он ударил ладонью по крышке бочки.

— Ты что, рехнулся? — взвизгнула Агнесса.

— Сейчас будет потеха! — Крыша затряслась от его бычьего рева. — Ну и потеха, клянусь святым Витольдом! Сэр Жискар не знает мужа своей сестры, а сэр Годфрей сейчас у ворот. Слушайте!

Четыре неуверенно покачивавшиеся головы склонились к нему, словно грубые стены могли услышать его слова. Мгновение спустя тишина сменилась бурными взрывами хохота. Сейчас они готовы были последовать любой, самой безумной идее, которую бы им предложили. Лишь Гильома терзали смутные дурные предчувствия, но и его увлек пьяный пыл собутыльников.

— Чертовски будет весело! — воскликнула Мардж, пылко целуя Джайлса в багровую щеку. — Вперед, бродяги!

— Вперед! — проревел Джайлс, выхватывая меч и беспорядочно им размахивая, и пятеро, спотыкаясь и налетая друг на друга, устремились вверх по лестнице. Пинком распахнув дверь, они вбежали в широкий зал, завывая, словно стая охотничьих псов

Замки двенадцатого века, напоминавшие скорее крепости, чем просто жилища, строились для защиты, а не для комфорта.

Просторный зал с высоким потолком, по которому разносились крики пьяной компании, был устелен тростником и освещался лишь едва тлеющими углями в большом камине. Грубые, напоминавшие паруса портьеры вдоль стен колыхались на сквозняке. Спавшие под большим столом собаки проснулись от топота ног и разом залаяли, внося свой вклад во всеобщую суматоху.

Шум разбудил сэра Жискара де Шатильона. Во сне он видел иссушенные солнцем равнины Палестины и потому решил, что его окружили сарацинские разбойники. Он вскочил, хватаясь за меч, и тут только сообразил, где находится. Однако явно затевалось что-то недоброе. Из-за дверей доносились шум, лай и вопли, и на прочные дубовые панели обрушился град ударов — несомненно, кто-то намеревался вышибить дверь. Рыцарь услышал, как чей-то голос громко и настойчиво зовет его по имени.

Оттолкнув в сторону дрожащего от страха оруженосца, он подбежал к двери и распахнул ее настежь. Сэр Жискар был высок и сухопар, с большим ястребиным носом и холодными серыми глазами. Даже в ночной рубашке он выглядел весьма внушительно. Яростно моргая, он вглядывался в группу людей в противоположном конце зала. Только тусклое мерцание углей освещало их. Среди них рыцарь увидел женщин, детей и какого-то толстяка с мечом.

— На помощь, сэр Жискар! — взревел толстяк. — На помощь! Замок в осаде, и все мы погибли! Разбойники из Хоршемского леса уже в зале!

Сэр Жискар услышал топот закованных в броню ног, который ни с чем невозможно было спутать, и

увидел туманные очертания входящих в зал фигур. На их латах поблескивал красноватый свет тлеющих углей. Еще не до конца проснувшись, рыцарь кинулся в яростную атаку.

Сэр Годфрей де Куртенэ, вернувшийся домой после многочасовой езды сквозь дождь и ветер, предвкушал лишь покой и уют собственного замка. Сорвав свое раздражение на сонных конюхах, которые едва переставляли ноги, он отпустил тяжело вооруженных всадников и направился в главную башню, в сопровождении оруженосцев и свиты. Не успел он войти в зал, как там начало твориться нечто неопишемое: топот ног, грохот переворачиваемых скамеек, лай собак, резкие выкрики и чей-то торжествующий рев.

Изумленно ругаясь, он вбежал в зал во главе своих рыцарей, и тут на него накинута воинственный маньяк, на котором не было ничего, кроме ночной рубашки. Маньяк размахивал мечом и завывал словно оборотень.

Яростные удары безумца высекли искры из шлема сэра Годфрея, и хозяин замка едва не стал трупом еще до того, как успел вытащить меч. Он упал на спину, призывая на помощь своих воинов. Однако безумец орал значительно громче, к тому же со всех сторон к ним устремились другие сумасшедшие в ночных рубашках, с воем нападая на ошеломленную свиту сэра Годфрея.

В замке царил суматоха — вспыхивали огни, выли собаки, вопили женщины, ругались мужчины, и над всем этим раздавался лязг стали и топот закованных в латы ног.

Заговорщики, протрезвев при виде того, к чему привела их забава, разбежались в разные стороны, ища убежища — за исключением Джайлса Хобсона.

Он был слишком пьян, а потому его не беспокоила столь обыденная сцена. Какое-то время он любовался творением своих рук; затем, обнаружив, что клинки мелькают в опасной близости от его головы, отступил и, следуя некоему инстинкту, направился в укрытие, известное ему с давних времен. Там он с приятным удивлением обнаружил, что все это время сжимал в руке плетеную бутылку. Он опустил ее. Вино, смешавшись с тем, что уже попало в его глотку ранее, неожиданно быстро повергло Джайлса в бесчувствие. Он свалился и спокойно захрапел под соломой, в то время как над ним и вокруг него стремительно разворачивались события.

Там, в соломе, и нашел его брат Амброз, когда этот безумный день начал уже клониться к закату. Пузатый румяный монах встряхнул нераскаившегося грешника, и тот с трудом открыл подернутые туманом глаза.

— Святые угодники! — сказал Амброз. — Опять ты за свои старые шуточки! Я так и думал, что найду тебя здесь. Тебя весь день ищут по всему замку; здесь, в конюшне, тоже искали. Хорошо, что ты спрятался в самой большой куче сена.

— Слишком большая честь для меня, — зевнул Джайлс. — Зачем им меня искать?

Монах воздел руки к небу в благочестивом ужасе.

— Да спасет меня святой Дионисий от Сатаны и дел его! Ты что, не помнишь, какую сумасбродную затею выдумал? Ты же натравил несчастного сэра Жискара на мужа его сестры!

— Святой Данстен! — простонал Джайлс, давясь сухим кашлем. — До чего же хочется пить! Кого-нибудь убили?

— Благодарение Господу, нет. Однако у многих разбиты макушки и поцарапаны ребра. Сэр Годфрей едва не погиб при первой же атаке, ибо сэр Жискар отменно владеет мечом. Однако наш хозяин, будучи в полном вооружении, вскоре нанес сэру Жискару сильный удар по голове, отчего потекла кровь и сэр Жискар начал ругаться так, что страшно было слушать. Одному Богу известно, чем бы все закончилось, но леди Элеонора, разбуженная шумом, выбежала в одном белье в зал и, увидев сражающихся насмерть мужа и брата, встала между ними и обратилась к ним со словами, которые я не стану повторять. Воистину, страшен язык нашей хозяйки во гневе.

В конце концов понимание было достигнуто; сэру Жискару и всем пострадавшим оказали необходимую помощь. Сэр Жискар указал на тебя как одного из тех, кто колотил в его дверь. Затем нашли прятавшегося Гильома, и он во всем признался, свалив главную вину на тебя. Ну и денек же был!

Несчастный Питер с утра сидит в колодках, и все слуги и крестьяне собрались вокруг, осыпая его насмешками и грязью, — они только что ушли, и он теперь представляет собой жалкое зрелище — с разбитым носом, ободранной рожей, заплывшим глазом и яичной скорлупой в волосах. Бедный Питер!

Что касается Агнессы, Мардж и Гильома, их выпороли так, что они запомнят это на всю жизнь. Трудно сказать, у кого из них больше болит задница. Но хозяева желают видеть тебя, Джайлс. Сэр Жискар клянется, что не успокоится, пока не лишит тебя жизни.

— Гм-м, — задумчиво пробормотал Джайлс. Он неуверенно поднялся, отряхнул солому с одежды, подтянул пояс и набекрень надел на голову шляпу.

Монах мрачно наблюдал за ним.

— Питер в колодках, Гильом выпорот, Мардж и Агнесса тоже — какое же наказание ожидает тебя?

— Думаю, я приму свою кару, добровольно отправившись в изгнание, — сказал Джайлс.

— Тебя не выпустят за ворота, — предупредил Амброз.

— Верно, — вздохнул Джайлс. — Монах может пройти свободно, в то время как честного человека останавливают из-за подозрений и предрассудков. Что ж, придется понести еще одно наказание. Одолжи мне твою мантию.

— Мою мантию? — воскликнул монах. — Да ты с ума сошел...

Тяжелый кулак врезался в пухлый подбородок, и монах с тихим вздохом осел на землю.

Несколько минут спустя скусающий стражник, забавлявшийся тем, что целился тухлым яйцом в неряшливую фигуру в колодках, увидел, как из конюшни появился человек в мантии и капюшоне и медленно двинулся через открытое пространство. Плечи его были устало опущены, голова склонена; лицо его было скрыто капюшоном.

Стражник поправил поношенный шлем и неуклюже шагнул к монаху.

— Да пребудет с тобой Господь, брат, — сказал он.

— Pax vobiscum, сын мой, — донесся тихий приглушенный ответ из глубины капюшона.

Стражник сочувственно покачал головой, глядя вслед монаху, направлявшемуся к боковым воротам.

— Бедный брат Амброз, — пробормотал стражник. — Он слишком близко к сердцу принимает грехи мира, сгибаясь под грузом тяжких преступлений человечества.

Он вздохнул и снова прицелился в угрюмую физиономию над колодками.

***

По голубой глади Средиземного моря тяжело двигалась торговая галера, неуклюжая и широкая. Квадратный парус безвольно свисал с единственной толстой мачты. Гребцы, сидевшие на скамьях по обеим сторонам средней палубы, налегали на длинные весла, словно машины, одновременно наклоняясь вперед и откидываясь назад. Из глубины корпуса доносился шум голосов, жалобные крики животных и запах конюшни и хлева. На юге подобно расплавленному сапфиру простиралась голубая вода. На севере однообразную картину нарушал возвышавшийся впереди остров, белые скалы которого были увенчаны темной зеленью. Вокруг царили достоинство, чистота и безмятежность, если не считать вонючей неуклюжей лохани. Переваливаясь с борта на борт, она тащила по пенящейся воде, издавая звуки и запахи, кой свидетельствовали о присутствии здесь человека.

Внизу пассажиры средней палубы, усевшись среди своих узлов, готовили пищу на небольших жаровнях. Дым смешивался с запахами пота и чеснока. Слышалось ржание несчастных лошадей, зажатых в узком пространстве. Овцы, свиньи и куры добавляли к здешним запахам свой аромат.

Вскоре к бормотанию множества голосов под палубой добавились новые — членов экипажа и более состоятельных пассажиров, имевших места в каютах. Затем послышался голос самого капитана, резкий и раздраженный. Ему ответили — громко и хрипло, с акцентом.

Капитан-венецианец, пробираясь среди тюков с товаром, обнаружил на борту безбилетного, к тому

же пьяного пассажира — толстого рыжеволосого человека в поношенной кожаной одежде. Он храпел меж бочек и, наверное, храпел бы еще очень долго, если б не возмущенный вопль капитана.

Последовала пылкая тирада на итальянском языке, смысл которой в конце концов свелся к требованию, чтобы чужак заплатил за свой проезд.

— Заплатить? — эхом отозвался незнакомец, проводя толстыми пальцами по нечесаным волосам. — Чем мне заплатить? Где я? Что это за корабль? Куда мы плывем?

— Это «Сан-Стефано», и он идет на Кипр из Палермо.

— Ах да, — пробормотал безбилетник. — Помню. Я поднялся на борт в Палермо... и прилег возле винной бочки между...

Капитан поспешно осмотрел бочку и с утроенной яростью завопил:

— Собака! Ты всю ее выпил!

— Как давно мы в море? — зевнув, невозмутимо спросил незнакомец.

— Достаточно долго, чтобы оказаться вдали от берега, — проворчал капитан. — Ах ты свинья, как ты мог проваляться пьяным все это время...

— Неудивительно, что в брюхе у меня пусто, — вздохнул чужак. — Я лежал среди тюков, а когда проснулся, пил, пока не заснул снова. Хм-м!

— Деньги! — потребовал итальянец. — Плати золотом за проезд!

— Золотом! — фыркнул в ответ незнакомец. — У меня и медяка нет.

— Тогда отправись за борт, — мрачно пообещал капитан. — Для нищих на «Сан-Стефано» нет места.

Чужак воинственно засопел и схватился за меч.

— Выбросить меня за борт? Тому не бывать, пока Джайлс Хобсон в состоянии держать оружие. Свободнорожденный англичанин ничем не хуже любого итальянца в бархатных штанах. Зови своих забияк и увидишь, как я пушу им кровь!

С палубы донесся громкий испуганный крик:

— Вперед! по правому борту галеры! Сарацины!

Капитан взвыл, и лицо его приобрело пепельный оттенок. Тут же забыв о своем споре с безбилетником, он развернулся и кинулся на верхнюю палубу. Джайлс Хобсон последовал за ним, по пути обозревая встревоженные коричневые лица гребцов и перепуганные физиономии пассажиров — латинских священников, торговцев и паломников. Пролетев за их взглядом, он увидел три длинные низкие галеры, которые стремительно мчались к ним по голубой глади. Люди на «Сан-Стефано» уже слышали звон цимбал и видели развевавшиеся на верхушках мачт флаги. Веса погружались в голубую воду и поднимались над ней, блестя серебром.

— Развернуть корабль к острову! — закричал капитан. — Если сумеем добраться до него, то сможем укрыться и спасти свои жизни. Корабль потеряян, и весь груз тоже! Святые угодники, спасите меня! — Он со стоном воздел руки к небу — не столько от страха, сколько от жадности.

«Сан-Стефано» неуклюже накренился и вперевалку двинулся в сторону освещенных солнцем белых скал. Стройные галеры нагоняли его, мчась по волнам подобно водяным змеям. Пространство между «Сан-Стефано» и скалами сокращалось, но значительно быстрее сокращалось пространство между ним и преследователями. В воздух начали взмывать стрелы, со стуком падая на палубу. Одна из них вонзилась рядом с сапогом Джайлса Хобсона, и он отдернул ногу, словно от

ядовитого паука. Толстый англичанин вытер пот со лба. Во рту у него пересохло, в голове стучало, в животе все переворачивалось. Внезапно он ощутил жестокий приступ морской болезни.

Гребцы изо всех сил навалились на весла, тяжело дыша, казалось, почти выдергивая неуклюжий корабль из воды. Стрелы плотным дождем осыпали палубу. Кто-то взвыл; другой без слов осел рядом. Один из гребцов дернулся, когда в его плечо попала стрела, и выпустил весло. Охваченные паникой гребцы стали сбиваться с ритма. «Сан-Стефано» потерял скорость и начал раскачиваться еще сильнее; послышались крики пассажиров. Со стороны преследователей доносились торжествующие вопли. Они разделились, намереваясь взять в клещи обреченную галеру.

На палубе торговцев священники принялись отпускать грехи.

— Да хранят меня святые угодники... — выдохнул худой пизанец, опускаясь на колени на палубе. Внезапно он вскрикнул, схватился за оперенное древко вонзившейся в его грудь стрелы, опрокинулся набок и замер.

В борт, через который перегибался Джайлс Хобсон, воткнулась стрела, задрожав возле его локтя. Он не обратил на нее никакого внимания. Чья-то рука легла ему на плечо. Задышав, он повернулся и поднял позеленевшее лицо. Прямо в глаза ему обеспокоенно смотрел священник.

— Сын мой, возможно, это наш смертный час; исповедайся в своих грехах, и я отпущу их тебе.

— Я знаю за собой один-единственный грех, — с несчастным видом простонал Джайлс. — Я ударил монаха и похитил его мантию, чтобы бежать в ней из Англии.

— Увы, сын мой... — начал священник, затем с тихим стоном опустился на палубу. Из темного расплывающегося пятна на его боку торчала сарацинская стрела.

Джайлс огляделся по сторонам. Вдоль обоих бортов «Сан-Стефано» скользили длинные стройные галеры. Пока он смотрел на них, третья галера, находившаяся в середине треугольника, с оглушительным треском протаранила торговый корабль. Стальной нос пробил фальшборт, разнес в щепки кормовую надстройку. Удар сбил людей с ног. Некоторые, раздавленные во время столкновения, с воем умирали страшной смертью.

Стальные носы двух других галер врубились в скамьи, на которых сидели гребцы, выбивая из их рук весла и ломая ребра.

В борта впились abordажные крючья, и на палубу хлынули смуглые обнаженные люди с горящими глазами и с саблями в руках. Их встретили отчаянно отбивавшиеся остатки ошеломленных пассажиров и команды.

Джайлс Хобсон нашарил свой меч и, пошатываясь, шагнул вперед. Перед ним мелькнула темная фигура. Он увидел пылающие глаза противника и услышал свист кривого клинка. Джайлс отразил удар своим мечом, едва при этом не упав. Затем он широко расставил ноги и вогнал меч пирату в брюхо. Кровь и внутренности хлынули на палубу; в агонии умирающий корсар увлек за собой своего убийцу.

Обутые и босые ноги топтали пытавшегося подняться Джайлса Хобсона. Кривой клинок, зацепив кожаную куртку, распорол ее от края до воротника. Наконец он встал, сбросив с себя лохмотья. Смуглая рука вцепилась в его порванную рубашку, над голо-

вой взлетела дубинка. Отчаянно рванувшись, Джайлс отскочил назад, оставив обрывки рубашки в руке противника. Дубинка опустилась и стукнулась о палубу; ее обладатель, не удержавшись, рухнул на колени. Джайлс побежал по залитой кровью палубе, приседая и уворачиваясь от клинков и кулаков.

Несколько оборонявшихся толпились в дверях на полубаке. Остальная часть галеры находилась в руках торжествующих сарацин — они толпой рванули на нижние палубы. Послышались жалобные вопли животных, которым перерезали горло, и крики женщин и детей, которых вытаскивали из укрытий среди груза.

В дверях полубака оставшиеся в живых отбивались зазубренными мечами от окруживших их пиратов. Те с издевательскими воплями то отступали, то вновь наседали, выставив вперед пики.

Джайлс бросился к борту — он намеревался прыгнуть в воду и поплыть к острову. В этот момент он услышал за спиной быстрые шаги и резко развернулся, уклоняясь от сабли в руке коренастого человека среднего роста, в сверкающих посеребренных доспехах и украшенном гравировкой шлеме с перьями цапли.

Пот заливал глаза толстого англичанина; ему не хватало дыхания, живот выворачивало наизнанку, ноги дрожали. Мусульманин замахнулся, метя в голову. Джайлс отбил удар. Клинок его с лязгом ударился о кольчугу предводителя разбойников.

Внезапно висок Джайлса обожгло, словно раскаленным железом, и поток крови ослепил его. Выронив меч, он кинулся головой вперед на противника, повалив его на палубу. Мусульманин извивался и ругался, но толстые руки Джайлса изо всех сил сжимали его.

Внезапно раздался дикий крик, послышался топот множества ног по палубе. Сарацины начали прыгать за борт, отцепляя abordажные крючья. Пленник Джайлс что-то хрипло прокричал, и к нему через палубу бросились другие. Джайлс отпустил его, пробежал словно кот вдоль фальшборта и вскарабкался на крышу разбитой кормовой надстройки. Никто не обращал на него внимания. Обнаженные люди в фесках подняли закованного в латы предводителя на ноги и поволокли его через палубу, в то время как тот яростно ругался и брыкался, явно желая продолжить схватку. Сарацины попрыгали в свои галеры и начали грести прочь. Джайлс, присевший на крыше разрушенной надстройки, наконец увидел причину их поспешного бегства.

Из-за западной оконечности острова, до которого они пытались добраться, вышла эскадра больших красных кораблей. На носу и корме их возвышались орудийные башни; на солнце блестели шлемы и наконечники копий; слышался громкий звук труб и грохот барабанов; на верхушке каждой мачты развевался длинный флаг с эмблемой Креста.

Из уст оставшихся в живых пассажиров и матросов «Сан-Стефано» вырвался радостный крик. Галеры быстро уходили на юг. Ближайший корабль-спаситель тяжело подошел к борту; стали видны смутные лица под стальными шлемами.

— Эй, на судне! — прозвучала суровая команда. — Вы тонете; будьте готовы перейти к нам на борт.

Услышав этот голос, Джайлс Хобсон вздрогнул и уставился на орудийную башню, возвышавшуюся над «Сан-Стефано». Голова в шлеме наклонилась над фальшбортом, взгляд холодных серых

глаз встретился с его взглядом. Он увидел большой нос и шрам, пересекавший лицо от уха до края челюсти.

Оба тут же узнали друг друга. Прошедшее время не притупило негодования сэра Жискара де Шатильона.

— Вот как! — достиг ушей Джайлса Хобсона его кровожадный вопль. — Наконец-то я нашел тебя, негодяй...

Джайлс развернулся, сбросил сапоги и подбежал к краю крыши. Сильно оттолкнувшись, он с чудовищным шумом врезался в голубую воду. Голова его вынырнула на поверхность, и он быстрыми взмахами поплыл к далеким скалам.

С корабля послышался удивленный ропот, но сэр Жискар лишь мрачно улыбнулся.

— Поддай мне лук, — приказал он оруженосцу.

Он вложил в лук стрелу и подождал, когда голова Джайлса снова появится среди волн. Зазвенела тетива; стрела серебристым лучом сверкнула на солнце. Джайлс Хобсон вскинул руки и исчез. Сэр Жискар больше его не видел, но рыцари некоторое время еще наблюдали за водой.

...

К Шавару, визирю Египта, в его дворце в эль-Фустате, пришел евнух в ярких одеждах и униженным тоном — как и подобало обращаться к самому могущественному человеку калифата — объявил:

— Эмир Асад эд-дин Ширкух, повелитель Эмеса и Раббы, генерал армии Нур-эд-дина, султан Дамаска, вернулся с кораблей эль-Гази с назареянским пленником и желает аудиенции.

Визирь молча кивнул в знак согласия, но его тонкие бледные пальцы, лежавшие на украшенном

драгоценными камнями белом поясе, судорожно дернулись, что было явным признаком душевного волнения.

Шавар был красивым стройным арабом, с присущими его народу пронизательными темными глазами. Шелковые одежды и украшенный жемчугом тюрбан сидели на нем как влитые.

Эмир Ширкух ворвался подобно буре, шумно приветствуя его голосом, более подходящим для военного лагеря, чем для дворцовых палат. Его халат из муарового шелка искусные руки швеи вышили золотой нитью, но коренастой фигуре эмира больше подходили военные доспехи, чем мирные одежды. Это был крепко сложенный человек среднего роста, с лицом смуглым и суровым. Возраст не пригасил беспокойного огня в его темных глазах.

С ним пришел человек — рыжеволосый, краснотлицый и толстый. Шавар не смотрел на него, однако успел заметить, что их национальные объемистые шаровары, шелковый халат и туфли с загнутыми носками выглядели на нем весьма нелепо.

— Надеюсь, Аллах даровал тебе в море удачу? — вежливо осведомился визирь.

— В некотором роде, — согласился Ширкух, опускаясь на подушки. — Одному Аллаху известно, сколь долгод был наш путь, и сначала мне казалось, что все мои внутренности вывернутся наизнанку — ибо корабль наш раскачивался на волнах, словно хромой верблюд на сухом песке. Но затем Аллаху было угодно, чтобы болезнь миновала.

Мы потопили несколько жалких галер с паломниками, отправив в преисподнюю немало неверных, однако добыча оказалась мизерной. Но, визирь, посмотри — ты когда-нибудь видел кифира, похожего на этого человека?

Визирь внимательно поглядел на незнакомца; в ответ тот простодушно выпутил на него свои большие голубые глаза.

— Я встречал таких среди франков в Иерусалиме, — решил Шавар.

Ширкух что-то проворчал и начал без особых церемоний жевать виноград, бросив гроздь своему пленнику.

— Возле одного острова мы заметили галеру, — сказал он, продолжая жевать, — напали на нее и вступили в бой с ее командой. Большинство из них оказались плохими воинами, но этому человеку удалось пробиться к борту, и он прыгнул бы в воду, если бы я его не перехватил. Аллах, он оказался силен как бык! У меня до сих пор болят ребра от его объятий.

В самой середине схватки нас окружил отряд кораблей с христианскими воинами. Они направлялись — как мы позднее узнали — в Аскалон. Просто франкские авантюристы, искавшие счастья в Палестине. Мы поспешно отступили на наши галеры. Оглянувшись, я увидел, как мой противник прыгнул за борт и поплыл к скалам. Какой-то рыцарь с назареянского корабля выпустил в него стрелу, и он, как мне показалось, утонул.

Наши бочки с водой были почти пусты. Как только франкские корабли скрылись за горизонтом, мы вернулись к острову за пресной водой. И там мы нашли на берегу лежавшего без сознания толстого рыжеволосого человека, в котором я узнал своего недавнего противника. Стрела не попала в него; он глубоко нырнул и далеко проплыл под водой. Но он потерял много крови из раны на голове — это я задел его своей саблей, — и был близок к смерти.

Поскольку он оказался хорошим бойцом, я отнес его в свою каюту и привел его в чувство, и в последующие дни он научился говорить на языке, на котором мы, последователи ислама, общаемся с проклятыми назарейнами. Он рассказал мне, что он внебрачный сын короля Англии и что враги прогнали его со двора отца и теперь преследуют по всему свету. Он поклялся, что король, его отец, готов заплатить за него немалый выкуп, так что дарю его тебе. С меня хватит удовольствия от того плаванья. Ты же получишь выкуп, когда малик Англии узнает о своем сыне. Он веселый собеседник, он может рассказать историю, выпить бутылочку и спеть песню не хуже любого из тех, кого я когда-либо знал.

Шавар снова с интересом взглянул на Джайлса Хобсона. В его румяной физиономии он не в силах был обнаружить каких-либо следов королевского происхождения, однако для араба краснолицые, веснушчатые и рыжеволосые люди Запада были все на одно лицо.

Он снова перевел взгляд на Ширкух. Эмир значил для него куда больше, чем любой бродяга-франк, пусть даже королевского происхождения. Старый вояка, не соблюдая никаких приличий, напевал себе под нос курдскую военную песню, потягивая из бокала ширазское вино — шиитские правители Египта так же не придерживались строгих моральных принципов, как и их последователи-мамелюки.

Внешне казалось, что Ширкух не интересуется ничто в мире, кроме утоления жажды, но Шавар размышлял о том, какая хитрость может таиться под этим обманчивым поведением. Будь это другой человек, Шавар счел бы жизнерадостность эмира признаком низкого интеллекта. Однако курд, пра-

вая рука Нур-эд-дина, был далеко не глуп. Не ввязался ли Ширкух в эту сумасбродную гонку с корсарами эль-Гази лишь из-за того, что его неутомимая энергия не давала ему покоя, даже во время визита ко двору калифа? Или же его путешествие имело какой-то более глубокий смысл? Шавар всегда искал скрытые мотивы, даже в самых обыденных вещах. Он добился своего нынешнего положения, исключив даже самую возможность каких-либо интриг. Тем не менее этой ранней весной 1167 года от Рождества Христова суждено было произойти многим событиям.

Шавар подумал о костях Дирхама, гниющих в канаве возле часовни Ситта Нефиса, и, улыбнувшись, сказал:

— Тысяча благодарностей за твою щедрость, друг мой. В ответ на нее в твои палаты доставят яшмовый кубок, полный жемчуга. Пусть этот обмен дарами символизирует нашу вечную дружбу.

— Да наполнит Аллах золотом твои уста, о повелитель, — вставая, произнес Ширкух. — Пойду, выпью вина со своими офицерами и расскажу им сказки о моих путешествиях. Завтра я еду в Дамаск. Да пребудет с тобою Аллах!

— И с тобою, друг мой.

После того как быстрые шаги курда затихли вдаль, Шавар жестом предложил Джайлсу сесть рядом с ним на подушки.

— Как насчет твоего выкупа? — спросил он на норманно-французском, который выучил, общаясь с крестоносцами.

— Король, мой отец, заполнит этот зал золотом, — быстро ответил Джайлс. — Враги сообщили ему, что я погиб. Велика будет радость старика, когда он узнает правду.

С этими словами Джайлс взял бокал с вином и начал фантазировать дальше, стараясь создать впечатление достаточно ценного экземпляра, чтобы не быть убитым. Затем... Но Джайлс жил сегодняшним днем, мало думая о том, что будет завтра.

Шавар наблюдал за ним, глядя, как содержимое бокала быстро исчезает в глотке пленника.

— Ты пьешь, словно французский барон, — заметил араб.

— Я принц всех пьяниц, — скромно ответил Джайлс, и в словах его на этот раз было больше правды, чем во всех прежних.

— Ширкух тоже любит выпить, — продолжал визирь. — Ты пил с ним?

— Немного. Он не такой пьяница, как я, но несколько фляг мы вместе с ним осушили. Вино слегка развязывает ему язык.

Шавар резко поднял голову. Это было для него новостью.

— Он говорил? О чем?

— О своих стремлениях.

— И каковы же они? — Шавар затаил дыхание.

— Стать калифом Египта, — ответил Джайлс, по привычке преувеличивая действительные слова курда. Ширкух говорил много, хотя и довольно бессвязно.

— Он что-нибудь говорил про меня? — спросил визирь.

— Он сказал, что ты у него в руках, — ответил Джайлс, и это, как ни удивительно, было правдой.

Шавар замолчал. Где-то во дворце звякнула лютня, и чернокожая девушка затянула странную тоскливую южную песню. Слышался серебристый плеск фонтанов и хлопанье голубиных крыльев.

— Если я пошлю гонцов в Иерусалим, его шпионы расскажут ему об этом, — пробормотал Ша-

вар. — Если я убью его или посажу за решетку, Нур-эд-дин сочтет это поводом к войне.

Он поднял голову и уставился на Джайлса Хобсона.

— Ты называешь себя королем пьяниц; сможешь превзойти в своем умении эмира Ширкуха?

— Во дворце короля, моего отца, — ответил Джайлс, — за одну ночь я перепил пятьдесят баронов, самый слабый из которых умел выпить в пять раз больше, чем Ширкух, — и все они валялись без чувств под столом.

— Хочешь получить свободу без выкупа?

— Конечно, клянусь святым Витольдом!

— Ты вряд ли хорошо разбираешься в восточной политике, будучи впервые в этих краях. Однако Египет — краеугольный камень империи. Его помогают Амальрик, король Иерусалима, и Нур-эд-дин, султан Дамаска. Ибн-Руззик, а после него Дирхам, а после него я вели игру друг против друга. С помощью Ширкуха я победил Дирхама; с помощью Амальрика я прогнал Ширкуха. Это рискованная игра, ибо я никому не могу доверять.

Нур-эд-дин осторожен. Ширкух — человек, которого следует опасаться. Думаю, он явился ко мне с предложением дружбы, чтобы усыпить мою бдительность. Возможно, уже сейчас его армия движется на Египет.

Если он похвалялся перед тобой своим могуществом, это верный знак того, что он уверен в успехе своих планов. Мне необходимо сделать его беспомощным на несколько часов, однако я не посмею причинить ему вред, не зная наверняка, движутся ли уже сюда его войска. Поэтому это будет твоей задачей.

Джайлс все понял, и широкая улыбка озарила его румяное лицо; он многозначительно облизнул губы.

Шавар хлопнул в ладоши и отдал соответствующие распоряжения. Вскоре вошел Ширкух, неся перед собой опоясанное шелковым кушаком брюхо, словно индийский император.

— Наш высокочтимый гость, — промурлыкал Шавар, — рассказал мне о своей доблести за кубком вина. Можем ли мы позволить кяфиру вернуться домой и похвалиться потом перед своим народом, что он превзошел правоверного? Кто лучше сумеет усмирить его гордыню, нежели Горный Лев?

— Состязание в пьянстве? — Ширкух шумно расхохотался. — Клянусь бородой Магомета, мне это нравится! Давай, Джайлс ибн малик, наливай!

В зал вошла процессия рабов, держащих золотые сосуды с пенящимся нектаром.

...За время своего плена на галере эль-Гази Джайлс привык к крепкому восточному вину. И все же кровь кипела у него в жилах, в голове шумело, а зал, казалось, качался и вращался, когда наконец Ширкух, голос которого затих на середине бессвязной песни, завалился набок на подушки, выронив золотой кубок.

Шавар тут же вскочил на ноги и хлопнул в ладоши. Вошли рабы-суданцы — обнаженные гиганты в шелковых набедренных повязках и с золотыми серьгами в ушах.

— Отнесите его в нишу и положите на диван, — приказал он. — Лорд Джайлс, ты в состоянии ехать верхом?

Джайлс поднялся, покачиваясь, словно корабль в бурном море.

— Буду держаться за гриву, — икнул он. — Но зачем мне ехать верхом?

— Чтобы передать мое сообщение Амальрику, — бросил Шавар. — Вот оно, запечатанное в шелковый пакет; в нем говорится, что Ширкух намеревается завоевать Египет, и предлагается плата в обмен на помощь. Мне Амальрик не доверяет, но он выслушает человека королевской крови, принадлежащего к его собственному народу. Ты расскажешь ему о хвастовстве Ширкуха.

— Ага, — пьяно пробормотал Джайлс, — королевской крови; мой дедушка служил конюхом на королевской конюшне.

— Что ты сказал? — переспросил Шавар, не поняв, затем продолжил, прежде чем Джайлс успел ответить. — Ширкух проваливается без чувств несколько часов. Пока он здесь, ты уже будешь на пути в Палестину. Он не поедет завтра в Дамаск, ибо ему будет плохо с перепоя. Я не посмел бы заключить его под стражу или даже отравить его вино. Я ничего не могу предпринять, пока не достигну соглашения с Амальриком. Пока что Ширкух безопасен, и ты доберешься до Амальрика раньше, чем он доберется до Нур-эд-дина. Поторопись!

***

Со двора за стеной доносился звон упряжи и нетерпеливое топтание лошадей. Послышался неясный шепот, затем удаляющиеся шаги. Оставшись один, Ширкух неожиданно сел. Он изо всех сил потряс головой, несколько раз проведя по ней рукой, словно пытался счистить налипшую паутину. Шатаясь, он поднялся, хватаясь за портьеру. На его бородачом лице сияла ликующая улыбка.

Спотыкаясь, Ширкух добрался до забранного золотой решеткой окна. Тонкие золотые стержни согнулись под его могучими руками. Он кувырком вывалился наружу, приземлившись головой вниз посреди большого розового куста. Не обращая внимания на царапины и ссадины, эмир поднялся, раскачиваясь словно корабль на волнах, и огляделся по сторонам. Он находился в большом саду; вокруг него покачивались огромные белые цветы, и ветерок шевелил листья пальм. На небе всходила луна.

Никто не остановил его, когда он перебрался через стену, когда, шатаясь, побрел по пустынным улицам, хотя притаившиеся в тени воры жадно смотрели на его богатую одежду.

Окольными путями он дошел до собственного жилища и пинками разбудил рабов.

— Коней, да проклянет вас Аллах! — Голос его срывался от с трудом скрываемого торжества.

Из тени появился Али, его главный конюх.

— Куда теперь, хозяин?

— В пустыню и дальше в Сирию! — прорычал Ширкух, с силой ударяя его по спине. — Шавар проглотил наживку! Аллах, как же я пьян! Весь мир кружится — но он принадлежит мне!

Этот ублюдок, Джайлс, скачет сейчас к Амальрику — я слышал, как Шавар давал ему распоряжения, когда я лежал, притворившись спящим. Мы направили визиря по ложному пути! Теперь Нур-эддин не станет колебаться, когда его шпионы принесут ему новость из Иерусалима о наступающей армии! Я превратил двор калифа в растревоженный улей, разрушил все его планы! Да, когда я отправился немного проветриться с корсарами на галере, Аллах ниспослал мне прямо в руки этого рыжего тупицу! Я наговорил ему с три короба, якобы спя-

ну. Я надеялся, что он перескажет все это Шавару, что Шанар испугается и пошлет к Амальрику — и вынудит чересчур осторожного султана действовать. Теперь начнется война ради удовлетворения чьего-то тщеславия. Но поедем же, дьявол вас побери!

Несколько минут спустя эмир и его небольшая свита ехали по тенистым улицам, мимо спящих садов и шестиэтажных дворцов из розового мрамора, лазурита и золота.

Стражник, стоявший возле маленьких уединенных ворот, громко крикнул и поднял пику.

— Собака! — Ширкух поднял лошадь на дыбы и навис над стражником, словно облаченное в шелк смертоносное облако. — Я Ширкух, гость твоего хозяина!

— Но мне приказано никого не пропускать без письменного распоряжения, с подписью и печатью визиря, — возразил солдат. — Что я скажу Шавару?

— Ты ничего не скажешь, — пророчески произнес Ширкух. — Мертвые не разговаривают.

Его сабля сверкнула и опустилась, и солдат осел на землю, с разрубленными шлемом и головой.

— Открывай ворота, Али, — рассмеялся Ширкух. — Сегодня ночью правит Судьба — Судьба и Предназначение!

В облаке освещенной лунным светом пыли они вырвались за ворота и помчались по равнине. На каменистом отроге Мукаттама Ширкух придержал лошадь, оглядываясь на город, который лежал в лунных лучах словно призрак мечты; здесь смешивались кирпич, камень и мрамор, роскошь и нищета, великолепие и убожество. На юге сверкал под луной купол Имама Эш-Шафи; на севере возвышался гигантский замок Эль-Кахира, чер-

ные стены коего отчетливо вырисовывались в белом сиянии луны. Между ними лежали остатки и руины трех столиц Египта; дворцы, на которых еще не высохла известь, стояли рядом с обрушившимися стенами, населенными лишь летучими мышами.

Ширкух рассмеялся и издал торжествующий радостный крик. Его лошадь встала на дыбы, а сабля сверкнула в воздухе.

— О, невеста в золотом одеянии! Жди моего возвращения, Египет, ибо, когда я вернусь, я вернусь вместе с воинами и всадниками, чтобы заключить тебя в свои объятия!

***

Аллаху было угодно, чтобы Амальрик, король Иерусалима, находился в Даруме, лично наблюдая за укреплением этой маленькой заставы в пустыне, когда в ворота въехали посланники из Египта. Амальрик был осторожным и подозрительным королем, рожденным для войн и интриг.

В зале замка египетские эмиссары приветствовали его, сгибаясь до полу. Джайлс Хобсон, выглядевший довольно смешно в пыльном шелковом халате и белом тюрбане, неуклюже протянул ему запечатанный пакет от Шавара.

Амальрик вскрыл его и прочитал, рассеянно меряя шагами зал, словно золотогривый лев, величественный и вместе с тем опасный.

— Что это за незаконнорожденный сын короля? — внезапно спросил он, уставившись на Джайлса, который ничуть не смутился.

— Всего лишь небольшая ложь, ваше величество, — признался англичанин, уверенный, что егип-

тине не понимают норманно-французского. — Я вовсе не незаконнорожденный; я законный младший сын шотландского барона.

Джайлсу вовсе не хотелось, чтобы его пинком отправили на кухню вместе с остальными слугами, и он предпочел придерживаться легенды о знатном происхождении, разумно полагая, что король Иерусалима не слишком знаком с благородными семействами Шотландии.

— Я встречал немало людей, у которых не было доспехов, боевого клича и богатства, но от того не менее достойных, — сказал Амальрик. — Ты не останешься без награды. Мессир Джайлс, ты знаешь, насколько важно это сообщение?

— Визирь Шавар кое-что говорил мне об этом, — признался Джайлс.

— Судьба Средиземноморья висит на волоске, — сказал Амальрик. — Если один правитель завладеет и Египтом, и Сирией, мы окажемся зажатыми в тисках. Пусть лучше Шавар правит Египтом, чем Нур-эд-дин. Мы отправляемся в Каир. Пойдешь с нами?

— По правде говоря, милорд, — начал Джайлс, — я крайне устал...

— Верно, — прервал его Амальрик. — Лучше будет, если ты поедешь в Акру и отдохнешь от своих странствий. Я дам тебе письмо к лорду. Сэр Жискар де Шатильон даст тебе все, о чем ты попросишь...

Джайлс вздрогнул.

— Нет, милорд, — поспешно сказал он. — Что значат уставшие ноги и пустое брюхо по сравнению с долгом? Разрешите мне поехать с тобой и исполнить свой долг в Египте!

— Мне нравится твой настрой, мессир Джайлс, — сказал Амальрик, одобрительно улыбаясь. — Если бы

все чужеземцы, ищущие приключений, были подобны тебе...

— Если бы это было так, — тихо шепнул один из египтян своему товарищу, — всех винных бочек Палестины не хватило б. Мы еще расскажем визирю про этого лгуна.

Но, так или иначе, на рассвете этого весеннего дня закованные в железо воины двинулись на юг; над их шлемами развеялось большое знамя, и наконецники их копий холодно сверкали в сумеречном свете.

Их было немного; сила королевских крестоносцев заключалась в качестве, а не в количестве. В Египет отправились триста семьдесят пять рыцарей: знатные господа из Иерусалима, бароны, чьи замки обороняли восточные границы, рыцари святого Иоанна в белых накидках, мрачные тамплиеры, искатели приключений из-за моря, с красными от северного холодного солнца лицами.

Вместе с ними ехала группа туркопольцев — турок-христиан, крепких мужчин на выносливых лошадах. Следом за всадниками громыхали повозки — в них и рядом с ними ехали слуги, оборванцы и проститутки, сопровождавшие любое войско.

Дюны Джифара вновь огласились топотом копыт и лязгом доспехов. Железные воины вновь ехали по старой военной дороге — дороге, по которой столь часто ездили их отцы.

Однако, когда наконец русло Нила нарушило однообразие равнины, извиваясь подобно змее с оперением из зеленых пальм, они услышали громкий звон цимбал и накиров и увидели перья цапель на шлемах воинов среди ярко раскрашенных в цвета ислама шатров. Ширкух достиг Нила раньше них, вместе с семью тысячами всадников.

Подвижность всегда была преимуществом мусульман. Чтобы собрать громоздкое войско франков, требовалось время.

Скача словно одержимый, Горный Лев добрался до Нур-эд-дина, рассказал ему обо всем, а затем, не задерживаясь, вновь поскакал на юг, вместе с войсками, которые держал в состоянии полной готовности со времени первой египетской кампании. Одной мысли о том, что Амальрик в Египте, было достаточно, чтобы заставить Нур-эд-дина действовать. Если бы крестоносцы стали хозяевами Нила, это означало бы в итоге конец ислама.

Ширкух был неутомим, как и подобало кочевнику. Он гнал своих людей через пустыню Вади эль-Гизлан, пока даже выносливые сельджуки не начали шататься в седлах. Он кинулся прямо в пасть ревущей песчаной бури, сражаясь словно безумец за каждую милю, за каждое мгновение. Он пересек Нил возле Атфи, и теперь его всадники понемногу приходили в себя, пока эмир наблюдал за восточным горизонтом, где двигался лес копий — войско Амальрика.

Король Иерусалима не осмелился пересечь Нил, попав прямо в зубы врага — так же, как и Ширкух. Не разбивая лагеря, франки продолжали двигаться на север вдоль берега реки. Рыцари ехали не спеша, высматривая место, где можно было бы перейти медленный поток.

Мусульмане свернули лагерь и двинулись дальше, в том же темпе, что и франки. Феллахи, выглядывавшие из своих глинобитных хижин, удивленно смотрели, как два войска, разделенные рекой, движутся в одном и том же направлении, не проявляя враждебности друг к другу.

Так они в конце концов подошли к башням Эль-Кахиры.

Франки разбили лагерь вблизи побережья Биркет эль-Хабаш, возле садов эль-Фустата, где среди океана пальм и цветов возвышались шестизэтажные дома с плоскими крышами. Ширкух остановился на другом берегу, в Гизе, в тени насмешливого колосса, воздвигнутого таинственными владыками, забытыми еще до рождения его предков.

События зашли в тупик. Ширкух, несмотря на порывистый характер, обладал терпением курда, столь же нерушимым, сколь и его родные горы. Его вполне устраивало ожидание на берегу широкой реки, отделявшей его от ужасных мечей европейцев.

Шавар встретил Амальрика во всем великолепии, под шумную музыку накиров, и обнаружил, что старый лев все так же осторожен и неукротим. Двести тысяч динаров и договор, скрепленный рукой калифа, — такова была цена, которую он запросил за Египет. И Шавар знал, что заплатить придется. Египет продолжал спать, как он спал уже тысячу лет, не ощущая тяжести гнета македонцев, римлян, арабов, турок или фатимидов. Феллахи, тяжело трудившиеся на полях, вряд ли знали, кому они платят налоги. Страны под названием Египет не существовало; это был миф, прикрытое для деспота. Египет и Шавар были единым целым; цена Египта равнялась цене головы Шавара.

Франкские посланники отправились во дворец калифа.

Личность Воплощения Божественного Разума всегда была окутана покровом тайны. Духовный вождь шиитской веры был непостижим и загадочен, и благоговейный страх перед его именем лишь

возрастал по мере того, как его политическую власть узурпировали плетущие интриги визири. Ни один франк никогда не видел калифа Египта.

Для этой миссии выбрали Хуго из Кесареи и Жоффрея Фульше, мастера тамплиеров, — двух неотесанных воjak, столь же угрюмых, как и их собственные мечи. Их сопровождала группа всадников в доспехах.

Они проехали через цветущие сады эль-Фустата, мимо минарета Ситта Нефиса, где когда-то погиб от рук толпы Дирхам; по извилистым улицам, пересекавшим руины эль-Аскара и эль-Катаи; мимо мечети ибн-Тулуна и Слонового озера, по оживленным улицам Эль-Мансурии — квартала суданцев, где из домов доносились звуки странной туземной музыки и надменные чернокожие, разодетые в шелк и золото, словно дети, разглядывали угрюмых всадников.

У ворот Зувейлы всадники остановились. Мастер тамплиеров и лорд Кесарейский поехали дальше в сопровождении лишь одного человека — Джайлса Хобсона. Толстый англичанин был одет в кожаные доспехи и кольчугу, а у бедра его висел меч, хотя огромное брюхо несколько портило его воинственный вид. Мало кто думал сейчас о незаконных королевских отпрысках или младших сыновьях баронов, однако Джайлс завоевал доверие Хуго Кесарейского, которому понравились его рассказы и непристойные песни.

У ворот Зувейлы их встретил Шавар. Он повел их через базары и турецкий квартал, где люди с ястребиными лицами глядели на них и молча плевались. Впервые франки в полном вооружении ехали по улицам Эль-Кахиры.

У ворот Большого Восточного дворца посланники отдали свое оружие и последовали за визирем

по сумрачным, увешанным коврами коридорам, где словно фигуры из черного дерева стояли немые суданцы с мечами в руках.

Посланники пересекли открытый двор, окруженный резными аркадами на мраморных колоннах, звеня по мозаичному покрытию обутыми в железо ногами. Фонтаны выбрасывали в воздух серебристые струи, разворачивали свое радужное оперение павлины, порхали на золотых нитях попугаи. В просторных залах сверкали драгоценные камни в глазах золотых и серебряных птиц. Наконец они вошли в большое помещение для приемов, с потолком из черного дерева и слоновой кости. Одетые в шелк и драгоценности придворные стояли на коленях лицом к широкому занавесу, расшитому золотом и жемчугом, сверкавшим на фоне темного бархата словно звезды на полуденном небе.

Шавар трижды распростерся на покрытом коврами полу. Занавес отодвинулся, и удивленные франки усадились на золотой трон, на котором, в одеждах из белого шелка, сидел аль-Адид, калиф Египта.

Они увидели стройного юношу, с темной, почти как у негра, кожей, с безвольно лежавшими на подлокотниках трона руками и затынутыми сонной пеленой глазами. Казалось, он был обмят смертельной скукой, и слушал слова своего визиря, представлявшего гостей, как наизусть знакомый и часто повторявшийся рассказ.

Однако в глазах его мелькнуло нечто похожее на мысль, когда Шавар крайне мягко сообщил ему о желании франков, чтобы договор был скреплен его рукой. Аль-Адид поколебался, затем протянул руку в перчатке. Все затаили дыхание. Однако калиф улыбнулся, словно воспринимал происходящее как некую причуду варваров, и, сняв перчатку с

руки, вложил свои тонкие пальцы в медвежью лапу крестоносца.

Джайлс Хобсон наблюдал за происходящим, благоразумно держась несколько позади. Взгляды всех были сосредоточены на группе возле золотого трона. Ушей Джайлса достиг тихий шепот, звучавший возле его плеча. Голос был женским, и англичанин быстро обернулся, забыв о визирях, королях и калифах. Тяжелый ковер слегка отодвинулся в сторону; из темноты его поманила тонкая белая рука. Он ощутил соблазнительный аромат духов, который невозможно было ни с чем спутать.

Джайлс тихо повернулся и отодвинул ковер, напряженно вглядываясь в полумрак. За портьерой находилась ниша, из нее уходил вдаль извилистый коридор. Перед англичанином вырисовывались неясные очертания гибкой фигуры. Пара глаз смотрела прямо на него, от дьявольского запаха духов кружилась голова.

Он отпустил занавес. Из тронного зала доносились приглушенные голоса.

Женщина ничего не говорила. Ее маленькие ступни бесшумно ступали по покрытому толстым ковром полу. Она звала его за собой, продолжая отступать все дальше. Лишь когда, окончательно сбитый с толку, он разразился градом ругательств, она предостерегающе приложила палец к губам.

— Чтоб тебя черти взяли, девчонка! — выругался он, останавливаясь. — Дальше я не пойду. Что еще за игрушки? Зачем ты меня манишь, а потом убегаешь? Я возвращаюсь в зал, и пусть собаки откусят тебе...

— Подожди! — прозвучал ее мелодичный голос.

Она скользнула к нему, положив руки ему на плечи. Слабый луч, падавший из извилистого коридора,

дора позади нее, высвечивал стройные очертания ее фигуры под полупрозрачной одеждой. Ее кожа светилась, словно матовая слоновая кость в пурпурном сиянии.

— Я могла бы полюбить тебя, — шепнула она.

— Что же тебя удерживает? — неловко спросил Джайлс.

— Не здесь; идем со мной. — Она выскользнула из его рук и поплыла впереди, словно гибкий парящий призрак среди бархатных портьер.

Он последовал за ней, горя от нетерпения и не задумываясь о возможных последствиях, пока она не ступила в восьмиугольную комнату, столь же тускло освещенную, как и коридор. Когда он шагнул следом за ней, на проход позади него упал занавес. Он не обратил на это внимания. Его не интересовало, где он находится. Сейчас его волновала лишь стройная фигура, бесстыдно позировавшая перед ним, ничем не прикрытая. Она подняла обнаженные руки и сплела гибкие пальцы на затылке; длинные волосы словно черная блестящая пена падали на узкие плечи.

Он стоял, ошеломленный ее красотой. Она не была похожа ни на одну женщину из тех, что он встречал прежде; дело было не только в ее темных глазах, черных волосах, длинных, подкрашенных углем ресницах или стройных ногах цвета слоновой кости. Каждое ее движение, каждый взгляд, каждая поза возбуждали страстное желание. Это была женщина, владевшая искусством доставлять удовольствие, мечта, сводящая с ума каждого любовника. Английские, французские и венецианские женщины, которых приходилось знать Джайлсу, казались медлительными, флегматичными и холодными по сравнению с этим трепещущим воплоще-

нием чувственности. Одна из фавориток калифа! Осознав это, он ощутил, как кровь забилась у него в жилах. Из его груди вырывалось тяжелое дыхание.

— Разве я не прекрасна? — Ее дыхание, смешанное с ароматом духов, коснулось его щеки. Мягкие пряди ее волос упали ему на лицо. Он попытался обнять ее, но она неожиданно легко увернулась. — Что ты можешь сделать для меня?

— Все что угодно! — пылко поклялся он, намного искреннее, чем клялся обычно другим.

Его рука сжала ее запястье, и он привлек ее к себе; другая рука обняла ее за пояс, и ощущение ее податливой плоти подействовало на него опьяняюще. Он потянулся губами к ее губам, но она ловко отстранилась, сопротивляясь с неожиданной силой. Казалось, гибкая танцовщица обладала силой пантеры. Однако, даже сопротивляясь, она не отвергала его.

— Нет, — рассмеялась она, и смех ее показался ему журчанием серебристых струй фонтана. — Сначала плата!

— Назови же ее, ради любви дьявола! — выдохнул он. — Я ведь не святой! Я не в силах перед тобой устоять!

Он отпустил ее запястье, нащупывая завязки у нее на плечах.

Внезапно она прекратила сопротивление. Закинув обе руки за его толстую шею, она посмотрела ему в глаза. Глубина ее глаз, темных и загадочных, казалось, поглотила его; он содрогнулся, охваченный волной чувства, которое было сродни страху.

— Ты занимаешь высокий пост в совете франков! — выдохнула она. — Мы знаем, что ты открылся

перед Шаваром, признавшись, что ты сын английского короля. Ты пришел вместе с посланниками Амальрика. Тебе известны его планы. Скажи мне то, что я хотела бы знать, и я твоя! Что намерен предпринять Амальрик?

— Он собирается построить мост из лодок и перейти Нил, чтобы ночью напасть на Ширкуха, — не колеблясь, ответил Джайлс.

Она тут же рассмеялась, издевательски и с неопишуемой злобой, потом ударила его по лицу, вырвалась из его объятий, отскочила назад и пронзительно закричала. В следующее мгновение из-за ковров на стенах выскочили обнаженные чернокожие гиганты.

Джайлс не стал терять времени, пытаясь напирать меч на пустом поясе. Когда огромные длинные руки попытались схватить его, тяжелый кулак англичанина обрушился на чернокожего и тот упал со сломанной челюстью. Перепрыгнув через тело, Джайлс с неожиданным проворством метнулся через комнату. Однако, к своему ужасу, он увидел, что все стены завешены коврами. Он начал отчаянно шарить среди портьер. Затем мускулистая рука обхватила его сзади за горло и потащила назад.

Тут же в него вцепились другие руки. Отчаянно отбиваясь ногами, он попал одному из негров в живот, и тот рухнул на пол. Чей-то палец ткнул его в глаз, и Джайлс вонзил в него зубы, отчего укушенный дико завопил. Однако несколько пар рук сразу подняли англичанина, избивая и пиная ногами. Он услышал скрежещущий звук, и тут его швырнули куда-то вниз, в черную дыру, видимо открывшуюся в полу. С душераздирающим воплем он полетел вниз головой в глубокий колодец, внизу которого слышался шум воды.

Джайлс с чудовищным плеском ударился о воду и почувствовал, как его неудержимо тащит вперед. Колодец внизу был достаточно широким. Он упал возле одного из его краев, а его тащило к другому, где было достаточно светло, чтобы увидеть другую зияющую черную дыру. Страшная сила швырнула его к краю этой пропасти. Отчаянно цепляясь пальцами, он все же ухватился за скользкий камень и удержался. Взглянув вверх, он увидел высоко над собой, в тусклом свете, несколько голов, склонившихся над колодцем. Затем свет внезапно померк, крышка закрылась, и Джайлс окутала крошечная тьма, среди которой слышался лишь шум неумолимо увлекавшей его воды.

Джайлс понял, что в этот колодец сбрасывали врагов калифа. Он подумал о том, сколько тщеславных генералов, визирей-заговорщиков, мятежной знати и назойливых фавориток из гарема нашли свой конец в этой черной дыре, чтобы вновь появиться при свете дня лишь в виде падающих на волнах Нила. Было ясно, что колодец уходил в подземный поток, который впадал в реку, возможно в нескольких милях отсюда.

В промозглой тьме цепляясь за край дыры, Джайлс Хобсон был настолько объят страхом, что ему даже не пришло в голову призвать на помощь всевозможных святых, которых он обычно поносил. Он просто висел на краю отверстия неправильной формы, держась за что-то скользкое, трясаясь от ужаса перед тем, что вот сейчас его может швырнуть в бездну черного, скользкого туннеля, и чувствуя, как немеют от напряжения руки и пальцы, медленно, но верно соскальзывая с опоры.

Из последних сил он издал дикий, отчаянный вопль, и — о чудо! — ему ответили. Колодец на-

полнился светом, тусклым и серым, но после абсолютной темноты Джайлсу показалось, что его ослепила яркая вспышка. Кто-то кричал — слова невозможно было разобрать сквозь шум льющейся воды. Он попытался крикнуть в ответ, но из горла вырывался лишь хрип. Затем, обезумев от внезапной мысли, что люк снова может закрыться, он издал нечеловеческий визг, который едва не разорвал ему глотку.

Стряхнув воду с глаз и откинув назад голову, он увидел высоко наверху, в открытом люке, голову и плечи. В следующий миг оттуда сбросили веревку. Она раскачивалась у него перед глазами, но он боялся отпустить руку и сорваться. В отчаянии он вцепился в веревку зубами, а потом и руками, едва не свалившись в черную дыру. Онемевшие пальцы соскальзывали; от ужаса и беспомощности по лицу катились слезы. Однако челюсти Джайлса намертво сжимали спасительную веревку, и мускулы его шеи едва выдерживали дикое напряжение.

Те, кто находился наверху, начали изо всех сил тянуть его вверх. Джайлс почувствовал, как тело вырывается из объятий потока. Когда его ноги повисли над водой, он увидел в полумраке то, за что цеплялся: человеческий череп, каким-то образом застрявший в щели среди скользких камней.

Он быстро поднимался наверх, раскачиваясь, словно маятник. Онемевшие руки крепко сжимали веревку, зубы, казалось, сейчас треснут и вылетят. Мускулы челюсти превратились в камень, и Джайлс перестал ощущать собственную шею.

Уже на пределе человеческих возможностей он увидел, как мимо него скользит крышка люка, и рухнул на пол возле ее края.

Он лежал, не в силах разжать зубы, стискивавшие веревку. Кто-то массировал его онемевшее лицо ловкими пальцами, и в конце концов челюсти расслабились, измученные десны начали кровоточить. К его губам поднесли кубок с вином. Он шумно глотнул, проливая вино на измазанную слизью кольчугу. Кубок попытались вырвать из его пальцев, видимо опасаясь, что он может подавиться, но он вцепился в него обеими руками ипил, пока на дне не осталось и капли. Лишь тогда он отпустил кубок и увидел над собой лицо Шавара. Позади визиря стояли несколько великанов-суданцев, ничем не отличавшихся от тех, что сбросили его в колодец.

— Мы хватились тебя в тронном зале, — сказал Шавар. — Сэр Хуго обвинил было тебя в предательстве, но один из евнухов сказал, что видел, как ты пошел по коридору за девушкой-рабыней. Тогда сэр Хуго рассмеялся и решил, что ты взялся за свои старые штучки, а потом уехал вместе с сэром Жоффреем. Однако я знал, какому риску ты себя подвергаешь, забавляясь с женщиной во дворце калифа; поэтому я начал тебя искать, и раб сказал мне, что слышал дикий крик, доносившийся из этой комнаты. Я вошел туда в тот самый момент, когда какой-то чернокожий поправлял ковер над люком. Он бросился бежать, но умер, не успев сказать ни слова. — Визирь показал на распростертое на полу тело; шея была наполовину разрублена, и голова лежала у самого плеча, лицом вверх. — Как это могло случиться?

— Меня заманила сюда женщина, — ответил Джайлс, — и напустила на меня черномазых, угрожая сбросить в колодец, если я не расскажу о планах Амалярика.

— И что ты сказал ей? — Визирь посмотрел на Джайлса столь пристально, что тот содрогнулся и отодвинулся подальше от все еще открытого люка.

— Я ничего им не сказал! Кто я такой, в конце концов, чтобы знать планы короля? Потом они швырнули меня в эту проклятую дыру, хотя я сражался как лев и покалечил пару негодяев. Будь при мне мой верный меч...

По кивку Шавара люк закрыли и снова положили над ним ковер. Джайлс облегченно вздохнул. Рабы унесли тело.

Визирь коснулся руки Джайлса и пошел впереди него по скрытому портьерами коридору.

— Я пошла с тобой эскорт в лагерь франков. В этом дворце есть шпионы Ширкуха и другие, которые не любят его, но ненавидят меня. Опиши мне эту женщину — евнух видел лишь ее руку.

Джайлс мысленно искал подходящие эпитеты, затем покачал головой:

— У нее были черные волосы, глаза как лунный свет, тело как алебастр.

— Под это описание подходят тысячи женщин калифа, — сказал визирь. — Впрочем, неважно; отправляйся, поскольку ночь близится к концу, и одному Аллаху известно, что принесет с собой утро.

...

Ночь и в самом деле близилась к концу, когда Джайлс Хобсон въехал в лагерь франков в окружении турецких мамелюков с обнаженными саблями. Однако в шатре Амальрика (осторожный монарх предпочитал свой шатер дворцу, предложенному ему Шаваром) горел свет; туда и направился Джайлс, уверенный в том, что его рассказ поможет ему завоевать расположение короля.

Амальрик и его бароны склонились над картой, слишком занятые разговором, чтобы заметить Джайлса и его заляпанную слюною, всю в пятнах одежду.

— Шавар даст нам людей и лодки, — говорил король. — Мы составим из лодок мост и ночью попытаемся...

Сдавленный вскрик сорвался с губ Джайлса, словно его ударили в живот.

— А, сэр Джайлс Толстик! — воскликнул Амальрик, поднимая голову. — Ты только сейчас вернулся после своих приключений в Каире? Тебе повезло, что твоя голова до сих пор на плечах. Э... что с тобой? Ты весь в поту и побледнел. Куда ты?

— Я принял рвотное, — пробормотал через плечо Джайлс.

Оказавшись на улице, он, спотыкаясь, кинулся бежать. Привязанная лошадь вздрогнула и фыркнула. Он схватился за поводья, излялся за луку седла; затем, уже поставив одну ногу в стремя, остановился. Какое-то время он размышлял, затем, утерев капли холодного пота с лица, медленно, волоча ноги, вернулся к королевскому шатру.

Бесцеремонно войдя внутрь, он сразу же заговорил:

— Милорд, ты намереваешься перебросить мост из лодок через Нил?

— Да, именно так, — ответил Амальрик.

Джайлс издал громкий стон и опустился на скамью, уронив голову на руки.

— Я слишком молод, чтобы умирать! — горестно простонал он. — Однако придется все рассказать, хотя наградой мне будет меч в брюхо. Этой ночью шпионы Ширкуха поймали меня и заставили говорить. Я сказал им первую ложь, которая пришла мне в голову, — и, да сохранит меня святой

Витольд, сам того не зная, я сказал правду. Я сказал... что ты намереваешься построить мост из лодок!

Наступила тишина. Жоффрей Фульше в ярости швырнул на пол свой кубок.

— Смерть жирному ублюдку! — прорычал он, поднимаясь.

— Нет! — внезапно улыбнулся Амальрик, поглаживая золотистую бороду. — Теперь враг будет ожидать от нас моста. Вот и хорошо. Слушайте!

По мере того как он говорил, на лицах баронов стали появляться мрачные улыбки, а Джайлс Хобсон ухмыльнулся и выпитил живот, словно его промах оказался искусно замаскированным ловким тактическим ходом.

***

Всю ночь сарацинское войско было начеку. На противоположном берегу горели костры, отражаясь от округлых стен и блестящих крыш эль-Фуста-та. Звук труб смешивался с лязгом стали. Эмир Ширкух, разъезжая вдоль берега, у которого выстроились его закованные в броню ястребы, поглядывал на восточный небосклон, где начинала занимать заря. Со стороны пустыни дул ветер.

Накануне на реке разыгралось сражение, и полную ночь били барабаны и угрожающе гудели трубы. Весь день египтяне и обнаженные суданцы тяжело трудились, наводя через темный поток переправу из соединенных друг с другом лодок, от края до края. Трижды они пытались пробиться к западному берегу, под прикрытием лучников с барж, отступая перед тучами турецких стрел. Один раз конец моста из лодок почти коснулся берега, и всадники в шлемах направили своих коней в воду,

наноса удары по бритым головам тех, кто трудился в воде. Ширкух ожидал атаки рыцарей с другой стороны узкого промежутка, но ее не последовало. Люди в лодках снова отступили, оставив своих мертвых, плававших в мутной вспененной воде.

Ширкух решил, что франки прячутся за стенами, экономя силы к тому моменту, когда их союзники закончат мост. Противоположный берег был усеян обнаженными фигурами, и курд ожидал их очередной безнадежной попытки перейти реку.

Когда рассветные лучи осветили пустыню, Ширкух увидел вдруг мчавшегося как ветер всадника, с мечом в руке и в размотанном тюрбане; с бороды его стекала кровь.

— Горе исламу! — крикнул он. — Франки пересекли реку!

Паника охватила лагерь мусульман; воины поспешно покидали берег, бросая дикие взгляды на север. Лишь бычий рев Ширкуха удержал их от того, чтобы бросить свои мечи и кинуться прочь.

Эмир яростно выругался. Его перехитрили; обвели вокруг пальца. В то время как египтяне отвлекали его внимание своими бесполезными усилиями, Амальрик с рыцарями переместился на север, пересек дельту реки на кораблях и теперь быстро двигался на юг, полный желания отомстить. У шпионов эмира не было ни времени, ни возможности до него добраться. Шавар об этом позаботился.

Горный Лев не посмел ждать атаки на открытом месте. Еще до того, как солнце достигло зенита, турецкое войско двинулось в путь. За ними солнечные лучи сверкали на конечниках копий, блестящих в поднимавшемся облаке пыли.

Пыль раздражала Джайлса Хобсона, ехавшего позади Амальрика и его советников. Толстого англичанина мучила жажда; пыль покрывала серым слоем его доспехи; его кусали мухи, пот заливал глаза, и поднимавшееся солнце безжалостно раскаляло его шлем, так что он повесил его на луку седла и откинул назад капюшон, рискуя получить солнечный удар. По обе стороны от него скрипела кожа и лязгали доспехи. Джайлс представил себе кружку английского эли, и проклял того, чья ненависть заставила его отправиться в путешествие вокруг света.

Они преследовали Горного Льва вдоль долины Нила, пока не достигли эль-Бабана, Врат, и обнаружили готовое к бою сарацинское войско среди низких песчаных холмов.

Весть об этом разнеслась среди воинов; новый пыл охватил рыцарей. Скрип кожи и лязг стали, казалось, наполнились новым значением. Джайлс надел шлем и, приподнявшись на стремянах, взглянул поверх покрытых железом плеч ехавших впереди всадников.

Слева простирались орошаемые поля, по краю которых двигалось войско. Справа была пустыня. Впереди возвышались холмы. На этих холмах и между ними развевались знамена турок, слышался звук их накиров. Основная часть их войска расположилась на равнине между франками и холмами.

Христиане остановились — триста семьдесят пять рыцарей и еще полдюжины, что проехали весь путь от Акры и добрались до войска лишь час назад, вместе со своими слугами. Позади них, двигаясь вместе с обозом, выстроились беспорядочными рядами их союзники: тысяча туркопольцев и около пяти тысяч египтян, яркие одежды которых затмевали их отвагу.

— Выступим вперед и уничтожим этих, на равнине, — предложил один из чужеземных рыцарей, новичок на Востоке.

Амальрик окинул взглядом войско и покачал головой. Он взглянул на знамена — они развевались среди копий на склонах холмов с каждого фланга, там, где слышался бой барабанов.

— В центре знамя Саладина, — сказал он. — Войско Ширкуха — вон на том холме. Если бы центр намеревался оказать сопротивление, эмир был бы там. Нет, мессеры, думаю, они хотят заманить нас в ловушку. Будем ждать их атаки, под прикрытием луков туркопольцев. Пусть нападают первыми; они находятся на чужой территории и вынуждены спровоцировать события.

В строю не слышали его слов. Он поднял руку, и, решив, что это означает сигнал к атаке, лес копий зашевелился и опустился. Амальрик, поняв свою ошибку, поднялся на стремянах, чтобы выкрикнуть приказ отступить, но, прежде чем он успел что-либо сказать, норовистый конь Джайлса толкнул коня рыцаря, который ехал рядом. Рыцарь — один из тех, кто присоединился к войску менее часа назад, — раздраженно повернулся. Джайлс увидел перед собой худое длинноносое лицо, пересеченное синева-багровым шрамом.

— Ха! — Рыцарь инстинктивно схватился за меч.

Действия Джайлса тоже были инстинктивными. Все мысли улетучились у него из головы при виде этой жуткой физиономии, преследовавшей его в кошмарах более года. Завопив, он вонзил шпоры в брюхо лошади. Животное пронзительно заржало и прыгнуло, налетев на боевого коня Амальрика. Тот встал на дыбы и, закусив удила, помчался по равнине.

Ошеломленные крестоносцы, которым показалось, что их король в одиночку атакует сарацинское войско, с криками последовали за ним. Равнина сотрясалась от топота множества коней, и копья закованных в железо всадников с треском ударились о щиты их врагов.

Нападение было столь стремительным, что почти смело захваченных врасплох мусульман. Они не ожидали, что атака последует столь быстро после появления христиан. Однако союзники рыцарей стояли в замешательстве. Не было никаких приказов, никаких распоряжений перед боем. Преждевременная атака дезорганизовала войско. Туркопольцы и египтяне в неуверенности не двигались с места, выстроившись возле обоза.

Первые ряды сарацинского центра полностью легли, и рыцари Иерусалима скакали прямо по их изуродованным телам, размахивая огромными мечами. На какое-то мгновение ряды турок застыли, затем начали отступать под руководством своего командира, стройного и смуглого, хорошо владеющего собой молодого офицера, Саладдина, племянника Ширкуха.

Христиане последовали за ними. Амальрик, проклиная свою неудачу, делал все возможное, чтобы с честью выйти из затруднительного положения. Его усилия увенчались успехом: вконец измотанные турки призвали на помощь Аллаха и повернули своих коней прочь.

...

Сарацины вновь отступили к холмам. Воздух потемнел от их стрел. Передовые силы наступающих рыцарей сильно пострадали, но закованные в латы воины продолжали угрюмо наступать, подставляя под град стрел головы в шлемах.

Затем со стороны флангов вновь послышался грохот барабанов. Всадники правого крыла, во главе с Ширкухом, пронеслись по склону и ударили по толпе возле обоза, сметая не готовых к бою египтян. Левое крыло начало окружать рыцарей с фланга, гоня впереди них войска туркопольцев. Амальрик, услышав барабанный бой позади и по обеим сторонам от себя, отдал приказ отступить, прежде чем их окончательно не окружили.

Джайлсу Хобсону все это казалось концом света. Его оглушили лязг мечей и крики; его окружал океан беснующейся стали и вздымающихся облаков пыли. Он вслепую парировал и наносил удары, вряд ли осознавая, разрубает его клинок чью-то плоть или воздух. Где-то впереди двигались всадники, что-то торжествующе крича. Сквозь грохот сражения пробивался боевой клич Саладдина — «Яла-л-ислам!» — позднее прогремевший по всему миру. Сарацинский центр снова вступал в бой.

Внезапно давление ослабло, и равнина заполнилась бегущими людьми. Дикий вой прорезал лязг и грохот. Стрелы туркопольцев удерживали левое крыло сарацин лишь столько времени, сколько требовалось рыцарям, чтобы выскользнуть из сжимающихся тисков. Однако Амальрик, который отходил слишком медленно, оказался отрезанным вместе с горсткой рыцарей. Турки кружили вокруг него, торжествующе визжа и размахивая саблями. В замешательстве ряды закованных в железо воинов отступили, ничего не зная о судьбе своего короля.

...

Джайлс Хобсон, ошеломленный, ехал по полю и столкнулся лицом к лицу с Жискаром де Шатильоном.

— Собака! — прорычал рыцарь. — Мы обречены, но ты отправишься в ад раньше меня!

Его меч взмыл в воздух, но Джайлс уклонился в седле и схватил его за руку. Глаза толстяка были налиты кровью. Меч его был окровавлен, шлем смят.

— Твоя ненависть и моя трусость стоили сегодня победы Амальрику, — облизнув покрытые пылью губы, прохрипел Джайлс. — Теперь он сражается за свою жизнь; искупим же грехи, насколько это возможно.

Ярость угасла в глазах де Шатильона. Он развернулся кругом, взглянул на увенчанные перьями головы, кружившиеся вокруг горстки железных шлемов, и кивнул своему недавнему врагу.

Они вместе вступили в схватку. Их мечи свистели в воздухе, врезаясь в доспехи и кость.

Амальрик лежал на земле, придавленный подымающей лошадей. Вокруг него бушевало сражение, в котором его рыцари умирали под сокрушительными ударами турецких клинков.

Джайлс скорее свалился, чем соскочил с седла, схватил короля и оттащил его в сторону. Мускулы толстого англичанина сводило от напряжения, с губ его срывался стон. Воин-сельджук, наклонившись с лошади, попытался нанести удар по непокрытой голове Амальрика. Джайлс рванулся вперед, принимая удар на собственную макушку; его колени подогнулись, из глаз брызнули искры. Жискара де Шатильон поднялся на стремях, держа меч в обеих руках. Клинок рассек кольчугу, заскрежетав о кость. Сельджук упал с разрубленным позвоночником.

Джайлс напрягся, поднял короля и перекинул его через свое седло.

— Спасайте короля! — Он не узнал в этом хрипе своего собственного голоса.

Жоффрей Фульше пробился к ним, нанося смертельные удары врагам. Он схватил поводья коня Джайлса; полдюжины шатающихся, окровавленных рыцарей сомкнулись вокруг обезумевшей лошади и ее бесчувственной ноши. В отчаянии они расчищали себе дорогу мечами. Сельджуки кружили позади них, падая под сокрушительными ударами клинка Жискара де Шатильона. Вот на него налетела волна диких всадников и мелькающих в воздухе лезвий. Люди падали с седел, хлынула кровь.

Джайлс поднялся с залитой кровью земли. Вокруг отчаянно били копыта, сверкали клинки. Он побежал среди лошадей, нанося удары в их брюхи, бока и ноги. Удар меча сбил шлем с его головы. Клинок Джайлса сломался о ребра сельджука.

Лошадь Жискара жутко заржала и осела на землю. Ее мрачный наездник поднялся; кровь вытекала из всех щелей его доспехов. Широко расставив ноги на пропитанной кровью земле, он продолжал работать своим громадным мечом, пока стальная волна не прокатилась над ним и его не скрыли из виду раскачивающиеся перья и встающие на дыбы кони.

...

Джайлс подбежал к украшенному пером цапли предводителю и схватил его за ногу. Удары осыпали его голову, погружая в огненную тьму, но он с тупым и мрачным упорством продолжал цепляться за ногу турка. Ставив противника с седла, он упал рядом с ним, сжимая его за горло. Потом удары копыт отбросили его в пыль. Он с трудом поднялся на ноги, отирая с лица кровь и пот. Вокруг него грудой лежали мертвые люди и мертвые лошади.

Он был почти оглушен, но все же различил в гудящей тишине знакомый голос. Подняв голову,

он увидел Ширкуху, восседавшего на своем белом коне и смотревшего прямо на него. На бородатом лице Горного Льва сияла улыбка.

— Ты спас Амальрика, — сказал он, показывая на группу всадников в отдалении. Они догоняли отступающее войско; сарадины их не преследовали.

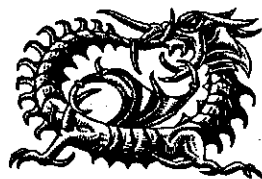
Рыцари отступали организованно — они потерпели поражение, но не были разбиты. Турки позволили им уйти невредимыми.

— Ты герой, Джайлс ибн малик, — добавил Ширкух.

Джайлс опустился на труп лошади и уронил голову на руки. Он был настолько потрясен, что едва не рыдал.

— Я не герой и не сын короля, — ответил он Ширкуху. — Убей меня, и покончим с этим.

— Кто собирается тебя убивать? — спросил Горный Лев. — Я только что завоевал в этом сражении империю и с радостью выпью кубок вина в знак этого события. Убить тебя! Ради Алтаха, я и волоса не трону на голове столь отважного бойца и замечательного пьяницы. Ты должен прийти и выпить со мной в честь завоеванного королевства, когда я торжественно въеду в Эль-Кахиру.

ДОРОГА БОЭМУНДА

И за густых курчавых облаков показалась луна, осветив тени деревьев серебристым сиянием, и человек метнулся в густые заросли, словно преследуемый охотниками зверь, что в страхе прячется от предательского света. Когда его ушей достиг звук подкованных копыт, он еще глубже забился в укрытие, стараясь не дышать. В тишине послышался сонный крик ночной птицы и ленивый

блеск волн о далекий берег. Луна снова скрылась за наплывшим облаком, и в то же мгновение из-за деревьев на другой стороне небольшой поляны появился всадник.

Человек в кустах тихо выругался. Он мог различить лишь неясные очертания движущейся фигуры, а слышал лишь звяканье стремян и скрип кожи. Но вот луна снова выглянула из облаков. Облегченно вздохнув, человек выскочил на дорогу.

Лошадь с фырканьем поднялась на дыбы. С губ всадника сорвалось изумленное проклятие и в его руке сверкнуло короткое копьё. Столь неожиданное появление незнакомца прямо под носом у его лошади не предвещало ничего хорошего для одинокого путника. Незнакомец был высок и мускулист, на нем не было ничего, кроме набедренной повязки, и его стальные мышцы отчетливо вырисовывались в лунном свете.

— Назад! Или я проткну тебя насквозь! — рявкнул всадник по-турецки. — Кто ты, во имя шайтана?

— Роджер де Коган, — ответил незнакомец на норманно-французском. — Говори тише. До войск мусульман не больше мили, и рядом могут быть их разведчики. Это просто чудо, что тебя не схватили. Дальше у берега, в небольшой бухте под прикрытием высоких деревьев, спрятаны три галеры, и я видел там блеск оружия.

Всадник молча ждал продолжения, не опуская копья, но и не поднимая его вновь.

— Этой ночью я сбежал с галеры знаменитого пирата, араба Юсефа ибн Залима. Многие месяцы я провел на веслах, но теперь — свободен. Я знаю, он назначил здесь встречу; с какой целью — мне неизвестно. Он слишком боялся предательства со стороны турок, а потому встал на якорь за пределами

бухты. А теперь он покоится на дне залива, ибо я разорвал свои цепи, тихо подкрался к нему, пока он дремал на носу, задушил его и поплыл к берегу.

Всадник что-то проворчал, сидя на лошади прямо и недвижимо, подобно освещенной лунным светом статуе. Он был высокого роста, в серой кольчуге, не скрывавшей очертаний его мускулистых рук, и в стальном шлеме, небрежно сдвинутом на затылок. В полумраке хищные ястребиные черты его лица производили поистине жуткое впечатление.

— Думаю, ты лжешь, — сказал он на норманно-французском со своеобразным акцентом. — Хочешь сказать, ты галерный раб? С коротко подстриженными волосами и свежевыбритым лицом? И как осмелились галеры мусульман скрываться на европейском берегу, да еще столь близко от города?

— Ради всего святого, — с неприкрытым удивлением ответил беглец, — ты ведь не станешь сомневаться в том, что я христианин? Да, я пострижен и безбород, но ведь рыцарю не пристало выглядеть неряхой, даже в плену. Одним из пленных на галере был грек-брадобрей, и лишь сегодня утром я уговорил его постричь и побрить меня. Что касается второго твоего замечания, то всем известно: мусульмане рыщут по Босфору и Мраморному морю, когда им заблагорассудится. Однако мы рискуем жизнью, пока стоим здесь и болтаем. Поддай мне стремя, и прочь отсюда.

— Не думаю, — пробормотал всадник. — Ты слишком много видел.

Резким сильным толчком он послал копьё прямо в широкую грудь бегльца. Удар был неожиданным, и только инстинктивное движение спасло того от смерти. Копьё со свистом пронеслось мимо, оцара-

пав кожу на плече, однако де Коган успел схватиться за древко и изо всех сил дернул его назад. Ярость, вызванная подлым нападением, пробудила в нем жажду убийства.

В следующее мгновение всадник потерял равновесие и вылетел головой вперед из седла, прямо на грудь рыцарю. Вместе они рухнули наземь, в густые заросли. Небрежно надетый шлем всадника зацепился за ветку, слетел и упал в кусты. Лошадь фыркнула, в испуге метнулась к деревьям.

Рука в кольчужной перчатке схватила за кинжал, однако де Коган оказался проворнее. Он отпрыгнул чуть в сторону, приподнялся над своим противником и схватил тяжелый камень, подвернувшийся ему под руку. Отточенный клинок блеснул в лунном свете, но прежде, чем он достиг цели, булыжник обрушился на покрытую кольчужным капюшоном голову.

Роджер почувствовал, как под его ударом хрустнул череп, но уже не мог остановиться. Одержимый яростью, он бил и крушил врага до тех пор, пока тот не застыл под ним бездыханный. Струйка крови, что медленно сочилась из-под металлической сетки, стекла на холодные пальцы победителя — лишь тогда сознание его прояснилось и боевой пыл исчез, словно с жаркой кровью врага впитался в сырую землю.

Роджер со стоном поднялся, отбросив в сторону камень, и взглянул на мертвеца. Ярость, испаряясь, дрожью пробежала по его телу; он всмотрелся в ястребиные черты поверженного, в замешательстве пожал плечами. Затем его осенила внезапная мысль — она была столь проста и ясна, что рыцарь удивился, почему она не пришла ему в голову раньше. Всадник появился со стороны лагеря мусуль-

ман. Вряд ли он мог проехать мимо него незамеченным. Значит, он был в самом лагере. Это означало, что его связывали с мусульманами некие отношения... Роджер снова пожал плечами. С тех пор как он прошел в авангарде войск Петра Отшельника вниз по Дунаю, он успел неплохо узнать обычаи Востока. Византийцы и мусульмане нередко вцеплялись друг другу в глотку, но иногда они втайне действовали совместно, что ставило европейцев в тупик. Однако Роджер никогда прежде не слышал о перебежчиках-крестоносцах — а этот человек носил доспехи крестоносца и явно не был византийцем.

Только крайняя необходимость заставила рыцаря раздеть мертвеца. Тот был чисто выбрит, а соломенного цвета волосы коротко пострижены. Судя по его внешности, он мог быть норманном, однако де Коган помнил его чуждый акцент. Поспешно облачившись в доспехи, рыцарь плотнее затянул пояс с мечом и, отыскав железный шлем, надел его на свои рыжие кудри. Все одеяние подходило ему так, словно было сделано нарочно для него. Неизвестный всадник и он сам были одного роста, одинаково широкоплечи и тонки в талии. Роджер положил ладонь на холодную рукоять длинного меча и вновь почувствовал себя человеком — впервые за несколько месяцев. Легкий звон ножен о кольчугу на бедре напомнил ему о том, что он снова сэр Роджер де Коган, рыцарь Креста, один из лучших воинов Англии.

Вокруг царил совершенная тишина, если не считать отдаленного щебета ночных птиц. Рыцарь поймал коня, что спокойно пасся на границе леса, вскочил в седло, и в этот момент долгие дни унижений и тяжелого труда свалились с его плеч,

будто сброшенная мантия, оставив в душе лишь мрачную решимость посчитаться с поклонниками Магомета. Он холодно улыбнулся, вспомнив затаивший хрип бывшего хозяина — Юсефа ибн Залима, но лицо его вновь помрачнело, когда перед его мысленным взором возник иной образ — худое длинное лицо с высокомерной усмешкой на тонких губах. Принц Осман, сын Килиджга Арслана, Красного Льва Сельджуков. Да, сейчас призрак в остроконечном шлеме с пером цапли смеялся над ним, но рано или поздно должен был наступить день, когда его настигнет заслуженное возмездие. Сэр Роджер умел ждать — как и подобало истинному норманну, он отличался завидным терпением.

Копье рыцарь не тронул, но отстегнул висевший на седельной дуге щит и с привычной звериной осторожностью нырнул в тень деревьев, туда, куда он направился до неожиданного приключения. На щите не было никаких знаков, однако на груди кольчуги виднелась странная золотая эмблема — нечто вроде сокола, — явно выполненная в греческой манере.

Лес был пустынен и тих, ветер не долетал сюда со стороны моря; Роджер следовал вдоль берега, так близко от него, насколько это было возможно, прислушиваясь к отдаленному плеску волн. Местность была холмистой и неровной. Часа через три среди деревьев стали мелькать огни Константинополя, которые появлялись, если всадник поднимался на холмы, и исчезали, если он спускался в долины. По его подсчетам, ночь уже миновала четверть своего земного пути, когда он въехал на окраину города, раскинувшегося вдоль северного побережья бухты Золотой Рог.

Он миновал кварталы венецианских торговцев и других заграничных купцов, проехал по длинным унылым улицам, беспорядочно усеянными деревянными строениями, меж коих виднелись и богатые каменные дома. Однако, прежде чем он добрался до центра города, путь ему преградила стена, а стража у ворот окликнула его. Рука в кольчужной перчатке поднесла факел почти к самому его лицу, но прежде, чем он успел назвать себя, он увидел фигуру в черном бархате, которая склонилась со стены. Судя по всему, этот человек внимательно разглядывал его. Затем последовало несколько приглушенных слов по-гречески, и ворота распахнулись, чтобы пропустить его и тут же закрыться за ним. Он собирался уже двинуться дальше, но человек в черном устремился к нему и схватил коня за поводья.

— Свет, свет! — раздраженно крикнул незнакомец. — О чем вы думаете? Забыли распоряжения своего господина? Мануэль, отведи коня. Идем со мной, милорд Торвальд. Нет, погоди! Я бы не узнал тебя в этих западных доспехах и без бороды, если б не золотой сокол на твоей кольчуге. Однако кто-нибудь может оказаться прозорливее меня — возьми этот шелковый шарф и прикрой лицо.

Сэр Роджер взял шарф и обмотал его вокруг шлема, так что видны были лишь его стального цвета глаза. Конечно, его приняли за человека, которого он убил. Наверняка сейчас ему угрожала опасность, и все же, если б он назвал себя, ему угрожала бы опасность не меньшая. Имя «Торвальд» пробудило неясные воспоминания в мозгу норманна, и он инстинктивно коснулся рукояти меча на поясе.

Проводник вел его по узким пустынным улицам, и вскоре Роджер понял, что они находятся недале-

ко от причала, выдававшегося в пролив. Они остановились у приземистой каменной башни, очевидно реликвии более ранней и грубой эпохи. Кто-то выглянул через щель в двери.

— Открывай, дурак! — прошипел человек в черном. — Это Анджелус и господин Торвальд Разрушитель.

Скрипнули петли, дверь отворилась внутрь. Сэр Роджер последовал за проводником. Станные, нелепые мысли обуревали его в этот момент. Торвальд Разрушитель — вот как звали того человека, которого он забил камнем на лесной поляне. Ему приходилось слышать об этом норвежце, самом беспощадном воине Варангианской Стражи — банды наемников, убийц с севера. Он знал, что греки оказывали им поддержку; он видел их возле императорского дворца и помнил их шлемы с гребнями, алые накидки и золоченые кольчуги. Однако что мог делать капитан варангианцев ночью на пути меж городом и турецким лагерем? Почему он был облачен в доспехи крестоносца?

Роджер понял, что волею случая ступил в яму, полную змей, но до поры решил ничего не предпринимать. Он лишь плотнее прикрыл лицо шарфом и проследовал за своим проводником по короткому темному коридору в небольшую, слабо освещенную комнату. В большом, богато украшенном кресле кто-то сидел; сопровождающий поклонился ему почти до пола и вышел, закрыв за собой дверь. Рыцарь стоял, напряженно вглядываясь в полумрак. По мере того как его глаза привыкали к тусклому пламени свечей, фигура в кресле вырисовывалась все четче и ясней. Наконец Роджер разглядел, что это был невысокий коренастый человек, закутанный в простую накидку из

темного атласа, скрывавшую всю прочую его одежду. Рядом на столе лежали маска и шляпа без перьев с опущенными полями, из чего следовало, что этот человек пришел сюда тайно, боясь быть узнанным. Взгляд рыцаря не отрывался от лица незнакомца: большие карие глаза, в коих светился живой ум, курчавая иссиня-черная борода, темные волосы, перетянутые над широким лбом золотистой лентой...

Сэр Роджер вздрогнул. Ради всего святого, в какой заговор, в какую интригу довелось ему ввязаться? В кресле перед ним сидел Алексис Комнен, император Византии.

— Ты явился довольно скоро, Торвальд, — сказал император.

Сэр Роджер не ответил, слишком занятый мыслями о том, какая же таинственная сила привела императора Востока из его прекрасного дворца с мраморными колоннами в темную башню на краю города.

— Посыльный не сообщил тебе, зачем я потребовал твоего присутствия?

Сэр Роджер наудачу покачал головой. Алексис кивнул.

— Я сказал ему лишь, чтобы он поторопил тебя. Мне хотелось бы знать: когда ты путешествовал среди корсаров Черного моря, они когда-либо подозревали, кто ты на самом деле?

Сэр Роджер снова покачал головой.

Алексис улыбнулся:

— Ты, как всегда, неразговорчив, старый волк! Это хорошо.

До сих пор ты следил за мусульманскими пиратами, однако сейчас у меня есть для тебя работа поважнее. Потому я и послал за тобой...

Торвальд, с тех пор как ты отправился к туркам на разведку, здесь побывало множество франков. Они пришли не так, как Петр Отшельник и Готье Сан-Авуар — толпы жалких нищих и мошенников. Они пришли с боевыми конями и фургонами, рыцарями и женщинами, лучниками, копьеносцами и воинами — одержимые жаждой вновь обрести Гроб Господень.

Первым пришел Хуго из Вермандуа, брат французского короля. Он прибыл на корабле, вместе с несколькими помощниками. Я оказал ему королевские почести, богато одарил его и убедил поклясться мне в верности. Затем появились другие: Сен-Жиль из Прованса, Годфрей из Буйона и его братья и этот дьявол Боэмунд. Все они поклялись мне в верности, кроме упрямого графа Прованского — но я его не боюсь. Все его мысли в Иерусалиме. Боэмунд — другое дело. Он готов перерезать горло святому Павлу ради удовлетворения собственнотщеславия.

Они захватили для меня Ниццу, но потом я выманил их оттуда, послав Мануэля Бутумитеса с целью тайного сговора с турками, и теперь в городе стоят мои солдаты. Сейчас войско движется на юг, к Палестине, и в горах Малой Азии Килидж Арслан перережет им всем глотки.

Император на миг прервался, словно некая важная мысль неожиданно посетила его, но затем продолжил:

— Не думаю, что им удастся одержать верх над Килиджем Арсланом, но по крайней мере, они нанесут ему достаточно серьезный удар для того, чтобы в ближайшие годы он больше не представлял для нас угрозы. Нет, я боюсь его куда меньше, чем этого дьявола, Боэмунда. Я хорошо помню, что лишь

благодаря удаче я смог победить его двенадцать лет назад, когда он пришел сюда из Италии с Робертом Жискаром.

Торвальд, я послал за тобой потому, что нет такого человека к востоку от Дуная, который мог бы сравниться с тобой в искусстве владения мечом. Несмотря на тщательно разработанный план, Боэмунд буквально ускользнул у меня между пальцами! Среди корсаров ты был моими глазами и моим мозгом; теперь ты должен стать моим мечом. Твоя задача — проследить, чтобы Боэмунд не покинул поле битвы живым, когда Килидж Арслан выступит против франков. Не руби направо и налево, но направляй все свои удары на него! Таков мой приказ — что бы ни было, как бы ни повернулась судьба в бою, кто бы ни победил или проиграл, остался жив или погиб — убей Боэмунда!

Голос императора гулко отдавался в помещении, его темные глаза сверкали магнетическим блеском. Роджер так явственно ощущал исходящую от него энергию, что сердце, до того бившееся спокойно, ровно, теперь неистово затрепетало.

— Крестоносцы уже несколько дней в пути, — продолжал Алексис, — но они движутся медленно, поскольку их конница вынуждена идти наравне с повозками. Тебе будет легко проскользнуть мимо них и добраться до султана прежде, чем он вступит в битву. Тебе подобрали доброго коня — он уже на лодке. А лодка стоит у Зеленого Причала — Анджелус проводит тебя туда. На азиатском берегу тебя встретит Ортук-хан, которого называют Оседлавшим Ветер, и ответит к султану. Теодор Бутумитес с Годфреем... — Он внезапно замолчал, уставившись на шлем Роджера. — Ради святого Павла, — сказал он, — у тебя на кольчуге кровь, Торвальд. Ты ранен?

— Нет, — рассеянно ответил Роджер, захваченный круговоротом всевозможных догадок и предположений.

В ту же минуту он понял свою ошибку. Алексис вздрогнул, и в его пронизательных глазах вспыхнуло подозрение. Чувства этого человека были остры, словно только что наточенный меч.

— Ты не Торвальд! — рявкнул он и одним движением, быстрым, словно у атакующего ястреба, сорвал шарф с головы рыцаря. Оба вскочили на ноги, и император отпрянул, крича: — Это не Торвальд! Эй, стража! Здесь шпион!

Меч сэра Роджера сверкнул в пламени свечей. Алексис, словно кот, отпрыгнул назад, и просвисевший рядом с его головой клинок срезал прядь его волос. В то же мгновение комната заполнилась вооруженными людьми, что врывались во все двери, готовые поразить любого, кто покусится на жизнь их владыки. Однако в комнате они увидели только двоих: самого императора и его преданного слугу, так что на секунду отчаянные крики Алекси-са ошеломили их. Лишь Роджер в точности знал, что следует делать. У него не было времени снова атаковать императора, который спрятался за большим креслом, крича своим солдатам, чтобы те прикончили самозванца. Норманн метнулся к ближайшей двери, путь к которой преграждали трое. Первый упал — одним рубящим ударом рыцарь рассек его шлем и череп; когда же остальные двое бросились к Роджеру с поднятыми мечами, он пригнулся и нырнул головой вперед, прикрываясь щитом. Они отшатнулись в стороны, и норманн на полном ходу вылетел через дверь в коридор. Едва удержавшись на ногах, он кинулся бежать по короткому проходу. Внешняя дверь осталась без охраны. Быстро

расправившись с цепями и засовами, он выскочил наружу, захлопнул дверь перед носом вопящих преследователей, и помчался по узкой улице. Погоня не отставала. Рыцарь уже не надеялся, что ему удастся убежать, но вот впереди показались широкие ряды спускавшихся к воде ступеней из зеленого мрамора, известных как Зеленый Причал. Это место было хорошо знакомо сэру Роджеру. У самого причала стояла большая лодка; у нижней ступени ее удерживал крюк, накинутый на вделанное в мрамор кольцо. Конюхи придерживали стройную арабскую лошадь, а мускулистые гребцы изумленно смотрели на рыцаря, который быстро сбежал по ступеням и прыгнул в лодку.

— Посторонитесь! — рявкнул он. Лодочники заколебались. Сверху, с улицы, донесся шум погони — лязг стали и треск факелов.

— Вперед!

И гребцы увидели блеснувшую в темноте обнаженную сталь. Они были лишь слугами, а не солдатами. Рулевой отцепил крюк и изо всех сил оттолкнул лодку от ступеней. Тяжелое судно развернулось по течению, гребцы налегли на весла. Они выплыли на простор пролива, в темной воде коего отражались звезды; оглянувшись, сэр Роджер увидел фигуры в доспехах, которые бегали по причалу в поисках лодки. Ему повезло: причал уже скрылся вдаль, когда до него донесся едва слышный лязг уключин, и он понял, что погоня продолжается.

Гребцы, поглядывая на его окровавленный меч, изо всех сил навалились на весла. Шум погони постепенно приближался — враги преследовали его на протяжении трех миль, и последние несколько сотен ярдов он видел их шлемы, сверкавшие в звездном свете. Однако он все еще опережал их на

несколько десятков ярдов, когда нос его лодки коснулся наконец азиатского побережья. Вскочив в седло, он прищепил коня и скрылся в темноте.

Здесь у него было преимущество: его преследователи не имели лошадей. Быстрым галопом он поскакал на восток. В темноте виднелись лишь тусклые очертания невысоких холмов и неясные расплывчатые пятна — видимо, пастушьи хижинки. Облака снова заслонили звезды, и луна давно исчезла где-то в глубине небес. Рыцарь натянул поводья, двигаясь почти шагом в густой тьме, когда внезапно понял, что неподалеку есть кто-то еще — он слышал топот копыт и звон упряжи. Человек выругался на чужом, но ненавистно знакомом языке. Турки! Двигаясь вслепую в темноте, Роджер оказался прямо среди них. Он осторожно потянулся к мечу, но в тот же миг один из всадников свистящим шепотом спросил его:

— Это ты, лорд Торвальд?

— Кто же еще? — прорычал рыцарь, стараясь в точности повторить норвежский акцент Торвальда.

— Посвети, — пробормотал другой голос. — Лучше удостовериться.

Звякнул кремь о сталь, и вспыхнул крохотный огонек, отразившись в отполированных наконечниках, блестящих шлемах и кольчугах и озарив круг бородатых темных ястребиных лиц. Высокий воин, державший огонь, наклонился и пристально взглянул на сэра Роджера.

— Видите золотого сокола? — сказал он. — Кроме того, взгляните на меч. Лицо Разрушителя не слишком знакомо мне без бороды, но, клянусь Аллахом, я узнал бы этот меч где угодно!

Огонь погас. Сзади, ближе к берегу, послышался отдаленный ропот множества людей. Факелы от-

брасывали беспорядочные отблески. Роджер почувствовал, как воины вокруг него подозрительно застыли, и услышал, как шевельнулись в ножнах их сабли.

— Кто там? — спросил высокий мусульманин.

— Люди, которых послал император. Они должны проследить, чтобы я благополучно добрался до места, — ответил сэр Роджер. — Он опасался, что франки могли оставить своих шпионов. Чего мы ждем? Скоро рассвет.

— Верно, — пробормотал турок. — И нам лучше будет добраться до холмов, пока темно. Ты появился раньше, чем мы ожидали. Мы ехали к берегу, чтоб встретить тебя, и вдруг ты оказался среди нас. Нам повезло, что мы не разминулись в этой проклятой тьме. Поезжай среди нас, милорд.

Они пустили лошадей легким галопом, преодолевая мило за милей, и к рассвету, словно летящая банда пустынных призраков, пересекли горный кряж и скрылись среди холмов.

При дневном свете рыцарь увидел своих спутников — два десятка всадников-сельджуков, одетых в сталь, золото и кожу. Они мчались подобно ветру, не жалея коней, и он предположил, что в холмах их ждут свежие лошади, поскольку они уже были за восточными границами владений Алексиса. Они ни в чем его не подозревали, но у него в этом мрачном маскараде не было никаких планов. Ему приходилось плыть по течению, будучи помимо воли захваченным водоворотом событий. Он знал, что следует делать, если возникнет благоприятная возможность, но в данный момент он был беспомощен и не располагал всеми необходимыми сведениями.

В самом деле, вся его жизнь шла подобным образом. Об этом сейчас мрачно размышлял он под

стук копыт. Он родился в замке, отстроенном из руин саксонской крепости, почти через год после битвы при Гастингсе. С ранней юности он вязался в столь запутанную историю, что сам уже отчаялся выбраться из нее невредимым. Ему пришлось покинуть родные края — всего на день он успел опередить солдат, посланных рассерженным королем. Обидевшись на своего сеньора, он поступил на службу к герцогу Роберту Нормандскому, что постоянно ссорился со своим похожим на лиса братом. Однако нетерпеливая душа Роджера не смогла вынести праздности и обжорства герцога, сколь бы добродушен тот ни был, и в конце концов он оказался в королевстве, которое норманнские мечи отсекали от Южной Италии. Он скакал рядом с Танкредом и участвовал в его приключениях, но нескончаемые амбиции Боэмунда наскучили английскому рыцарю. Место действия переместилось в Рейнланд, где ему пришлось стать участником кровавого завершения вражды герцога Годфрея с Рудольфом Швабским. Затем наступила пора расцвета крестовых походов, последовавшая за трубным зовом папы Урбана, и люди начали продавать свои земли, чтобы купить коней, которые унесли бы их на восток — спасать заблудшие души и убивать язычников.

Бароны постепенно собирались вместе, но, с точки зрения наиболее нуждающихся, слишком медленно. Кроме того, многие молчаливо сомневались в том, что на их долю что-либо останется после того, как великие лорды одержат победу. Толпы крестьян, нищих и бродяг объединились вокруг Петра Отшельника, целую землю, по которой он ступал, и подставляя головы под удары копыт его упрямого осла — в попытках вырвать клочок серой шерсти животного как священную реликвию. Петр во всем

подражал Урбану, и, казалось, какая-то магнетическая сила привлекала на его сторону все новых и новых людей. Этот мрачный фанатик обратил в свою веру также нескольких бедствующих рыцарей и дворян, и пестрая орда двинулась на восток, вниз по Дунаю, воспевая осанну и воруг свиней.

Среди этих бедных рыцарей были Роджер де Коган и его брат по оружию, Готье Сан-Авуар — Безденежный. Они пытались навести хоть какой-то порядок среди окружавшего их сброда, но с тем же успехом они могли пытаться собрать в стаю карпатских стервятников. Прожорливые паломники, которых насчитывалось около восьмидесяти тысяч, словно саранча прошли по земле венгров, сразились с заставами Алексиса, на коленях приветствовали шпильи Константинополя и наконец обосновались там, явно намереваясь уничтожить все продовольственные запасы империи.

Когда они начали сдирать свинцовые листы с крыш соборов, чтобы продать их на рынке, Алексис, пребывая в совершеннейшем отчаянии, убедил их перебраться на другой берег Босфора. Там они рассеялись по холмам и, к всеобщему облегчению, пали жертвой разбойничьей банды турок. Готье и его товарищи, движимые скорее доблестью, нежели благоразумием, поспешили на помощь несчастным и наткнулись на целую армию украшенных перьями цапли и распевających песни всадников. Готье пал смертью храбрых на груди вражеских трупов, вместе со своими доблестными воинами, а сэр Роджер, придя в себя после страшного удара секиры по макушке шлема, обнаружил, что скован цепями вместе с прочими воинами своего отряда. Далее они пешком шагали в Ниццу; здесь его продали высокому художому стервятнику, одетому в сталь и золото,—

арабу, Юсефу ибн Залиму. Его изящный корабль ходил вдоль берегов Черного моря и вверх и вниз по Босфору, от Черного моря до Средиземного. Рыцарю пришлось стать свидетелем ужасных сцен, кои разыгрывались как в трюме галеры, так и на запятнанной кровью палубе, — потом они являлись ему в кошмарных снах в течение всей его жизни. Однако эти кровавые видения не в силах были затмить иную жуткую картину — его товарища, Готье, умирающего среди мертвых, и — худого надменно-го всадника в золоченой кольчуге и шлеме с пером цапли, поднимающего на дыбы лошадь, копыта которой миглом позже опускаются на окровавленное лицо...

«Так Осман, сын Килиджа Арслана, поступает с неверными!» Эти презрительные слова звучали в ушах Роджера де Когана сквозь плеск волн, скрип весел и шум сражений.

Теперь же английский рыцарь оказался в одной компании с турецкими грабителями. Он чувствовал себя участником мрачного маскарада; он ничего не знал о том, куда они направляются, за исключением того, что ему — вне всякого сомнения — предстоит оказаться лицом к лицу с принцем Османом и его жестокосердным отцом. Роджер постоянно оглядывался, нет ли признаков погони, но если солдаты Алексиса и преследовали их, то уже сбились со следа.

К полудню всадники подошли к невысокой башне среди холмов. Тут их ждали еда, питье и свежие лошади. Они находились во внешних владениях Килиджа Арслана, Красного Льва ислама, но пока что не встречали никаких поселений — лишь руины, оставшиеся от древних времен правления римлян. Быстро поев, они вновь вскочили в седла и помчались дальше.

В течение всего жаркого и сухого летнего дня они скакали галопом среди неровных холмов, не жалея лошадей. Роджер искал взглядом передовой отряд крестоносцев или хоть какие-то признаки их движения, но понял, что они сами, видимо, едут севернее. Он не задавал никаких вопросов; ничего не говорил и Ортук-хан. Он ехал, напевая песню о воине, который был столь искусным наездником, что удостоился имени Оседлавшего Ветер. Роджер чувствовал — это было слабостью и предметом тщеславия сельджука.

Взошла луна, затем зашла снова, и они опять остановились среди холмов, где смогли поменять лошадей. Ортук-хан долго о чем-то разговаривал с запыленным гонцом. Затем он уселся на землю, скрестив ноги, и сделал знак своим людям, чтобы те приготовили еду.

— Мы уже недалеко от цели, — сказал он Роджеру. — За часы мы преодолели расстояние, на которое крестоносцам потребовались дни. Теперь лишь три часа пути отделяет нас от лагеря неверных. На рассвете мы двинемся вперед и вступим в битву.

Недоумевая, каким именно образом Алексис намеревался избавиться от Боэмунда, не уничтожив остальных крестоносцев, Роджер решил задать вопрос:

— Расскажи мне еще раз, какую ловушку Красный Лев построил крестоносцам.

— Очень просто, — с готовностью ответил Ортук-хан. — Маймун — Боэмунд — вместе со своими людьми идет впереди основного отряда неверных. Этой ночью они разбили лагерь там, где холмы спускаются к равнине Дорилеум, ожидая подхода Сенджила — Сен-Жилия — и остальных.

Однако Алексис дал этим остальным проводника, который поведет их по ложному пути. Видишь вон ту вершину, которая возвышается над другими холмами? Если ты поскачешь прямо на юг от этой вершины, через пять часов ты окажешься возле их лагеря.

На рассвете Красный Лев нападет с востока и раздавит Маймуна и его рыцарей. Затем он двинется дальше и сотрет с лица земли Сенджила и остальных.

Значит, Алексис был заодно с сельджуками — по крайней мере, в том, что касалось уничтожения Бозмунда; это было очевидно с самого начала. Вероломный проводник, которого упомянул Ортук-хан, вероятно, Теодор Бутумитес. Алексис говорил, что грек был вместе с Сен-Жилем. Рыцарь взглянул на вершину, стараясь четко запомнить ориентиры, указанные ему турком. Равнина Дорилеум находилась в трех часах езды к востоку; лагерь остальных крестоносцев — в пяти часах к югу. Вот первые лучи солнца коснулись восточных холмов. Турки зашевелились, седлая лошадей и застегивая доспехи.

— Ортук-хан, — небрежно сказал сэр Роджер, вставая и кладя руку на гриву стройного турецкого коня, которого ему дали, — уже светает, и нам нужно торопиться, чтобы присоединиться к Красному Льву. Но, чтобы разогреть коней, давай пробежим наперегонки до того холма.

Турок улыбнулся:

— Нам еще три часа скакать до Дорилеума, и у наших коней будет еще немало работы, прежде чем мы доберемся до лагеря.

— До холма всего лишь несколько сотен ярдов, — ответил сэр Роджер. — Я много слышал о твоём

искусстве наездника и почту за большую честь состязаться с тобой. Конечно, здесь много камней и булыжников и почва ненадежна. Если ты неуверен...

Лицо Ортук-хана потемнело.

— Ты дурно выразился, о человек, которого зовут Разрушителем. Единственная глупость может сделать дураком и мудреца. Однако садись в седло. Я обгоню тебя, как мальчишку.

Они вскочили в седла и, натянув поводья, подвели коней вровень друг с другом, затем сорвались с места, словно выпущенные из лука стрелы. Одетые в сталь воины с интересом наблюдали за гонкой.

— Почва не столь неровная, как сказал франк, — промолвил один. — Смотрите, они летят, словно соколы. Ортук-хан вырывается вперед.

— Однако Разрушитель преследует его по пятам! — воскликнул другой. — Смотрите, они уже возле холма... Что это? Франк вытащил меч! Он сверкает в свете зари... О, Аллах!

Изумленный крик вырвался из груди воинов. Мчавшийся на всем скаку норманн скрылся за холмом. Позади него лошадь без всадника унеслась прочь от неподвижной фигуры, лежавшей в алой луже посреди камней. Для Оседлавшего Ветер эта гонка оказалась последней.

Стряхнув с клинка красные капли, сэр Роджер отпустил поводья своей лошади. Он не оглядывался, хотя напряженно вслушивался, не раздастся ли стук копыт преследователей. Держа курс на вершину, он скользил среди холмов, словно летящий призрак. Вскоре после восхода солнца он пересек широкую дорогу со следами колес повозок и отпечатками множества ног и копыт. Дорога Бозмунда. Среди следов виднелись более свежие отпечатки

копыт, неподкованных и поменьше. Следы турецких коней. Значит, разведчики сельджуков следовали за норманнской колонной в небольшом отдалении.

Ближе к полудню Роджер въехал в широко раскинувшийся лагерь крестоносцев. Его сердце, что никогда не отличалось излишней мягкостью, потеплело при виде знакомой картины: рыцарей, державших соколов на руке и больших собак на поводках; рыжеволосых женщин, смеявшихся в завешенных балдахинами шатрах; юных пажей, чистивших доспехи своих господ. Все это казалось частью Европы, переместившейся в унылые холмы Малой Азии. В лагере насчитывалось двести тысяч человек; костры и палатки были разбросаны по всей равнине. Некоторые шатры были разобраны, часть быков привязана к повозкам, но всюду и во всем чувствовалось ожидание. Воины опирались на свои копья, пажи бродили среди низких кустов, свистом подзывая собак.

Роджер видел желтоволосых рейнландцев, чернобородых испанцев и провансальцев — французов, немцев, австрийцев. Его ушей достигла многоязыкая речь.

Рыцарь проехал сквозь толпу, изумленно взиравшую на его пыльную кольчугу и взмыленную лошадь, и остановился перед шатрами, которые, судя по их ярким цветам, принадлежали вождям экспедиции. Он увидел, как они выходят из палаток в полном вооружении: Годфрей Буйонский, его братья, Юстас и Болдуин Булонские, а также коренастый седобородый Раймонд де Сен-Жиль, граф Тулузский. Рядом с ними стоял человек в богато украшенных доспехах, отполированные пластины которых выглядели богатым нарядом по сравнению

с серыми кольчугами западников. Роджер понял, что это Теодор Бутумитес, брат новоиспеченного герцога Ниццы и офицер греческой катафракты.

Турецкий конь фыркнул и дернул головой, роняя клочья пены. Роджер спешил и, как и подобает норманну, не стал тратить лишних слов.

— Милорды, — сказал он, не теряя времени на приветствие, — я пришел, чтобы сообщить вам, что предстоит сражение, и, если вы хотите принять в нем участие, вам стоит поторопиться.

— Сражение? — спросил Юстас Булонский, насторожившись, словно почуявший запах охотничий пес. — И кто сражается?

— Боэмунд противостоит Красному Льву, как раз сейчас, пока мы здесь стоим.

Бароны неуверенно переглянулись, а Бутумитес рассмеялся:

— Этот человек сумасшедший. Как мог Килидж Арслан напасть на Боэмунда, разминувшись с нами? И мы не видели никаких турок.

— Где Боэмунд? — спросил Раймонд.

— На равнине Дорилеум, примерно в шести часах быстрой езды отсюда на север.

— Что? — послышался недоверчивый возглас. — Как это может быть? Лорд Теодор повел нас прямой дорогой, через долины, которые прошел стороной Боэмунд. Норманны где-то позади нас, и Теодор послал своих византийских разведчиков, чтобы найти их и привести сюда, потому что они заблудились в холмах. Мы ждем их, прежде чем продолжить путь.

— Это вы заблудились, — бросил сэр Роджер. — Теодор Бутумитес — шпион и изменник, посланный Алексисом, чтобы направить вас по ложному пути, пока Килидж Арслан уничтожает Боэмунда...

— Ты заплатишься за это жизнью, собака! — закричал разъяренный грек, метнувшись вперед и хватаясь за меч. Роджер с мрачным видом шагнул ему навстречу, взявшись за рукоять собственного меча, но вмешались бароны.

— Это серьезное обвинение, друг мой, — сказал Годфрей. — Чем ты можешь доказать свои слова?

— Ради всего святого, — воскликнул Роджер, — разве вы не видели, что грек сворачивает все дальше и дальше на юг? Норманны пошли более прямой дорогой — это вы сбились с пути. Боэмунд двигался на юго-восток; вы же шли прямо на юг. Если бы вы следовали в этом направлении достаточно долго, вы могли бы добраться до Средиземного моря, но вряд ли пришли бы в Святую Землю!

— Кто этот бродяга? — сердито спросил Бутумитес.

— Герцог Годфрей знает меня, — ответил норманн. — Я Роджер де Коган.

— Святые угодники! — воскликнул Годфрей, и его усталое лицо осветилось улыбкой. — Я должен был узнать тебя, Роджер! Но ты изменился... Да, изменился. Милорды, — повернулся он к остальным, — этот джентльмен знаком мне с давних времен — он был вместе со мной в Латеране, когда я...

Он замолчал, испытывая странное отвращение, которое испытывал всегда, вспоминая об убийстве герцога Рудольфа в священных пределах — со своей стороны он считал сие святотатством.

— Но мы его не знаем, — ответил Сен-Жиль с присущей ему осторожностью. — И рассказ его весьма странен — он намерен вести нас в бой, вооруженный лишь собственным мечом...

— Гром и молния! — крикнул Роджер, терпение которого лопнуло. — Мы так и будем стоять

здесь и болтать, пока турки не перережут горло Боэмунду? Это мое слово против слова грека, и я требую суда — пусть поединок рассудит нас!

— Хорошо сказано! — воскликнул Адемар, легат папы, высокий человек в рыцарской кольчуге. Подобные сцены согревали его сердце — сердце воина. — Как выразитель интересов нашего Святого Отца, я подтверждаю справедливость подобного решения.

— Что ж, пусть будет так! — воскликнул Роджер, горя от нетерпения. — Выбирай оружие, грек!

Бутумитес окинул взглядом его пыльную кольчугу, и его внимание привлекла тонконогая, покрытая пеной лошадка. Он таинственно улыбнулся:

— Осмелишься проскакать мне навстречу с обнаженным копьем?

В этой области франки были опытнее греков, но Бутумитес, будучи более крепко сложенным, чем большинство его соотечественников, вполне мог состязаться с жителями Запада в физической силе, к тому же у него был опыт рыцарских турниров за время пребывания при дворе Алексиса. Он бросил взгляд на своего могучего черного боевого коня, облаченного в тяжелую сбрую из шелка, стали и покрытой лаком кожи, и снова улыбнулся. Однако вмешался Годфрей:

— Нет, господа, мне очень жаль, но сэр Роджер прискакал сюда на уставшей лошади. Притом она более подходит для скачек, нежели для поединка. Роджер, ты возьмешь моего коня и копье, и мой шлем тоже.

Бутумитес пожал плечами. В одно мгновение все его сокрушительное преимущество улетучилось, но он все еще был уверен в себе. Так или иначе, он предпочитал копье клинку, не имея никакого жела-

ния встретить удар громадного меча, висевшего на бедре сэра Роджера. Ему уже приходилось прежде сражаться с норманнами.

Роджер взял длинное тяжелое копье и сел на коня, которого держали пажы Годфрея, но отказался от тяжелого шлема — массивного, напоминавшего котел, без подвижного забрала, но с щелью для глаз. Поединок не сопровождался какими-либо условностями или формальностями. В те давние времена скачка с копьями была либо дуэлью с обнаженным оружием, либо просто разновидностью тренировки перед более серьезной схваткой.

Толпа выстроилась по обоим сторонам, оставив широкую открытую полосу. Соперники разъехались на небольшое расстояние, развернулись, взяли копья наперевес и стали ждать сигнала.

Раздался звук трубы, и кони устремились навстречу друг другу. Сверкающие черные доспехи и украшенный перьями шлем византийца резко контрастировали с пыльными серыми доспехами и простым железным кольчужным капюшоном норманна. Роджер знал, что Бутумитес направит свое копье прямо в его незащищенное лицо, и низко наклонился, глядя на соперника над краем своего тяжелого щита. Толпа завопила, когда рыцари столкнулись со страшным грохотом. Оба копья дрогнули в руках, и кони встали на дыбы. Однако Роджер удержался в седле, хотя и был наполовину оглушен чудовищным ударом, в то время как Бутумитеса выбросило из седла, словно ударом молнии. Он остался лежать там, где упал, бесформенной грудой полированного металла в пыли, и из его расколотого шлема сочилась кровь.

Роджер успокоил лошадь, соскользнул на землю; в голове у него все еще звенело. Копье византийца,

отразившись от края щита, сорвало с его головы капюшон и едва не порвало сухожилия на шее. На негнувшихся ногах он подошел к толпе, что собралась вокруг распростертого на земле грека. С него сняли шлем с перьями, и Бутумитес посмотрел остекленевшими глазами на лица стоявших вокруг. Ясно было, что он умирает. Его нагрудник был разбит, и вся грудная клетка вдавлена внутрь. Альдемар склонился к нему с четками в руке, быстро бормоча молитву.

— Сын мой, не желаешь ли исповедоваться?

Губы умирающего пошевелились, но выдохнули лишь слабый хрип. Собрав последние силы, грек пробормотал:

— Дорилеум... Килидж Арслан... Боэмунд...

Тут кровь хлынула с его губ, и он застыл, разбросав покрытые сталью руки и ноги.

Годфрей немедленно перешел к делу.

— По коням! — крикнул он. — Коня сэру Роджеру! Боэмунд нуждается в помощи, и, во имя Господа, он не будет звать напрасно!

Толпа закричала; наступила всеобщая суматоха — рыцари садились на коней, воины облачались в доспехи, женщины и пажы собирали шатры.

— Подождите! — воскликнул Сен-Жиль. — Мы не можем отправиться вместе с повозками и слугами — кто-то должен охранять обоз...

— Вот и займись этим, милорд Раймонд, — сказал Годфрей, стóрая от желания лететь навстречу врагу и на помощь другу. — Подготовь повозки и следуй за нами. Мне и моим всадникам нужно спешить. Роджер, веди!

РОЖДАЮЩИЕ ГРОМ

П

1

осетители таверны как по команде повернули головы к двери и уставились на вошедшего.

В дверях стоял высокий широкоплечий человек, одетый в простую тунику, короткие кожаные штаны и плащ из верблюжьей шерсти; на ногах его были рваные стоптанные сандалии, покрытые пылью множества дорог и троп. В загорелой мускулистой руке он крепко

сжимал посох пилигрима. Его спутанные рыжие волосы, перехваченные синей повязкой, достигали самых лопаток, черты лица были резки, тонкие губы усмешливы, а яркие синие глаза светились безрассудством. На поясе, в потертых ножнах, висел короткий прямой меч.

Его спокойный взор скользнул по завсегдатаям этого заведения — мореплавателям, разным бездельникам, что лениво потягивали чай и без умолку болтали, — и остановился на человеке, который сидел поодаль, за грубо сколоченным столом, и пил вино. Новоприбывший никогда его прежде не видел. Этот парень был высок, плечист и гибок как пантера. Взгляд его голубых глаз, глядевших из-под гривы золотистых с рыжим отливом волос, казался холодным будто лед. Он был облачен в легкую серебристую кольчугу; на поясе у него висел длинный меч, а на скамье рядом с ним лежали небольшой щит и легкий шлем.

Новоприбывший уверенно шагнул вперед, остановился перед ним и, насмешливо улыбнувшись, произнес несколько слов. Незнакомец совсем недавно прибыл на Восток, а потому ровным счетом ничего не понял. Он повернулся к одному из завсегдатаев и спросил его на норманнском наречии:

— Что говорит этот неверный?

— Я сказал, — ответил путешественник на том же языке, — что наступили дни, когда стало невозможно войти в египетскую таверну, чтобы не обнаружить там христианского пса у себя под ногами.

Услышав это, незнакомец поднялся, и путешественник тут же потянулся к своему мечу. В глазах христианина блеснули искрящиеся огоньки, он дернулся подобно вспышке летней молнии. Вытянув вперед левую руку с поднятой ладонью, правой он

выхватил меч и занес его над головой. Путешественник еще не вынул свой меч из ножен, но легкая усмешка не сходила с его губ. С почти детским изумлением он взглянул на лезвие, сверкнувшее перед его глазами, как будто был зачарован блеском стали.

— Проклятый пес! — прорычал христианин. Его голос напоминал скрежет металла. — Я отправлю тебя в ад небритым!

— Тебя, наверное, произвела на свет бешеная пантера, коль ты прыгаешь, словно кот, — спокойно отозвался путешественник, как будто бы в этот миг его жизнь не висела на волоске. — Однако ты меня удивил. Я не знал, что франки осмеливаются обнажать меч в Дамiette.

Франк хмуро взглянул на противника; голубые глаза его угрожающе вспыхнули.

— Ты кто? — сурово спросил он.

— Гарун-путешественник, — усмехнулся его собеседник. — Убери свой клинок. Прошу прощения за мои грубые слова. Есть еще на свете франки старой закалки.

Выражение лица христианина смягчилось, и он убрал меч в ножны. Вновь усевшись за стол, он жестом пригласил путешественника присоединиться.

— Давай-ка садись и освежись немного. Если ты путешественник, то тебе, должно быть, есть что порассказать.

Однако Гарун принял это предложение не сразу. Он обвел взглядом таверну и рукой подозвал хозяина, который с видимой неохотой двинулся к нему. Подойдя ближе, хозяин отплатнулся, приглушенно вскрикнув. Взгляд Гаруна внезапно стал жестким и колючим, он нахмурил брови и рявкнул:

— Ты что, хозяин, хочешь сказать, что уже когда-то встречался со мной?

Его голос напоминал рычание тигра, вышедшего на охоту; он заставил трактирщика задрожать, словно от лютото холода. Расширенные от ужаса глаза бедняги не отрываясь смотрели на сильную тяжелую руку, постукивающую по рукоятке меча.

— Нет, нет, господин, — залепетал хозяин. — Клянусь Аллахом, я вас не знаю... Я никогда вас раньше не видел. — Мысленно он добавил: «И слава Аллаху, никогда больше не увижу!»

— Тогда скажи мне, что здесь делает этот франк в доспехах и при оружии? — резким голосом спросил Гарун по-турецки. — Венецианским собакам позволено торговать в Дамiette, так же как и в Александрии, но они расплачиваются за эту привилегию тем, что терпят насмешки и оскорбления, и никто из них не осмелится здесь нацепить на пояс меч, а уж тем более поднять его на мусульманина!

— Он не венецианец, добрый Гарун, — отвечал хозяин. — Вчера он сошел на берег с венецианской торговой галеры, потому что не поладил с торговцами или с командой. Он уверенно ходит по улицам, открыто носит оружие и пререкается со всяким, кто его заденет. Он говорит, что направляется в Иерусалим, но не смог найти корабль, который шел бы в Палестину, потому и приехал сюда. Он намерен проделать остаток пути по суше. Мусульмане говорят, что он сумасшедший, и никто не хочет с ним связываться.

— А ты знаешь, что безумцев коснулась рука Аллаха и они находятся под его покровительством? — усмехнулся Гарун. — Хотя этот человек, я думаю, вовсе не безумен. Ладно, давай тащи мне вина, собака!

Хозяин низко поклонился и метнулся прочь — выполнять приказание путешественника. Запрещение Пророком крепкого вина и прочие ортодоксальные заповеди частенько нарушались в Дамiette, куда стекался народ самых разных национальностей. Турки жили здесь бок о бок с коптами, а арабы — с суданцами.

Гарун опустился на скамью против франка и взял кубок вина, принесенный слугой.

— Ты сидишь здесь, в самой гуще своих врагов, словно восточный шах, — усмехнулся он. — Клянусь Аллахом, у тебя поистине королевский вид.

— А я и есть король, неверный, — буркнул франк. Вино, которое он выпил, вселило в его душу изрядную долю безрассудства.

— Ну и где же твое королевство, малик? — Вопрос был задан без всякой насмешки. Гарун видел на своем веку многих свергнутых королей, которые были вынуждены покинуть родину и бежать на Восток.

— На темной стороне луны, — отвечал франк с горьким смехом. — Среди руин всех нерожденных или забытых империй, скрытых сумерками далеких веков. Кагал Руад О'Доннел, король Ирландии. Это имя ничего не значит для тебя, Гарун с Востока, и ничего не значит для страны, где я родился и которая была моей. Те, кто были моими врагами, теперь на вершине власти, а те, кто были моими вассалами, лежат холодные и неподвижные глубоко в земле; летучие мыши охотятся в моих разрушенных замках, и уже само имя Рыжего Кагала стерлось в памяти людей. Ну что ж, наполни-ка мой кубок, раб!

— У тебя душа воина, малик. Ты стал жертвой чьего-то вероломства?

— Вот именно, вероломства, — Кагал скрипнул зубами, — а также уловки и коварства одной женщины, которая заворожала и ослепила меня настолько, что меня выбросили, как сломанную пешку. Да, леди Элино де Курси, с ее черными, как полуночные тени озера Дерг, волосами, и серыми глазами, подобными...

Внезапно он дернулся, как человек, очнувшийся от транса, и в его глазах вновь появился воинственный блеск.

— Святые и дьяволы! — взревел он. — Да кто ты такой, что я должен изливать перед тобой свою душу? Вино предало меня и развязало мой язык, но я...

Он потянулся к рукоятке меча, но Гарун рассмеялся:

— Я не сделал тебе ничего плохого, малик. Направь свой воинственный пыл в другую сторону. Клянусь Эрликом, я сейчас устрою тебе отличное испытание, дабы охладить твою кровь!

Поднявшись, он схватил копьё, лежавшее рядом с пьяным солдатом, прямо посередине древка острием вверх, и, обойдя вокруг стола, вытянул свою мощную руку.

— Хватайся за древко, малик, — засмеялся он. — За всю мою жизнь я не встретил никого, кто мог бы покачнуть древко в моей руке.

Кагал поднялся, ухватился за копьё так, что его сжатые пальцы почти касались пальцев Гаруна. Затем оба, широко расставив ноги и согнув руки в локтях, напрягли все свои силы. Лица их покраснели, толстые вены на могучих шеях вздулись, мышцы перекатывались под кожей словно железные шары. Оба они были под стать друг другу: Кагал чуть повыше ростом, а Гарун чуть пошире в плечах. Они

противостояли друг другу, как медведь и тигр, как лев и пантера. Истуканами замерли они на одном месте — никто из них не сдвинулся и на один дюйм, и копье оставалось совершенно неподвижным под натиском равных сил. Затем, с внезапным громким треском, крепкое дерево раскололось; соперники пошатнулись; у каждого в руке оказалась половина древка, переломившегося надвое.

— Хо! — закричал Гарун, сверкая глазами, которые, впрочем, тут же потускнели, ибо в них мелькнуло внезапное сомнение. — Клянусь Аллахом, малик, — сказал он, — это никуда не годится! Из двух мужчин один должен повелевать, иначе обоих ждет плохой конец. Это значит, что никто из нас никогда не уступит другому и...

— Садись и давай выпьем, — отозвался кельт, отбросив в сторону сломанное древко и взяв в руки кубок. По выражению его лица было видно, что он уже отбросил свои воспоминания о потерянном величии и прочие грустные мысли. — Я давно не был на Востоке и не ожидал увидеть человека, подобного тебе. Сдается мне, ты не таков, как все те египтяне, арабы и турки, которых я встречал.

— Я родился далеко, к востоку отсюда, среди шатров Золотой Орды, в степях Верхней Азии, — сказал Гарун, опускаясь на скамью. Его лицо вновь приняло веселое выражение. — Я был уже почти взрослым, когда услышал о Магомете, хвала ему! Хо, богатур! Кем я только не был в этой жизни! Когда-то довелось мне быть татарским князьком — я сын хана Субудая, который был правой рукой Чингис-хана. Потом — когда турки совершили набег на восток и захватили в Орде множество пленных — я стал рабом. На невольничьих рынках Каи-

ра меня продали за три слитка серебра, клянусь Аллахом, и мой хозяин отдал меня в багайризы (если тебе неизвестно, то багайризами называют солдат из рабов), потому что он боялся, что я его задушу! Хо! А теперь я — Гарун-путешественник и совершаю паломничество к святым местам. Но всего несколько дней назад я был человеком Байбарса, дьявол его поberi!

— На улицах люди говорят, что этот Байбарс и есть настоящий правитель Каира, — с любопытством произнес Кагал. Хотя он недавно появился на Востоке, он уже слышал это часто повторявшееся имя.

— Люди врут, — махнул рукой Гарун. — Египтом правит султан, а султаном правит Шаджар ад-Дарр. Байбарс же всего-навсего генерал багайризов, величайший болван. И я был его человеком! — Он внезапно громко расхохотался. — Я приходил и уходил по его приказанию — укладывать его в кровать, поднимать его по утрам, сидеть вместе с ним за столом, кормить его... Я только что не пережевывал за него пищу! И все же я убежал от него! Клянусь Аллахом, сегодня мне не придется возиться с этим глупым Байбарсом! Я свободный человек, и пусть дьявол займется им, султаном и Шаджар ад-Дарром, да и всей Саладинской империей. Теперь я сам себе хозяин!

Из него ключом била энергия, не позволявшая ему ни одного мгновения посидеть спокойно и помолчать. Казалось, от радости он слегка обезумел. Синие глаза его излучали неиссякаемую жизненную силу. С громким раскатистым смехом он хлопнул ладонью по столу и заорал:

— Клянусь Аллахом, малик, ты поможешь мне отпраздновать мое освобождение от безмозглого осла Байбарса, дьявол его поberi вместе со всей его

грязью! Эй, парень, неси кумыс! Мы с господином Кагалом собираемся устроить такую пьянку, какой кабаки Дамьетты не видели последние сто лет!

— Но мой господин уже опустошил целый кувшин вина и совсем пьян! — воскликнул неопределенного вида слуга, которого Кагал нашел себе на одном из причалов. Он вовсе не так уж заботился о своем господине, а просто по восточной привычке вмешивался во все со своими суждениями.

— Что я сказал? — зарычал Гарун, хватая кувшин вина. — Не смей перечить! Вот смотри, я сейчас выпью залпом этот кувшин! — Большими глотками он осушил кувшин и с грохотом поставил его на стол.

Наконец принесли кумыс — перебродившее кобылье молоко в перевязанных и запечатанных кожаных мехах, — запрещенный напиток, привезенный с караванами из турецких земель для соблазна пресыщенной знати и удовлетворения жажды кочевников и багайризов.

Кубок за кубком Кагал вместе с Гаруном поглощал беловатый острый напиток. Никогда еще у изгнанного ирландского короля не было такого собутыльника, как этот бродяга. От громового смеха Гаруна вздрагивали даже издавшие виды сплавщики леса, что сидели сейчас в таверне. Он во весь голос рассказывал забавные истории, пел арабские любовные песни, в которых и слова и мелодии дышали шорохом пальмовых листьев и шелестом шелковых вуалей, диким голосом ревел лихие песни наездников на никому не ведомом языке, и в этих мотивах слышались раскатистые звуки монгольских барабанов и звон мечей.

Луна зашла; Дамьетта погрузилась в предрасветную тишину. Гарун, пошатываясь, поднялся со

скамьи и ухватился за край стола. Возле него стоял единственный прислужник, наливавший вино в кубки. Остальные слуги и гости похрапывали на полу, многие посетители уже давно разошлись. Гарун, мутным взором оглядев спящих, поднял голову и издал громкий воинственный крик.

— Если бы ты не был королем, малик, — прорычал Гарун, — я показал бы тебе борьбу на дубинках. Моя кровь разгорячилась, как кровь турецкого жеребца, и, клянусь Аллахом, я пробил бы чью-нибудь башку в честном бою!

— Тогда бери свой посох, — отозвался, поднимаясь, Кагал. — Меня считают дураком, но никто никогда не посмеет сказать, что я отступаю в драке.

Опрокинув стол, он схватился за одну из его ножек. Раздался треск дерева, и круглая ножка стола оказалась в железной руке кельта.

— Вот моя дубинка, странник! — взревел он. — Давай начнем честный поединок, и если удача захочет тебе улыбнуться, то пусть она прикроет твою голову своими крыльями!

— Вот это по-моему, малик! — весело воскликнул Гарун. — Ни один король со времен малика Рика не скрещивал дубинки с вольным странником! — С громовым смехом он взял свой посох.

Борьба была короткой и яростной. Вино, которое оба они выпили, лишило их руки твердости, а глаза ясности, да и на ногах оба стояли уже не совсем уверенно, но сила их оставалась прежней. Гарун ударил первым, и больше по счастливой случайности, чем благодаря своему искусству, Кагал парировал удар. Дубинка Гаруна все же скользнула над его ухом, да так, что из глаз короля-изгнанника посыпались мириады сверкающих искр. Удар откинул его к столу; левой рукой Кагал ухватился за его

край, чтобы удержать равновесие, а затем нанес ответный удар — столь быстрый и яростный, что странник не смог его отразить. Хлынула кровь. Дубинка раскололась в руке Кагала, и Гарун рухнул на пол, как бревно.

Кагал разочарованно отшвырнул в сторону обломок дубинки, встряхнул головой, чтобы обрести ясность мыслей.

— Ни один из нас не поддастся другому — ну что ж, а сейчас я все же одержал верх...

Он замолчал. Гарун лежал, распростершись на полу, и мирно похрапывал. Удар Кагала рассек ему кожу и свалил с ног, но невероятное количество хмельного, выпитого татаринном, заставило его в мгновение ока заснуть мертвецким сном. Кагал понял, что если он не выберется как можно скорее на свежий воздух, то сейчас же рухнет без чувств рядом с Гаруном.

Бормоча про себя проклятия, он пинками растолкал слугу и, взяв щит, шлем и плащ, пошатываясь, вышел из таверны. Огромные белые грозди звезд висели в ночном небе над плоскими крышами Дамьетты, отражаясь в черных волнах реки. Собаки и нищие спали прямо в пыли на улицах, и в черных тенях извилистых аллей не было видно даже крадущегося вора.

Слуга привел коня; Кагал прыгнул в седло и поскакал по безмолвным улицам. Холодный ветер — предвестник восхода — окончательно освежил его, когда он проезжал по лабиринту аллей и базаров. Солнце, пока таящееся где-то в глубинах ночи, еще не окрасило первыми лучами горизонт, но в воздухе уже чувствовалось его приближение.

Король-изгнанник скакал мимо грязноватых домиков с плоскими крышами, вдоль сточных канав,

мимо колодцев с длинными деревянными журавлями, мимо раскидистых пальм. Позади него оставался в темноте удивительный, загадочный город, а впереди расстилались пески Джифара.

2

Бедуины не перерезали горло Рыжего Кагала по дороге из Дамьетты в Аскалон. Видимо, судьба берегла его для каких-то особых дел и свершений, и потому он ехал бесечно, в одиночестве (если не считать его оборванца-слуги), через пустынные земли, и ни одна зазубренная стрела или кривая сабля не коснулись его, хотя несколько всадников с ястребиными лицами в развевающихся белых халатах все же досаждали путнику на последнем отрезке пути, преследуя его до самых ворот христианских пограничных крепостей.

По беспокойной земле ехал пилигрим Рыжий Кагал, направляясь в Иерусалим в теплые весенние дни 1243 года. Золотоволосый принц узнал много нового о земле, которая в начале путешествия представлялась ему смешением неясных имен и событий. Он узнал, что император Фредерик II отобрал Иерусалим у неверных без боя. Он узнал, что теперь Святой город христиане поделили с мусульманами, которые тоже почитали этот город и называли его Аль Кудс, что означает «святой», потому что оттуда, как они говорили, Магомет вознесся в рай и там он будет вершить последний суд над людскими душами.

Еще Кагал узнал, что дух этой земли был лишь тенью героического прошлого. На севере Богемунд VI правил Антиохией и Триполи, на юге хрис-

тиане владели берегом до самого Аскалона, у них были города, такие, как Хеврон, Вифлеем и Рамлах. Мрачные ордена тамплиеров и рыцарей святого Джона рыскали как сторожевые псы, и злобные солдаты-монахи не расставались с оружием ни днем, ни ночью, готовые отправиться в любую часть страны, которой будет угрожать вторжение неверных. Но как долго могла продержаться эта тонкая линия защиты и как долго люди, жившие вдоль берега, могли противостоять все возрастающему натиску орд язычников?

Из разговоров в тавернах по дороге в Иерусалим Кагал вновь услышал имя Байбарса. Поговаривали, что султан Египта, потомок великого Саладина, впал в старческое слабоумие и всем правила наложница — Шаджар ад-Дарр, с которой делили власть военачальники курд Ае Бег и Байбарс Пантера. Этот Байбарс был сущим дьяволом в человеческом обличье — говорили, что он страшный пьяница и любитель женщин; его ум был острее, чем у монахов, а его отвагу в сражении воспевали арабские певцы. Он был человеком сильным и честолюбивым.

Он командовал наемниками, которые, как говорили, были истинной силой египетской армии — некоторые называли их багайризами, другие — мамелюками. Это войско большей частью состояло из турецких рабов, обученных только искусству войны. Сам Байбарс служил когда-то в армии как простой солдат и стал полководцем только благодаря своей отваге. Он мог за один присест съесть жареную овцу, как рассказывали арабские путешественники, и, хотя вино запрещалось Кораном, все прекрасно знали, что он мог перепить всех своих офицеров. Также было хорошо известно, что он

мог переломить человеку хребет голыми руками, впад в ярость, и, когда он скакал на коне в гуще сражения, размахивая своей тяжелой кривой саблей, никто не смел встать на его пути.

И если этот воплощенный дьявол пришел с юга со своими головорезами, как могли правители земли обетованной противостоять ему без помощи, которую измученная войнами и распрями Европа не смогла им предоставить? Среди франков сновали шпионы, изучая их слабые места; рассказывали, что самому Байбарсу удалось под видом бродячего сказителя проникнуть во дворец Богемунда. Не иначе, он был в союзе с самим Злом, этот египетский полководец. Он любил ходить среди своих людей, изменив облик, и, говорили, безжалостно убивал всякого, кто узнавал его. Странная душа, полная воинственных порывов и жестокая, как у хищника.

Но все же больше всего разговоров было не о Байбарсе и не о султани Исмаиле, мусульманском правителе Дамаска. Там, где розовел восток, поднималась еще одна угроза, превосходившая по своей силе обоих этих ближайших врагов.

Кагал услышал о странном новом ужасном народе, подобном бичу для Востока, — монголах, или татарах, как их называли священники, уверяя, что это настоящие демоны, о которых возвещали еще древние пророки. Давным-давно они ворвались, как песчаная буря с востока, сметая всех на своем пути, поставили на колени мусульманский мир и стерли в пыль владения мусульманских царей. Их полководцем был тот самый Субудай, о котором Кагал впервые услышал от Гаруна.

Затем орда повернула назад, и Святая земля избежала участи своих соседей. Монголы двинулись

обратно, вглубь неизвестного востока, со своими знаменами из бычьих хвостов, со своими ужасными луками, и люди почти забыли их. Но в последние годы грифы вновь закружили на востоке; время от времени с курдских холмов приходили вести о турецких кланах, спасавшихся бегством от надвигающегося войска со знаменами из бычьих хвостов. Неужели непобедимая орда вновь двинулась на юг? Субудай не тронул Палестину, но кто мог знать, что было на уме у Мангу-хана, коего арабские путешественники называли нынешним правителем кочевников?

Так говорили люди теми теплыми весенними днями, когда Кагал держал путь в Иерусалим, стараясь забыть прошлое, растворяясь в настоящем, впитывая в себя дух и традиции этой страны и ее народа, изучая новые языки с легкостью, присущей кельтам.

Он прибыл в Хеврон и в большом кафедральном соборе Вифлеемской Девы преклонил колени возле святого места — места рождения Господа Иисуса Христа, — где всегда горело множество свечей. Затем он приехал в Иерусалим — древний город с разрушенными султаном Дамаска стенами, с которых муллы протяжно созывали мусульман на молитву и внутри которых они существовали бок о бок с христианскими священниками, воспевавшими Иисуса.

За улицей Скорби он увидел изящные колонны порталов Аль Аксы, и ему сказали, что самое первое, что должен сделать истинный христианин, прибывший в Иерусалим, — это приложить руки к этим колоннам. Ему показали мечети, которые когда-то были христианскими храмами, и рассказали, что позолоченный купол над мечетью Омара накрывает серый камень, являвшийся для мусульман святыней

святынь, — с него Магомет вознесся в рай, а в дни Израиля на нем стоял ветхозаветный ковчег, а потом храм, откуда Христос изгнал торговцев. Этот камень был вершиной горы Мориах — одной из двух гор, на которых был построен Иерусалим.

Но теперь мусульманский купол скрывал камень от взоров христиан, и дервиши с обнаженными мечами стояли возле него днем и ночью, преграждая путь неверным, хотя и считалось, что городом правили христиане. Тут Кагал осознал, сколь беспомощными и слабыми стали почитатели Христа на земле обетованной.

Он направился к холмам, окружавшим Святой город, и остановился на горе Олив, дабы окинуть взором весь прекрасный Иерусалим. Здесь почти сто пятьдесят лет тому назад стоял Танкред. И здесь же король-изгнанник глубоко задумался о тех далеких днях, когда впервые сюда пришли с запада люди, сильные своей верой и страстным желанием найти царство Божие.

Теперь их потомки перерезали глотки своим соседям на западе и стонали под пятой честолюбивых королей и алчных служителей церкви и в своих войнах и воцелях забыли ту неясную зыбкую границу, за которой еще оставалась тень былой славы.

Дальше и дальше скакал на своем коне Рыжий Кагал сквозь юную весну, жаркое лето, задумчивую осень, следуя древними путями пилигримов, что увлекали его от Иерусалима в неведомые, удивительные и загадочные края, о коих прежде он мог только слышать. Он побывал в Аскалоне, Тире, Яффе и Акре, посетил мрачные монастыри ордена тамплиеров. Уолтер де Бриен предложил ему совместно управлять пришедшим в упадок королевством, но Кагал отказался и отправился дальше. Трон, на ко-

тором он никогда не сидел, и слава земного правителя не прельщали его.

Так, в мечтах о новой весне, он прибыл в замок Рено д'Иблена возле самой границы.

3

Сир Рено был отпрыском могущественной христианской семьи д'Ибленов, владевшей мрачными серыми замками на побережье. Самому ему, правда, достались лишь немногие плоды завоеваний предков. Путешественник и искатель приключений, живущий своим умом и мечом, он получал от судьбы больше тяжелых ударов, нежели богатств. Он был высок и строен, на его загорелом лице выделялись орлиные глаза и тонкий с горбинкой нос. Он носил старые, выдавшие виды доспехи, потертый и рваный бархатный плащ, а с рукояток его меча и кинжала давным-давно исчезли прекрасные драгоценные камни. Все его владения свидетельствовали об упадке и бедности. Пересохший ров, окружавший замок, во многих местах был засыпан, а внешние стены представляли собой просто груды обвалившегося камня. Внутренний двор зарос сорной травой, которая буйно росла повсюду, даже над засыпанным колодцем.

Комнаты замка были пустыми и пыльными; огромные пауки вили свои паутины среди холодных камней, по полу сновали юркие ящерицы. Шаги отдавались гулким эхом в огромных залах и коридорах. Сюда уже не приходили крестьяне с хлебом и вином, и пестро одетые расторопные слуги не сновали повсюду, потому что вот уже полстолетия замок стоял заброшенный, пока д'Иблен не приехал

на Иордан, чтобы поселиться в нем. Вскоре, доведенный бедностью до отчаяния, благородный сир стал главарем шайки разбойников, грабивших караваны мусульман.

Сейчас, в сумрачной пыльной башне полуразвалившегося замка, рыцарь в ветхом наряде сидел за кубком вина со своим гостем.

— История постигшего вас предательства немного мне известна, — сказал Рено.

Кагала немало удивили слова хозяина — ведь с той далекой ночи в Дамьетте он никому не рассказывал о своем прошлом.

— Кое-какие вести из Ирландии долетели и до этого отдаленного края, — продолжал рыцарь. — А потому — как бродяга бродяге — предлагаю к вашим услугам мой кров и мою пищу. Но я хотел бы услышать эту историю из ваших собственных уст.

Кагал невесело усмехнулся и сделал большой глоток вина.

— История скоро сказывается и быстро забывается. Меня лишили наследства еще до моего рождения. Английские лорды обещали мне содействие в моих претензиях на ирландский трон. Но я должен был помочь им в борьбе против О'Нилов. Тогда окончилась бы их тягостная вассальная зависимость от Генриха Английского и они служили бы мне как бароны. В этом поклялся мне Уильям Фитцджеральд и остальные лорды. Но я не так уж глуп. Им не удалось бы уговорить меня так легко, если бы... не леди Элинор де Курси с ее черными волосами и гордыми нормандскими глазами. О, дьявол!.. Что ж, могу рассказать и то, что было дальше. Я сражался за них — и выигрывал для них войны, но они обманули меня и изгнали прочь. Я пошел сражаться за трон, имея меньше тысячи человек. Теперь их кос-

ти покоятся на холмах Донегата, и лучше бы сам я тоже погиб там. Увы, мои солдаты принесли меня, бесчувственного, с поля битвы...

Затем и мой собственный клан изгнал меня. Я понес свой крест — после того, как перерезал глотку Уильяму Фитцджеральду на глазах у его приспешников. Не стоит больше об этом говорить. Мое королевство превратилось в призрачное туманное облако. Я скитаюсь по свету, прокладывая себе дорогу в этой жизни своим мечом, и ишу забвения от утраченных мечтаний о троне и от призрака умершей любви.

— Оставайся здесь и грабь караваны вместе со мной, — предложил Рено.

Кагал пожал плечами:

— Боюсь, это долго не продлится. Если на вас нападут, то всего лишь с полусотней вооруженных людей ты не сможешь долго удерживать эти руины. Я видел, что старый колодец засыпан, и запасы воды, видимо, на исходе. В случае осады у тебя останутся только бочки с водой, которую ты наберешь из весенних луж за стенами замка.

— Бедность толкает людей на отчаянные поступки, — дружески кивнул Рено. — Готфри, первый правитель Иерусалима, построил этот замок как заставу в те дни, когда его правление простиралось за Иордан. Саладин напал на замок и частично разрушил его, и с тех пор здесь гнездятся летучие мыши да ночуют шакалы. Я сделал его своим логовом; отсюда я устраиваю набеги на караваны, идущие в Мекку, но обыкновенно добыча бывает очень скудной. Мой сосед, шейх Сулейман ибн Омад, неизбежно уничтожит меня, если я останусь здесь надолго, хотя пока я успешно борюсь с его небольшими отрядами. Я довел его до бешенства набегами

на пилигримов, что направляются в Мекку, — ведь он обещал им защиту и покровительство. Так что теперь он поклялся вывесить мою голову на своей башне. Ну что ж, у меня есть еще кое-что на уме. Взгляни сюда.

Сир Рено указал гостю на стол, где острием ножа было нацарапано нечто вроде карты.

— Вот здесь мой замок, а вот здесь, к северу, находится Эль-Омад — владение шейха Сулеймана. Теперь взгляни — далеко к востоку я провожу извилистую линию — вот так. Это великая река Евфрат, которая начинается где-то в холмах Малой Азии и пересекает всю равнину, соединяясь наконец с Тигром и впадая в Баль-эль-Фарс — Персидский залив ниже Басры. Теперь смотри, вот здесь, где я ставлю отметку, стоит Мосул, город персов. За Мосулом лежит неизведанная земля, покрытая пустынями и горами, но среди этих гор находится некий город, называемый Шахазар. Там — сокровищница султанов. Правители Востока посылают туда золото и драгоценности, а сам город управляется воинами, которые поклялись охранять эти сокровища. Ворота днем и ночью крепко-накрепко закрыты, и ни один караван не выходит из города. Это тайное хранилище богатств и роскоши, и мусульмане стараются, чтобы слухи о нем не дошли до ушей христиан. Теперь ты понимаешь меня? Я намереваюсь покинуть свои древние руины и отправиться на восток, на поиски этого города!

Кагал, восхищенный этой красивой и безумной идеей, улыбнулся, но с сомнением покачал головой:

— Если сокровища так хорошо охраняются, как ты говоришь, как может горстка людей надеяться завладеть ими? Даже если им удастся прорваться

через вражескую страну, которая лежит между этим замком и Шахазаром...

— Потому что горстка франков уже когда-то захватила эти сокровища, — ответил Д'Иблен. — Почти полвека назад искатель приключений Кормак Фитцджеффри совершил набег на Шахазар и унес неописуемое богатство. То, что сделал он, может сделать и кто-то другой. Конечно, это безумие: скорее всего, курды перережут нам глотки еще до того, как мы увидим берега Евфрата. Но мы будем мчаться быстро — и тогда мусульмане, занятые предстоящим нашествием монголов, могут не заметить небольшой отряд всадников. Мы будем ехать на день впереди слухов о нас и ворвемся в Шахазар внезапно, подобно урагану. Лорд Кагал, неужели мы будем сидеть и покорно ждать, когда Байбарс придет из Египта и перережет нам глотки? Или мы отважимся испытать судьбу под самым носом мусульман и монголов?

Холодные глаза Кагала сверкнули, и он громко рассмеялся, как будто безумие, таившееся в его душе, нашло отклик в безумии сделанного ему предложения. Он и Рено д'Иблен ударили друг друга по рукам.

— Над землей обетованной навис призрак смерти, но если мы встретим ее в нашем путешествии, это будет ничуть не менее славно, чем столкнуться с ней лоб в лоб на поле битвы! Мы мчимся на восток, дьявол знает за какой смертью!

Солнце едва село, когда ретивый слуга Кагала, преданно следовавший за своим господином на протяжении всех его полных опасностей путешествий, пробравшись через пролом в стене, помчался к Иордану, безудержно нахлестывая своего пони. Жизнь была ему дороже, чем сумасшедшие планы хозяина.

Когда в небе замерцали первые звезды, Рено и Рыжий Кагал спустились верхом со склона во главе отряда хорошо вооруженных людей. Это были закаленные в боях молчаливые воины, рожденные большей частью на земле обетованной, и несколько ветеранов Нормандии и Рейнланда, которые последовали за своими лордами в Святую землю и остались там. Они были одеты в кольчуги и стальные шлемы, у каждого имелся небольшой легкий щит. Они ехали на резвых арабских скакунах и выносливых турецких жеребцах да к тому же вели за собой множество прекрасных коней, захваченных однажды в набеге. Кстати, именно после этого набега в уме Рено и родился план нападения на Шахазар.

Д'Иблен давно усвоил урок, преподанный Востоком: секрет успеха любого военного предприятия в быстроте и в том, какой конь под тобой. И все же он понимал, как рискованно, почти неосуществимо то, что он задумал. Да, Кагал и Рено отправились в страну, где непрестанно кружили грифы.

4

Бородатый часовой на башне, возвышавшейся над воротами Эль-Омада, прищурив глаза, пристально вглядывался вдаль. Далеко на востоке появилось облако пыли, в коем то появлялась, то вновь исчезала черная точка. Араб без труда догадался, что это едет одинокий всадник на загнанном коне. Он дал сигнал тревоги, и спустя мгновение рядом с ним появились еще несколько стражников, державших наготове луки и копья. Они следили за приближавшейся фи-

гурой с тем напряжением, какое бывает у людей, рожденных для междоусобных войн и набегов.

— Какой-то франк, — сказал один из них. — Скачет на издыхающей кляче.

Они внимательно смотрели, как всадник, окутанный облаком пыли, медленно приближался, пока наконец не достиг ворот Эль-Омада. Самый молодой стражник вскинул лук, но резкое слово, произнесенное первым часовым, остановило его. Франк у ворот то ли слез, то ли свалился со своего ослабевшего коня, шатаясь, подошел к воротам и несколько раз постучал.

— Клянусь Аллахом, — удивленно воскликнул бородатый часовой, — назареянин сошел с ума! — Он наклонился вниз и крикнул: — Эй, покойник! Что тебе надо у ворот Эль-Омада?

Франк взглянул вверх воспаленными глазами. Его лицо заострилось и потемнело под палищими ветрами пустыни, кольчуга побелела от пыли, а губы потрескались и запеклись.

— Открой ворота, собака, иначе тебе придется плохо! — с трудом произнес он.

— Это же Кагал-малик — рыжий король. Люди называют его безумным, — прошептал лучник. — Он ехал верхом вместе с лордом Рено, как сказали пастухи. Не упускайте его из виду, пока я не схожу за шейхом.

— Тебе, должно быть, жить надоело, назареянин, — сказал первый часовой, — если ты пришел к воротам своего врага.

— Сходи за хозяином замка, собака! — рявкнул кельт. — Я не разговариваю со слугами, а мой конь умирает.

Наконец среди стражников замаячила высокая фигура шейха Сулеймана ибн Омада.

— Клянусь Аллахом, это какая-то ловушка! — воскликнул он. — Назареянин, что тебе здесь надо?

Кагал облизал почерневшие губы сухим языком.

— Когда бегут дикие собаки, пантера и бык спасаются вместе, — сказал он. — Смерть несется с востока как на мусульман, так и на христиан. Я приехал предупредить тебя — позови своих слуг и заставь их как следует запереть ворота, иначе следующий восход солнца ты будешь встречать среди обуглившихся руин твоего замка. И еще... Я призываю тебя оказать гостеприимство подвергнутому опасности путешественнику — мой конь умирает.

— Это не ловушка, — пробормотал шейх в бороду. — Франк говорит правду. На востоке уже началось разрушение, и кто знает, монголы, может быть, уже близко...

Он чуть повернул голову к стражникам и повелительно крикнул:

— Откройте ворота, собаки, и впустите его!

Кагал, пошатываясь, ввел своего измученного коня в открытые ворота, и первые же его слова вызвали среди арабов уважение.

— Позаботьтесь о моем коне... — пробормотал он и опустился на землю, закрыв лицо руками.

Раб принес ему кувшин воды. Жадно выпив все до капли, Кагал поставил пустой сосуд на землю и тут только увидел, что шейх спустился с башни и стоит перед ним. Острым взглядом Сулейман окинул кельта с головы до ног, отметив про себя и следы усталости на его лице, и пыль, покрывавшую доспехи, и свежие вмятины на шлеме и щите. Край ножен был покрыт черной запекшейся кровью, что говорило о том, что путник убирал меч, не тратя времени на то, чтобы вытереть его.

— Ты много сражался и быстро убежал,— заключил Сулейман.

— Да, клянусь всеми святыми.— Кагал хрипло рассмеялся.— Я бежал ночь и день и снова ночь без отдыха. Этот конь уже третий, который пал под мной.

— От кого ты бежишь?

— От орды, которая, должно быть, появилась из самого пекла ада! Дикие всадники в высоких меховых шапках и с волчьими головами на своих знаменах.

— Аллах иль Аллах! — воскликнул Сулейман.— Хорезмийцы! Они летят впереди монголов!

— Сдается мне, они убегают от какой-то более мощной орды,— отозвался Кагал.— Позволь мне быстро рассказать тебе всю историю. Мы вместе с сиром Рено и всеми его людьми отправились на восток в поисках сказочного города Шахазара...

— Так вот каков был предмет поисков! — прервал его Сулейман.— Что ж, я собирался уничтожить это разбойничье гнездо, когда пастухи сообщили мне, что разбойники умчались в ночи, словно воры. Я мог бы погнаться за ними, но понял, что христианский поход на восток не приведет их ни к чему, кроме гибели,— и никто не может изменить волю Аллаха.

— Да,— горько усмехнулся Кагал.— Мы мчались на восток к нашей гибели, как люди слепо мчатся прямо навстречу урагану. Мы проложили себе путь через земли курдов и пересекли Евфрат. За ним далеко к востоку мы увидели дым и пламя и кружение множества грифов; Рено сказал, это турки сражаются с ордой, но мы не встретили беженцев, и тогда я этому удивился. Но теперь — теперь не удивляюсь. Убийцы накатили на

них подобно внезапной штормовой волне; никому не удалось спастись бегством. Как люди, несущиеся во сне навстречу смерти, мы ворвались прямо в обрушившийся ураган: неожиданный топот копыт по горному хребту — и они навалились на нас. Их были сотни — стая всадников, скачущих с разведкой впереди орды. Никакой возможности убежать не было. Все наши погибли там же, где остановились.

— А сир Рено? — спросил шейх.

— Погиб,— махнул рукой Кагал.— Я видел кривое лезвие, раскроившее его шлем и его череп.

— Будь милостив, Аллах, и спаси его душу от адского огня неверных! — набожно воскликнул Сулейман, еще вчера клявшийся убить беспокойного соседа.

— Он дрался как лев, и десятки шакалов полетели от его меча,— мрачно отозвался кельт.— Клянусь Богом, язычники валялись будто переспелые зерна под копыта лошадей, прежде чем пал последний из наших людей... Мне одному удалось прорубить себе путь назад.

Шейх, закаленный в боях и походах, мысленно представил себе эту картину: скачущие с дикими криками всадники в меховых одеждах и Рыжий Кагал, промчавшийся словно ветер смерти через этот водоворот сверкающих лезвий, с мечом, звенящим в его руке.

— Мне удалось оторваться от преследователей,— устало продолжал Кагал,— и когда я миновал холм, то оглянулся назад и увидел огромную черную массу, что надвигалась как саранча, оглашая все вокруг звоном и грохотом своих литавр. Когда мы ехали через земли турок, они бросились в погоню за нами, и теперь пустыня была наводнена всадниками; но

восток уже пылал, так что у них не было времени охотиться за мной одним. Они столкнулись с более сильным врагом, поэтому мне и удалось вырваться и от них.

Мой конь упал подо мной, но я украл жеребца из стада, которое охранял турецкий мальчишка. Когда и тот конь не смог нести меня, я отобрал лошадь у странствующего курда — он подъехал ко мне с явным намерением ограбить умирающего странника. И теперь я говорю тебе, носителю славного прозвища Страж Тропы: берегись, иначе эти демоны с востока проскачут на своих конях по руинам твоего замка так же, как скакали они по телам убитых турок. Я не думаю, что они будут осаждать твою крепость — они подобны голодным волкам в степи; они сметают все на своем пути; они летят на своих конях быстрее ветра; они перешли через Евфрат. Позади меня прошлой ночью небо было красным, что твоя и моя кровь. Если они продвигаются так же быстро, как скакал я, они должны быть уже близко.

— Что ж, пусть подойдут, — мрачно отозвался араб. — Эль-Омад выстоял против назарян, против курдов и турок — за сотню лет ни один враг не вступил на эту землю. Малик, наступило время, когда христиане и мусульмане должны подать друг другу руки. Благодарю тебя за предупреждение и прошу принять участие в обороне моей крепости.

Однако Кагал помотал головой:

— Тебе не понадобится моя помощь, а у меня есть другое дело. Я загнал трех прекрасных скакунов вовсе не для того, чтобы спасти собственную шкуру. Я должен скакать дальше: там, впереди, на пути этих дьяволов Иерусалим с его разрушенными стенами и малочисленной стражей.

Сулейман побледнел и потерял бороду.

— Эль Каде! Эти языческие собаки будут убивать всех подряд, не спрашивая веры, и осквернят святые места!

— Вот потому, — Кагал поднялся, — я должен предупредить их. Кочевники продвигаются вперед так стремительно, что ни одно слово о них не успеет достигнуть Палестины. Только я один могу успеть. Дай мне свежего коня и отпусти скорей.

— Ты уже выполнил все, что было в твоих силах, — возразил Сулейман. — Еще час такой скачки, и ты в изнеможении свалишься с седла. Вместо тебя я отправлю одного из своих людей...

Кагал покачал головой:

— Это мой долг. Я посилю часок — один маленький часок ничего не изменит. А потом поскачу дальше.

— Иди в мою спальню, — предложил Сулейман, но упрямый кельт помотал головой.

— Вот что до сих пор служило мне постелью, — сказал он, обессиленно опустился на траву, накрылся плащом и в крайнем изнеможении сразу заснул глубоким крепким сном.

Ровно через час он проснулся, хотя никто и не думал его будить. Перед ним поставили еду и вино, и он торопливо поел. Его лицо по-прежнему было изможденным и осунувшимся, с заостренными чертами, но за время короткого отдыха в золотоволосом короле вновь появились какие-то скрытые запасы выносливости. Будучи словно сделанным из железа в этот железный век, он добавил к своей физической силе и крепости огромную внутреннюю энергию, которая заставляла его делать невозможное, превозмогать самого себя.

Когда он выезжал из ворот крепости, раздался крик стражника. Тот, стоя на стене, показывал на восток, туда, где в жаркое голубое небо поднимался столб черного дыма. Шейх Сулейман поднял руку в прощальном приветствии. Кагал пустил коня в галоп и помчался к Иерусалиму.

Бедуины в своих черных войлочных покрывалах изумленно смотрели на него; пастухи, пасшие свои стада, застыли на месте от его крика. Там, где он пролетал на своем скакуне, за его спиной слышался стук копыт и бряцанье доспехов, тревожные крики и снова стук копыт — встревоженные люди метались в поисках надежного укрытия.

5

Заходила луна, когда Кагал в зыбком звездном свете переплывал спокойные воды Иордана. Когда первые лучи солнца позолотили купола Святого города, загнанный конь упал под кельтом возле ворот на дороге в Дамаск. Кагал поднялся на ноги и, полумертвый от усталости, подойдя к воротам, громко окликнул стражников. На него с любопытством посмотрели мирные сирийские путники, ожидавшие, когда их впустят в город.

Из ворот вышел бородатый фламандский солдат с пикой. Кагал снял с его пояса фляжку с вином и залпом осушил ее.

— Веди меня к патриарху, — хрипло выдохнул он. — Гибель несется к Иерусалиму на быстрых конях!

У людей, слышавших это, вырвался крик удивления и испуга. Кагал обернулся, и... ужас перехватил его горло. На востоке пылало пламя, под-

нимались клубы дыма — знаки приближения гибельной орды.

— Они перешли через Иордан! — в бессильном отчаянии воскликнул он. — Святые угодники, могут ли люди, рожденные женщинами, скакать так быстро? Они летят впереди ветра, и будь проклята моя слабость, из-за которой я потерял целый час...

Он осекся, взглянув на полуразрушенные городские стены. Конечно, город был обречен, и лишний час не смог бы ничего изменить.

В сопровождении солдата Кагал шел по городским улицам и видел, что страшная весть распространяется по городу подобно пожару. Куда-то бежали с причитаниями евреи в голубых одеждах; женщины на улицах и на балконах с воплями заламывали руки. Высокие сирийцы, погрузив свои пожитки на ослов, устремились к западным воротам, возле которых беспорядочно толпился народ. Город наполнился стенаниями и криками ужаса перед лицом поднимавшейся на востоке страшной угрозы. Люди не задумывались о том, что нужно орде; смерть есть смерть, от чьих бы рук она ни наступила...

Кагал застал патриарха растерянным и подавленным. И в самом деле, как можно было надеяться защитить город без стен с горсткой солдат? Он был готов отдать свою жизнь, но сделать что-то еще не мог. Муллы созывали правоверных, и впервые за всю историю мусульмане и христиане должны были объединить свои силы и встать на защиту города, который почитали святым и те, и другие. На улицах Иерусалима словно бурлили реки — народ стекался в мечети и соборы, громко призывая Иегову и Аллаха; люди просили у небес чуда, которое спасло бы Святой город. Но в безмятежном голубом небе над

Иерусалимом не появился сверкающий меч. Только на востоке по-прежнему поднимались столбы дыма и пламени, а вскоре стали видны клубы пыли под копытами всадников.

Патриарх собрал свое немногочисленное войско, состоявшее из стражников, рыцарей, вооруженных пилигримов и мусульман, возле ворот, отрывавшихся в сторону Дамаска. Бесполезно было бы выставлять людей на защиту разрушенных стен, а на дороге они смогут встретить орду и отдать свои жизни — пусть без всякой надежды на спасение, но и без страха.

Кагал, позабыв о своей слабости, в лихорадочном возбуждении перед предстоящей битвой ехал позади патриарха на большом рыжем жеребце. Увидев поблизости высокого широкоплечего человека на изящной гнедой турецкой лошади, он радостно воскликнул:

— Гарун, клянусь всеми святыми!

Тот повернулся к нему, и Кагала одолело сомнение. Гарун ли перед ним? На солдате были кольчуга и заостренный турецкий шлем, в руке он держал небольшой круглый щит, на его поясе висела длинная широкая сабля, намного тяжелее обычных мусульманских сабель. Кроме того, Кагал помнил, что Гарун был гладко выбрит, а у этого солдата над верхней губой курчавились усы, как у самого настоящего турка. Но лицо его очень напоминало лицо Гаруна — те же угловатые резкие черты, тот же пронзительный взгляд синих глаз...

— Ради всех святых, Гарун, — растерянно и вместе с тем обрадованно сказал Кагал, — как ты здесь оказался?

— Да проклянет меня Аллах, если я когда-нибудь назывался Гаруном, — ответил воин глубоким

низким голосом. — Я солдат Акбар и пришел в Эль-Кадс вместе с пилигримами. Ты меня с кем-то спутал.

Голос не был похож на голос Гаруна, но Кагал мог бы поклясться, что нигде в мире не найти других таких запоминающихся глаз. Он пожал плечами:

— Ну, неважно. Куда ты направляешься?

— В холмы! — ответил солдат. — Мы никому не принесем пользы, умерев здесь, так что лучше иди со мной. По облакам пыли видно, что на нас движется целая орда.

— Удрать и даже не попытаться сопротивляться? Я к этому не привык, — с достоинством ответил кельт. — Иди, если ты боишься.

В ответ Акбар громко выругался:

— Клянусь Аллахом, лучше положить голову под ступню слона, чем назвать меня трусом! Я буду защищать свою землю до последнего дыхания, не хуже любого назарянина!

Кагал в раздражении отвернулся от своего собеседника. Несмотря на гнев, который вызвали у Акбара его слова, ему показалось, что в глазах солдата мелькнула какая-то затаенная мысль. Впрочем, Кагал тут же забыл о нем. Над Иерусалимом стоял вопль — беспомощные люди в своих домах стонали в ожидании неминуемой гибели. Орда приближалась, и всадников уже можно было разглядеть.

В небеса возносился звон литавр; земля дрожала под копытами лошадей. Безудержное стремительное продвижение орущих дьяволов ошеломляло их жертвы. Эти варвары, обитавшие в степях дальней Азии, двигались впереди монголов, подобно тому как пушок семян чертополоха летит впереди ветра.

Напоенные кровью покоренных племен, они мчались к Иерусалиму, откуда к богам неслись, но не достигали их, отчаянные молитвы тысяч коленопреклоненных людей.

Кагал снова увидел тех жутких всадников. Пока он, изнуренный, гнал коня к Святому городу, только в воспоминаниях его хранился их суровый вид: на стройных высоких конях широкоплечие всадники в волчьих шкурах и в кольчугах — смуглые скуластые лица, глаза, как у бешеных собак, свирепые взгляды из-под высоких меховых шапок или остроконечных шлемов; знамена с головами волков, пантер и медведей.

Сокрушительным потоком пронеслись они по дороге на Дамаск, вздыбливая коней; они перескакивали через разрушенные стены, толпились в воротах. Лавиной смели они малочисленных защитников города и затем по их телам, не встречая более никакого сопротивления, двинулись в обреченный город.

Красный дьявол правил сейчас бал на улицах Иерусалима, по которым в ужасе бежали, пытаясь спастись, старики, женщины и дети. С криками, подобными волчьему вою, дикари валили несчастных с ног, топтали их копытами своих коней, поднимали детей на пиках. Потоки крови лились в сточные канавы. Загорелые окровавленные руки срывали одежды с кричащих девушек, выламывали двери и разбивали окна, за которыми пытались укрыться насмерть перепуганные люди. Дикари захватывали все мало-мальски ценное, что удавалось найти в домах, и крики и стенания их жертв, коих пытали огнем и мечом, стремясь заполучить богатую добычу, поднимались к небесам. Смерть простерла свои крылья над Иерусалимом, и люди богохульствовали, умирая.

Первая волна этого стремительного и безудержного нападения отбросила уцелевших защитников вглубь города. Оттесненный от ворот Рыжий Кагал оказался на узкой аллее, куда выпшвырнуло его коня, как выпшвыривает на берег волна бревна сплавного леса. Он потерял из виду патриарха и был почти уверен, что тот лежал теперь бездыханным возле дамасских ворот.

Меч Кагала был в крови по самую рукоятку; душа его горела пылом битвы; всем его существом владели ныне только ярость и ужас от криков, доносящихся до него со всех сторон.

— Я должен умереть возле Гроба Господня! — выкрикнул он и, прищпорив коня, понесся вскачь по аллее. Он пересек узенькую кривую улочку и выехал на улицу Скорби, по которой наперерез ему скакал кочевник, держа над головой обнаженную саблю, малиновую от крови. Меч Кагала вознесся как солнечный луч, и голова кочевника слетела с плеч. У кельта вырвался торжествующий возглас.

Подобно ветру к нему подлетел еще один всадник, и Кагал узнал Акбара. Солдат крикнул, осаживая коня:

— Ну что, сэр, ты все еще собираешься принести в жертву обе наши жизни?

— Твоей жизнью распоряжаешься ты, а моя принадлежит мне! — прорычал Кагал. Его глаза пылали яростью.

С соседней улицы выехал отряд всадников. Возле Гроба Господня они спешились, выкрикивая что-то на своем варварском языке и разбрызгивая по святым камням кровь со своих кривых сабель. На мгновение перед глазами Кагала от гнева все поплыло в красном тумане, но в следующий вздох он уже обрушился на врагов. Его свистящий меч не

разбирал, где щит, а где шлем — он срубал головы и раскаивал черепа, и варвары падали один за другим под его ударами. Но даже в бешеной ярости Кагал помнил, что он не один. Акбар крушил врагов бок о бок с кельтом, тяжелая сабля в его руке разрубала кольчуги и переламывала кости.

Через несколько мгновений возле Гроба Господня лежала гора окровавленных тел. Кагал отъехал назад и тряхнул головой, чтобы разогнать красный туман перед глазами. Акбар проревел что-то на незнакомом языке и крепко обнял кельта за плечи.

— Хо, богатыр! — проревел он, и теперь у Кагала не осталось никаких сомнений — перед ним был Гарун. — Клянусь Эрликом, ты геройски дерешься! Но надо уходить отсюда, малик. Ты принес обильную жертву твоему Богу, и едва ли он теперь накажет тебя за то, что ты спасешь свою жизнь. Клянусь громом Аллаха, нам не справиться с десятком тысяч!

— Уходи, — ответил Кагал, стряхивая капли крови со своего меча. — Я умру здесь.

— Ну что ж, — рассмеялся Акбар, — если ты хочешь за бесценок отдать свою жизнь здесь, так это твое дело! Может быть, небеса и будут благодарны тебе за это. Но едва ли тебя вспомнят добрым словом твои братья, когда варвары внезапно нападут на них! Все наши всадники перебиты, спаслись только мы с тобой. Кто расскажет о нашествии франкским баронам?

— Ты прав, — коротко отозвался Кагал. — Веди меня.

Они повернули коней и пустили их в галоп вниз по улице как раз в тот миг, когда с верхнего ее конца донеслись яростные крики кочевников. За разрушенной стеной Кагал оглянулся и увидел взды-

мавшиеся в небо языки пламени. Он бросил поводья и закрыл лицо руками.

— Великий Боже! Они подожгли Гроб Господень!

— И осквернили мечеть Эль Аксы, я в этом не сомневаюсь, — утрюмо отозвался Акбар. — То, что написано в заповедях, должно было случиться, и никому не удастся избежать своей судьбы. Все на свете уходит, уходит даже Святая Святых.

Потрясенный Кагал покачал головой. Они ехали мимо рыдающих беженцев, те хватали их за стремени, но сердце Кагала затвердело. Раз уж он должен предупредить баронов, он не может позволить себе задержаться даже для того, чтобы помочь беспомощным и несчастным людям.

Но вот не слышно стало за спиной криков и звона стали, только облако дыма поднималось над разграбленным и поверженным в прах городом среди холмов, наполняя душу леденящим ужасом.

Акбар неожиданно усмехнулся.

— Клянусь Аллахом, — воскликнул он, поправляя луку седла, — эти кочевники здорово дерутся! Они скачут на конях, как татары, и убивают, как турки! Я должен был бы стать их предводителем! Я должен был бы сражаться среди них, а не против них.

Кагал ничего на это не ответил. Его странный спутник напоминал ему фавна, некое сверхъестественное существо, готовое осмеять все человеческое.

И тут Акбар жестко произнес:

— Здесь наши пути расходятся, малик. Твой путь лежит в Аскалон, а мой — в Эль Каира.

— Почему в Каир, Акбар, или Гарун, или как там на самом деле тебя зовут? — спросил Кагал.

— Потому что у меня еще есть дело к этому уроду, к Байбарсу, унеси дьявол его душу! — прорычал Акбар и рассмеялся громовым смехом.

Спустя несколько часов бешеной скачки по безлюдной пыльной дороге Кагал встретил путников — стройного рыцаря, полностью облаченного в доспехи, в шлеме с опущенным забралом, и его слугу — карлика с круглой рыжей бородой, в кольчуге и рогатом шлеме, с тяжелым боевым топором в руках. Какое-то неясное воспоминание шевельнулось в душе Кагала при виде этого сурового лица с грубоватыми чертами, и он придержал коня.

— Скажи мне, путник, где я мог видеть тебя раньше?

На него спокойно взглянули холодные глаза.

— Клянусь Одином, я не знаю этого. Мое имя Вулфгар Ют, а это мой господин.

Кагал взглянул на молчавшего рыцаря. Сквозь прорези забрала на него посмотрели затуманенные глаза... Великий Боже! Кагал вздрогнул под этим взглядом, мысли вихрем закружились в его голове; в замешательстве он подался вперед, пытаясь проникнуть взглядом за опущенное забрало. Рыцарь отшатнулся и почти по-женски взмахнул рукой. Краска прилила к лицу кельта.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Я повел себя непозволительно.

— Мой господин дал обет не разговаривать и не открывать лица до тех пор, пока он не исполнит наложенную на него епитимью, — ответил вместо рыцаря слуга. — Он известен как Рыцарь в Маске. Мы едем в Иерусалим.

Кагал печально покачал головой:

— Туда теперь нет пути для христианина. Полчища степных дикарей ворвались в город, и Святая Святых обратилась в груды дымящихся развалин.

Рот юта открылся сам собой.

— Иерусалим захвачен дикарями? — пробормотал он. — Но, добрейший сэр, этого не может быть! Как мог Господь допустить, чтобы Его Святой город попал в лапы нечестивцев?

— Не знаю, — горько ответил Кагал. — Неисповедимы пути Господни, и воля Его недоступна моему пониманию. Но на улицах Иерусалима проливается кровь Его людей, и сам Гроб Господень почернел в дыму и пламени.

Ошеломленный ют, теребя свою рыжую бороду, взглянул на господина, неподвижно сидевшего в седле.

— Великий Один, — растерянно сказал он, — что же нам теперь делать?

— Вам остается только одно, — ответил Кагал. — Возвращайтесь в Аскалон и расскажите об этой беде. Я сам собирался туда, но если вы сделаете это за меня, то я отправлюсь на поиски Уолтера де Бриена. Расскажите сенешалю Аскалона, что Иерусалим захвачен дикими степными кочевниками; их около десяти тысяч. Пусть готовится к войне. И пусть ваши кони несут вас быстрее ветра.

С этими словами Кагал повернул коня и направился к Яффе.

6

В Рамлахе Кагал нашел Уолтера де Бриена, погруженного в размышления возле гробницы святого Георгия в Белой мечети. Уставший до изнемо-

жения кельт коротко и скупо рассказал о случившейся беде. Его губы почернели и запеклись, говорить ему было трудно. Почти бесчувственного Кагала привели в дом и уложили спать. Он проспал почти целый день.

Когда он пробудился, город был уже пуст. Охваченные ужасом жители Рамлаха, наспех похватав кое-что из пожитков, устремились по дороге к Яффе, причитая что-то о наступлении конца света. Сам Уолтер де Бриен поскакал на север, оставив с Кагалом одного воина, чтобы тот передал кельту просьбу де Бриена следовать за ним в Акру.

Кагал ехал по опустевшим улицам, и эхо разносило цокот копыт его жеребца. Золотоволосый король чувствовал себя призраком в мертвом городе. Западные ворота были распахнуты, возле спущенных флагов валялись копья, будто стража, побросав оружие, в панике разбежалась.

Конь нес Кагала по равнине, поросшей пальмами и фиговыми деревьями, и вскоре кельт увидел толпы бредущих по дороге людей. Они сгибались под тяжестью поклажи и стонали от жажды и усталости. Увидев всадника, люди завопили от страха, будто бы на них напали убийцы. Отмахиваясь от них, Кагал пытался пробраться сквозь толпу. Он не сомневался в том, что кочевники направляются к морю и скоро окажутся возле Рамлаха, но, обернувшись, не увидел на горизонте привычного уже облака пыли от конских копыт.

Он свернул с дороги на Яффу, заполненную толпами народа, и помчался на север. Впереди него, подобно лесному пожару, неслась весть о дикой орде, надвигавшейся с востока. Деревни и маленькие городки пустели, жители поспешно перебирались в прибрежные города или прятались за стена-

ми крепостей на холмах. Христианский мир обетованной земли повернулся спиной к морю, а лицом на восток, встречая приближавшуюся с каждым часом угрозу.

Кагал въехал в Акру, когда там уже собирались немногочисленные силы — рыцари в поношенных кольчугах и помятых доспехах и бароны со своими воинами. Султан Дамаска Измаил разослал повсюду своих гонцов, дабы всех призывали к союзу, и везде без колебаний принимали этот призыв. Со всех концов страны мчались сюда из своих огромных мрачных замков рыцари святого Джона, тамплиеры в красных шлемах со всклокоченными бородами — угрюмые молчаливые сторожевые псы земли обетованной.

Оставшиеся в живых после страшной резни жители Иерусалима продолжали двигаться к Аскалону и Яффе — жалкая горстка измученных и насмерть перепуганных людей, которым удалось избежать огня и меча и чудом уцелеть в кровавой бойне.

Они рассказывали страшные вещи. Семь тысяч христиан, главным образом женщин и детей, погибли мучительной смертью во время набега кочевников; Гроб Господень почернел от огня и дыма; алтари во всем городе были разрушены, а святыни осквернены. Мусульмане страдали не меньше христиан.

Среди беженцев оказался и патриарх — его спас от гибели безымянный германский воин, скрывавший страшную рану до тех пор, пока вдаль не показались стены Аскалона. Тогда он сказал: «Господин мой, там видны башни Аскалона, и теперь я тебе больше не нужен. Сейчас я лягу и буду спать, потому что я очень устал» — и испустил дух на пыльной дороге.

Пришла весть и о кочевниках. Они не задержались надолго в разрушенном и разграбленном городе, а направились дальше к югу, через пустыню на Газу, где разбили лагерь, наконец остановившись после долгого похода. С юга долетали самые разные противоречивые толки, и де Бриен позвал к себе Кагала.

— Славный рыцарь, — сказал барон, — мои разведчики сообщают мне, что из Египта движется войско мамелюков. Их цель очевидна — они хотят захватить оставленный кочевниками город. Но вот что самое главное — ходят толки о союзе между мамелюками и кочевниками. Если это действительно так, то на нас могут напасть с тыла, пока мы готовимся к сражению с ордой, и мы не сможем выстоять против натиска двух войск с двух сторон. Жители Дамаска проклинают кочевников за то, что те осквернили их святыни, — как мусульмане, так и христиане. Но эти мамелюки родственны туркам по крови, и кто знает, что на уме у Байбарса, их предводителя?

Дорогой Кагал, ты можешь отправиться к Байбарсу для переговоров? Ты своими глазами видел разрушение и разграбление Иерусалима и сможешь рассказать ему правду о том, как нечестивые осквернили Эль Аксу так же, как и Гроб Господень. В конце концов, он ведь мусульманин. По крайней мере, узнай, собирается ли он заключить союз с этими дьяволами. Завтра, когда вперед выступят отряды Дамаска, мы двинемся на юг, чтобы встретить врага прежде, чем он пойдет на нас. Скачи впереди войска под флагом перемирия и возьми с собой столько людей, сколько тебе нужно.

— Дай мне флаг, — сказал Кагал. — Я поеду один.

Он выехал из лагеря еще до заката, безоружный и с флагом перемирия. Только боевой топорик висел на луке седла для защиты от разбойников, не признававших никаких флагов. Он скакал по опустошенной, почти вымершей земле, спрашивая дорогу у странствующих арабов, которые знали все, что происходило вокруг. Миновав Аскалон, Кагал узнал, что мамелюки пересекли Джи-фар и встали лагерем к юго-востоку от Газы. Близость к кочевникам сделала его осторожным, и он свернул к востоку, чтобы избежать нежелательных встреч с разведчиками нечестивых. Он не доверял обманчивой тишине и зорко смотрел по сторонам.

Сумерки уже ступали, когда кельт въехал в египетский лагерь, расположившийся рядом с несколькими колодцами неподалеку от Газы. Когда он увидел оружие мамелюков, их количество и жесткую дисциплину, его охватили дурные предчувствия. Соскочив с коня, Кагал поднял флаг перемирия и показал на свой пояс, на котором не было меча. Дикие мамелюки с острыми птичьими лицами, сверкая доспехами, столпились вокруг него в зловещем молчании, как будто затаили мысль, несмотря на флаг, изрубить пришельца на куски своими кривыми саблями. Однако вместо этого они провели его к куполообразному шелковому шатру, что стоял в середине лагеря.

Возле входа замерли черные рабы, обнажив сабли, а из шатра доносился громкий голос — удивительно знакомый, — выводивший какую-то песню.

— Вот шатер эмира Байбарса Пантеры, кафар, — прорычал бородатый турок.

На это Кагал ответил с истинно королевским высокомерием:

— Проведи меня к своему господину, собака, и сообщи обо мне с должным уважением.

С турецкого война слетела спесь, и с неожиданным почтением он повиновался.

Кагал шагнул к шелковому шатру и услышал зычный голос мамелюка:

— Господин Кизил-малик, посол от баронов Палестины.

Изнутри огромный шатер освещался единственной свечой, стоявшей на полированном столе и излучавшей золотистый свет; вокруг стола на шелковых подушках сидели египетские полководцы, потягивая запрещенное вино. Среди них выделялся высокий плечистый человек в шелковых шароварах, атласной куртке, подпоясанной широким, расшитым золотом кушаком, — вне всякого сомнения, это и был Байбарс, гроза всего юга. У Кагала перехватило дыхание — эти всклоченные рыжие волосы, это жесткое загорелое лицо со сверкающими синими глазами...

— Добро пожаловать, господин кафар! — воскликнул Байбарс. — Что за новости ты принес?

— Ты был Гаруном-путешественником, — медленно произнес Кагал, — а в Иерусалиме ты был солдатом Акбаром.

Байбарс оглушительно расхохотался.

— Клянусь Аллахом, — проревел он, — по сей день я ношу на голове шрам, как память о той ночной потасовке в Дамiette. Хорошую же затрещину ты мне тогда дал!

— Ты играешь свои роли, как дешевый лицедей, — сказал Кагал, — но ради чего тебе нужны все эти превращения?

— Знаешь, — ответил Байбарс, — во-первых, я не доверяю ни одному шпиону; я доверяю только

себе. Во-вторых, это заставляет меня по-новому смотреть на жизнь. Я не врал тогда, когда рассказывал тебе ночью в Дамiette, что праздновал мое бегство от Байбарса. Клянусь Аллахом, Байбарсу бывает иногда тяжело нести бремя государственных забот, зато Гарун-путешественник — простой и веселый бродяга с чистой совестью и быстрыми ногами. Когда я становлюсь лицедеем, я убегаю от самого себя и стараюсь быть честным в каждой роли — конечно, до тех пор пока я ее играю. Давай сядем и выпьем.

Кагал покачал головой. Все его тщательно обдуманные дипломатические планы рухнули, стали бесполезными, как дорожная пыль. Тогда он шагнул вперед и заговорил сразу о самом главном.

— Я пришел спросить тебя, Байбарс, — решительно сказал он, — собираешься ли ты со своим войском присоединиться к кочевникам, которые осквернили Гроб Господень и Эль Аксу?

Байбарс осушил кубок и задумался, но Кагал прекрасно знал, что татарин уже давно все решил.

— Аль Кадс мой, и я его возьму, — небрежно сказал Байбарс. — Я очищу мечети. Да, клянусь Аллахом, кочевники сделают эту работу, как того требует наша вера. Они станут хорошими мусульманами. Они отличные воины. С ними я посею гром — а кто пожнет бурю?

— Но в Иерусалиме ты сражался против них! — с горечью напомнил ему Кагал.

— Да, — откровенно признал эмир, — но иначе они перерезали бы мне глотку, как любому франку. Я не мог сказать им: «Стойте, собаки, я — Байбарс».

Кагал кивнул, сознавая, что спорить бесполезно.

— Тогда моя задача выполнена. Теперь я требую, чтобы меня беспрепятственно выпустили из лагеря.

Байбарс с ухмылкой покачал головой:

— Нет, малик. Ты устал и томишься от жажды, поэтому ты будешь моим гостем.

Рука Кагала невольно коснулась пустого места на поясе. Байбарс улыбался, но в глазах его сверкал холодный огонь, и рабы рядом с ним тотчас же наполовину вытащили из ножен свои кривые сабли.

— Ты собираешься держать меня, как пленника, несмотря на то что я посол?

— Ты пришел без приглашения, — пожал плечами Байбарс, — я не просил переговоров. Ди Дзаро!

Вперед вышел высокий худощавый венецианец в черной бархатной куртке.

— Ди Дзаро, — сказал Байбарс, усмехаясь, — малик Кагал — наш гость. Садись на коня и скачи в войско франков. Там скажи, что лорд Кагал послал тебя с тайным поручением. Скажи, что он пытается обвести болвана Байбарса вокруг пальца и обещает, что сможет уговорить его не вступать в союз с кочевниками.

Венецианец мрачно ухмыльнулся и вышел из шатра, избегая взора горящих глаз кельта. Кагал знал, что итальянские торговцы часто вступали в тайный сговор с мусульманами, и все же немногие опускались так низко, как этот предатель.

— Ну что ж, Байбарс, — спокойно сказал Кагал, — раз ты сейчас решил играть роль пса, я ничего не могу сделать. У меня нет меча.

— Я очень рад, — весело отозвался Байбарс. — Пойдем, и не тревожься ни о чем. Просто тебе не повезло: ты встал на пути Байбарса! Люди для меня только инструменты, ибо я рожден для великих

свершений, — у ворот Дамаска я понял, что те всадники с обгаренными кровью руками всего лишь сталь, из которой можно выковать большой мусульманский меч. Клянусь Аллахом, малик, если бы ты мог видеть, как я мчался, словно ветер, в Египет — и вновь пересек Джифар, ни разу не остановившись, чтобы передохнуть! А если бы ты видел меня, когда я прибыл в лагерь кочевников с муллами, воспевавшими преимущества ислама! А как я убедил их дикого Куран-шаха, что его безопасность зависит только от их обращения в нашу веру и от союза с нами! Конечно, я не доверяю этим волкам до конца, поэтому и расположил свой лагерь подальше от них, но когда франки пойдут на нас, они увидят наши войска стоящими рядом и готовыми к сражению и будут ужасно удивлены, если... эта собака ди Дзаро хорошо справится со своим делом!

— Твое вероломство выставляет меня подлым псом в глазах моих людей, — с горечью сказал Кагал.

— Не бойся, никто не назовет тебя предателем, — примирительно ответил Байбарс, — потому что скоро все они до единого погибнут. Они уже тени прошлого, и я избавлю от них землю. Смотри на жизнь проще.

Он протянул наполненный кубок; Кагал, взяв его, сделал небольшой глоток и начал ходить взад и вперед по шатру, как человек, впавший в полное отчаяние. Мамелюки наблюдали за ним, исподтишка ухмыляясь.

— Ну что ж, — сказал Байбарс. — Я был татарским князем, я был рабом, а теперь я снова стану правителем. Шаман Куран-шаха читает для меня по звездам — он говорит, что если я выиграю сражение с франками, то стану султаном Египта.

Эмир уверен в своих полководцах, — подумал Кагал, — коль при них высказывает свои честолюбивые устремления. Встух он сказал:

— Франков не волнует, кто будет султаном Египта.

— Да, но сражения и тела погибших — это лестница, по которой я поднимаюсь к славе. Каждая война, которую я выигрываю, укрепляет мою власть. Теперь на моем пути стоят франки, и я отброшу их в сторону. Но шаман предсказал мне странную вещь... Он сказал, что, когда франки пойдут против нас, меч мертвого воина нанесет мне ужасную мучительную рану...

Внезапно Кагал понял, что он незаметно приблизился к столу, на коем стояла свеча. Он поднес кубок к губам, а затем молниеносным движением выплеснул вино на пламя. Свеча зашипела и погасла, и шатер погрузился в кромешную тьму. Одновременно кельт выхватил спрятанный за пазухой кинжал и бросился к тому месту, где должен был сидеть Байбарс.

В темноте он столкнулся с кем-то и, взмахнув кинжалом, глубоко вонзил его в чье-то тело. Раздался вопль, полный смертельного ужаса, и Кагал, выдернув кинжал, отскочил в сторону. Для второго удара времени не было. Люди в шатре кричали и падали, спотыкаясь друг о друга; звенела и скрежетала сталь. Окровавленный кинжал Кагала полоснул по шелковой стене шатра, прорезав в ней длинную щель, и кельт выскочил наружу. При свете звезд он увидел, как к шатру со всех сторон сбегаются египтяне.

Услышав позади себя знакомый ревущий голос, Кагал понял, что в темноте ударил кинжалом не Байбарса, а кого-то другого. Он быстро помчался к привязанным у стойки коням, перепрыгивая через натянутые веревки шатров, — одинокая тень

среди множества метавшихся фигур. Мимо него галопом промчался часовой на коне, держа в руке горящий факел. Кельт выпрыгнул из темноты подобно пантере и оказался в седле за спиной часового. Испуганный вопль мамелюка оборвался, когда острый кинжал христианина перерезал ему горло.

Столкнув тело на землю, Кагал успокоил фыркавшего и встававшего на дыбы коня и повернул его в противоположную сторону. Подобно ветру промчался он по гудящему лагерю и вскоре почувствовал, как в лицо ударил теплый воздух равнины. Услышав позади себя топот копыт, он понял, что за ним отправлена погоня, и еще сильнее прищипорил арабского скакуна.

Где-то на севере ему навстречу двигалось войско христиан. Кагал надеялся догнать по дороге венецианца, но тот выехал намного раньше и был уже далеко, а вот преследователи, отправленные Байбарсом, неумолимо приближались...

На рассвете, когда франки снимались с лагеря, к ним прискакал венецианец и рассказал о том, что сбежал от египтян, а затем потребовал встречи с де Бриеном.

Войдя в полусвернутый шатер барона, ди Дзаро сказал:

— Сеньор, меня послал господин Кагал — он сейчас ведет переговоры с Байбарсом. Он уверен, что мамелюки не вступят в союз с кочевниками, и настоятельно просит вас немедленно выступить вперед...

Снаружи раздался быстрый топот копыт — приближался одинокий всадник, чьи развевавшиеся волосы напоминали золотистую вуаль на фоне розоватого неба. Возле шатра де Бриена загнанный конь рухнул на землю. Человек вскочил на ноги и молнией ворвался в шатер.

Ди Дзаро вскрикнул и побледнел, увидев свою смерть — кинжал кельта в мгновение пронзил его сердце, и венецианец, упав, подкатился к ногам Уолтера де Бриена. Барон ошеломленно взглянул на Кагала.

— Во имя Бога, друг мой, какие новости?

— Байбарс соединяет свое войско с войском нечестивых, — ответил Кагал.

Де Бриен опустил голову.

— Что ж, никто не может просить о вечной жизни.

7

Объединенное войско земли обетованной медленно двигалось к югу по мрачной пыльной равнине. Черно-белый флаг тамплиеров плыл рядом с крестом патриарха, а поодаль слабый ветерок колыхал черные знамена мусульман.

Монархов не было с ними. Император Фредерик выдвинул свои притязания на королевство Иерусалим и укрылся на Сицилии, строя заговор против Папы Римского. Командовать баронами был избран де Бриен, разделивший руководство войском с мусульманским полководцем Аль Мансуром эль-Оманом.

Они вновь разбили лагерь в пределах видимости мусульманских застав, и всю ночь ветер, порывами налетавший с юга, яростно трепал их шатры и палатки. К утру разведчики доложили о движении орды кочевников и о том, что мамелюки уже присоединились к ним.

В бледном свете восходящего солнца Рыжий Кагал вышел в полном боевом облачении из своей палатки. Во всем лагере войско пришло в движение — воины

складывали палатки и надевали доспехи. В зыбком неясном свете они показались Кагалу призраками: высокий патриарх, отпускавший грехи и благословлявший; огромный командир тамплиеров, пристально наблюдавший за сборами своих мрачных молчаливых воинов; Аль Мансур в золотом шлеме, украшенном изображением птичьей головы... И вдруг кельт застыл, увидев стройную, одетую в доспехи фигуру, которая двигалась сквозь всю эту толчею в сопровождении бородатого карлика с боевым топором на плече.

Ошеломленный, он pokrutil головой. Почему так странно замирало его сердце при виде этого таинственного Рыцаря в Маске? Кого или о ком напоминал ему этот стройный юноша и о чем пробуждал горькие воспоминания в его душе? У Кагала появилось ощущение, что он окутан паутиной иллюзий.

В этот миг кто-то обнял его за плечи. Обернувшись, он увидел перед собой шейха Сулеймана ибн-Омада.

— Клянусь Аллахом! — воскликнул шейх. — Благодаря тому что ты меня предупредил, мне не пришлось спать среди руин, оставшихся от моей крепости! Эти поганые псы налетели, словно ветер. Мои лучники стреляли со стен, а ворота были накрепко заперты, и тогда эти дьяволы после единственной неудачной атаки отправились дальше — искать более легкую добычу. Сын мой, будь сегодня рядом со мной!

Кагала тронула неподдельная сердечность старого ястреба пустыни, и он согласился. Вот так и случилось, что к полю боя кельт поехал в рядах мусульман, сверкающие шлемы которых были украшены перьями.

Войско двинулось вперед — их было немногим больше двенадцати тысяч человек — навстречу вой-

ску мамелюков и кочевников, в чьих рядах насчитывалось пятнадцать тысяч воинов и еще бесчисленное количество легковооруженных наемников. В центре правого крыла, впереди всех, свое привычное место занимали тамплиеры — пятьсот мрачных, закаленных в боях воинов; слева от них двигались рыцари святого Джона и рыцари Тевтонского ордена — всего около трехсот человек, а справа ехала небольшая группа баронов с патриархом, державшим в поднятой руке железный скипетр. Объединенные силы их боевых отрядов насчитывали около семи тысяч человек. Остальное войско состояло из кавалерии мусульман, двигавшейся в самом центре всей армии, и воинов эмира Керака, образовавших левый фланг, — смуглые, с ястребиными лицами арабы, более искусные в разбойничьих набегах, чем в сражениях по всем правилам войны.

Вскоре они увидели впереди полчища своих врагов. В объединенном войске загрохотали барабаны и затрубили боевые рога. Мусульманские воины запели боевые песни, но христиане были молчаливы, как люди, идущие навстречу заведомой гибели. Кагал, чей конь шел между конями Аль Мансура и шейха Сулеймана, взглянул в сторону этих мрачных рядов и нашел того, кого искал. Снова его сердце странно забилося при виде стройной фигуры Рыцаря в Маске, который ехал рядом с патриархом. Рядом с рыцарем маячил рогатый шлем юта. Кагал отвернулся, стараясь отогнать мысли о странном наваждении.

Оба войска двигались навстречу друг другу; темные полчища диких всадников ехали впереди выстроенных в правильном боевом порядке рядов мамелюков. Кочевники скакали рысью, образовав подобие строя, и Кагал увидел, как крестоносцы сомкнули

свои ряды, чтобы встретить врага, не дрогнув. Дикие всадники прищипорили коней, и темная орда быстро понеслась по равнине. Внезапно они перестроились на всем скаку и, вихрем промчавшись мимо рыцарей, обрушились на мусульман.

Этот маневр, родившийся у хитроумного Байбарса, привел в замешательство все объединенное войско. Арабы закричали и приготовились отразить нападение, но их обескуражила бешеная скорость и неукротимая ярость кочевников.

Они мчались, как ураган, натягивая тетиву луков и стреляя на скаку. На арабов обрушились тучи звенящих, украшенных птичьими перьями стрел. Обтянутые кожей щиты и легкие доспехи оказались бесполезными против этого смертоносного шквала, и ряды мусульман начали быстро редеть. Аль Мансур пронзительно выкрикивал команды, приказывая начать ответную атаку, но арабы, приди в полное смятение, бездействовали. Тут в самый центр их рядов ворвался мощный клин кочевников. Кагал снова увидел широкоплечие приземистые фигуры, дикие смуглые лица, мелькающие кривые сабли, которые были гораздо шире и тяжелее легких мусульманских клинков. Он вновь испытал бессильное отчаяние, зная уже непреодолимую и неукротимую силу натиска кочевников.

Его огромный рыжий жеребец задрожал от сильного удара — свистящий клинок обрушился на щит кельта. Кагал привстал на стременах и, отклоняясь то вправо, то влево, начал отражать неистовую атаку дикаря, успевая видеть, как повсюду падали с коней на землю обезглавленные тела мусульман. Клин сверкающих кривых сабель продолжал врезаться все глубже в ряды арабов, уже сломленных и начавших понемногу отступать. Если бы они сомкнулись тес-

нее, то могли бы еще противостоять натиску кочевников, но их боевой дух уже упал, и они были не в состоянии не только начать ответную атаку, но и защититься от бешеной атаки кочевников.

Кагал, вынужденный отступать вместе с остальными, сражался с безумным отчаянием, пытаясь отстоять каждый клочок земли под копытами своего коня. Внезапно он услышал голос старого Сулеймана ибн-Омада, который яростно сыпал ругательствами где-то рядом с ним, и заметил, как его кривая сабля описывала сверкающие круги смерти над головами дикарей.

— Собаки и собачьи дети! — кричал старый ястреб пустыни. — Мы еще можем достойно ответить! Клянусь Аллахом, франк, давай прижмись ко мне теснее — вот так! А теперь помолись своему Богу и вперед! Эй, дети мои, а ну все ко мне и господину Кагалу! Сын мой, держись рядом со мной! Сражение еще не проиграно! Мы должны драться!

Верные воины Сулеймана сплотились вокруг него и Кагала, и эта небольшая группа отчаянных людей начала прорываться вперед сквозь полчища диких оскаленных лиц, преграждавших им дорогу. Глаза слепило неистовое сверкание стали — кельт уже почти ничего не видел вокруг себя, но, продолжая все яростнее рубить мечом направо и налево, наконец почувствовал, что вырвался из кровавого побоища на открытое пространство. Оглянувшись, он увидел, что ряды мусульман уже полностью обратились в бегство — их черные знамена бесславно колыхались на ветру позади своего войска. Эта безудержная атака совершенно сломила их дух, и они в панике бежали, как перепуганные дети от налетевшего урагана. Конники Дамаска и воины эмира Кирака стремительно покидали поле боя под пение

непрерывно вонзавшихся в их спины стрел и под свист кривых сабель, рубивших им головы. Мамелюки, до сих пор не принимавшие никакого участия в сражении, теперь наконец устремились вперед, и Кагал заметил огромную фигуру Байбарса, который галопом мчался в гущу битвы. Эмир отогнал вопящих кочевников от их убегающей добычи и перестроил их беспорядочно разбросанные ряды.

Одетые в волчьи шкуры всадники сплотились теснее и рысью понеслись по равнине. Теперь их атака была усилена мамелюками, закованными в серебряные доспехи. Они налетели на франков столь внезапным вихрем, что те не смогли укрепить свои дрогнувшие ряды, дабы поддержать центр, когда их разбитые арабские союзники бежали с поля боя. И все же христиане мужественно встретили врагов.

— А вот теперь я и в самом деле чувствую обаяние смерти, — вновь раздался рядом с Кагалом голос шейха Сулеймана. — И конец здесь может быть только один. Клянусь Аллахом, моя голова не предназначена для того, чтобы неверный привязал ее к седлу и возил за собой. Ну что ж, дорога в пустыню для нас открыта. Эй, сын мой, ты что, сошел с ума?

Но Кагал уже поворачивал коня, вырвав поводья из рук вцепившегося в них шейха, на лице которого застыло изумленное выражение. Он поскокал по усеянной телами равнине навстречу серо-стальным рядам, неумолимо двигавшимся вперед.

Шейх вновь закричал вслед кельту, пытаясь остановить его безумный порыв.

Кагал занял место в рядах христиан как раз в тот миг, когда боевые рога протрубили начало атаки. С клятвами и проклятиями на устах рыцари Креста стремительно бросились вперед, навстречу летевшим к ним бешеным ордам. Пригибаясь под

тучами непрерывно летящих стрел, мрачно глядя в лицо врагу, рыцари шли в свой последний бой. Два войска сшиблись, и это было подобно землетрясению. И вот тут впервые орда дикарей дрогнула.

Длинные пики тамплиеров в ключья разметали первые ряды кочевников; огромные крестоносцы начали теснить врагов, сбрасывая их с лошадей. Вплотную с воинами-монахами шло остальное христианское войско, выставив вперед мечи. От неожиданности дикие всадники в волчьих шкурах отступили назад, яростно рыча и бешено размахивая своими смертоносными саблями, но длинные мечи европейцев беспощадно разрубали головы и тела. Кочевники один за другим падали на землю под копыта своих коней, а рыцари все глубже и глубже продвигались в смешавшиеся ряды дикарей, воинственные крики которых сменились воплями ужаса и отчаяния. Орда подалась назад.

Но тут Байбарс, увидев, что ход битвы изменился, вновь применил хитроумный маневр. Мамелюки, обогнув самый опасный участок сражения, зашли в тыл к крестоносцам и нанесли им неожиданный удар. Не успевшие еще устать багайризы со свежими силами легко смяли ряды франков в то время, как кочевники прекратили отступать и с новым ожесточением ринулись вперед.

Окруженные со всех сторон, христиане падали один за другим, но, умирая, каждый старался унести с собой жизнь врага. Спинай к спине, в медленно сужавшемся кольце, в центре которого громоздился огромный валун с водруженным на него крестом патриарха, стояло насмерть последнее войско земли обетованной.

До тех пор пока конь не пал под ним, Кагал сражался в седле; затем он присоединился к кольцу пехотинцев. Охваченный неистовой яростью, он не

чувствовал никакой боли от ран, и время потеряло свой смысл, и казалось, что уже целую вечность сверкает сталь и кружится водоворот лиц, искаженных гневом и отчаянием. Среди кровавого побоища кельт вдруг отчетливо увидел блеснувшие перед ним золотом доспехи; взмахнув мечом, он снес с плеч голову противника и только тогда понял, что убил самого Куран-шаха, хана орды. Вспомнив Иерусалим, он с мстительным наслаждением наступил ногой на мертвое лицо врага.

А битва между тем достигла высшего накала. Рядом с кельтом упал на землю мрачный молчаливый командир тамплиеров, затем сенешаль Аскалона и одновременно с ним правитель Акры. Тонкое кольцо защитников Креста редело под ударами кривых сабель; кровь заливала им глаза, а солнце нещадно жгло их; они задыхались от пыли и теряли сознание от ран. Однако христиане продолжали сражаться даже сломанными мечами и копьями, и против этого железного кольца Байбарс снова и снова посылал своих убийц, и каждый раз он видел, как его полчища опять откатываются назад.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда, охваченный безумным гневом от того, что ему не удастся сломить сопротивление столь жалкой горстки воинов, эмир вновь перестроил ряды своих диких волков и они мощным вихрем обрушились на защитников Креста, оставляя после себя след из окровавленных тел.

Но даже тогда никто из христиан не отступил. Они падали один за другим под ударами кривых сабель мамелюков, но оставшиеся в живых продолжали сражаться. Внезапно атака прекратилась. Байбарс вновь отвел мамелюков назад, выстраивая их для нового маневра. Оглушенный тишиной Кагал

нел безумными глазами обвел усеянное мертвыми телами поле битвы, и окровавленный, с множеством зазубрин меч выпал из его ослабевшей руки. Его шлем был давно потерян, доспехи пробиты, а из глубокой раны под кольчугой струилась кровь.

Но внезапно он вскинул голову.

— Кагал! Кагал!

Он вытер со лба пот и кровь, застилавшие ему глаза, и подумал, что у него начинается бред. Но тут он снова услышал все тот же голос:

— Кагал!

Он подошел к огромному камню, возле которого грудami лежали тела погибших. Среди этих тел он увидел Вулфгара Юта, узнав его рыжую, воинственно торчавшую бороду. Мощной рукой мертвец все еще продолжал сжимать покореженный и залитый кровью топор, а огромная груда мертвых кочевников под ним свидетельствовала о его неукротимой силе и ярости.

— Кагал!

Кельт опустился на колени рядом со стройной фигурой Рыцаря в Маске. Он стащил с него шлем — и оцепенел, увидев рассыпавшиеся непослушные черные локоны и ясные глубокие серые глаза. Он невольно вскрикнул:

— О святые угодники! Элино! Я, должно быть, схожу с ума...

Тонкие руки обвили его шею, и в глазах у него потемнело. Через пробитые доспехи девушки текла кровь.

— Ты не сходишь с ума, Рыжий Кагал, — прошептала она. — И ты не гредишь. Я наконец пришла к тебе, хотя теперь мы вновь расстанемся. Я причинила тебе смертельное зло, и, только когда ты ушел от меня навсегда, я поняла, как люблю тебя. О,

Кагал! Мы родились под несчастливой звездой — мы оба искали свою цель в огне и в тумане. Ты ушел, и я не знала, где тебя искать. Тогда леди Элино де Курси умерла, и вместо нее родился Рыцарь в Маске. Я понесла свой крест в наказание. Только один верный слуга знал мою тайну, и он пошел со мной на край земли.

— Да, — пробормотал Кагал. — Я помню его — даже мертвый он остался верным товарищем.

— Когда я встретила тебя среди холмов под Иерусалимом, — слабо прошептала Элино, — мое сердце готово было разорваться и выскочить из груди и упасть в пыль к твоим ногам. Но я не решилась открыться тебе. Ах, Кагал, я умерла сегодня за Крест, но не прошу прощения у Бога. Пусть на все будет Его воля. Но твое прощение мне нужно, а я не осмеливаюсь просить о нем.

— Я давно простил тебя, — с трудом произнес Кагал. — Не печалься больше об этом, моя девочка. Твоей вины было совсем немного. Все это теперь не имеет значения, все желания и мечты людей рассеялись здесь, как утренний туман. Мир кончился на этой равнине.

— Поцелуй меня, — еле слышно сказала Элино, борясь с навалившейся на нее тьмой.

Кагал осторожно приподнял ее за плечи, коснувшись залекшими губами нежных губ. Она судорожно выпрямилась в его руках, и ее прекрасные глаза зажглись каким-то странным светом.

— Солнце садится, и мир кончается, — задыхаясь, воскликнула девушка, — но я вижу золотую корону на твоей голове, Рыжий Кагал, и я сижу рядом с тобой на троне славы! Да здравствует король Кагал! Да здравствует Кагал Руад, король Ирландии!..

Она откинулась назад; из уголка ее рта потекла тонкая струйка крови. Кагал бережно опустил безжизненное тело Элинора на землю и поднялся, шатаясь, как в бреду. Он сделал несколько неуверенных шагов, чувствуя тошноту и головокружение. Солнце садилось за край равнины — она казалась Кагалу покрытой тонким платком кровавого тумана, сквозь который было видно, как беспорядочно двигаются неясные призрачные фигуры. В его ушах зазвенел шум множества голосов, и в этом шуме слышались возгласы приветствия королю, сливавшиеся в один мощный хор:

— Да здравствует Кагал Руад, король Ирландии!

Он тряхнул головой, и туман рассеялся. Король зашагал вниз по склону. Отряд всадников с хищными лицами стремительно помчался ему навстречу. Кагал услышал свист стрелы и почувствовал, как железный наконечник пробил его кольчугу. С безумным смехом он вырвал стрелу из груди, и из глубокой раны хлынула кровь. Затем копье пробило его горло, и он, ухватившись за древко, вырвал его и отбросил в сторону, не замедляя шага.

Острием меча он пробил кольчугу дикого всадника. Предсмертный вопль ужаса кочевника все еще отдавался эхом в голове кельта, когда он отсек занесенную над ним руку с кривой саблей. Брошенная пика вонзилась ему в грудь, но он, словно не замечая этого, взмахнул мечом и нанес сокрушительный удар по шлему, пробив его насквозь. Он увидел залитое кровью лицо с обезумевшими от ужаса глазами, и кочевник с диким криком рухнул с коня на землю.

Король вонзил острие меча в землю и остановился с гордо поднятой непокрытой головой, глядя на приближавшуюся к нему группу всадников в сверкающих доспехах. Тот, кто скакал впереди всех,

натянул поводья так, что его белый конь встал на дыбы. Всадник громко расхохотался — вот так победитель встретился лицом к лицу с побежденным. Позади Кагала солнце садилось в море крови. Над его волосами, развевавшимися на легком ветру, поднималось что-то вроде сияния, и Байбарсу вдруг показалось, что он видит на голове кельта корону из червонного золота.

— Ну что ж, малик, — усмехнулся татарин, — те, кто пытался помешать предназначению Байбарса, лежат под копытами моих коней, и по ним я совершаю свое блистательное восхождение к империи!

Кагал рассмеялся, и кровь хлынула из страшной раны на горле. Подобно льву, он вскинул голову, подняв меч в королевском приветствии.

— Правитель Востока! — твердым голосом произнес он. — Добро пожаловать в содружество королей! К славе и божественному огню, к золоту и лунному туману, к величию и смерти! Эй, Байбарс, король приветствует тебя!

Внезапно он прыгнул и нанес страшный удар мечом. Ни конь Байбарса, который попятился и захрапел, ни его обученные охранники, ни его собственная ловкость не смогли бы спасти мамелюка от гибели. Сама Смерть спасла его — Смерть, наступившая кельта во время его прыжка. Рыжий Кагал умер в воздухе, и его тело рухнуло на седло Байбарса. Меч, зажатый в мертвой руке, описав дугу, скользнул по лбу эмира, оставив глубокий кровавый след, и вонзился ему в глаз.

Воины Байбарса вскрикнули, как один, и устремились к своему полководцу. Байбарс покачнулся в седле, побледнев от неожиданной боли. Кровь струилась по его пальцам, зажимавшим страшную рану. Пока его охранники бестолково суетились вокруг

него, пытаясь помочь, он поднял голову и увидел единственным глазом, затуманенным от боли, Рыжего Кагала, застывшего мертвым возле ног его коня. На губах кельта застыла улыбка, а его огромный меч лежал на земле рядом с ним.

— Во имя Аллаха! — простонал Байбарс. — Я мертвец.

— Нет, ты не мертв, мой господин! — воскликнул один из его соратников. — Это рана от меча мертвеца, она достаточно серьезна, но не смертельна. А вот войска франков больше нет. Бароны убиты или захвачены в плен, а Крест патриарха повержен. Те из кочевников, что остались в живых, готовы служить тебе, как своему новому господину, с того мига, как Кизил-малик убил их хана. Арабы убежали, и Дамаск теперь тебе не страшен — Иерусалим наш. Теперь ты будешь султаном Египта!

— Я победил, — отозвался Байбарс, впервые в своей дикой жизни переживший потрясение. — Но я наполовину слеп, и какой смысл продолжать убивать этих христиан? Они будут приходить снова и снова, будут с радостью идти на смерть — такова их вера. Чего мы сейчас добились? Они непобедимы, и когда-нибудь — через год или через тысячу лет — они растопчут ислам и вновь наводнят улицы Иерусалима.

А в вечернем небе над залитым кровью полем страшной битвы уже загорелась первая звезда.

САД УЖАСА

К

огда-то я был Ханвульфом, странником. Не могу объяснить этот факт какими-либо таинственными причинами, да и не буду пытаться. Но в воспоминаниях моих не одна прошлая жизнь — многие. Любой нормальный человек порою вызывает в памяти образы детства, отрочества и юности. Моя память открывает мне образы, которые были Джеймсом Аллисоном в давно забытых ве-

ках. Не могу сказать, почему эти воспоминания принадлежат мне, как не могу объяснить мириады других феноменов природы, с коими ежедневно сталкиваюсь я и любой другой смертный. Но, лежа и ожидая смерти, а вместе с нею и освобождения от продолжительной болезни, я ясно и безошибочно вижу широкую панораму тянувшихся за мною жизней. Я вижу людей, и каждый из них — я; я вижу зверей, и каждый из них — я.

Когда в этой жизни я стал человеком, моя память продолжала хранить смыслы всех моих прошлых жизней. Иногда Зверь затмевал во мне Человека, и тогда я ощущал, что между ними нет четкой границы. Сейчас, в веренице воспоминаний, я вижу тусклые сумерки, гигантские деревья первобытного леса, по мягкой земле которого никогда не ступала обутая в кожу нога. Я вижу там широкую косматую фигуру, что двигается неуклюже, но быстро, то прямо, то на четвереньках. Она роется под гнилыми бревнами в поисках гусениц и насекомых, подергивая своими маленькими ушами. Она поднимает голову и, задирая длинную верхнюю губу, скалит желтые зубы. Это — человекообразная обезьяна, и все же я узнаю ее родство с существом, теперь носящим имя Джеймс Аллисон. Родство? Нет, скорее, единство. Я — он, а он — я. Мое тело мягкое, белое, лишенное волос; его тело смуглое, крепкое и косматое. И тем не менее мы — одно, и в его слабом, неразвитом мозгу уже начинают шевелиться и трепетать мысли и мечты, незрелые, хаотические, мимолетные, но составляющие при этом основу всех возвышенных и величественных видений, впоследствии являвшихся людям на протяжении всех долгих веков.

Мое знание на этом не кончается. Оно заходит далеко, очень далеко, в незапамятные вереницы

воспоминаний, куда я не осмеливаюсь углубляться; в пропасти, слишком темные и жуткие, чтобы в них мог погрузиться человеческий ум. Но даже здесь я осознаю свою личность, свою индивидуальность. Я утверждаю, что личность никогда не исчезает — ни в черной яме, из которой мы когда-то выползли, слепой, бурной и шумной, ни в той вечной нирване, в которой мы в один прекрасный день окажемся и которую я мельком заметил вдали, сияющую, как голубое сумеречное озеро среди бесчисленных звезд.

Но довольно. Я расскажу вам о Ханвульфe. О, это было давным-давно! Не осмелюсь даже сказать когда. Зачем искать жалкие человеческие сравнения, чтобы описать неопишимо, непостижимо отдаленные времена? За эти века земля меняла очертания не один, а дюжину раз, и многие поколения людей исполнили все, предначертанное им судьбой.

Я был Ханвульфom, сыном золотоволосого Эзира — того самого, что с ледяных равнин покрытого тьмой Асгарда рассылап по всему свету племена голубоглазых воинов в походы длиною в несколько веков, дабы они оставили свои следы в самых неожиданных местах. Во время одного из таких южных походов я и родился, потому я никогда не видел родных мест моего народа, где и ныне живет огромное количество северян в своих больших шатрах среди снегов.

Я вырос в этом долгом странствии, стал сильным, мускулистым мужчиной по образу и подобию Эзира, не знавшего никаких богов, кроме Аймира с заиндевелой бородой, чей топор залит кровью многих народов. Мои мускулы были похожи на переплетенные стальные канаты. Мои белокурые волосы словно львиная грива падали на могучие плечи, а на поясе у меня красовалась шкура леопарда. Моя левая рука

так же умело владела тяжелым топором, как и правая.

Год за годом наше племя продвигалось на юг, иногда уклоняясь к востоку или западу, а иногда на многие месяцы оседая на плодородных равнинах, где в изобилии обитали травоядные. Но все-таки мы неуклонно держали путь на юг. Иногда он пролегал по широким безмолвным пространствам, кои никогда не слышали человеческого голоса; иногда нам преграждали путь какие-то странные племена, и, проходя их земли, мы видели обгаренные кровью пепелища разрушенных селений. В этих странствиях, охотах и сражениях я стал настоящим мужчиной и научился любить Гудрун.

Что я могу сказать о Гудрун? О, проще описать цвет слепому от рождения! Могу сказать лишь, что ее кожа была белее молока, что ее волосы были живым золотом, а красота ее гибкого тела затмевала красоту греческих богинь. Но вам все равно не понять, какой огонь горел в Гудрун и каким она была чудом. Вам не с чем сравнивать: вы знаете женщин только по женщинам вашей эпохи, которые рядом с ней просто свечи рядом со светом полной луны. Такие женщины, как Гудрун, рождаются не каждое тысячелетие. Клеопатра, Таис, Елена Троянская были лишь бледной тенью ее красоты, хрупкой имитацией цветка, что расцветает полным цветом только один раз в жизни.

Ради Гудрун я отказался от моего племени и моего народа и ушел в пустыню изгнанником и парией, с руками, обгавленными кровью. Она принадлежала к моей расе, но не к моему племени: бездомная девочка, которую мы нашли ребенком, блуждающим в темном лесу, отбившимся от какого-то родственного нам странствующего племени. Она

выросла у нас, а созрев и превратившись в прекрасную молодую женщину, была отдана Хеймдулу Сильному, самому могучему охотнику племени.

Мечта о Гудрун породила безумие и вечно горящее пламя в моей душе, и из-за нее я убил Хеймдула, разможив ему череп топором прежде, чем он отнес ее в свой широкий шатер. А затем последовало наше долгое бегство от мести племени. Она охотно пошла со мной, потому что любила меня любовью женщин племен Эзира, этим всепожирающим огнем, презирающим слабость. Да, это был дикий век; жизнь была жестока и кровожадна, а слабый умирал первым. Наши чувства не были нежны, наши страсти были то бурей, то волнами, то вспышками битв, то вызовом льва. Наша любовь была так же неистова, как наша ненависть.

Итак, я увел Гудрун из племени, а убийцы устремились по нашему следу. Они преследовали нас до бурной горной реки, падающей с высоты ревущим, пенящимся потоком, который не осмеливались переплывать даже люди Эзира. Но в сумасшествии нашей любви и неугомонности мы с Гудрун переправились через этот безумный поток и, побитые и израненные, но живые, добрались до дальнего берега.

Потом мы много дней шли гористыми лесами, населенными тиграми и леопардами, пока путь нам не преградили огромные горы, голубой стеной поднимающиеся к небу.

В этих горах на нас обрушились холодные ветры, голод и гигантские кондоры, которые налетали на нас сверху, шелестя огромными крыльями. В жестоких битвах, сопровождавших нас в пути, я расстрелял все стрелы и расколол копье с кремневым наконечником, но в конце концов мы благополучно перешли через перевал и, спустившись по

ожному склону, наткнулись на грязные лачуги, ютившиеся между скалами. В них жили миролюбивые люди со смуглой кожей, говорящие на каком-то странном языке и соблюдающие странные обычаи. Нас они встретили мирно, пригласили в свою деревню, поставили перед нами мясо, ячменный хлеб и кислое молоко, а сами сели вокруг. Пока мы ели, в нашу честь женщина тихо была в круглый тамтам.

Мы пришли в их деревню в сумерках, и, пока мы пировали, наступила ночь. Со всех сторон возвышались массивные утесы и вершины, могучие и прекрасные на фоне звездного неба. Небольшое скопление грязных лачуг и крошечные костры терялись в безграничности ночи. Гудрун охватило чувство одиночества, и она крепко прижалась плечом к моей груди. Я никогда не знал страха; я всегда был спокоен и тверд, и мой топор был при мне каждый миг моего существования.

Маленькие смуглые мужчины и женщины сидели вокруг нас и пытались говорить с нами жестами. Их тонкие руки так и мелькали в свете огней. Они жили все время на одном месте, в относительной безопасности, и им не хватало силы и бескомпромиссной жестокости кочевого племени Эзира.

Я дал им понять, что мы пришли с севера, преодолели перевал и завтра намерены спуститься на высокое плоскогорье, которое заметили к югу от вершин. Узнав наши намерения, они подняли оглушительный крик, неистово замотали головами и как сумасшедшие забили в барабаны. Они горели желанием что-то сообщить мне, и все одновременно замахали руками, но это лишь еще больше сбilo меня с толку. Наконец я понял: они не хотят, чтобы мы спускались с гор. К югу от деревни нас поджидала опасность, но, какого она рода и человек это или зверь, я так и не разобрал.

Удар обрушился как раз в тот момент, когда гвалт достиг апогея и все мое внимание было приковано к их жестам. Первым намеком стал внезапный шелест крыльев над нашими головами; потом из мрака ночи на нас обрушилось странное темное существо, и когда, я повернулся, огромным крылом оно ударило меня по голове. Я распростерся на земле и тут же услышал пронзительный крик Гудрун, которую от меня отрывали. Вскочив на ноги, дрожа от неукротимого желания рвать и убивать, я увидел, как громадное чудовище исчезает в темноте, неся в когтях белую, кричащую, извивающуюся фигурку Гудрун.

Взревев от досады и ярости, я схватил топор и бросился в темноту, затем резко остановился в бешенстве и отчаянии: я не знал, куда бежать.

Когда чудовище схватило Гудрун, маленькие человечки с криком бросились врассыпную; прыгая через костры, они стремглав помчались к своим хижинам, но сейчас вернулись назад, скуля, как побитые собаки. Собравшись вокруг меня, вцепившись в меня еще дрожащими от страха руками, они что-то залепетали на своем языке, я же продолжал изрыгать проклятия, мучаясь от собственного бессилия и зная, что они хотят сказать мне нечто такое, чего я никак не могу понять.

Наконец они отвели меня обратно к огню. Самый старый человек племени принес кусок выделанной шкуры, глиняные горшочки с красками и палку. На шкуре он нарисовал крылатое существо, несущее белую женщину, — рисунок, конечно, был очень грубый, но смысл до меня дошел. Затем все показали на юг и что-то закричали. Я понял, что чудовище, похитившее Гудрун, и было той опасностью, о которой они меня предупреждали. До сих пор я подозревал, что ее унес один из огромных горных кондо-

ров, но картинка, которую нарисовал старик, скорее напоминала крылатого человека, нежели что-либо другое.

Потом он медленно и старательно начал чертить, и я сразу догадался, что это карта. О да, даже в те далекие времена мы пользовались картами, хотя ни один современный человек был бы не в состоянии их разобрать, настолько отличались наши символы от нынешних.

Работа была трудоемкой — старик закончил уже за полночь. Я с трудом разобрал его каракули. Теперь все прояснилось. Если я проследую курсом, начертанным на карте, — то есть спущусь по длинной узкой долине, в которой находилась деревня, пройду по плато, одолею несколько неровных склонов и пересеку еще одну долину, — я выйду к месту, где скрывается существо, укравшее мою женщину. На этом месте старик нарисовал нечто похожее на уродливую хижину и сделал вокруг нее несколько странных пометок красной краской. Указав на рисунок и снова повернувшись ко мне, он покачал головой и издал громкий крик, означавший, по видимому, на языке этих людей какую-то угрозу.

Они пытались убедить меня не ходить туда, но я, горя нетерпением, взял кусок шкуры и немного еды, которую они мне собрали (они были поистине странным народом для того века), схватил топор и отправился в безлунную темноту. Мое зрение было острым, как у дикой кошки, что современному человеку просто трудно представить, а чуял нужную дорогу я не хуже волка. Запечатлев в памяти карту один раз, я мог выбросить ее и безошибочно добираться до места, но я сложил ее и заткнул за пояс.

Звезды освещали мой путь. Я шел очень быстро, не обращая внимания на зверей, что рыскали вокруг в

поисках добычи — будь то пещерный медведь или саблезубый тигр. Временами я слышал, как шуршит гравий под лапами; однажды мельком заметил желтые глаза, свирепо горящие в темноте, и какую-то тень. Но я шел вперед, пребывая в таком отчаянии, что не уступил бы дорогу даже самому страшному зверю.

Я пересек долину, поднялся на горный хребет и вышел на широкое плато, изрытое оврагами и усыпанное булыжниками. Я прошел его и в темноте, перед самой зарей, начал спускаться по крутому склону. Он казался бесконечным, падая крутой наклонной плоскостью в крошечную темноту. Но я отважно скользил вперед, не останавливаясь даже для того, чтобы подвязаться кожаным канатом, висевшим у меня на плече. Доверившись судьбе и собственной сноровке, я надеялся спуститься, не сломав шею.

В тот самый момент, когда заря коснулась вершин нежным розовым сиянием, я оказался в широкой долине, окруженной огромными утесами. Она простиралась с востока на запад, а на юге утесы сходились друг с другом, придавая ей вид огромного веера.

Долину пересекала извилистая река. Деревья росли редко; вместо подлеска был ковер высокой травы, в это время года обычно довольно сухой. Вдоль реки росла сочная зелень и паслись волосатые мамонты — горы костей и мышц.

Я обошел их, сделав довольно большой крюк, так как с этими могучими исполинами вряд ли мог справиться в одиночку. Когда я приблизился, они наклонили вперед свои огромные головы и угрожающе подняли хоботы, но не напали. Я быстро побежал между деревьями к тому месту, где сходились утесы.

Солнце еще только окаймляло золотым пламенем восточные горы. Восхождение длиной в целую

ночь никак не повлияло на мои железные мускулы. Я не чувствовал усталости — во мне горела неукротимая ярость. Я не знал, что скрывалось за утесами, а строить догадки не хотел. В моем мозгу находилось место только для дикого гнева и жажды убийства.

Утесы не составляли сплошную стену — меж ними было ущелье длиной в несколько сотен футов; по нему протекала река и густо росли деревья. Я прошел этот короткий путь и вышел к другой долине или, скорее, к части той же самой, которая снова расширялась за ущельем.

Утесы огибали долину с запада и востока широким овалом, который нигде не прерывался, если не считать проблеска чистого неба на юге, означавшего, что там было еще одно ущелье. Сама долина очень напоминала огромную бутылку с двумя горлышками: сверху и снизу.

В той части, где оказался я, на протяжении нескольких сотен ярдов густо росли деревья, но потом эти заросли резко сменялись полем красных цветов. А дальше, за цветочным полем, воздвиглось какое-то странное сооружение.

Теперь я должен рассказывать не только как Ханвульф, но и как Джеймс Аллисон. Дело в том, что Ханвульф лишь смутно воспринимал увиденное и ничего не мог описать. Он понятия не имел об архитектуре. Единственными сооружениями, которые знал Ханвульф и которые строились руками человека, были шатры из лошадиных шкур — их ставил его народ, — и грязные соломенные хижины тех смуглых людей и, конечно, других столь же первобытных племен.

Поэтому я, Ханвульф, могу только сказать, что видел перед собой огромное строение, но никак не мог понять, что это такое. Но я, Джеймс Аллисон,

знаю, что это была башня, высотой футов в семьдесят, из необычного зеленого камня, в высшей степени изысканная и казавшаяся воздушной. Башня имела форму цилиндра, и, насколько я мог видеть, в ней не имелось ни дверей, ни окон. Основная часть здания была, вероятно, футов шестьдесят в высоту, а выше поднималась вторая башенка, намного меньше в обхвате, окруженная галереей с резным парапетом. Ее украшали две двери с затейливой резьбой и густо зарешеченные окна.

Вот и все. Ничто не свидетельствовало о том, что там кто-то жил. Ни единого признака жизни во всей долине. Но мне стало ясно, что это и было то самое строение, которое пытался нарисовать старик из горной деревни; я был уверен, что именно здесь найду Гудрун, если она еще жива.

Вдалеке, за башней, голубело озеро; в него впадала река, протекающая вдоль изгиба западной стены. Спрятавшись среди деревьев, я разглядывал башню и окружающее ее цветочное поле, которое превращалось в сплошные густые заросли цветов возле стен. На другом конце долины, близ озера, стояли деревья, но на самом цветочном поле не было ни одного деревца.

Я никогда не видел таких цветов. Они росли тесно, почти касаясь друг друга, каждое фута четыре высотой, с одним цветком размером в человеческую голову на каждом стебле, с широкими сочными лепестками, прижатыми друг к другу. Синевато-багровый цвет лепестков напоминал цвет открытой раны. Стебли, толщиной с запястье человека, казались бесцветными, почти прозрачными. Длинные и шаткие, они были укутаны ядовито-зелеными листьями странной формы — вроде наконечника копья. Зрелище было устрашающим,

и мне очень захотелось узнать, что скрывается за этими зарослями.

Во мне сразу же пробудились мои дикие инстинкты. Я почувствовал скрытую опасность, как часто чувствовал сидящего в засаде льва прежде, чем мои органы чувств давали мне знать о нем. Пристально разглядывая густые заросли, я задавался вопросом, не свилась ли там клубком какая-нибудь огромная змея. Раздувая ноздри, я принохивался, но ветер дул мне в спину. Во всем этом огромном саду было что-то неестественное. Несмотря на довольно сильный северный ветер, ни один листок не шевелился, ни один лепесток не шелестел — цветы стояли недвижимо, зловещие, словно мертвые птицы со свисающими головами. У меня вдруг возникло странное чувство, что они наблюдают за мной, что они живые...

Все это казалось фантастическим сном: по обеим сторонам голубые утесы, чернеющие на фоне закрытого облаками неба; вдалеке спящее озеро; в середине синего с багрянцем поля эта непонятная башня...

Одно обстоятельство насторожило меня: хотя ветер дул мне в спину, я совершенно явственно почувствовал запах цветов — затхлый запах смерти, разложения и гниения, как будто исходящий из склепа.

Вдруг я уловил в башне какое-то движение и плотнее припал к земле, скрывшись в траве. Там явно кто-то был. Подтверждая мои предчувствия, из двери верхней башенки вышло странное существо, приблизилось к парапету, оперлось на него и стало смотреть вдаль. Это был человек, но такой, который не мог бы мне присниться даже в страшном сне!

Он был высоким, могучим, с кожей цвета полированного черного дерева; но ужаснее всего были

крылья, сложенные у него за спиной. Я знал, что это крылья — это было очевидно и неоспоримо.

Я, Джеймс Аллисон, много размышлял о феномене, который увидел глазами Ханвульфа. Был ли этот крылатый человек просто уродом, единичным капризом природы, с незапамятных времен живущим в одиночестве? Или же он был представителем забытой расы, появившейся, правившей и исчезнувшей до того, как пришел человек, такой, каким мы его знаем? Маленькие смуглые люди с холмов, должно быть, пытались рассказать мне об этом, но я их не понял. И все же я, Джеймс Аллисон, склонен верить последней теории. Крылатые люди часто встречаются в мифологии и в фольклоре многих наций и рас. Читая мифы, хроники и легенды, всегда находишь в них упоминание о гарпиях и крылатых богах, ангелах и демонах, а ведь легенды представляют собой искаженные тени доисторических реалий. Я верю, что когда-то раса черных крылатых людей правила в доадамовом мире, и что я, Ханвульф, встретил последнего, оставшегося в живых из этой расы, в долине багровых цветов.

Этим мыслям я предаюсь как Джеймс Аллисон, с высоты моих новых знаний, которые столь же ничтожны, сколь велико мое невежество.

***

Я, Ханвульф, не тратил время на размышления. Современный скептицизм не был частью моей натуры, и я не пытался рационально объяснить то, что казалось мне странным. Я не признавал никаких богов, кроме Аймира и его дочерей, но не сомневался в существовании — только как демонов — других божеств, коим поклонялись другие расы. Сверхъестественные создания органично вмещались в мои

представления о жизни и вселенной. В существовании драконов, призраков, демонов и дьяволов я сомневался не более, чем в существовании львов, буйволов и мамонтов. Я воспринимал этого урода как демона и не утруждал себя мыслями о его происхождении. Меня не охватила паника, не сковал суеверный страх. Я был сыном Эзира, который не боялся ни человека, ни дьявола, и больше верил в сокрушительную силу своего топора, нежели в заклинания жрецов и чары колдуний.

Однако нападать на открытую всем ветрам башню я не стал. Осторожный, как и все дикари, я предпочел не покидать своего укрытия до тех пор, пока не нашел способа попасть внутрь. Сам крылатый человек не нуждался в дверях в нижней части башни, потому что он, очевидно, входил в нее с верхней галереи. Гладкая вертикальная поверхность стен вряд ли была доступна даже для самого искусного скалолаза. Правда, кое-какие идеи у меня появились, но природная осторожность заставила подождать: я должен был убедиться, что там нет еще одного демона, хотя мною и владело необъяснимое чувство, что он единственный в своем роде в долине, а может быть, и во всем мире. Припав к земле в зарослях суховатой травы, я увидел, как он поднял с парашюта локти, гибко потянулся, словно огромный кот, широкими шагами прошел по круглой галерее и вошел в башню. В воздухе вдруг раздался сдавленный крик, от которого я окаменел, хотя и понял, что кричала не женщина. Наконец черный хозяин башни появился вновь, таща за собой маленького, упирающегося, жалобно плачущего человечка. Мне показалось, родом он был из того самого племени, что мы с Гудрун повстречали в горной деревушке. «Попал в рабство, — подумал я, — как и Гудрун!»

Человечек был похож на ребенка, попавшего в лапы огромного зверя. Черный расправил широкие крылья и поднялся над парашютом, неся своего пленника, как кондор воробышка. Он парил над цветочным полем, а я, скрытый деревьями, удивленно следил за его полетом.

Вот крылатый человек, повиснув в воздухе, издал странный, жутковатый свист, и получил столь же ужасающий ответ. Багровое поле под ним внезапно всколыхнулось. Огромные сине-красные цветы затрепетали, раскрыв сочные лепестки словно змеи свои мерзкие пасти. Их стебли, казалось, удлинлись, жадно вытянувшись вверх. Широкие листья поднялись и мелко задрожали. Слабое, леденящее кровь змеиное шипение понеслось по всей долине. Цветы вздохнули. Крылатый черный человек, разразившись демоническим смехом, выронил своего корчащегося пленника.

С пронзительным криком несчастный полетел вниз и упал прямо в цветы. Они с тем же шуршащим сладострастным шипением склонились над ним. Их толстые гибкие стебли согнулись будто змеи, и лепестки плотно укутали его. Сотни цветов нависли над человеком, душа и давя его. Его мучительные крики стали сдавленными; шипящие, молотящие листья скрыли его полностью. Те цветы, что находились в отдалении, неистово качались и корчились, словно горя желанием оторваться от корней и присоединиться к своим собратьям. По всему полю огромные багровые головы тянулись к месту, где продолжалась ужасающая неравная битва. Крики становились все тише и тише, пока не прекратились совсем. Над долиной воцарилась жуткая тишина. Черный человек лениво прошел по галерее и исчез в башне.

Наконец цветы отступили от своей жертвы, которая лежала на земле, совершенно белая и неподвижная. Да, эта белизна была белее, чем белизна смерти; несчастный напоминал восковой портрет, пугающее изображение, из коего кровь высосана до последней капли. Зато цветы, что стояли прямо над ним, совершенно преобразились. Стебли больше не были бесцветными; они налились и стали темно-красными, как прозрачные трубки, до краев наполненные свежей кровью.

Движимый неудержимым любопытством, я вышел из-за деревьев и проскользнул к самому краю сине-красного поля. Цветы зашипели и потянулись ко мне раскрытыми лепестками. Не обращая на них внимания, я выбрал самый дальний цветок, ударом топора перерубил стебель, и он упал на землю словно обезглавленная змея.

Я склонился над ним, рассматривая его внимательно и с удивлением. Странно, но стебель не был полым, как, например, у сухого бамбука. Он весь был заполнен нитевидными жилами, некоторые из которых были сухими, а из других сочилась какая-то бесцветная жидкость. Места соединений листьев со стеблями были удивительно крепкими и гибкими, а сами листья по окаему были усеяны изогнутыми шипами, похожими на острые крюки.

Если такие шипы вонзятся в тело, то жертве, убегающей, придется вырвать с корнем все растение.

Каждый лепесток был размером с мою руку и остер, как колючая груша, а на внутренней стороне покрыт бесчисленными крошечными дырочками, размером не больше ушка иголки. В центре, где должен был быть пестик, выступало нечто вроде шипа, а между четырьмя зазубренными краями пролегали очень узкие каналы.

Прекратив рассматривать эту пародию на растительность, я поднял взгляд и увидел, что крылатый человек снова появился у парапета. Казалось, он не очень удивился моему появлению. Он что-то крикнул мне на незнакомом языке и сделал насмешливый жест, а я стоял, как статуя, сжимая в руке топор. Тогда он повернулся и вошел в башню, как прежде. И как прежде, появился с пленником. Мои ярость и ненависть были почти затоплены потоком радости — оттого, что Гудрун жива.

Несмотря на ее гибкую силу, сравнимую лишь с силой пантеры, черный человек справлялся с ней так же легко, как и со смуглым человечком. Подняв маленькое, извивающееся тельце над своей головой, он показал ее мне и снова что-то сказал с насмешкой. Золотые волосы Гудрун рассыпались по белым плечам; она тщетно вырывалась из его рук, неистово крича мне. Не так-то легко заставить женщину из племени Эзира испытать ролепный ужас. Глубину дьявольской силы ее тюремщика я измерял по ее отчаянным крикам.

Но я стоял неподвижно. Если бы это спасло ее, я бы нырнул в адскую красную трясину, чтобы демонические цветы зацепили или пронзили меня и высосали всю мою кровь. Но моя смерть ей бы ничем не помогла. Моя смерть просто лишила бы ее защитника. Я был вынужден неподвижно стоять в то время, как она корчилась и плакала, а смех черного человека разрывал мне душу! Один раз он чуть не бросил ее в цветы, и мое железное самообладание почти изменило мне — я был уже готов нырнуть в этот ад. Но дальше жеста дело не пошло. В конце концов он подтащил ее обратно к двери и швырнул внутрь. Вернувшись к парапету, он положил на него локти и принялся разглядывать меня. Он слов-

но играл со мной, как дикая кошка играет с мышью прежде, чем погубить.

Пока он наблюдал, я повернулся и уверенным шагом направился к лесу. Я, Ханвульф, не был мыслителем в современном понимании этого слова. Я жил в том веке, когда эмоции выражались скорее взмахом кремниевого топора, нежели проявлениями интеллекта. И тем не менее я не был неразумным животным, каким меня, наверное, считал черный человек. У меня был человеческий мозг, отточенный вечной борьбой за существование и превосходство над другими.

Я знал, что не смогу живым пересечь красное поле, опоясывающее башню. Не успею я сделать полдюжины шагов, как добрых два десятка шипов вопьются мне в тело, а их жадные рты будут сосать кровь из моих жил, чтобы утолить свою демоническую жажду. Даже моей тигриной силы было бы недостаточно, чтобы прорваться сквозь них.

Крылатый человек не шевелился. Оглянувшись, я увидел, что он по-прежнему стоит в той же самой позе. Когда я, Джеймс Аллисон, снова вижу сны как Ханвульф, этот образ всегда бывает отпечатан в недрах моей памяти — фантастическая фигура с локтями на парашюте, подобная средневековому дьяволу, нависшему над адскими битвами.

Пройдя по узкому ущелью, я вышел на ту долину, поросшую редкими деревцами, где вдоль берега реки расхаживало стадо неуклюжих мамонтов. Я остановился за их спинами, вытащил из сумки пару кремней, наклонился и высек искру. Сухая трава быстро загорелась. Перебегая с места на место, я всюду поджигал траву. Северный ветер подхватил огонь и погнал к югу. Через несколько мгновений огонь несли по всей долине.

Мамонты прекратили жевать, подняли огромные уши и затрубили тревогу. На всем белом свете они боялись только одного — огня. Они стали отступать к югу; самки гнали перед собой детенышей, самцы трубили отчаянно, как в день Страшного Суда. Ревя, словно буря, огонь завоевывал все новые позиции, и мамонты бросились врассыпную, спасаясь бегством, сметая все на своем пути. Деревья раскалывались и падали перед ними, а земля тряслась от их тяжелого топота. Их настигал мчащийся огонь, а по следу огня бежал я, и раскаленная земля почти прожигала мои сандалии из лосиной шкуры.

Гиганты с шумом пробивались сквозь узкий перешеек, сметая густые заросли, вырывая деревья с корнями. Казалось, что по долине прошелся торнадо.

С оглушительным грохотом и ревом они пронесли по морю красных цветов. Эти дьявольские растения, может быть, и могли бы погубить одно животное, но под мощными ногами целого стада они гибли так же, как обычные, хрупкие цветы. Обезумевшие титаны пронеслись по ним, растапывая и вбивая в землю, пропитанную их соком.

На какое-то мгновение меня охватила паническая дрожь: я испугался, что эти скоты повернут к башне, которая может не выдержать их мощного натиска. Очевидно, крылатый человек разделял мои страхи, потому что он резко взмыл в воздух и полетел по направлению к озеру. В это время один из самцов наткнулся головой на стену, отскочил назад и все стадо с ревом пронеслось мимо башни, задев ее стены волосатыми боками. Теперь мамонты мчались к отдаленному озеру.

Дойдя до красного поля, огонь остановился: растоптанные сочные клочки красных цветов не заго-

рались. Упавшие и еще стоящие деревья дымились и тлели, и горящие ветки дождем падали вокруг меня, но я продолжал бежать, петляя, как заяц, пока не оказался на гигантской дороге, которую проложило на синевато-багровом поле обезумевшее стадо.

Подбегая к башне, я позвал Гудрун. Она ответила мне каким-то сдавленным голосом; одновременно я услышал стук и тогда понял, что крылатый человек запер ее в башне.

Прямо по остаткам красных лепестков и змеевидных стеблей я подбежал к стене башни, размотал кожаный канат, завязал его петлей и бросил вверх, чтобы зацепиться за один из зубцов резного парапета. Потом, перебирая руками и ногами, я вскарабкался по нему, обдирая колени и локти о шероховатую стену.

Когда я был уже в пяти футах от цели, меня что-то ударило по голове. Это черный человек вернулся, приземлился на галерею и, согнувшись над парапетом, глядел на меня. Я сумел внимательно рассмотреть его. Черты его лица были прямыми и правильными, без малейшего намека на негроидную расу. Сверкающие, немного раскосые глаза, торжествующе оскаленные зубы — я остро почувствовал исходящую от него застарелую злобу и ненависть. Он долго, очень долго правил долиной красных цветов, взимая с несчастных племен, живущих за горами, дань человеческими жизнями, чтобы эти плотоядные полурастения-полуживотные, подданные и защитники, питались кровью корчащихся жертв. А теперь и я оказался в его руках, и ни к чему сейчас были и мои умения, и моя сила. Один удар его кинжала означал бы мою мгновенную смерть. А где-то в глубине башни Гудрун, чувствуя мою гибель, заходила в бешеном крике! И вот в этот жуткий для нас

обоих момент вдруг раздался треск ломающейся деревянной двери.

Черный человек, злорадно хохоча, уже коснулся острым лезвием кожаного каната, на котором болтался я, но сильная белая рука схватила его сзади за шею. Он отпрянул назад, и над его плечом я увидел прекрасное лицо моей Гудрун. Волосы у нее стояли дыбом, а глаза расширились от ужаса.

Крылатый заревел, развернулся, оторвал от себя ее руку и с такой силой отшвырнул девушку к стене, что она чуть не лишилась чувств. Потом он снова повернулся ко мне, но я уже успел подтянуться, вскочить на парапет и, выхватив топор, спрыгнуть на галерею.

Он на мгновение заколебался, чуть приподняв крылья и держа наготове кинжал, словно раздумывая, бороться со мной или поднять меня в воздух. Он был гигантского роста, мускулы переливались по всему его телу, но он раздумывал, как раздумывает человек, сталкиваясь с диким зверем.

Я же не колебался. С низким гортанным ревом я прыгнул на него, замахнувшись топором. Он со сдавленным криком взметнул руки вверх, но сейчас же между ними опустилось лезвие топора, превратив его голову в красное месиво.

Я повернулся к Гудрун. Она, поднявшись на ноги, обвила меня руками в отчаянном жесте любви и ужаса, со страхом глядя туда, где в луже крови и мозгов лежал крылатый властелин долины...

Я часто жалел, что нельзя соединить две мои столь разные жизни в одном теле, совместить в одно опыт Ханвульфа и знание Джеймса Аллисона. Если бы это можно было осуществить, Ханвульф прошел бы в дверь из черного дерева, которую недавно Гудрун ломала и трясла изо всех своих сил,

в таинственную комнату, обставленную странной мебелью, с полками, забитыми свитками древних пергаментов. Он бы развернул эти свитки и постарался бы расшифровать иероглифы; он бы прочел хронику этой фантастической расы, последний представитель коей только что покинул грешную Землю. Конечно, та история оказалась бы поинтереснее наркотических снов и увлекательнее сказок о потерянной Атлантиде.

Но Ханвульф не был столь любопытен. Для него башня, комната из черного дерева и свитки пергамента ничего не значили. Он полагал их лишь необъяснимыми проявлениями колдовства, смысл которого понимал только сам крылатый дьявол. Хотя разгадка тайны была, можно сказать, в руках Ханвульфа, он был так же далек от нее, как и Джеймс Аллисон, рожденный через многие тысячелетия.

Мне, Ханвульф, башня показалась всего лишь чудовищной ловушкой, и, находясь внутри нее, я испытывал только одно чувство: желание как можно скорее убежать.

Гудрун впеллась в меня; я соскользнул по канату на землю, отвязал его и смотал. Потом, взявшись за руки, мы пошли по дороге, протоптанной мамонтами, вдаль, к голубому озеру на южном конце долины, к ущелью между возвышающимися утесами.

КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

КРАЙ, ГДЕ ЗАХОДИТ СОЛНЦЕ

ружнее! — крикнул Кор-
мак Мак Арт, стоя возле руле-
вого весла на носу корабля, но
штормовой ветер отнес его
команду в сторону, и тридцать
пар викингов, сидевших на вес-
лах, не услышали ее.

На правых шканцах капи-
тан Вулфер Головорез налег-
гал на весло всей тяжестью
своего массивного тела. Вспыш-
ки молний отражались от его
блестящего шлема, от огром-

ного ютского лука, который Вулфер не снял даже сейчас; рыжая борода капитана развевалась на ветру.

— Дружнее! — опять скомандовал Кормак, но ветер вновь оборвал его крик и унес в штормовое море. Кормаку приходилось удерживать тяжелое сосновое весло футов девятнадцати длиной — оно выворачивалось из его рук будто живое.

Викинги хотели потреть поселения саксов именно в это время, когда те не ждали никаких нападений, и потому сейчас им пришлось вести рискованную игру с непогодой. Шторм пришел с северо-востока и обрушился на корабль, швыряя его вверх и вниз по волнам, как скорлупку.

Это был настоящий шторм. Драккар летел по морю, послушный воле свирепого ветра, однако даже грозная сила стихии не могла так просто сокрушить это крепкое судно, управляемое сильной и мужественной командой. Пираты знали: они должны выбраться из этого шторма, чтобы благополучно вернуться в Англию и там приняться за привычный разбой и грабежи с удвоенной яростью.

А пока ветер и волны пытались отправить судно прямо в преисподнюю. На пиратов повеяло грозное дыхание неотвратимой гибели, им уже стало казаться, что перед кораблем разверзлись врата ада.

— Дружнее! — опять выкрикнул Кормак, приподнимаясь. Кельту становилось все труднее управляться с носовым веслом — оно было длиннее и тяжелее всех остальных весел и сейчас с силой вырывалось из уключины. Красно-зеленые вспышки молний на добрую сотню футов освещали разбушевавшееся море вокруг корабля. Нос дракка-

ра задрался на высокой волне; корму едва не захлестнуло очередным ревушим валом.

Юты были опытными, закаленными в битвах викингами — все они сотни раз встречались лицом к лицу со смертью среди дикой пляски мечей и топоров. Кормак считал, что нет на свете силы, способной сломить дух его боевых товарищей, однако сейчас он ясно видел, что многие из них уже вверили свою жизнь судьбе; ими овладела апатия; они сидели на скамьях, бесстрастно поднимая и опуская весла, и в глазах у них застыло покорное ожидание гибели.

И все же, пока эти крепкие и мужественные люди продолжали работать веслами, оставалась надежда на спасение — ведь обычно в спокойную погоду пираты вели свой драккар по морю быстрее, чем человек бежал по ровной дороге... Сейчас судно медленно двигалось к краю штормового круга.

Весло капитана Вулфера было длиной около десяти футов, его вырезали из сердцевины могучего дуба, и сейчас, чтобы справиться с ним, юту пришлось перегнуться через борт. Кормак видел перекошенное лицо друга с открытым ртом: Головорез изрыгал яростные проклятия морским демонам, алчущим гибели корабля и всей команды; он был ужасен в неестественном красно-зеленом свете молний с растрепанной рыжей бородой.

— Друж...

Кормак оборвал команду и на миг замер на месте. Его названный брат, его самый верный, самый близкий друг, не раз стоявший с ним спиной к спине в кровавых схватках, Вулфер вдруг перелетел через борт драккара. Тяжелое дубовое весло не сломалось в могучих руках, но лопнул тугой узел, державший его в уключине.

Продолжая сжимать оторванный румпель, с выражением несказанного изумления на лице ют нырнул головой в волну. Кормак в ужасе дрогнул: он знал, что этот огромный бесстрашный человек, рожденный на морском берегу и ставший пиратом чуть ли не в двенадцатилетнем возрасте, плавать умел не лучше, чем летать.

Викинги вскрикнули в один голос. Кормак, не раздумывая более, кинулся к борту, бросив свое весло. Так же, как Вулфер, как другие пираты, он был в кольчуге и латах, готовый к любой неожиданности, только не к той, что случилась. Викинги всегда ждали схватки, тем более сейчас, когда слепая ярость шторма могла столкнуть их драккар с другим кораблем. Друзей в морях у них не было, поэтому такая встреча означала неминуемую битву.

Теперь же меч Кормака, стальной тяжелый шлем и отличная римская кольчуга сослужили ему недобрую службу: они тянули его вниз, в пучину, они сковывали его словно цепями. Кельт погрузился в воду.

Он старался не выпускать из виду тонущего Вулфера. В руках ют все еще сжимал дубовое рулевое весло, однако оно не могло удержать на поверхности его огромное тяжелое тело.

Три мощных гребка — и Кормак оказался рядом с Вулфером. Он схватил друга за край железного нагрудника. Течение под ними было таким же сильным, как поток воды, что заставляет вертеться мельничное колесо.

Яркая вспышка осветила будущие волны, а в следующее мгновение сплошная тьма окутала обоих пиратов. Голова у Кормака закружилась; он вдохнул последний раз и захлебнулся соленой хо-

лодной водой. Потом все погрузилось в небытие — всякие чувства и мысли исчезли.

...Возвращение к жизни произошло почти мгновенно. Кормак открыл глаза и некоторое время лежал не двигаясь. Под ним — он хорошо это чувствовал — был холодный каменный пол; из проемов между колоннами и из окон сверху струился пурпурно-зеленый свет.

Кормак поднялся. Одновременно рядом с ним встал и Вулфер — его башмаки, подбитые железом, клацнули по каменной плите пола. Молча друзья повернулись спиной к спине, на расстоянии длины меча друг от друга, и начали оглядывать зал, в котором оказались. При этом ют снял с пояса свое излюбленное оружие — боевую секиру, а Кормак обнажил меч.

— Куда это мы попали? — проворчал Вулфер.

Над ними возвышался купол диаметром в добрых триста футов, покрытый золотом (если только глаза не обманывал жуткий сверхъестественный свет). Его поддерживали шестнадцать огромных колонн, выстроенных попарно. Сами колонны были из желтого с красноватыми прожилками мрамора, с дорическими остроконечными желобками, а их основания и капители украшали узоры из серебра.

Купол поднимался лишь над одной частью огромного здания неправильной формы. Вторая его часть представляла собой нечто вроде внутреннего двора с колоннадой. Все это великолепие было окутано совершенной тишиной.

Кормак вновь оглядел пол, выложенный скромными черными и белыми шестиугольниками, которые скреплялись между собой золотыми полосами. На фоне их желтые мраморные колонны с красными прожилками выглядели очень нарядно и ве-

личественно, хотя странный свет придавал всей картине чрезвычайную загадочность.

Под сводами этого огромного строения царил дух древности.

— Что это за место? — крикнул Вулфер, и зычный голос его отозвался гулким эхом, загудев под куполом среди колонн.

И в этот момент у входа в зал появились люди. Их было около ста — мужчины, женщины, дети и старики. Одетые в грязное тряпье, они робко жались друг к другу и были до того малорослы и смуглы, что в первый миг Кормак решил, будто встретил в этих древних стенах стаю обезьян.

Как бы то ни было, вся эта толпа медленно приближалась к пиратам.

Левой рукой Кормак выхватил из-за спины небольшой легкий щит и на всякий случай приготовился защищаться, хотя ни один из пришельцев не был вооружен.

— Не подходите! — громовым голосом крикнул Вулфер. В обеих руках он сжимал древко своей секиры — поистине грозного оружия. Нижний край лезвия заканчивался острым крючком, с помощью которого можно было сбросить всадника с седла или молниеносным движением лишить врага спасительного щита. Но сейчас, перед безоружной толпой маленьких смуглых человечков, огромный Вулфер со своей секирой выглядел столь же нелепо, сколь выглядело бы вооруженное до зубов войско перед стадом овец.

Толпа обступила викингов. Человечки переговаривались между собой, указывали пальцами на незнакомцев; звучание их голосов напоминало жужжание множества пчел. Самые высокие из них едва ли доходили Кормаку до подмышек. Они тес-

нились вокруг пиратов, разглядывая их одежду и доспехи, но избегали смотреть им в глаза.

Вулфер выкрикнул замысловатое проклятие и топнул ногой, отгоняя самых любопытных, которые пытались дотронуться до ножен с кинжалом. Вскрикнув от ужаса, маленький человечек — а может быть, это была женщина — отпрянул назад. Внезапно назад подалась и вся толпа.

В задней стене бесшумно отворилась дверь — просто сдвинулась одна из узорных плит, ранее ничем не выделявшаяся среди других. В образовавшемся проходе появился темноволосый человек нормального роста, в пурпурном плаще, с золотым ожерельем на шее.

Он поднял руку и заговорил на незнакомом Вулферу и Кормаку языке. Толпа почтительно замерла, припав к каменному полу.

Спустя несколько мгновений маленькие человечки бесшумно поднялись и быстро вышли, оставив в зале лишь с десяток своих собратьев, которые тут же застыли у стен в ожидании дальнейших распоряжений.

— Мир вам, чужестранцы, — произнес незнакомец на чудовищно искаженном, но все же узнаваемом кельтском наречии. — Мое имя Креон, я король этого проклятого богами острова. А вот...

В дверном проеме за спиной короля появилась молодая женщина в белых, расшитых золотом одеждах. Чертами бледного лица и черными волосами она походила на Креона, но то, что придавало его облику благородство, в ней обернулось подлинной красотой.

— ...вот моя дочь Антея, — закончил фразу Креон и слегка улыбнулся, заметив, с каким изумлением и восторгом уставились на девушку пираты.

— Что это за место? — слово в слово повторил Кормак вопрос Вулфера, с трудом отрывая взор от Антеи.

— Это место... — начала отвечать девушка. Ее голос напоминал нежный мелодичный звон колокольчика, а кельтским языком она владела, безусловно, намного лучше своего отца. — ...все, что осталось на земле от славной и могучей Атлантиды.

— Вы говорите по-кельтски, — обвиняющим тоном произнес Вулфер. Он немного опустил секиру и перехватил древко — теперь он держал оружие одной рукой.

Кормак насторожился: он прекрасно знал, что ют в любое мгновение может перерубить пополам Креона вместе с дочерью, кроме того, он знал, что его друг особенно опасен как раз в такие моменты, как теперь, когда он в замешательстве.

— Да, говорим, — ответила Антея на искаженном германском наречии. Даже Кормак не сразу понял, что она хотела сказать. — Еще мы знакомы с речью саксов, однако, боюсь, недостаточно хорошо.

— Девушка улыбнулась, увидев, как вытянулись лица гостей.

Из дальней части зала, возле главных дверей, послышался шорох. Вулфер развернулся, как пружина. Он уже занес над головой секиру для удара, способного раскроить надвое слона. Однако тревога была напрасной: под своды зала скользнули несколько слуг с подносами, на которых лежали плоды и орехи.

Рыжебородый ют разочарованно опустил секиру, потом, подумав, засунул ее за пояс. Кормак ухмыльнулся и тоже вложил наконец меч в ножны. Хорошо было бы, конечно, высушить ножны, об-

тереть и смазать жиром лезвие... Ну да ладно, потом, не сейчас.

— Значит, вы атланты? — спросил он.

Креон грустно улыбнулся.

— Они атланты, — показал он на маленьких темнокожих слуг. — Мы с дочерью — потомки последних афинян, завоевавших этот остров до того, как Атлантида скрылась под водой.

Он скрестил руки на груди и обвел взглядом стоявших вдоль стен слуг.

— Они преуспели в науках и искусствах — в живописи, скульптуре и прочих вещах, что отличают человека от животного. Но скоро должен наступить конец — и для атлантов, и для нас, ставших их хозяевами.

— Где мы? — как во сне, спросил Вулфер и направился к колоннам. Он двигался быстро и грациозно, несмотря на свой огромный рост и могучее сложение.

Маленькая женщина протянула Вулферу спелые груши, и он заплясал вокруг нее какой-то немислимый танец. Он и пальцем не дотронулся до нее, однако она в ужасе бросила поднос и спрятала лицо в ладонях.

Кормак, повинувшись инстинкту, подошел к Вулферу, готовый отразить неожиданное нападение. Они с Вулфером до сей поры оставались живы именно благодаря тому, что всегда сражались вместе, а не поодиночке. Сотни раз они спасали друг друга от неминуемой гибели, разрубая древко копья, нацеленного в спину товарища, или отбивая занесенный над головой его смертоносный меч. Сейчас им вроде бы никто не угрожал, и все же Кормак смутно чувствовал присутствие какой-то недоброй силы.

Викинги вышли из храмового зала во двор. Двор этот когда-то был вымощен мраморными плитами, но теперь меж ними буйно росла трава, и даже могучие деревья тянули к небу свои толстые ветви.

Напротив храма стояло прямоугольное двухэтажное здание, обшитое оловянными пластинами, а может быть, потускневшим от времени серебром. Часть двора между этими строениями была тщательно вычищена от растительности. Из здания в храм цепочкой тянулись смутные слуги с подносами в руках. Под пристальными взглядами Кормака и Вулфера все они вздрагивали.

Вот рядом с пиратами появилась Антея, одарив Кормака улыбкой, смысл которой остался для него неясен. Только сейчас он заметил, что белое одеяние девушки было закреплено на левом плече заколкой с огромным сверкающим рубином. Похожий камень украшал и плащ ее отца, и Кормак подумал, что только эти рубины сохранили свой истинный цвет во всем неестественном освещении этого загадочного места.

Он поднял голову и вскрикнул, заслонив глаза ладонью. Вместо солнца высоко в небе, над храмом, висел большой шар, заливавший все вокруг багряно-зеленым мерцающим светом. Кормака охватила дрожь, и он опустил голову. До тех пор пока он не увидел этот шар, он не мог до конца представить себе, что каким-то непостижимым образом оказался вырванным из привычной реальности. Где бы ни находилась эта загадочная Атлантида, мир ее был для Кормака чужим и незнакомым.

— Как мы сюда попали, милая девушка? — почти вкрадчиво спросил Вулфер. Однако любой, кто знал юта так же хорошо, как Кормак, сразу

понял бы, что ярость юта вот-вот перехлестнет через край.

— Иногда в тот огромный пузырь, где мы все находимся, затягивает кого-нибудь из внешнего мира, — ответила Антея. Она говорила спокойно, но по легкому подергиванию ее век Кормак понял, что она угадала, в каком расположении духа находится рыжебородый пират. — К нам попадаете прибитый к берегу лес, морские птицы, а иногда люди. Это, правда, не так уж часто случалось за последние тысячелетия, в течение которых большая часть острова остается на дне.

— На моей памяти и на памяти моей дочери, — сказал Креон, выходя к ним из-за двух расположенных рядом колонн, — сюда попадали христианские монахи из Ирландии и пираты, называвшие себя саксами и ютами. А теперь здесь оказались вы.

Он печально наклонил голову.

Где-то неподалеку раздался крик животного. Что обозначал этот крик — боль или торжество победы, — понять было трудно, но стало ясно, что за пределами двора есть что-то еще.

— Как же нам в таком случае выбраться отсюда? — спросил Кормак. Он задал этот вопрос тихим подавленным голосом, ибо в его душу закрался ужас. — Как нам вернуться в тот мир, из которого мы попали сюда?

И было уже неважно, что в том единственном родном и привычном мире бушевал шторм, грозивший погубить пиратов в любую минуту.

— За десять тысячелетий никому не удалось покинуть Атлантиду, — ответил Креон. — Этого не смог сделать никто из моих предков, этого не смог сделать никто из потерпевших кораблекрушение — никто. Мы здесь как в ловушке.

— Но здесь у нас не самый плохой мир из всех существующих,— добавила его дочь, посмотрев на Кормака манящим взглядом. Однако его сейчас не интересовали женщины, даже если они обладали такой привлекательностью, как Антея. Он оглянулся и внимательно осмотрел ближайшую колонну.

Колонны снаружи храма выглядели весьма величественно, хотя и уступали в размерах тем восьми парам колонн, на которых держался купол. Человек не смог бы обхватить такую громаду руками.

Колонны эти были сложены из огромных каменных цилиндров. Видимо, сначала их устанавливали друг на друга, а потом уже отделяли и полировали. Но даже если в Атлантиде всегда было так тихо, как сейчас, время не могло не разрушать камень.

Креон говорил о десяти тысячелетиях. Что ж, за это время едва заметные стыки каменных цилиндров, в которые, должно быть, прежде не вошло бы и лезвие ножа, выкрошились по краям, так что теперь, обладая достаточной ловкостью, можно было вскарабкаться вверх, найдя опору для рук и ног. Именно это и решил попробовать Кормак — подняться по колонне так же, как он поднимался по отвесным скалам, когда требовалось застать врасплох береговую стражу. Он никогда не откладывал на потом то, что мог сделать сейчас. Посему, не теряя времени, обхватил древний камень руками и подтянулся. Он услышал, как Вулфер внизу спросил:

— А эти остальные, где они? На ваших монахов мне плевать, однако если где-то здесь есть саксы, я не прочь подраться с ними.

— Последний монах умер год тому назад,— отозвалась Антея.— Его звали Цеарбал. Это был

больной старик, он так и не поправился с тех пор, как в страшный шторм попал сюда.

Она говорила негромко, к тому же башмаки Кормака скрежетали о камень, однако он расслышал ее слова. Кельт не рисковал понапрасну и не спешил, внимательно выбирая, куда поставить носок башмака или за какую выемку в камне уцепиться пальцами.

Оказалось, что храм стоял посреди густых джунглей. Кое-где среди зелени виднелись сверкающие металлические крыши, но больше было одиноких полуразрушенных стен — остатков каких-то древних строений.

— Саксы, как и вы, предпочитали действовать,— сказал Креон.— Я надеюсь, что вы не последуете их примеру, чтобы не повторить их ужасную судьбу. Цело в том, что мы находимся на острове, который окружен как бы поясом из воды, можно даже сказать — глубоким и широким рвом. До катастрофы остров соединялся с двумя кольцевыми островами и с большой землей целой системой мостов, однако все их разрушило землетрясение, когда затонул континент.

Рядом с колонной, на которую вскарабкался Кормак, росло старое фиговое дерево футов сорок высотой. Наверное, давным-давно какая-то птица уронила зернышко, склевав мякоть плода, и из этого зернышка вытянулись семь толстых стволов, корнями уходивших глубоко в землю, под колонны. Хотя фиговые деревья не очень-то крепки, один из зеленых стволов вполне мог выдерживать вес человеческого тела. Туда-то Кормак и перебрался осторожно.

— Когда континент затонул, уцелели только кольцевые острова и храм, — произнесла Антея.—

Все, что осталось от Атлантиды, находится здесь, и отсюда нет выхода. Но Аслиф и его саксы не поверили этому и погибли, пытаясь *преодолеть непреодолимую* преграду.

В полумиле от храма Кормак увидел широкую полосу воды. Из воды выпрыгнула рыба. Ни в ее форме, ни в блестящей чешуе не было ничего необычного, однако даже на таком расстоянии кельт заметил, что рыба эта огромна — десять, а то и двенадцать футов в длину.

Берега казались неестественно ровными — вода образовала вокруг острова правильный круг, опоясав остров кольцом. По другую сторону воды была видна такая же заросшая густым лесом земля, как и на центральном острове, но там почти не было видно развалин. По всей видимости, все здания были разрушены землетрясением.

Дальний край кольцевого острова расплывался в багряно-зеленой дымке, будто свет искусственного солнца рассеивался по стене. Пока препятствия не выглядели непреодолимыми, хотя, конечно, на таком расстоянии невозможно было разглядеть что-либо определенно.

Они с Вулфером построят плот или даже настоящую лодку, если только у греков найдутся для этого более подходящие инструменты, чем меч Кормака и боевая секира юта. С помощью весел или шеста они доберутся до кольцевого острова, потом быстро пройдут через лес и окажутся возле границы. Так или иначе они найдут способ выбраться отсюда, хотя бы на их пути оказалась сплошная стальная стена.

— Саксы построили плот, — сказал Креон, словно в ответ на мысли Кормака. — Мы предупреждали их, что в воде они встретятся с чудовищами, но

они не стали нас слушать. Аслиф смеялся и говорил, что им не страшны ни люди, ни дьяволы, пока они способны держать в руках оружие.

— А этот Аслиф, — спросил Вулфер, — он был ростом с меня или немножко пониже? Если это тот, про кого я думаю, то у него должны быть светлые волосы, а оружие его — разукрашенное серебром копьё с наконечником, широким, как лопасть.

— Да, ты верно его описал, — ответила за отца Антея. — Когда он и его люди появились здесь, он назвал себя Аслиф Проклятье Горма. Он был твоим другом?

— Нет, — скрипнув зубами, произнес Вулфер. — Зато Горм был сыном моей сестры. Вот уж не думал я, что встречу здесь его заклятого врага!

— Не встретишь, — сказал Креон. — Как я уже говорил, Аслиф и его люди построили плот и стали добычей чудовищ, обитающих в воде.

Кормак увидел, как из воды одновременно выпрыгнули три гигантские рыбы, на миг образовав в воздухе серебристую стену. Какие еще существа могли населять этот огромный ров? Ширина водной полосы составляла примерно полмили, несколько миль в длину вокруг острова... Если этот ров так глубок, как кажется, то там можно встретиться с чем-нибудь необычайным и неожиданным.

— Вы считаете меня дурнем или младенцем, которому можно рассказывать сказки? — свирепо спросил Вулфер. — Что же это за чудовище такое, способное погубить команду дюжих викингов?

— Оно выплыло из-под плота! — звонко выкрикнула Антея. Ее ноздри трепетали от гнева — их с отцом едва ли не обвиняли во лжи.

— Оно откусывает руки и ноги тем, кто пытается спастись! Оно покрыто твердым, как железо, панцирем!

Там, где Кормак только что видел выпрыгнувших из воды рыб, над водой вдруг поднялась огромная тень, футов пятьдесят высотой. Голова на длинной толстой шее напоминала крокодила; туловище было огромным, цилиндрической формы; вместо ног — широкие мощные ласты; в открытой пасти виднелись крупные острые зубы. Чудовище двигалось с неожиданной для его размеров скоростью. Шкура его, как успел рассмотреть Кормак, была черной и блестящей.

В более поздние времена люди называли бы это существо кронозавром. Кормаку это слово, конечно, не было знакомо, и он подумал, что видит самого морского дьявола.

Кронозавр стремительно погрузился под воду, при этом почти не потревожив ее гладкой поверхности. На воде не осталось никаких следов чудовища, зато на берегу кольцевого острова Кормаку почудилось какое-то движение.

Однако этот берег был слишком далеко, и кельт не смог разглядеть ничего толком. Может быть, там, в зарослях, дикая коза лакомилась сочными листьями, может быть, просто ветер пошевелил ветви деревьев.

Однако Кормак был твердо уверен, что за полосой темной воды на том острове есть люди. Он стал осторожно спускаться вниз.

Осмотр этой чужой земли не рассеял тумана тайны, а, скорее, добавил вопросов, на которые нужно было получить ответ. Одно Кормак Мак Арт знал твердо: во что бы то ни стало надо выбраться отсюда, вернуться в знакомые, чистые,

солёные моря своего истинного мира. Он не мог точно сказать, что именно ему здесь пришлось не по душе, — наверное, все, но багряно-зеленый свет точно вызывал у него отвращение.

— Кто все это создал, наконец? — свирепо спросил Вулфер. — Кто превратил это место в ловушку для мореплавателей, попавших в шторм?

Ют нервно стиснул пальцами древко своей верной секиры, хотел было выдернуть ее из-за пояса, но что-то его удержало.

Кормак хорошо знал своего друга: еще немного, и Вулфер выхватит секиру и начнет размахивать ею, давая выход охватившему его бешенству. А враги... Пусть пока их здесь не видно. Если Вулферу понадобятся враги, он их найдет. А если его бешенство перехлестнет через край, он начнет крушить все подряд.

— Атлантиду подняли со дна моря могущественные чародеи с помощью великой магии, — сказал Креон. — Эта земля изначально не отличалась устойчивостью. Атланты использовали свои магические возможности против нас, афинских завоевателей, когда наш флот высадился на их земле. Нам удалось преодолеть их защитные силы и тут началось великое землетрясение, погубившее Атлантиду. Остатков колдовского могущества хватило только на то, чтобы спасти этот остров да еще ближайший из кольцевых островов.

Кормак спустился вниз и встал на каменную плиту рядом с греками и Вулфером. Темнокожие слуги выглядывали из храма, но не решались подойти ближе к хозяевам.

— На том берегу есть люди! — радостно воскликнул кельт, хлопнув товарища по плечу. Он хотел как можно скорее отвлечь Вулфера от

мрачных мыслей, понимая, что если тот даст волю скопившейся ярости, то ничего хорошего из этого не выйдет. — Там люди! Похоже, и мужчины и женщины.

И он сурово посмотрел на Креона:

— Я не ошибся? На кольцевом острове есть люди?

— Да, конечно, — не задумываясь, ответил Креон. — Их там много, возможно, больше сотни. Это атланты, но они выше и стройнее своих здешних сородичей, — он повел рукой в сторону слуг, ожидавших приказаний поодаль. — Правда, они там совершенно одичали. Живут подобно животным...

Кормак дружески обнял Вулфера за плечи и встряхнул. Теперь он мог не тревожиться — ют, видимо, успокоился. Если в кровавые времена падения Рима его инстинктивное стремление убивать было кстати, то сейчас оно могло сослужить им плохую службу.

— К счастью, нас с ними разделяет вода, — взволнованно добавила Антея. — Иначе они давно расправились бы с нами. И своего правителя они, наверное, убили. Мерзкие звери.

Кормак взглянул на девушку.

— Но если атланты были такими могущественными чародеями и владели тайным знанием... — задумчиво сказал он. — Как вы смогли довести их до подобного состояния?

При последних словах в его голосе послышались металлические нотки.

На губах Антеи мелькнула улыбка — тонкая, как лезвие кинжала.

— Мы были еще более могущественными. И хотя во мне самой не течет ни капли крови атлантов, величайшими магами Атлантиды были женщи-

ны, и одна из них во время катастрофы спаслась в этом храме.

Вулфер встряхнулся, как медведь, вылезший из берлоги. Его глаза блеснули, однако во взгляде уже не было прежнего бешенства, напугавшего Кормака.

— Я голоден, — проворчал ют. — И не надо предлагать мне никаких лакомств и прочей чепухи вроде той, что мы уже пробовали здесь. Я хочу мяса.

Креон улыбнулся:

— Конечно. Как только вы появились, я велел слугам зажарить козочку. Сейчас мы пойдем во дворец.

Антея рассмеялась и дотронулась хрупкими маленькими пальчиками до плеча Кормака.

— А если одной козочки окажется мало, мы зажарим еще и будем кормить вас до тех пор, пока вы не насытитесь.

Ее смех звучал в мрачных джунглях будто легкий звон серебряных колокольчиков.

Дворцом оказалось здание напротив храма. Антея шла впереди, держа Кормака за руку. Она без умолку говорила о былом величии Атлантиды, о том далеком времени, когда этот остров был королевской резиденцией и именно отсюда власти управляли континентом. Прекрасный цветущий город, выстроенный на большой земле за кольцевым островом, теперь покоился на дне океана.

На полпути от храма ко дворцу кельт оглянулся через плечо. С этого места храм казался еще более величественным, чем вблизи. Фронтон украшали четыре золотые статуи, установленные на четырех массивных колоннах. Статуи доходили до

середины купола, и, несмотря на их огромные размеры, казалось, что они парят в воздухе.

Кормак вспомнил, что Креон и Антея появились откуда-то снизу. Вероятно, под храмом находились какие-то подземные покои. Он подумал, что хорошо было бы разузнать об этих подземельях побольше.

Когда они приблизились ко дворцу, стало видно, что время не пощадило и его. Серебряные пластины с палец толщиной, покрывавшие каменные стены, кое-где отвалились, а серебро остальных покорежилось и потемнело, хотя все же отражало свет искусственного солнца.

— Эта штукавина что, никогда не заходит? — грубо спросил Кормак, вдруг почувствовав прилив ярости, от которого он только что пытался избавиться своего друга.

— Она будет гореть до тех пор, пока существует этот мир, — отозвалась Антея. — Величайшие чародеи Атлантиды сотворили этот остров; они хотели найти здесь вечное убежище на тот случай, если бы весь континент завоевали враги. — Она горько улыбнулась. — Они не думали, что нам так легко удастся проникнуть в их святилище и занять их место. Но, с другой стороны, и мы — то есть мои предки — тоже не ожидали, что останемся здесь навечно в ловушке. — Девушка взглянула на кельта и шагнула к нему ближе, словно желая рассеять его мрачность. — Во дворце у нас есть светильники. На время нашего обеда мы завесим окна. А потом нам вообще не понадобится никакого света, если только ты его не пожелаешь.

— При других обстоятельствах Вулфер непременно разворчался бы из-за того, что козочку приготовили плохо, и был бы прав — мясо им по-

дали жесткое, полусырое. Но пиратский драккар боролся с непогодой почти двое суток, и за это время у викингов не было никакой возможности сносно поесть. Время от времени удавалось перехватить разве что просоленный черный морской сухарь да запить его глотком эля вперемешку с брызгами бушевавших морских волн.

Поэтому сейчас ют даже внимания не обратил на то, как отвратительно приготовлено мясо. Схватив с блюда большой кусок козлятины, он жадно впился в него крепкими зубами. Слуги принесли вино в кувшинах, и, хотя оно оказалось кислым, Вулфер залпом осушил предложенный ему большой кубок. Во время трапезы он не снимал доспехов, а свою секиру приставил к высокому столику за спиной, поцарапав ее крючком красивый узор из слоновой кости. Креон и Антея, казалось, не заметили этого.

Все четверо сидели на массивных бронзовых табуретах, покрытых пурпурной шерстяной тканью. Кормак огляделся. Внезапно его поразила такая мысль: древняя Атлантида достигла вершин цивилизации, а теперь, спустя тысячелетия после катастрофы, то, что от нее осталось, пришло в упадок и могущественные некогда атланты превратились в обыкновенных дикарей. Разве не то же самое случилось и в его мире, где после падения Рима появились люди дикого и необузданного нрава, подобные ему самому, Кормаку Мак Арту?

Он даже рассмеялся. Не он придумал и создал этот мир. Если человечество время от времени должно возвращаться к первобытному состоянию, что ж, пусть так оно и будет. Тем хуже для людей. Но он, Кормак, силен, ловок и бесстрашен и вовсе

не собирается приближать свой последний день и час.

Креон и его дочь с удивлением посмотрели на гостя. Его смех показался им странным. Вулфер остался невозмутим. Он показал смуглому слуге на пустой кубок, и тот вновь наполнил его вином. Ют подцепил острием кинжала второй кусок жесткого мяса.

— Я думаю о том, как мы будем выбираться отсюда,— солгал Кормак, глядя на греков.

— Обязательно будем,— пробормотал Вулфер между двумя глотками вина, сбросив с кинжала мясо в свою тарелку.— Но сначала нам надо хоть немного поесть.

Стены зала, в котором они сидели, были покрыты медью и украшены гравюрами с изображением атлантов, мирно работающих в садах и полях, убирающих урожай. В тяжелых бронзовых светильниках, стоявших вдоль стен, горело масло; колеблющийся свет подчеркивал красоту древнего убранства зала. На потолке можно было различить остатки старинной росписи — и ее время не пощадило.

Кормак протянул руку к своему широкому кубку из горного хрусталя, богато украшенному серебром. Антея, опередив слугу, сама взяла кувшин и налила Кормаку неразбавленного вина. Оно показалось кельту гораздо крепче, чем те вина, которые ему приходилось пить до сих пор. Наверное, это был очень древний напиток.

— Ну, теперь ты хоть немножко доволен? — кокетливо спросила Антея, не обращая внимания на то, что рядом сидит ее отец. На время обеда она сняла покрывало и осталась в белой прозрачной тунике, сквозь которую можно было видеть ее

отлично сложенное тело с маленькой, но крепкой грудью и крутыми бедрами.

Рубиновая брошь, закреплявшая тунiku на плече, словно светила изнутри. Оправа камня была сделана в виде змеи, кусающей собственный хвост. Глядя на этот огромный рубин, Кормак раздумывал, какими магическими силами могут владеть Креон и его дочь.

Антея, казалось, была разочарована тем, что Кормак так пристально разглядывает ее брошь и не уделяет внимания ей самой.

— Так тебя интересуют только мои украшения? — капризно спросила она, отодвигаясь от Кормака.— А я думала, что ты мужчина!

В этот момент Вулфер швырнул под стол кости и опустошил свой кубок. Пол в зале был выложен такими же мраморными шестиугольниками, как и в храме, только здесь он был не черно-белым, а желтым с красноватыми прожилками. Каменщики расположили мраморные плиты так искусно, что только металлические соединения по краям нарушали узор.

Креон не смог сдержать улыбки над поведением юта. Сам он ел только фрукты. Если он и заметил, какие призывные взгляды бросала на Кормака его дочь, то ничем не выразил своего недовольства. Вообще греки как будто решили исполнить любые прихоти своих неожиданных гостей.

Кормак взглянул на Антею; она улыбнулась ему. Ее волосы перехватывала золотистая лента, из-под которой черные локоны струились по спине до пояса.

По телу Кормака разлилось приятное тепло. Он чувствовал себя сытым и отдохнувшим, здесь его не тревожил омерзительный свет искусствен-

ного багряно-зеленого солнца. Антея ему нравилась, а впрочем, она могла бы понравиться и монаху, принесшему обет безбрачия и чистоты. Кельт поднялся из-за стола и тут почувствовал, что старое вино ударило ему в голову. Он никогда не напивался до отупения и теперь сразу решил, что ему на сегодня достаточно.

Антея тоже выскользнула из-за стола и взяла в руки один из факелов. Ее улыбка показалась Кормаку очаровательной.

— Пойдем со мной, — нараспев произнесла она. — Я покажу тебе кое-что из древней магии, тебе это должно быть интересно.

Вулфер стукнул по столу пустым кубком, над которым тут же склонился слуга с кувшином. Ют свирепо взглянул на него, и маленький атлант в ужасе отшатнулся.

— Будь умницей, моя девочка, — сказал Креон. — А я пока постараюсь занять нашего второго гостя, чтобы он не скучал.

Кормак вышел вслед за девушкой, и они оказались в другом зале, отделанном слоновой костью и редкими породами дерева. Многое здесь за долгие века рассыпалось в прах, и теперь видны были камни кладки и какие-то металлические части.

Пройдя еще ярдов двадцать по коридору, Антея остановилась и жестом пригласила Кормака войти в комнату. Деревянная дверь была обита кожей, головки медных гвоздей образовывали на ней замысловатый узор. Кельт легко мог бы проломить эту дверь ударом кулака.

Антея вставила факел в гнездо подставки, изображавшей голову дракона с разинутой пастью. Кормак огляделся. Обстановка комнаты состояла из тяжелой бронзовой скамьи и множества кованых

металлических сундуков разного размера, расставленных вдоль стен. Через распахнутую дверь во внутренние покои виднелась большая кровать овальной формы.

Кормак шагнул к девушке; она скользнула в его объятия и, схватив его правую руку, прижала ее к своей груди. В следующий миг она отскочила к противоположной стене.

— Сними эти противные доспехи, — сказала она, открывая один из кованых ящиков — узкий и высокий.

— Мои доспехи пока нам не мешают, — отозвался Кормак и опять шагнул к ней. Она рассмеялась звонким серебристым смехом, сунула руку в ящик и дотронулась до какого-то сложного устройства, лежавшего внутри. От ее прикосновения из ящика заструились лучи голубого света, тонкие, как нити пряжи, вытянутые из мотка.

— Ты видишь? — воскликнула Антея. — Это и есть та древняя магия, о которой я тебе говорила. Прикоснись вот тут, и это наполнит тебя доброй силой.

Тонкие лучи медленно, словно ощупывая пространство перед собой, потянулись к Кормаку.

— Убери это, — сказал кельт, угрюмо глядя на Антею. Он мгновенно протрезвел и прижался спиной к стене. Он и не думал, что может испытывать такой страх.

Над узкой верхней стенкой ящика появились серебряные рожки, из которых, как шелковые нити паутины, тянулись голубые лучи. Пальцы Антеи скользили по металлической пластине за рожками; она, не отводя взгляда от Кормака, будто перебирала невидимые струны. Светящийся голубым светом шар, поначалу показавшийся кельту

похожим на моток тонких голубых нитей, на глазах вырастал, но лучи остановились на полпути от Кормака.

— Глупый, это не причинит тебе вреда, — рассмеялась девушка. — Посмотри на меня.

Раздался звук от удара металла о камень. Бронзовая скамья сама по себе перевернулась.

— Вулфер? — крикнул Кормак, бессознательно потянувшись правой рукой к рукоятке меча. Чувство собственного достоинства помешало ему обнажить оружие и тем самым показать, что он чем-то напуган.

Антея, продолжая держать руку за серебряными рожками, шагнула в середину светящегося облака, образованного мерцающими лучами; по ее фигуре разлилось сияние, словно водопад по стеклянной статуэтке. Драгоценный камень на ее плече засверкал вдвое ярче прежнего.

Обнаженная кожа и одежда девушки засветились, словно покрытые тончайшим слоем переливающегося красного стекла, только ее рука и ноги от колен до сандалий оставались за пределами сияющего облака.

— Теперь ты видишь? — спросила Антея. — Это безопасно.

И она протянула руку к Кормаку. Ее голос звучал странно, будто из-под воды. К кельту опять потянулись тонкие голубые лучи.

— Хватит! — крикнул Кормак, выхватив меч из ножен. — Останови их, а не то...

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и на пороге комнаты возник мускулистый, высокий, смуглый человек атлетического сложения. Его голову охватывала узкая повязка; из одежды на нем не было ничего, кроме коротких штанов с бахромой

и ожерелья из медных бляшек. В руках дикарь сжимал древко каменного топора, мощным ударом которого он только что вышиб старую дверь.

Кормак, не раздумывая, ударил воина сбоку мечом в грудь. Тот даже не успел увидеть кельта, как рухнул к его ногам с раной в сердце. Последний крик так и не вырвался из горла дикаря — изо рта и ноздрей хлынула кровь, он изогнулся и замер на полу.

В коридоре Кормак увидел еще десяток, а то и дюжину полуобнаженных смуглых воинов. Он выдернул меч из тела первой жертвы и занес его над головой.

Светящееся облако тем временем полностью скрыло Антею; очертания ее тела теперь лишь смутно угадывались в голубом сиянии. Падая, дикарь задел край облака своим топором, и топор будто увяз в чем-то мягком, а потом стал медленно сползать вниз.

Привычным движением левой руки Кормак попытался выхватить из-за спины свой легкий небольшой щит, но это движение оказалось напрасным — щит остался возле стола в том зале, где они с Вулфером обедали.

Копье ударило Кормака в грудь. Отличная стальная кольчуга особого плетения выдержала удар, но кельт при этом едва удержался на ногах. Нападавшие дикари, очевидно, принадлежали к той же расе атлантов, что и слуги во дворце и в храме, однако они были выше ростом и хорошо сложены. Во всяком случае, ничто в их облике не наводило на мысли о вырождении.

Кормак отпрыгнул назад как раз в тот момент, когда перед самыми его глазами блеснуло лезвие бронзового меча. Мягкая бронза, конечно, не могла

сравниться с римским кавалерийским стальным оружием, добытым в битве в Бильбао. Меч Кормака словно щепку перерубил бронзовое лезвие и с размаху опустил на голову дикаря. Повязка на голове смутлокожего воина обагрилась кровью, и он упал вперед, не сгибая колен, как падает каменная статуя.

Перед Кормаком снова вырос воин с копьем, но на этот раз кельт был готов сразиться с ним. Краем глаза он увидел древко копья из кизилового дерева, толщиной с запястье, и решил, что рубить его мечом бесполезно — сталь застрянет в тяжелой древесине. Изловчившись, кельт ухватился за древко левой рукой и мощным рывком бросил копейщика прямо на острие своего меча. Вскрикнув, дикарь упал замертво.

Кормака выхватил из-за пояса кинжал и оказался лицом к лицу с двумя могучими воинами. Однако оба атланта все же были ниже Кормака ростом и к тому же полуобнажены. Кельт вонзил свой испанский кинжал, лезвие которого возле рукоятки было шириной в пять пальцев, под ребра первому из нападавших и, пользуясь телом жертвы, как щитом, опустил меч на обнаженное плечо второго. Из страшной раны фонтаном забила кровь, и оба дикаря свалились под ноги Кормака.

Тут в его грудь врезался тяжелый бронзовый молот. Из глаз кельта посыпались искры от резкой боли в ребрах. Широкоплечий атлант вложил в удар молота, который он держал обеими руками, всю силу своего огромного тела, и на миг дыхание Кормака перехватило. Но сам дикарь не рассчитал силу удара и качнулся вперед, не удержавшись на ногах. Это погубило его — в следующее мгнове-

ние из его горла торчал смертоносный кинжал. Обмякшее тело кельт отбросил к стене коридора.

Уцелевшие атланты бросились бежать, некоторые из них побросали оружие, наверное чтобы быстрее удрать. Кормака кинулся вслед за ними, забыв про Антею. Она так и продолжала стоять внутри сияющего голубого облака. Рядом с облаком валялся на полу каменный топор; копье, подобно ему увязшее в голубом сиянии, сползло вниз.

Кормака еще не оправился от удара молотом в грудь, и при каждом шаге его тело пронзала острая боль. Лезвие его меча, задевая каменные стены коридора, выбивало из камня красные искорки. Боль так ослабляла Кормака, что он, сам того не замечая, держался слишком близко к стенам. На бегу он выкрикивал проклятия и только усилением воли не останавливался и не терял сознание.

Если бы осколок сломанного ребра проткнул ему легкое, он уже сплевывал бы кровавую пену. Этого пока не случилось. Сейчас Кормака беспокоило нечто гораздо более важное, нежели собственная боль. Боль была ничто по сравнению с сознанием, что где-то там, в зале, Вулфер, и что он может оказаться в опасности, и что есть еще враги, с которыми предстоит расправиться.

Слуг нигде не было видно. Убегавшие дикари скрылись в обеденном зале, и Кормака последовал за ними.

В обеденном зале царил хаос. Еще светили два уцелевших светильника, но в основном зал освещали не они, а такое же облако из тонких сияющих голубых лучей, какое Кормака уже видел в комнате Антеи.

Креон стоял в этом светящемся облаке, отделенный сиянием от всего окружающего. Правда,

вместо того чтобы управлять лучами с помощью металлической панели, он просто водил руками. Тонкие мерцающие нити тянулись туда, куда указывал им Креон. словно шелковые шнуры они захлестывались на шеях двух дикарей, которые в конвульсиях извивались на полу.

***

Дикари окружали мерцающее облако, пытаются проколоть его копьями или прорубить. Среди них было много женщин. В толпе выделялся старый воин с изрезанным морщинами лицом, державший в руках жезл. В колеблющемся свете, исходящем от голубого облака, жезл казался металлическим. На голове у вождя — а это, несомненно, был вождь — вместо повязки красовалось нечто вроде чалмы, сплетенной из золотой и серебряной проволоки.

Из пола в центре зала был вынут один из мраморных шестиугольников, под ним открывался черный проход куда-то вниз. Когда Кормак вбежал в зал, он успел увидеть, как в этом проходе исчезли связанные ноги Вулфера.

Меч кельта врезался в толпу дикарей, как коса в пшеничное поле. Для колебаний времени не было: главным преимуществом Кормака могла стать лишь внезапность. Римский меч вычерчивал в воздухе широкие дуги. Когда кто-то из атлантов, пригнувшись, пытался подойти к кельту, Кормак левой рукой беспощадно всаживал в тело врага кинжал.

Он прекрасно знал, что острие меча — испытанное и верное орудие убийства. Лезвием рубить удобнее, но такие удары не всегда бывают смертельны. Однако сейчас ему не приходилось

раздумывать о том, каким именно способом расправляться с врагами.

Правильно нанесенный удар оставляет человеку возможность прожить не больше минуты — пока в сердце еще остается кровь. Однако в течение этой минуты смертельно раненная жертва еще многое может успеть.

Налетев на толпу дикарей подобно вихрю, Кормак посеял среди них ужас; некоторые просто оцепенели. Почти не глядя, кельт нанес страшную рану воину, что бросился на него с топором. Меч не дошел до сердца, и рана, скорее всего, была не опасна, но от неожиданности дикарь как подкошенный свалился на каменный пол и, скорчившись, застыл. Топор выпал из ослабевшей руки, с грохотом отлетел в сторону; голова атланта запрокинулась, и он зажмурил глаза.

Вождь с жезлом громко что-то выкрикнул, и уцелевшие дикари метнулись к зияющему входу в подземелье. Нападение Кормака оказалось столь внезапным и ошеломляющим, что никто из них не сумел оказать кельту серьезного сопротивления. Воины (а многие из них были женщинами) инстинктивно выбрасывали перед собой оружие, пытаются защититься, но в мерцающем свете голубого облака они, пожалуй, даже не успели понять, что перед ними один-единственный враг.

Кормаком владела ярость и жажда убийства; ему было все равно, отступают его враги или стоят на месте. Он ударил в спину одного из бегущих и налетел на вождя. Тот поднял ему навстречу свой жезл.

С кончика жезла заструились тонкие голубые лучи, точь-в-точь такие, как из магических приспособлений греков. Лучи коснулись правой руки

Кормака, его движение замедлилось, а в следующий миг меч и вовсе застыл в воздухе.

— Чтоб твои потроха свиньи съели! — в бешенстве выкрикнул Кормак, устремляясь к вождю с кинжалом.

Вождь отпрянул назад. С кончика жезла слетел еще пучок голубых лучей, и они коснулись левого запястья кельта. Их прикосновение оказалось леденящим.

За спиной вождя последний из его уцелевших воинов исчез в черном отверстии. Дикарь подвинул каменный шестиугольник на его прежнее место, камень глухо стукнул о камень, и вход в подземелье закрылся.

Несколько раненых воинов лежали на полу, некоторые громко стонали. Тех двоих, чьи шеи были перехвачены голубыми лучами, Креон продолжал удерживать в прежнем положении. Лицо грека было очень странным — как будто его распяли.

Кормак опять шагнул к вождю. Им владело такое чувство, словно его меч и левая рука придавлены каменной скалой. Концом своего жезла вождь направил одинокий луч на правое запястье Кормака, потом кулаком ударил кельта в грудь.

В зал вбежала Антея и выхватила меч у одного из раненых. За ней толпой следовали слуги.

— Отец! — воскликнула она. Черты ее лица изменились, она словно постарела с тех пор, как Кормак видел ее в последний раз в ее покоях.

Вождь атлантов отступил, и голубые лучи отпустили Кормака. Старик перевел конец жезла на подземный ход. Жезл пробил камень и полетел вниз, вслед за бежавшими дикарями. Тогда вождь шагнул навстречу Кормаку. Освобожденный меч

тут же пронзил его насквозь, однако кельт успел с изумлением понять, что римская сталь прошла сквозь тело мертвеца.

Свет, окружавший Креона, с тихим звоном сжался в маленький шарик и исчез. Грек, пошатываясь, шагнул к дочери.

— Они прошли через подземный ход, — выдохнул он. — Прошли, миновав Стража. У них есть жезл власти.

Креон выглядел дряхлым стариком. Глядя на него, Кормак вспомнил лицо вождя атлантов — оно словно стояло перед его глазами.

Тряхнув головой, кельт выдернул оружие из тела атланта, потом сорвал его пояс. Он не спешил. Надо было хотя бы отдышаться и дать мышцам минутный покой, прежде чем действовать дальше. Матерчатым расшитым поясом вождя дикарей Кормак вытер лезвие меча и кинжал.

Стены зала и даже потолок были забрызганы кровью. Большинство раненых уже не подавали признаков жизни. На полу крови почти не было, и Кормак понял почему. За тысячелетия каменный пол покрылся невидимыми глазу трещинами, и кровь просочилась в камень на целый дюйм.

— Жезл власти? — переспросила Антея. — Теперь, когда прошло столько времени? Но это немыслимо, невозможно!

— Невозможно, но это так. Истощение ужасно, — отозвался Креон. — Взгляни, вот у него был в руках жезл. — Он коснулся кисти руки вождя носком сандалии, и она отломилась, как сухая ветка. Все тело атланта было высохшим, будто по меньшей мере год лежало под солнцем в самой жаркой пустыне.

— Где Вулфер? — спросил Кормак.

Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, однако с каждым вдохом дыхание становилось ровнее, и он уже не хватал воздух открытым ртом с жадностью утопающего. Если к нему еще и не вернулись потраченные силы, то, по крайней мере, он уже почти не чувствовал той боли в ребрах, которая мешала ему преследовать атлантов в коридоре. Его тело еще должно было послужить ему. Конечно, он еще не был в идеальном состоянии, но ведь и вся его жизнь складывалась отнюдь не идеально, а уж то, что происходило сейчас, было и вовсе далеко от какого-либо идеала и спокойствия.

Греки разом взглянули на него.

— Атланты забрали с собой твоего друга, — сказал Креон. — Дикари с кольца, напавшие на нас из тоннеля, проложенного подо рвом. Не могу даже представить себе, что им понадобилось от него. Они не могли знать, что кроме нас с Антеей здесь есть кто-то еще.

Он посмотрел на свою дочь.

— Я захватил двоих. Ты?..

Антея сокрушенно покачала головой:

— Нет, нет. А из этих нам никто не может пригодиться?

Она оглядела лежавших на полу дикарей. Застывшие глаза одной из женщин, вытянутая и неподвижно замершая нога атланта, пытавшегося убежать от смертоносного меча Кормака, скорчившиеся неподвижные тела остальных...

— Нет, конечно, — ответила она себе самой. — Вижу, что нет.

— Куда они забрали его? — прорычал Кормак так, что слова, казалось, запрыгали от стены к стене.

— Откуда... — начала было Антея и — замерла. Язык не повиновался ей. Она невероятно состарилась. Такова была цена, которую они с отцом платили за владение древней магией. Так, могущество, заключавшееся в жезле власти, погубило того, кто им пользовался, это Кормак видел собственными глазами.

— Мне кажется, что они утащили его туда, где живут сами, — на кольцевой остров, — сказал Креон. — Если только они доберутся туда и не достанутся Стражу... Правда, у них есть магический жезл... Я не поверил бы, что возможно пройти мимо Стража, если бы не видел их здесь сам.

Креон, пошатываясь, прислонился спиной к металлическому ящику, из которого еще недавно исходило голубое сияние. Кормак вздрогнул, но греку попросту нужно было на что-то опереться, чтобы не упасть в изнеможении на пол. Вместо бодрого и полного сил человека, встречавшего гостей в храме, сейчас перед Кормаком стоял древний старец.

Вытерев кинжал, Кормак убрал его в ножны; затем он убрал в ножны и меч и шагнул к каменной плите, закрывавшей вход в тоннель. Сквозь щели вокруг неплотно прилегавшей плиты пробивался свет — он был слишком слабым, чтобы думать, будто он исходит от светильников.

— Тебе нельзя идти туда! — воскликнула Антея. — Страж!..

— Если только дикари не убили его, — слабым голосом перебил ее Креон.

Антея повернулась к отцу.

— С одним только жезлом? — ядовито спросила она. — Вздор, отец. Мы с тобой вместе пытались справиться со Стражем еще тогда, когда он был гораздо меньше!

Кормак потрогал каменную плиту, обдумывая, как бы подцепить ее и сдвинуть с места.

— Тебе нельзя туда идти, — с неожиданной злобой сказал Креон. — Ты пропадешь. Скорее всего станешь добычей Стража.

Кормак оглянулся. Те двое атлантов, которых Креон удерживал магическими лучами, неподвижно лежали на полу. Слуги связывали их ноги и запястья крепкими шелковыми веревками. Такими же веревками были связаны ноги Вулфера, мелькнувшие перед Кормаком, когда он вбежал в зал...

Кельт выпрямился и мельком подумал, что его мышцы уже в полном порядке. Резким движением ноги он поднял один из бронзовых табуретов и сорвал покрывавшую его ткань. Креон отшатнулся; слуги с возгласами ужаса разбежались по сторонам. Антея прикрыла ладонью левой руки рубиновую брошь. Ее лицо оставалось непроницаемым.

Кормак поднял табурет над головой, будто тяжелый цеп, и ощутил его приятную тяжесть. В следующий миг он с силой бросил его на металлический сундук, из которого Креон извлекал голубые сияющие лучи.

Кельт не хотел сам прикасаться к этому дьявольскому устройству.

Бронзовый кованый сундук и бронзовый табурет мгновенно со звоном расплавились. Металл засветился, но не голубым, а жарким, изжелта-оранжевым светом, как раскаленный уголь в пышащей жаром печи. Брызги расплавленной бронзы разлетелись во все стороны, распространяя по залу запах какой-то горячей мерзости.

Слуги с воплями толпой выбежали из зала. Застонал на полу раненый дикарь. Греки стояли молча, потрясенные происшедшим.

— Так вы собирались нас использовать так же, как использовали этих несчастных? — прорычал в бешенстве кельт, показав на связанных дикарей. — Заморозить, связать, а что потом, хотел бы я знать?

Он сплюнул. Плевок попал на ногу Креона.

— Убирайтесь отсюда, пока я не поступил с вами так же, как с этой вашей колдовской штуковиной!

С бледными, как полотно, лицами греки молча выскользнули из зала. На плаще Креона дымилась края дыры, прожженной каплей расплавленного металла.

Кормак наклонился и ухватился пальцами за края каменной плиты, закрывавшей вход в подземелье. Железная отделка его ножен царапнула пол.

Лук Вулфера и колчан со стрелами стояли в углу, но секира исчезла вместе с кютом. Кормак никогда не позволял себе надеяться, так же как не пускал в свое сердце страх, но теперь...

Если Вулфер во что-то и верил в жизни, так не в богов, а в эту свою секиру, которая помогала ему справиться с любым врагом, встретившимся на его пути. Так что пока кют и его секира оставались вместе, они были непобедимы.

Кормак поднатужился и с резким криком выпрямился. Каменная плита весила вдвое больше человека, и держать ее можно было только за края — никаких специальных ручек на ней, конечно, не имелось. Дикая первобытная сила кельта вступила в борьбу с земным притяжением и тяжестью камня. Человек победил в этой борьбе, рывком подняв плиту над отверстием.

Выпрямляясь, Кормак повернулся с плитой в руках и отбросил ее туда, где еще светилась лужа расплавленного металла — все, что осталось от

того, что было магическим устройством, которое давало Креону силу и могущество. Из-под камня вырвалось несколько искр.

Кормак схватил свой щит, поднял меч и опустил ноги в темноту подземного хода.

***

Подземный ход оказался высотой в добрых восемь футов и был вымощен каменными плитами. Дикари, как запомнилось Кормаку, не отличались гигантским ростом, хотя и были гораздо выше своего повелителя, который прислуживал грекам. Сначала он подивился, как им удалось сдвинуть каменную плиту входа, потом вспомнил о магическом железе. Расплата за могущество была слишком высока, но и могущество магии он видел сам.

В начале тоннель представлял собой просторную трубу, засоренную илом и нанесенными штормовыми волнами камнями. В толстом слое ила отчетливо были видны следы бежавших дикарей, в одном месте из стены торчала медная кирка. Кто-то когда-то пытался выломать из стены камень и обломал ручку кирки.

Кормак, выставив перед собой обнаженный меч, направился вперед, туда, где тоннель расширялся.

Свет, увиденный им сквозь щели, исходил от слоя странной плесени, покрывавшей пол и каменные колонны просторного помещения, в которое выводил тоннель. Свод, поддерживаемый колоннами, поднимался на сорок, пятьдесят, шестьдесят футов над скользким полом и был покрыт металлом.

Местами металлическое покрытие было покоржено, некоторые колонны полуразрушены — все здесь указывало на давнюю катастрофу. Где-то

вдалеке слышались звуки, напоминавшие вздохи могучих легких.

Без сомнения, это сооружение служило до гибели Атлантиды судостроительной верфью. Скаты, заросшие плесенью, тянулись от каналов к стенкам для причаливания судов. Наклонные поверхности предназначались для подъема кораблей из воды. Какой же должен был быть в Атлантиде флот, если люди выстроили такую верфь? Этого не мог себе представить даже такой моряк, как Кормак Мак Арт, побывавший на краю земли и повидавший на своем веку немало городов и стран.

Однако он не заметил и следа кораблей. Если в момент землетрясения здесь и находились какие-нибудь суда, то тысячелетия закончили разрушительную работу. Плесень покрывала скаты ровным толстым слоем, и уже невозможно было определить, где тут в далеком прошлом стояли корабли.

Каналы были глубиной футов в двадцать — в расчете на суда гораздо больших размеров, чем те, которые были известны Кормаку и бороздили моря и океаны в его родном мире. Вода давно ушла из них; наверное, это случилось тогда, когда магические силы выдернули сей мирок из нормального времени и пространства. Кормак не мог найти объяснения тому, что здесь существуют вода и воздух, но коль уж светило искусственное багрово-зеленое солнце... К тому же сейчас кельту было не до раздумий о всех здешних странностях. Прежде всего предстояло найти и освободить Вулфера. Потом они выберутся отсюда. Все остальное не имело значения.

Следы дикарей на плесени он видел отлично, так что идти по ним не составляло труда. Здесь атланты спустились в канал, пересекли его и даль-

ше бежали вдоль причала. На дне канала в беспорядке валялось оружие, вокруг была вытоптана широкая площадка, напоминавшая поле битвы.

Вдруг Кормак увидел кисть человеческой руки. Она лежала на слое плесени. Кости запястья были раздроблены.

В слабом рассеянном свете кельт ориентировался с трудом; еще сложнее оказалось определить расстояние — сколько он прошел и сколько, может быть, придется еще пройти. Кормак шагнул вперед, и тут ему почудилось какое-то движение с правой стороны. Он быстро прикрылся щитом, но ничего не заметил, кроме широкой вертикальной трещины в ближайшей колонне. Именно там он видел что-то движущееся.

В сотне футов от выхода из тоннеля лежала половина женского тела без торса — только ноги и ягодицы. Голову он увидел футах в двадцати дальше. Черты лица выдавали преклонный возраст: оба глаза заволокла молочная пелена катаракт. При первом же взгляде на останки кельт понял: некое существо растерзало уже мертвое тело.

Кормак продвигался вперед, стараясь не скользить по плесени. Эхо его шагов гулко отдавалось среди колонн. Внезапно к звукам, похожим на вдохи и выдохи, примешался другой, напоминавший трель. Вслед за этим послышалось что-то вроде глухого урчания.

По мере продвижения вперед Кормак пытался найти хоть какой-нибудь след существа, растерзанного тела дикарки. Без сомнения, именно его Креон и Антея называли Стражем, однако они никак не описали его. Других следов, кроме человеческих, Кормак здесь не видел. Может быть, таинственный Страж крылат?

Кельт взглянул вверх и увидел отраженный в потолке рисунок огромных следов, которые он не мог увидеть под ногами. Каждый след был в целый ярд длиной; все они хорошо отпечатались на блестящей плесени, были ровны и одинаковы и выстраивались в отчетливую линию, каждый на расстоянии пяти ярдов от другого. Теперь Кормак мог определить точнее: дикарей, возвращавшихся через тоннель на остров, преследовало многоногое существо футов пятнадцати в ширину.

На камне перед кельтом лежала человеческая нога, тела поблизости видно не было. Мышцы были иссохшими и дряблыми, старческими, как у того вождя, с которым Кормак сражался в зале дворца. Видимо, атланты пытались остановить того, кто их преследовал, с помощью магического жезла, и они страшно расплачивались за это.

Идя дальше вдоль следов, Кормак наткнулся на части другого тела, до того растерзанные, что невозможно было понять, принадлежало оно человеку или животному. Сила великой магии жезла делала всех его обладателей одинаковыми перед лицом смерти.

Чем ближе Кормак подходил к выходу из этого подземного царства, тем больше он видел вокруг следов давней катастрофы, погубившей Атлантиду. Все чаще на его пути попадались колонны, вывернутые из своих оснований и державшиеся вертикально только благодаря давлению свода сверху. Металлическое покрытие свода повсюду было повреждено; местами виднелись трещины шириной в целый фут.

Неподалеку уже мерцал багрово-зеленый свет. Широкий грязный скат, по которому можно было выбраться наверх, был завален камнями, и от его

конца до отверстия в высоком своде оставалось еще футов тридцать.

Теперь повсюду Кормаку стали попадаться кости крупных животных. Наполовину заросший илом, валялся слоновий череп с бивнем — он показался Кормаку гораздо длиннее бивней живых слонов, которых ему доводилось встречать на земле.

Багрово-зеленые блики освещали свод и справа от Кормака, довольно далеко от того места, где он находился. Можно было предположить, что наружу ведет не один этот выход, но, сколько их всего, Кормаку не мог сейчас узнать.

Он начал подниматься по наклонному скату наверх, пробираясь через грязь и камни, но еще не представляя себе, как он преодолет тридцать футов от края ската до зияющего отверстия наверху. Может, удастся что-нибудь придумать...

Откуда-то из темноты слышались шлепающие звуки. Эхо сбивало Кормака с толку, не позволяя определить направление, откуда они доносились. Кормаку припал на левое колено, прижав к себе щит и выставив вперед меч, готовый отразить нападение с любой стороны.

Извиваясь, изгибая спину как огромная приливная волна, по скату прямо на него надвигалась гигантских размеров сороконожка.

Кельт вскрикнул и, продолжая прижимать щит к груди, сплеча ударил мечом, сам не зная куда. С таким же успехом он мог попробовать остановить оползень.

Отвратительная тварь шевелила одним усом, на месте второго торчал уродливый обрубок. Огромные челюсти шлепали друг о друга, открывая ужасную пасть. Два жала по обе стороны пасти, выделявшие ядовитую слюну, тянулись к груди Кормака.

Голову чудовища защищал панцирь, подобный каменной броне. Меч Кормака лишь слегка оцарапал его. На поверхности панциря виднелись и другие царапины, некоторые из них казались свежими. Тварь не обратила никакого внимания на выпад человека и продолжала тянуть к нему ядовитые жала.

Еще шаг гигантских лап, и оба жала ударили Кормака в грудь. Кольчуга не треснула и не разорвалась, но от безумной боли в поврежденных ребрах у Кормака потемнело в глазах. Он еще нашел в себе силы для второго удара мечом, но он, как и первый, не причинил чудовищу никакого вреда.

С обеих сторон бронированной головы сороконожки гроздьями сидели по шесть круглых выпуклых глаз. Третьим выпадом Кормаку поранил три глаза слева, но тварь, казалось, даже не заметила раны. Кормаку отступил назад по скату.

Круглое червеобразное тело чудовища в диаметре было около шести футов. Оно переваливалось на огромных неуклюжих лапах, на суставах которых росли волоски, напоминавшие тигриные когти. Каждая лапа заканчивалась огромной острой клешней, похожей на щипцы кузнеца. Тварь поднималась, опираясь на хвост, и три передние пары лап угрожающе зашевелились в воздухе, готовые схватить жертву.

Кормаку упал на спину и с криком оттолкнул щитом клешни, коснувшиеся его кольчуги. Чудовище наклонило вперед голову, снова направив оба жала в грудь человека. В огромной пасти кельт разглядел две острые хитиновые пластины снизу и сверху. Без сомнения, они служили исполину вместо зубов.

Следующий удар Кормаку нацелил прямо в раскрытую пасть, и челюсти тут же крепко сжали

стальное лезвие острыми краями пластин. Кельт попытался протолкнуть меч глубже, однако из этого ничего не вышло. Сороконожка подняла голову, и Кормак, оторвавшись от земли, повис на рукоятке меча на высоте тридцати футов.

В следующий миг чудовище разжало челюсти. Кормак, перелетев через бронированную голову, скользнул по спине гада, покрытой панцирем, и упал в грязь. Шлем соскользнул с его головы и откатился в сторону, но меч он продолжал крепко сжимать в руке и по-прежнему прикрывал грудь щитом, чему сам немало удивился.

Пока отвратительная тварь, извиваясь, поворачивалась к нему, кельт успел вскочить на ноги и почти не глядя ударил ее мечом в бок, хотя и понимал, что удар будет напрасным — пробить каменный панцирь было совершенно невозможно. Гордость Кормака, его великолепный римский меч оказался бесполезен против мерзкого чудища. Кормак был теперь твердо уверен только в том, что сороконожке ничего не стоит сожрать его, перемолов кости острыми пластинами. Это было так же верно, как то, что в настоящем мире каждое утро поднимается и каждый вечер заходит солнце.

Тварь повернулась, и перед человеком опять оказалась покрытая панцирем голова с ужасной пастью. Кельт выпрямился.

— Кормак! — прозвучал рядом знакомый голос.

Меч Кормака вновь скользнул по голове твари, повредив еще один глаз. И тут могучие руки подхватили кельта под мышки и рывком подняли вверх.

Голова чудовища молниеносно поднималась следом. Из обоих жал брызгала ядовитая слюна. Уце-

левший ус, который был длиннее, чем все тело Кормака, качнулся вперед.

Кормак махнул мечом из стороны в сторону, стараясь не причинить вреда тому, кто крепко держал его в воздухе. Лезвие меча, описав широкую дугу, перерубило качавшийся ус пополам.

Тварь словно подпрыгнула, молниеносно вытянувшись вверх. Кормак вскрикнул и подтянул колени к груди. Рядом с его башмаками клацнули друг о друга страшные челюсти. Он ткнул мечом вниз, но уже не задел своего врага: Кормака и того, кто его держал, быстро поднимали на веревке вверх.

Чудовище опустилось на все лапы, медленно развернулось, потом двинулось по скату вниз, в том направлении, откуда появилось. Может быть, тварь решила, что рано или поздно человек все равно станет ее жертвой и потому сейчас не стоит тратить на него силы? А может быть, она просто потеряла Кормака из виду, ослепленная ярким светом, что струился сверху.

Все то время, пока кельта поднимали наверх, он видел под собой длинное, покрытое панцирем тело на мощных лапах и слышал тяжелое ритмичное шлепанье лап по грязи.

Но вот голова и плечи Кормака поднялись над краями отверстия, и он взглянул на кольцевой остров. Неподалеку в воде плескалась огромная рыба; берег покрывала буйная растительность, хотя ужасный свет, заливавший все вокруг, делал картину весьма непривлекательной. Однако после Стража, убравшегося обратно в свой тоннель...

Двое смуглокожих ребятишек во все глаза смотрели на Кормака. Все взрослые тянули веревку, спасая Кормака и Вулфера.

Наконец друг отпустил Кормака, и кельт облегченно ступил на твердую землю. Его колени еще дрожали от перенесенного напряжения, и по ребрам разливалась ноющая боль.

Ют широко улыбался, уперев руки в бока.

— Я так и знал, что ты придешь,— пророкотал он.— Между прочим, я собирался идти и встречать тебя. Эти люди, которые спасли меня от того греческого колдуна...

Вулфер жестом показал в сторону десятка дикарей, толпившихся рядом. Они потирали руки, натертые грубой веревкой до саднящих ссадин. Одна из них — совсем юная девушка — была одета в украшенный затейливым узором жилет, а с ее пояса свешивался жезл власти. Она подошла к юту и встала рядом с ним.

— ...они считали, что я напрасно иду туда, но я подумал, что это все же лучше, чем оставить тебя там наедине с многоногим приятелем.

Кормак глубоко вздохнул и вложил меч в ножны.

— И ты, и они были одинаково правы,— пробурчал он.

— Мое имя Лоугра,— сказала девушка с жезлом власти.— Мой брат умер, и теперь я королева Атлантиды.

В ее голосе прозвучала почти детская важность. Она оглядела свои владения — лесные заросли — и своих подданных — ребятишек и горстку взрослых. Голос ее дрогнул, когда она добавила:

— Мы все должны умереть, сейчас или очень скоро. Канин и остальные не позволили бы мне взять жезл, пока мы бежали. А сейчас это мое право.

Она опять взглянула на своих подданных. Большинство из них были много старше ее. Некоторым

старикам было, должно быть, за семьдесят, однако ничто в их облике не указывало на то неестественное одряхление, которым награждал жезл власти своих владельцев.

— Это мое право! — воскликнула Лоугра.

Остальные атланты, стоявшие поодаль, продолжали разглядывать свои руки. У них был вид уцелевших бойцов разбитой армии, впрочем, они таковыми и являлись. Кельт без труда понял, что большая часть атлантов погибла в этот день во дворце, а многие стали жертвой жуткого Стража подземелья.

Кормак оглядел дикарей. Теперь, когда они оказались его спасителями, а вовсе не противниками в кровавой схватке, он был немало удивлен их обликом — например, высокими лбами, что придавали атлантам чрезвычайно благородный вид, и тем мастерством, с которым была сшита их одежда и изготовлено снаряжение.

Один из атлантов держал в руке замечательное копье с длинным древком; его длина была футов семь. Для тяжести на древко до середины были набиты металлические полосы. Наконечник копья показался Кормаку слишком широким. Вулфер проследил за его взглядом.

— Да, это копье Аслифа,— ответил ют на молчаливый вопрос друга.— Должно быть, нам с ним предстоит встретиться в Валгале, не раньше. Честью для Горма было пасть от руки такого врага.

Кормак удивленно взглянул на своего названного брата.

— Аслиф Сакс появился у нас незадолго до того, как родились Хотин и Балла,— объяснила Лоугра, кивнув на двух детей. Ребятишкам было года по два, не больше. Хотя, подумал Кормак, в

таком месте, где не бывает смены дня и ночи и времен года, возраст, наверное, трудно определить на глаз.

— Он и его люди с боем ушли от колдунов, которые собирались вытянуть из них жизнь, как они поступали со всеми своими пленниками. Саксы построили плот, но водяные чудовища потопили его и сожрали всех, кроме самого Аслифа. Мы залечили его раны, и потом он повел нас против колдунов.

— Ты говоришь об этом выродке Креоне, который обвел меня вокруг пальца и заставил оцепенеть с помощью своего голубого света? — спросил Вулфер. — Он вовсе не потомок древних колдунов. Он и его дочь и есть эти древние колдуны и чародеи. Они выпивают кровь каждого, кого только им удастся изловить, чтобы самим сохранить молодость.

Пальцы юта произвольно сжали древко секиры.

— Не кровь, а жизнь, — поправила юта Лоутра. — Хотя это почти одно и то же. Аслиф вел нас подземным ходом. Он дрался со Стражем, пока остальные шли во дворец.

— Отличная работа, — произнес Вулфер, поглаживая древко секиры. — Мне-то не пришлось увидеть многоногого, пока я не спустился за тобой. Удерживать его хоть какое-то время одним только копьем — это, право, достойно мужчины.

— Посейдон отвернулся от нас, — горестно вздохнул Лоутра. — Он послал нам чудовищ — Креона и Антею с их черной магией. Если бы они не были чародеями, мы давно положили бы конец их власти.

Да уж, поистине эти двое — чудовища, мелькнуло в голове Кормака. Внезапно он понял, что не

только магия греков стала причиной катастрофы. Мгновение назад глаза уцелевших атлантов ничего не выражали — в них застыла пустота, но сейчас он заметил, что их лица и взгляд изменились. В них появилось выражение отчаянной злости.

— У меня нет друзей по ту сторону, — угрюмо произнес Кормак. На всякий случай он отставил правую ногу назад, как бы случайно принимая оборонительную позицию.

От Вулфера не ускользнуло движение друга, и он, шагнув к кельту, обнял его за плечи.

— Эти люди тащили меня через подземные переходы связанным, — произнес ют. — Иначе я перебил бы их всех до одного, прежде чем они успели бы объяснить мне все как есть, а потом многоногий сожрал бы меня точно так же, как Аслифа, это уж точно.

— Такова была воля Посейдона, — сказала Лоутра. — Ты всего лишь его оружие.

— Бедняга Аслиф, — мрачно продолжал Вулфер, глядя куда-то вдаль. — Он был настоящим гигантом. Ему удалось на какое-то время задержать многоногую тварь, даже после того, как он остался без своего копья.

Кормак расправил затекшую под тяжестью доспехов спину и плечи, ощутив в мышцах рук привычную силу. Где-то в зарослях раздался трубный звук, и кельт вспомнил слоновий череп, который видел внизу.

— Здешние жители говорят, что отсюда нет выхода, — каким-то бесцветным голосом сказал Вулфер. — Так что греки не солгали. Они говорят, что мы можем остаться с ними на этом острове...

— Здесь больше не рождаются дети, — тихо и печально проговорила Лоутра. — Последние, кто

родился здесь, это Хотин и Балла, а до них тоже долго никто не рождался — половину моей жизни. Посейдон отвернулся от нас.

Вдалеке опять протрубил слон. Кормак взглянул на королеву атлантов, но думал он о хитросплетении нитей в той сети, которую набросила на него судьба.

Кольцо воды было широко и глубоко, оно могло заключать в себе целый мир. Существа, населявшие его, могли существовать в воде с тех пор, как образовался этот загадочный мир со входом, но без выхода. Перебраться через водное пространство и при этом остаться в живых оказалось невыполнимой задачей. Аслиф погубил саксов, которых повел за собой на плоту.

Другое дело подземные пещеры. Твари в панцирях могли подолгу обходиться без еды. Однажды Кормак нашел за подкладкой своего шлема паука, обитавшего там не меньше трех лет. Подкладка намокла от пота во время очередной жаркой битвы, и под ней пауку невозможно было найти никакой добычи, однако он, затаившись, продолжал жить.

Креон и Антея говорили о Страже так, будто чудовищная многоножка была одного возраста с ними, но из их слов можно было понять, что эта тварь одна. С одним чудовищем можно справиться, хотя по собственному опыту Кормак знал, что оружие здесь не поможет. Надо что-то придумать.

Греки, как плохие хозяева, выбрали самых лучших, полных жизненных сил атлантов себе в жертву, и за многие тысячелетия атланты на главном острове превратились в жалкое подобие людей. Вынужденные каким-то образом поддерживать свое существование, Креон с дочерью обратили свое

могущество на то, чтобы находить для себя жертвы за пределами того мира, в котором они оказались заключены навечно. Ирландцы, саксы... А теперь и предводители пиратов.

Какое-то время Кормак стоял, глубоко задумавшись, совершенно неподвижно, всем своим видом напоминая бронзовую статую. Внимательно поглядев на кельта, Вулфер сказал:

— Что до меня, то я хочу немного — всего-навсего выбраться отсюда.

— Я хотел этого с самого начала, — прошептал Кормак. — И мое желание осталось неизменным. Но сначала мы должны разделаться с теми, кто затащил нас сюда. Разве не так, дружище?

Он взглянул на Вулфера и улыбнулся. Ужасным было выражение его лица в этот миг.

Ют пожал плечами и улыбнулся в ответ.

— Почему бы и нет, если ты так уж этого хочешь? Мне приходилось убивать людей и за меньшие провинности. — Он дико расхохотался, и в его глазах появилось то же хищное выражение, что и в глазах кельта. — Я убивал только для того, чтобы попробовать, остер ли мой новый меч!

Оба пирата рассмеялись и ударили друг друга по рукам ладонь в ладонь. Где-то опять протрубил слон.

— Но это безумие! — неожиданно гневно выкрикнула Лоутра, смотревшая на приготовления пиратов.

Ее слова напомнили Кормаку выражение лица Креона, когда грек понял, что кельт собирается последовать за атлантами в подземный ход. Конечно, Креону было досадно, что полный сил здоровый воин достанется не ему, а подземному чудовищу.

Вулфер примеривался к копыю Аслифа. Копья не были привычным для юта оружием, но сейчас выбирать не приходилось. Да и гигантскую многоножку нельзя было назвать обычным противником.

— Человек может умереть только один раз, — назидательно ответил он. — Да и потом, Одину по душе храбрые.

— Но мы ничем не сможем вам помочь! — горячо воскликнула Лоутра. — А если вы останетесь здесь, с нами, то заклятие колдунов, может быть, не коснется вас, и тогда... Тогда у нас снова будут рождаться дети...

— Нам вовсе не нужна ваша помощь, — сурово оборвал ее Кормак. Ему было наплевать на откровенный призыв, прозвучавший в словах Лоутры. Первая женщина, которую он увидел в этом мире, едва не погубила его. Теперь он вовсе не был уверен, что Лоутра менее опасна, чем Антея. А кроме того, перед ним стояла совсем другая задача.

Кельт опустил на колени и проверил крепость узлов на бычьих жилах, которыми веревочная лестница была привязана к трем большим старым деревьям. Аслиф соорудил эту лестницу в расчете на свой вес и на вес атлантов, спускавшихся за ним в подземелье, но Кормак решил, что лишняя предосторожность не помешает, и со всей силой затянул узлы сам.

— Как ты думаешь, ведь об этом нашем приключении можно сложить неплохую сагу, верно? — с усмешкой подошел к нему Вулфер. — О том, как мы с тобой полезли в логово дракона и победили его?

Ют критически оглядел свою секиру, проверил ногтем остроту лезвия. Перед этим он, наверное,

целый час точил его камнем, хотя с тех пор, как месяц назад они одержали победу в битве в Оркнее, оно едва ли успело сильно затупиться. Голубые лучи Креона застали юта врасплох, он просто не успел пустить в дело свое любимое оружие.

— Правда, это не настоящий дракон, — продолжал он, — да и сложить о нас сагу будет некому. А жаль, славная бы вышла история.

— Если повезет, нам не придется драться с этой тварью, — отозвался Кормак. — Сходим туда и вернемся обратно, вот и все.

Он еще раз оглядел лестницу и все их снаряжение, потом взглянул на ухмыляющегося юта.

— Все готово. Как ты?

— Не придется драться? — разочарованно переспросил Вулфер. — Ну, впрочем, как скажешь. Тебе виднее.

Кормак сбросил лестницу вниз. Бамбуковые перекладыны весело застучали. Бамбук, конечно, не очень надежный материал, но веревки крепкие, должны выдержать, даже если какая-то ступенька и сломается. Так подумал Кормак и начал спускаться вниз.

— Башмаки Кормака коснулись беспорядочно наваленных камней. Здесь, в подземелье, по-прежнему раздавались шорохи, напоминающие глубокие вздохи. Кельт нахмурился: они могли заглушить иной звук — звук приближения врага, и тогда друзья окажутся в опасной близости от Стража...

Кормак спрыгнул с лестницы; следом за ним, ворча что-то себе под нос, спрыгнул и Вулфер. Ют легко управлялся со своей секирой в любой кровавой схватке, но тут ему пришлось карабкаться по веревочной лестнице, а этим искусством Вулфер владел не слишком-то хорошо.

— Ну, что теперь будем делать? — спросил он, оглядываясь. — Ты не собирался драться, но у многоногого могут оказаться на этот счет совсем другие планы.

— Сюда, — сказал Кормак, направляясь вниз по скату. — Нам надо обрушить одну из тех колонн, что подпирают свод там, подальше от входа.

— А в этом случае мы не останемся здесь навсегда? — с сомнением пробормотал Вулфер. — Впрочем, делай, как знаешь.

Гулкое эхо их шагов вызывало у кельта мысли о чудовищной твари. Но пока гигантской сороконожки поблизости не было. Что ж, у нее достаточно обширные владения. Может быть, им удастся сделать то, что задумано, и вернуться наверх прежде, чем тварь окажется рядом. А может быть, чудовище и вовсе не учует пиратов — ведь оба его уса отсечены. И может, откуда ни возьмись, появится друид, взмахнет золотым волшебным жезлом и вернет их с Вулфером в тот мир, где они родились?..

— А чем тебе не нравится эта? — спросил Вулфер, когда они проходили мимо одной из колонн. Во время землетрясения она сильно накренилась, и вдоль нее сверху донизу шла глубокая трещина. Было бы нетрудно закончить разрушение, начатое природой, хотя вряд ли это привело бы к чему-то дельному.

— А почему ты не рассказал атлантам, что ты задумал? Зачем тебе понадобилась такая таинственность?

— Все равно они ничем не помогли бы нам, — ответил кельт, однако на самом деле он просто привык держать свои замыслы в глубокой тайне, никому не доверяя. — Они даже могли попытаться

нам помешать. В конце концов, у нас с ними разные намерения.

Следующая колонна стояла довольно далеко, ярдах в пятидесяти — по крайней мере, так казалось Кормаку.

— Вот эта нам подойдет, — сказал он и вставил острый металлический стержень между двумя рядами каменной кладки.

Дикари делали свои инструменты из тех металлов, которые можно было найти в разрушенных строениях, — из бронзы, олова и меди. У них не имелось ни железа, ни стали, но этот стержень был выкован из крепкой тяжелой бронзы. Кормак собирался использовать его как рычаг.

Вулфер поглядел на колонну и вставил наконечник копья Аслифа под бронзовый стержень. После этого он изо всей силы налег на древко.

Камень медленно, со скрежетом начал выворачиваться с места и в конце концов выпал из кладки. Кормак подхватил рычаг и, вставив его между камнями нижнего ряда кладки, навалился на него со всей силой молодого тигра, так, что бронза погнулась.

Вулфер с рычанием пришел на подмогу кельту. Камень сдвинулся и рухнул к подножию колонны...

...Колонны были сложены без известкового раствора, к тому же их изрядно покорежило землетрясение, в результате которого затонула Атлантида. Все, что нужно было сделать пиратам, — это выломать камни одного ряда кладки, а остальное довершит за них тяжесть свода...

Неприятной встречи избежать не удалось. Спустя несколько мгновений кельт расслышал странные чавкающие звуки... Из темноты на Кормака и Вулфера надвигалась гигантская многоногая тварь,

размеренно ступая всеми неуклюжими лапами по слабо светившейся плесени.

— Заканчивай работу! — прокричал другу Кормак. Сам он бросил рычаг, выхватил из ножен меч и прикрылся щитом. Все это он проделал почти машинально, ни на миг не задумываясь. — Я задержу его!

— Нет! — взревел Вулфер, выхватывая копье из трещины, куда он только успел его вставить.

— Тупоголовый ют! Единственная для нас возможность спастись — это обрушить свод! — крикнул Кормак, шагнув навстречу чудовищу.

Тварь остановилась и приподняла голову и переднюю часть тела. Кельт пригнулся, и ядовитые жала не задели его, мелькнув над головой.

Кормак оказался в настоящем лесу из огромных омерзительных волосатых лап с клешнями. К тому же лапы были покрыты роговыми пластинами. По одной из них он ударил мечом, и неожиданно для него самого этот удар пробил толстую шкуру, покрывавшую сустав.

Из раны полилась не кровь, а какая-то бесцветная жидкость; лапа дернулась.

Изогнувшись, сороконожка повернулась, и с обоих жал брызнула ядовитая слюна. Челюсти безостановочно открывались и закрывались — во время нападения все инстинкты твари были направлены на пережевывание добычи.

Кормак упал, откатился в сторону и снова быстро вскочил на ноги. Голова чудовища покачивалась, но поврежденные глаза и усы не давали ему возможности быстро обнаружить жертву, так что несколько мгновений Кормаку ничто не угрожало.

Из колонны один за другим выпало несколько камней. Вулфер работал одновременно и копьем,

и рычагом. Он набросился на колонну с таким остервенением, будто перед ним был отряд врагов. Если он и видел схватку Кормака с многоногой тварью, то ничем этого не показывал.

Кормак тяжело дышал. Сороконожка обнаружила его и опять развернулась, пошевеливая остатками усов. Кельт опять шагнул ей навстречу и едва не упал, поскользнувшись на скользкой плесени.

Острые ядовитые жала ударили в щит слева. Щит выдержал удар, но Кормак отлетел назад и ударился о камень. Левая рука, которой он держал щит, почти онемела.

Сороконожка надвинулась на человека. Челюсти клацнули, словно камень о камень. Кормак извернулся, думая о том, как бы не подставить под удар острых жал обнаженные ноги.

В этот момент Вулфер схватил его за плечо и резко оттащил в сторону. Удар мощной бронированной головы пришелся прямо по колонне.

Колонна рассыпалась на куски, любой из которых мог наповал убить человека, в какие бы прочные доспехи он не был одет. Лапы сороконожки продолжали по инерции двигаться вперед; на спину, покрытую панцирем, падали камни.

Кормак отполз подальше от падающей колонны, а заодно и от чудовища. Щит звенел, как гонг, при каждом прикосновении к полу подземелья, но даже Кормак с его острым слухом не слышал этих звуков из-за грохота падающих камней.

Остатки древней Атлантиды начали разрушаться. Обшитый металлом свод прогнулся и треснул; сверху сначала небольшой струйкой, а потом все более сильным и обширным потоком полилась вода. Пиратам повезло: в этом месте над подземе-

льем был уже ров с водой, а не пласты твердой земли.

Теперь оставалось только благополучно выбраться на поверхность.

Вулфер перегнулся пополам, прижав к груди огромный камень. Это была часть капители колонны. Сначала, взглянув на друга, Кормак ничего не понял, но в следующий момент ему стало ясно, что произошло: камень ударил юта в грудь так, что у него замерло дыхание.

Кельт поднял Вулфера одной рукой, не вспомнив о своем щите и не вложив меч в ножны.

— Пошли, ленивая скотина! — крикнул он. — Как ты думаешь, я выберусь отсюда, если ты не потащишь меня на себе?

Вместе с потоком воды в подземелье летели комья грязи и водоросли. Вода покрыла слой плесени на полу, и слабое свечение исчезло.

Вулфер, все еще согнувшись и прерывисто дыша, едва переставлял ноги. Он потерял копье Аслифа. Левой рукой он обхватил Кормака за пояс. Кельт шел вперед, волоча друга за собой. Но здоровяк Вулфер понемногу приходил в себя. Он по-прежнему сжимал секиру в правой руке. Он всегда был готов схватиться с врагом.

***

Вода доходила друзьям уже до колен, идти становилось все труднее. Шум водопада заглушал все остальные звуки.

Но вот наконец забрезжило пятно яркого багрово-зеленого света. Вереvoчная лестница покачивалась от движения воздуха, идущего от потока воды.

Вулфер убрал руку с пояса Кормака и повернулся назад, занеся над головой секиру. Уловив

движение друга, кельт повернулся вслед за ним. Это была давняя привычка, приобретенная за долгие годы во многих кровавых битвах.

Поднимая лапами фонтаны брызг, огромная сороконожка надвигалась прямо на них.

Со страшным криком Кормак ударил чудовище щитом в морду. Тварь, как и в прошлый раз, подняла голову и переднюю часть туловища. Видимо, ее крохотный мозг был способен только таким образом реагировать на прямое нападение, сколько бы подобное ни повторялось. Вулфер изо всей силы опустил вперед секиру и мощным ударом перерубил одну из огромных лап с правой стороны туловища.

Сороконожка наклонилась над кельтом, не обращая никакого внимания на острие меча, упиравшееся в пластину панциря между туловищем и головой. Меч не принес твари никакого вреда — ее защищал хитиновый покров.

Лапа с клешней толкнула Кормака в грудь, и он упал спиной в воду, едва успев прикрыться щитом. Но вот одно из ядовитых жал пробило щит и скользнуло по записью кельта. Он закричал, продолжая барахтаться в холодной воде и пытаясь подняться.

Вулфер ударил тварь секирой, отступил на шаг и ударил еще раз. Каждый раз испытанное боевое оружие отсекало одну из лап чудовища. Ют занес секиру над головой для четвертого удара, но в этот миг тварь резко попятилась назад.

Лево́й рукой Вулфер помог Кормаку встать на ноги. В правой он сжимал секиру, не сводя глаз с отступившей сороконожки. Омерзительная тварь свернулась кольцом вокруг груди камней. В баг-

рово-зеленом свете ее длинное туловище казалось коричневым.

— С тобой все в порядке? — спросил Вулфер.

Двигаясь спиной к спине, друзья начали подниматься по скату туда, где висела веревочная лестница. Сороконожка в любой момент могла опять накинуться на них.

— Да, — ответил Кормак, потирая левую руку. Ядовитое жало только скользнуло по его запястью, не поранив, но в том месте, где оно коснулось кожи, кельт чувствовал слабое жжение.

Наконец они достигли цели, однако Кормак был уверен, что как только один из них начнет подниматься по лестнице, чудовище нападет на второго.

— Поднимайся первым, — сказал он Вулферу тоном, не допускавшим возражений. — Я пойду следом за тобой.

— Так я тебя и послушался! — ответил кут. — Ты первым спускался, тебе первому и подниматься. Давай пошевеливайся.

Вода продолжала прибывать и уже плескалась в начале ската. Тварь снова развернулась и направилась к людям. Пираты отскочили в разные стороны; каждый встал так, чтобы не мешать другому своим оружием.

Вулфер занес над головой секиру. Кормак выставил вперед правую ногу, приготовившись налечь на меч всем весом своего тела. Он вовсе не надеялся, что мечом удастся пробить мощный панцирь чудовища, и догадывался, что даже смертельно раненная сороконожка проживет еще столько, что успеет сожрать их обоих. Однако его правилом было драться до конца, каков бы он ни представлялся...

Вдруг вниз по лестнице соскользнула хрупкая фигурка и метнулась между Вулфером и Кормком навстречу гнусному чудовищу. Это была Лоугра, державшая в правой руке жезл власти. Ее слабо освещало голубое сияние лучей, слетавших с жезла. Сороконожка остановилась и замерла на месте. Девушка на глазах старилась, так быстро, как в воде тает соль.

Кормак шагнул к ней, но Вулфер схватил его за руку.

— Пусти! — рванулся кельт.

Вулфер потянул его к лестнице.

— Идем! Ей теперь уже не поможешь.

Вулфер был прав. Лоугра уже не была той юной девушкой, которая только что спрыгнула с лестницы. Магические силы на глазах друзей превратили ее в дряхлую старуху. Чудовище, оставаясь на месте, отчаянно перебирало лапами. Даже огромной силы магического жезла было недостаточно, чтобы заставить тварь замереть.

Кормак вложил меч в ножны и взялся за лестницу. Переладины были расположены на расстоянии полутора футов одна от другой, и Кормак перешагивал сразу через две. Они трещали под его ногами, но не ломались. Дыша тяжело, как загнанный конь, Вулфер поднимался следом за другом.

Когда пираты выбрались на поверхность, никого из атлантов не было рядом со входом в подземелье. Вода в водном кольце стремительно убывала — уходила вниз, в подземелье.

— Теперь, пожалуй, мы сможем перейти этот ров по дну, — сказал кельт. — Едва ли они ждут нас. Я говорю про Креона и Антею.

Кормак не мог себе представить, что будет с Атлантидой, когда вся вода уйдет под землю. Он понимал только, что у них с Вулфером есть еще немного времени, и этого времени вполне хватит, чтобы расправиться с коварными греками.

Из отверстия, ведущего в подземелье, поднялась отвратительная голова сороконожки. Огромные челюсти, не останавливаясь ни на миг, перемалывали останки последней королевы атлантов.

Меч Кормака рассек сустав одной из лап чудовища. Вулфер поднял секиру и опустил ее на покрытую панцирем голову, словно молот.

На земле поднялась часть туловища твари. Кормаку удалось перерубить еще одну лапу с клешней. Секира Вулфера пробила панцирь, поднялась и опустилась опять.

Сороконожка скользнула назад и скрылась в отверстии.

— А теперь пойдем и разделаемся с греками, — сказал Вулфер, вытирая лоб. — Пусть бы их оказалось и больше двух.

Не теряя напрасну времени, Кормак и Вулфер направились по дну рва к главному острову. Дно было покрыто толстым слоем ила, так что друзья шли по колено в скользкой вязкой массе. Кельт отчаянно ругался и высоко поднимал меч.

Неподалеку в иле билась огромная рыба, длиною ярдов в пять. При таких размерах она могла бы запросто проглотить человека. Ее чешуя блестела в ярком свете искусственного солнца. Без воды ей оставалось жить совсем недолго. Любителей падали ждал недурной пир.

Переход по илистому дну оказался изнурительным и занял гораздо больше времени, чем рассчитывал Кормак.

Оставалось только надеяться, что Креон и Антея не ждут их возвращения и не успеют подготовиться.

А впрочем, кельту было уже все равно. Он чувствовал в себе такую ярость, что мог бы сразиться с кем угодно голыми руками и без доспехов.

— Проклятый жезл там, где ему самое место. Теперь он не сможет убивать людей так, как убивал до сих пор, — неожиданно с горечью произнес он. — Она не должна была этого делать!

— Кто знает, почему человек поступает так или иначе? — задумчиво отозвался ют.

Башмаки Вулфера хлопали по жидкой грязи. Кормак быстро прошел еще ярдов двадцать и остановился, чтобы перевести дух перед следующим рывком.

Центральный остров был окружен мраморным парапетом, поднимавшимся на полтора фута над уровнем воды, когда она еще заполняла ров. Едва ли после столь тяжелого перехода друзья смогли бы вскарабкаться по гладкой мраморной поверхности. Справа, в сотне ярдов от пиратов, виднелась полуразрушенная мраморная площадка, от которой вниз шла широкая лестница. Кельт изменил направление и двинулся туда. За площадкой на берегу он увидел сверкающие серебром стены здания. Видимо, это и был дворец.

Неподалеку, наполовину зарывшись в грязь, лежало существо со множеством щупальцев. Оно было покрыто панцирем. Поначалу Кормак подумал, что оно сдохло, но потом заметил большой выпуклый глаз, глядевший в их с Вулфером сторону. Однако пираты были на таком расстоянии

от странного существа, что оно никак не смогло бы дотянуться до них щупальцами.

Вулфер хмыкнул, кивнув в сторону удивительного создания:

— Лучше уж тащиться по колено в грязи, чем плыть рядом с этакой тварью.

Вдали, из-за закругленной стены, показалась чешуйчатая голова, которая покачивалась на длинной мощной шее футах в десяти от поверхности. Два блестящих глаза уставились на Вулфера и Кормака долгим взором, словно чудовище размышляло, подходящая ли это для него добыча.

Наверное, пираты в качестве трапезы все-таки устроили кронозавра, потому что он испустил злобный крик и двинулся по направлению к ним.

— Рядом с таким уродом плавать тоже не весело, — пробормотал ют. — Впрочем, с ним, должно быть, и ходить-то опасно.

— Бежим! — крикнул Кормак.

До мраморной площадки оставалось еще ярдов сто — там они должны были оказаться вне досягаемости кронозавра. Он был пока достаточно далеко, но продвигался по илу очень быстро. Конечно, теперь, без воды, он не проживет долго, но пока что он был жив, голоден и, судя по всему, очень свиреп.

Может быть, если бы они остановились и замерли на месте, чудовище не тронуло бы их? Раздумывать об этом времени не оставалось. Было ясно, что кронозавр предназначил их обоим себе на обед.

Слой ила высотой до колен замедлял движения. Ничего героического не будет в том, что они утонут в этой грязи или их сожрет невиданная тварь...

— Если мы... добежим... до лестницы... — задыхаясь, выговорил ют, — ты один... сможешь его... задержать?

— Смогу! — крикнул в ответ Кормак.

Все его тело словно горело огнем. Горели ноги, руки, жар разливался по груди, и красная пелена застилала глаза. Кельт не понимал, что задумал Вулфер, но размышлять об этом не стал. Главное — побыстрее добраться до мраморной площадки. Он вовсе не собирался заканчивать жизнь в желудке чудовища, хотя надеяться оставалось только на чудо.

Бапмаки Кормака застучали по мраморным ступеням. Он перепрыгивал через две ступеньки сразу. Две, еще две. Теперь, по крайней мере, под ногами была не грязь, а твердая опора.

Кормак остановился и обернулся. Мимо него проскочил наверх Вулфер, оставляя на ступеньках грязные следы. Голова кронозавра метнулась к людям, из раскрытой пасти высунулся длинный раздвоенный язык. Меч Кормака, описав в воздухе широкую дугу, отсек часть языка чудовища. Брызнула кровь.

Кронозавр отклонил голову назад; его вытянутые челюсти сомкнулись. Грудь чудовища поднималась и опускалась, из ноздрей вырывался струями пар. Ноздри прикрывались своеобразными клапанами, которые открывались во время выдоха и закрывались после вдоха.

Кормак перешагнул еще через две ступеньки, потом еще. Чудовище не отставало. Его спину покрывала черная с зеленой чешуя — ее пластины переливались в свете искусственного солнца.

Кончиком меча Кормак ударил по приоткрытой пасти и рассек десны кронозавра. Конечно,

эта рана вовсе не была опасной, да и вообще Кормак не представлял, как нужно ранить это чудовище, чтобы нанести ему хоть какой-то вред.

Боль опять заставила тварь с рычанием откинуть голову назад. Конечно, кельт понимал, что справиться с кронозавром ему не под силу, однако точными ударами меча можно было хотя бы ненадолго задержать его. В отличие от исполинской сороконожки, он, по-видимому, был способен испытывать боль и неприятные ощущения останавливали его.

Кормак повернулся и избежал по лестнице наверх, думая о том, как бы не оступиться, — если только он поскользнется и полетит вниз, все будет кончено. Но вот он добрался до площадки. Над ней поднимался полуразрушенный купол; большая часть колонн уцелела. За ними можно было укрыться от выпадов чудовища.

Кронозавр выгнул мощную шею и скользнул вперед, помогая себе передними лапами. Огромное чудовище распростерлось на ступенях, разрушая древний мрамор. Отвратительная голова металась туда-сюда, лишь каким-то чудом еще не сбив человека с ног.

Решив не ждать нападения, Кормак ударил мечом в горло кронозавра. Однако шея чудовища была точно покрыта железом. Меч вошел в нее на длину ладони, а кровь едва проступила. Нечего было и думать о том, чтобы перерубить артерии.

Кронозавр в ярости мотнул головой, и в следующий миг его челюсти сжали одну из колонн. Кормак увидел зубы чудовищных размеров, вероятно широкие у основания и чрезвычайно острые. Эти зубы были предназначены для того, что-

бы сокрушать панцири других тварей, вроде той, что неподвижно лежала в иле на дне рва, когда пираты вышли из подземелья.

Зубы кронозавра крошили мрамор, как мягкий известняк. Колонны были сложены из отдельных цилиндров, скрепленных между собой свинцовыми скобами. Видимо, под зубами чудовища оказалась такая скоба — он отдернул голову и двинулся дальше. На суше он передвигался довольно неуклюже, ворочая лапами. Кормак занес было меч над головой, но удар огромного лапа отбросил его футов на двадцать.

Длинная шея кронозавра вытянулась, и голова его оказалась у самой груди Кормака. Кельт успел подумать, что на этот раз его не спасет кольчуга, которой он так гордился. Ведь он только что видел, как эти зубы крушили мрамор...

В этот миг стрела пригвоздила раздвоенный язык чудовища к небу.

Кронозавр зарычал и поднял голову навстречу новому врагу. На дорожке, выложенной мраморными плитами и ведущей во дворец, стоял Вулфер, сжимая в руках свой лук.

Пока Кормак поднимался на ноги, ют выпустил еще одну стрелу в раскрытую пасть чудовища.

Снова зарывав, разъяренное чудовище вползло на мраморную площадку, сметая на своем пути оставшиеся колонны. Посуху оно передвигалось с трудом, но от этого не становилось менее опасным.

Сердце Кормака замерло, когда эта тварь двинулась мимо него. Лезвие меча вошло в кожу кронозавра чуть ли не на локоть, однако рана эта, видимо, была для исполина не страшнее пустячной царапины.

Вулфер держался с таким невозмутимым видом, будто командовал сейчас целой армией. Следующая его стрела впиалась в правое нижнее веко чудовища, а сразу вслед за ней ют послал стрелу прямо в немигающий глаз.

Кронозавр повернул голову направо. Его примитивный мозг не мог иначе отреагировать на потерю зрения с одной стороны.

Вулфер использовал каждый миг. Стрелы вонзались в шкуру одна за другой, но не причиняли кронозавру никакого вреда.

Кормаку пришлось упереться в бок чудовища ногой, чтобы вытащить меч. Он напряг все силы, даже те, о наличии которых в себе не ведал сам — казалось, меч застрял в скале. Наконец ему удалось освободить свое оружие. И тогда проклятая тварь вновь повернулась мордой к нему. Кельт бросился на мраморные плиты площадки и перекатился под огромным туловищем. Теперь он стал невидимым для полуослепшего чудовища. Мощный ласт хлопнул по мрамору как раз в том месте, где только что стоял Кормаку.

Кронозавр попытался уйти назад. Стрелы Вулфера были для него как осиные укусы для человека: если бы их было слишком много, они, пожалуй, могли оказаться смертельными.

Ют перестал стрелять. Чудовище сползло вниз и двинулось прочь по дну рва, поднимая фонтаны грязных брызг.

— Отличная работа... — начал Кормаку.

Вулфер поднял лук и изо всей силы натянул тетиву. За полетом стрелы почти невозможно было проследить. Она вонзилась в шею кронозавра, у самого основания головы. словно не заметив этого, чудовище продолжало шлепать через ров по слою ила и грязи.

Вулфер опустил лук. Эта стрела была последней в его колчане.

— Он уходит, — произнес Кормаку, потирая правое запястье.

— Верно, — отозвался ют. — И теперь мы знаем, что он не вернется.

Пожав плечами, Кормаку сорвал несколько листьев с ближайшего куста и обтер ими лезвие своего меча.

— Пойдем искать греков, — сказал он.

— Когда пираты подошли к задней стене дворца, земля под их ногами содрогалась. Со стены сорвалась тяжелая серебряная пластина и со звоном упала на мраморную дорожку.

Вулфер ухмыльнулся.

— Думаю, они понимают, что мы пришли вернуть им долг, — произнес он.

— Так оно и есть, — отозвался Кормаку.

Двери были распахнуты настежь — никто не закрыл их после того, как ют выбежал из дворца со своим луком и колчаном, спеша на помощь другу, так что теперь пираты беспрепятственно вошли внутрь. Оба они держали наготове оружие, оба напружинились, приготовившись к смертельной схватке.

Однако по дороге в обеденный зал друзья никого не встретили. В самом зале они обнаружили почти прежнюю картину. Тела убитых дикарей исчезли, однако брызги крови и сломанная мебель напоминали о том, что произошло здесь совсем недавно.

За второй дверью, ведущей из зала, стояли двое слуг, негромко переговариваясь между собой. Когда за их спинами, как из-под земли, выросли пираты, атланты отчаянно закричали и по-

пытались убежать. Кормак стремительно бросился наперерез и поймал маленькую женщину за плечи.

Вулфер наклонился к пленнице:

— Где твои хозяева?

Маленькая смуглая женщина опустила на пол, закрыла лицо обеими руками и тоненько жалобно закулила.

— погоди-ка, дружище, — сказал Кормак. — Они же не понимают нашего языка.

Он поднял служанку на ноги. Веса она не больше ребенка. Может быть, она и была ребенком. Все эти атланты выглядели сморщенными маленькими старичками.

— Креон? — спросил он, пытаясь придать своему голосу мягкость. — Антея? Скажи, девочка, где они.

Должна же она, в конце концов, знать имена своих хозяев.

— Где Креон и Антея?

Пленница продолжала скулить. Неожиданно из-за двери выглянул второй слуга и быстро закивал. Указательным и средним пальцами вытянутой руки он показывал себе за спину.

Кормак оставил женщину, и они с Вулфером вместе протиснулись в дверь. Маленький атлант семенил впереди, с ужасом поглядывая на пиратов через плечо. Он выбежал из дворца и показал на храм.

— Отлично. Вперед! — рявкнул ют. Кормак не отставал от него, сжимая в руке меч.

Слуга показал внутрь храма и остановился. Кормак обернулся, чтобы посмотреть, нет ли погони, и увидел в дверях дворца еще нескольких слуг, боязливо жавшихся друг к другу.

Земля содрогалась. Некоторые из каменных плит, которыми было вымощено пространство между храмом и дворцом, находили друг на друга, между другими на глазах увеличивались трещины.

Кормак вбежал в храм первым. В огромном зале под куполом не было никого, хотя здесь могли поместиться тысячи людей.

Дальняя дверь — из нее появились греки, когда Кормак и Вулфер пришли в себя после падения из своего мира в этот, чужой, — была и сейчас открыта.

— Туда, — решительно сказал Кормак. Гул, которым сопровождалась подземные толчки, заглушил его голос, однако Вулфер и сам уже увидел открытую дверь.

Вниз от нее вела винтовая лестница. Ее ступени поблескивали серебром. Лестница ходила ходуном под ногами пиратов, узкие ступени двигались, как живые. По стенам, словно мириады крошечных копий искусственного солнца, прыгали дрожащие красно-зеленые огоньки.

Если бы не знакомое голубоватое сияние возле дальней стены, Кормак не увидел бы Креона и Антею в огромном круглом зале. Они стояли рядом с уцелевшим магическим ящиком; над ним поднимался голубоватый свет.

Из стены выламывались и с грохотом падали на пол огромные камни, из-под которых в зал текла вода. Антея пыталась остановить разрушение, направляя на стену колдовские лучи.

Однако остановить катастрофу магическое устройство греков уже не могло. Сила магии заключалась в поглощаемой голубым сиянием человеческой жизни, а вода не была живой. До тех пор

пока колдовские лучи питались чужой жизнью, они могли пресекать любое противодействие, но сейчас в них не было силы, способной сдержать напор воды...

В жалком создании, стоявшем позади металлического ящика, почти невозможно было узнать Креона. Антея стала похожа на муху, из которой паук высосал кровь. Она повернулась к двери и попыталась поднять руку, но не смогла.

Кормак вспомнил девушку по имени Лоутра, погибшую в пасти отвратительного чудовища. Он не улыбнулся, однако и печали в его сердце не было.

Голубое сияние внезапно исчезло. Стена рухнула и погребла под собой Креона, Антею и магический ящик.

Вулфер потянул Кормака за плечо, и пираты быстро поднялись обратно в храм.

Землетрясение продолжалось. Вот рухнула и разлетелась на мелкие куски одна из огромных колонн. Оставаться в храме — значило неминуемо погибнуть, посему друзья поспешили к выходу.

Пол под куполом вздыбился; тяжелые шестиугольные плиты поднялись и опять упали; колонны трещали. Вниз посыпались обломки купола.

Наружные колонны раскачивались из стороны в сторону; наконец каменные цилиндры, из которых они состояли, развалились и рухнули на обломки храма.

Кормак с обнаженным мечом в руке в какой-то момент оказался на краю мраморной плиты, вздыбившейся на десять футов над плитой возле входа в храм. Он не удержался на ногах и покатился куда-то вниз. Однако со следующим подземным толчком ему удалось вскочить на ноги.

Тяжелые мраморные колонны и купол, разрушаясь, проваливались куда-то вниз, в подвалы. Оттуда вырывались клубы пара. Смешиваясь с тучами пыли, они окутывали разрушенный храм так, что на его месте уже ничего нельзя было разглядеть.

— Вулфер! — изо всех сил крикнул Кормак. Звук его голоса потонул в страшном грохоте землетрясения. Искусственное солнце померкло, его скрывали теперь пар и пыль. Багрово-зеленый свет сменился бледно-шафрановым, напоминающим цвет остывающих в очаге углей.

— Вулфер!

Огромная рука юта схватила руку Кормака. Оба держали оружие наготове, хотя в этом теперь не было никакой нужды. Биться было не с кем, но пираты считали, что наступил их последний час, а настоящему мужчине подобает умирать с оружием в руках.

Секира, меч и верный друг — что еще нужно, когда наступает конец света?

Искусственное солнце давало теперь не больше света, чем луна в утреннем ясном небе. Ото всюду слышался страшный гул — мир рушился.

Рядом с друзьями опять вздыбилась поверхность вымощенного двора. Огромная сосна, в сотню футов высотой, закачалась и, вывернувшись из земли с корнями, рухнула в нескольких ярдах от людей. Бежать было некуда.

Внезапно небо треснуло, как скорлупа огромного яйца, и сквозь трещину, рассеивая непроглядную тьму, засияло настоящее солнце, умытое туманами земных северных морей. Огромный водяной вал захлестнул то, что некогда было великой Атлантидой; земля ушла из-под ног пиратов.

В последний миг Кормак успел вложить меч в ножны.

— Сюда! — крикнул он, увлекая за собой Вулфера к дереву, едва не раздавившему их несколько мгновений назад. Теперь в свете настоящего солнца можно было разглядеть что-то рядом.

Пираты ухватились за ветви огромного дерева. Кормак подумал, что надо бы привязать себя к дереву хотя бы поясами, однако времени на это не оставалось. К тому же трудно было угадать, каким образом поток воды перевернет дерево вместе с ними.

Огромная соленая волна накрыла их с головой и вынесла куда-то из мира, который должен был исчезнуть несколько тысячелетий назад.

Дерево вздрогнуло, стремительно закрутилось в воде и полетело куда-то. Кормак изо всех сил держался за крепкие ветви. Земля исчезла в глубинах настоящего моря. Огромная волна, видимо, ушла дальше. Теперь сосна спокойно покачивалась на воде. Кормак перебрался наверх и огляделся в поисках Вулфера. Из воды высунулась рука, ухватила за ветку в десяти футах от кельта.

Кормак вскочил на ноги, балансируя на стволе дерева, как он часто делал, стоя на носу корабля. Однако прежде чем он успел прийти на помощь другу, из воды показалась вторая рука, а за ней голова, мокрая рыжая борода и мощные плечи Вулфера. Ют сплюнул, глубоко вдохнул и взгромоздился на дерево верхом, как на коня.

— А я уж подумал, что ты решил меня бросить, — сказал Кормак.

Вулфер вытащил из-за пояса секиру и вонзил ее глубоко в ствол дерева. Теперь за ее древко можно было держаться.

— Что ты хочешь этим сказать? — проворчал он. — Ты, наверное, забыл, что капитан-то я!

Краем глаза Кормак уловил какое-то движение в воде неподалеку. Скорее всего, это была рыба. Но могло быть и так, что это вынырнул из воды уцелевший кронозавр. Кормак невольно рассмеялся. Выйти живыми из такого приключения и оказаться-таки сожранными отвратительным чудовищем!

— Не вижу ничего смешного, — прорычал Вулфер. — Ты, конечно, не догадался прихватить ничего съестного?

— Я не... — начал было Кормак, но, не договорив, вскочил на ноги. Вулфер на всякий случай схватил друга за ногу.

— Я действительно не прихватил с собой ничего съестного, — произнес Кормак, — но я думаю, что съестное найдется у них. Гляди-ка, это же наш корабль! Эти лодыри отдыхают! Смотри, весла опущены в воду, парусов нет. Вот что делает с людьми перемена погоды!

Он поднял меч и замахал им над головой:

— Эй! Эй вы, бездельники! Эй!

Поднялся и Вулфер:

— Эй, на корабле! Гакон, ленивая скотина! Быстро на весла!

Корабль стоял в четверти мили от сосны, на которой плыли друзья. Однако кто-то услышал призыв своего капитана. Весла дружно ударили по воде.

Кормак и Вулфер опять уселись на ствол, ожидая встречи с викингами. Еще несколько мгновений назад они и мечтать не могли о такой удаче.

— Спасибо тебе, что ты бросился за мной в воду,— сказал Вулфер, не глядя на друга.

Кормак усмехнулся:

— За сокровища целого мира я не позволил бы тебе утонуть.

Он вспомнил маленькую Лоугру, вздохнул и стал ждать приближения корабля.

ЛЮБОВЬ И ОДИНОЧЕСТВО

Любовь и одиночество!
 Все это я отдам тебе Астерия
 Из камня взятые велением богов,
 Золота застывшего браслеты,
 В янтарной чаше самоцветы,
 Плащ, пурпура огнем согретый
 И вина из пиратских погребов.
 Галеры побегут для тебя, Астерия,
 В поисках чудес неведомых.
 Из брызг фонтана и шелковых тканей
 Я мир сотку для твоих желаний
 Туманом радужных мечтаний:
 Алых, голубых, фиолетовых.

(Пер. А. Андреева)

Июнь 1932 года принес Говарду одно из самых сильных разочарований в его жизни. Друг Роберта по переписке Лавкрафт, после того как распался его брак, стал много путешествовать. Он обычно отправлялся в поездку весной, прихватив дешевый чемодан и вместительную клеенчатую сумку, в которых кроме одежды находились письменные принадлежности, дневник, небольшой телескоп, консервный нож и столовые приборы. Во время

путешествия он старался как можно больше экономить, добываясь до места на автобусе и заранее, на тот случай, если в дороге кончатся деньги, покупая обратные билеты.

В тех местах, где у него не было друзей, которые могли бы его приютить, Лавкрафт останавливался в домах, предоставляемых христианскими союзами молодежи. Он сокращал расходы на прачечную, собственноручно стирая свои рубашки и нижнее белье, сам стриг себе волосы с помощью приспособления из двух зеркал, которое позволяло ему подравнивать их сзади. Покупая дешевые продукты — хлеб и консервированные бобы, завтракая, обедая и ужиная в своей комнате, Лавкрафт умудрялся поддерживать свои силы завтраком за десять центов и ужином за пятнадцать. Он тратил на еду около двух долларов в неделю и один доллар на ночлег.

В мае 1932 года Лавкрафт отправился в путешествие на Юг. После того, как он навестил друзей в Нью-Йорке, он посетил Вашингтон, Ноксвилл, Мемфис, Натчез и Новый Орлеан. Из Нового Орлеана он прислал «Бобу-Два Ружья» письмо, в котором рассказывал об этой поездке.

Роберт был ошеломлен и подавлен. Трижды он приглашал Лавкрафта приехать к нему, обещая показать памятные исторические места в Техасе. И вот Лавкрафт останавливается не так уж далеко от Кросс Плэйнс, а он, Боб Говард, не может позволить себе оплатить даже поездку на автобусе, чтобы повидаться с ним!

Некоторое время Роберт тешил себя мыслью, что как только он наберет достаточную сумму, то сразу купит автомобиль и научится управлять им. Он мечтал отправиться со своим другом с Род Айленда в путешествие по любимому штату. Но после банковского краха у него практически не осталось сбережений, а то, что в течение месяцев он не мог написать рассказа, который удовлетворил бы издателей, усложнило его отношения с ними. И, что еще хуже, некоторые из этих людей стали пить, чтобы хоть как-то отвлечься от потрясения, вызванного Депрессией.

Издательство, что регулярно покупало у него рассказы о моряке Стиве Костигане, прекратило выпуск целого ряда журналов, оставив только «Сверхъестественные истории» и «Восточные истории» Фарнсуорта Райта, поскольку те имели достаточно надежный рынок сбыта. Несмотря на то что рассказы о Конане были явно многообещающими, ни один из них еще не был опубликован и, следовательно, Роберт не получил за них ни цента.

Не ожидая появления Лавкрафта, Роберт потратил те деньги, которые ему удалось наскрести, на поездку в Сан-Антонио и по местам, расположенным на границе между США и Мексикой. После этого он даже не смог принять приглашение Керка Мешбэрна погостить в выходные в Хьюстоне. Говард написал Мешбэрну, который иногда публиковал небольшие фантастические повести и стихи в «Сверхъестественных историях», а также сочинял рассказы для других журналов, письмо, в котором с восхищением отзывался о его творчестве. После этого Мешбэрн пригласил его и Хоффмана Прайса — еще одного писателя, публиковавшегося в «Сверхъестественных историях», — в Хьюстон. Но Говард из-за отсутствия денег был вынужден отказаться от заманчивого приглашения.

Прайс, которому тогда было чуть больше тридцати лет, имел разносторонние интересы: он успел побывать солдатом, писателем, автомехаником, фотографом, изучал культуру Востока. Он пытался удержаться на плаву во время Депрессии, сочиняя истории для журналов в Новом Орлеане. В отчаянии Говард послал Прайсу телеграмму, в которой сообщил, где можно найти Лавкрафта.

Никогда не встречавшийся с Прайсом и не переписывавшийся с ним, застенчивый Лавкрафт решил, что не будет навязываться и представляться, но общительного Прайса это остановить не могло. Он отправился в трехзвездочный отель, где остановился путешественник, и пригласил его к себе. Там они провели много времени за беседами.

Так как скромных средств Лавкрафта не хватало на поездку в Техас, он в начале июля вернулся в Провиденс. Возвратившись, он обнаружил, что его тетя находится в глубокой коме. И вскоре получил письмо Говарда, где тот горько сокрушался, что не смог приехать в Новый Орлеан:

«Я пишу это письмо, ощущая глубочайшее унижение. В течение долгого времени самым моим горячим желанием — с тех пор как ты первый раз обмолвился год назад о том, что хотел бы увидеть Новый Орлеан... было повидаться с тобой и показать тебе мои родные края. Я собирался купить автомобиль... Но... банковский крах и ужасная ситуация в издательствах, помимо прочих обстоятельств, ввергли меня в ту же самую нищету, из которой я было начал медленно и мучительно выбираться».

Друзья по переписке так никогда и не встретились, хотя до самой смерти Говарда они писали друг другу длинные письма, обычно очень теплые, иногда язвительные, но всегда

проникнутые неподдельным интересом к собеседнику. Прайс был единственным человеком, который встречался с ними обоими, и одним из немногих, кто еще может рассказать об этих встречах.

Поклонники Говарда и Лавкрафта до сих пор горюют о том, что эти двое выдающихся людей так и не смогли пожать друг другу руки. Этот факт действительно достоин сожаления. Результатом их встречи могли бы стать оживленные беседы на самые различные темы, которые сохранились бы в письмах для последующих поколений. Однако нельзя говорить об этом с полной уверенностью.

Лавкрафт, всегда державшийся сдержанно и с достоинством, был приятным собеседником для кого угодно; однако вспыльчивый и увлекающийся, подозрительный Говард, крайне чутко реагировавший на малейшие признаки истинного или мнимого пренебрежения к себе, был гораздо менее предсказуем. Он мог бы почувствовать симпатию по отношению к художавому, аскетического вида мудрецу из Провиденса, а мог бы и проникнуться к нему неприязнью. В свою очередь, тогда Лавкрафт мог замкнуться, и переписка между ними иссякла бы, как ручеек в летнюю засуху.

***

Летом и осенью 1932 года Роберт Говард получил несколько чеков на крупные суммы за рассказы, которые продал в первой половине года. Поэтому к концу лета он опять стал человеком со средствами и, получив наконец возможность осуществить свое давнее желание, уговорил отца отвезти его и Линдсея Тайсона в Арлингтон, городок между Далласом и Форт Уортом, где находилось агентство по продаже автомобилей.

Там Боб выбрал для себя подержанный «шевроле» выпуска 1931 года, двухдверный седан темно-зеленого цвета. Продавец был поражен, когда молодой человек, вместо того чтобы попросить оплаты в рассрочку, вытащил чековую книжку и, не торгуясь, выписал чек на 350.00. На обратном пути в Кросс Плэйнс Тайсон показывал своему другу, как нужно водить автомобиль. Как ни странно, доктор никогда не пытался научить этому сына — возможно, как вспоминал один из его друзей, потому что Роберт никогда особенно не интересовался автомобилями. У него не было способностей к механике. По словам другого приятеля, «Боб не был силен в математике и совершенно не умел обращаться с техникой.

Он так никогда и не понял принципа работы двигателя внутреннего сгорания».

Когда мы спросили нескольких человек, смог ли Говард хорошо научиться водить машину, они не могли вспомнить ничего особенно примечательного в его манере езды. Но один из его друзей, который долго путешествовал вместе с Бобом в 1935 году, утверждал, что Говард был «ужасным водителем». Если учесть, что требования к шоферам в Техасе с его длинными прямыми ровными дорогами и весьма ограниченным движением не были строгими, что тогда в Техасе для вождения автомобиля даже не было обязательным наличие водительских прав, легко можно представить себе, как именно управлял своей машиной Говард. Однако, несмотря на отсутствие опыта вождения, он все же умудрялся не попадать в серьезные аварии.

Единственная авария приключилась спустя несколько дней после Рождества 1933 года. Боб взял с собой Линдсея Тайсона, Дэвида Ли и его двоюродного брата Билла Кэлхауна в Браунвуд, чтобы всем вместе сходить на состязания по боксу. 29 декабря, когда они возвращались обратно, стоял густой туман, лил дождь, и Роберт врезался на машине в стальной флагшток, вделанный в асфальт прямо посреди одной из улиц города Райзинг Стар.

На его счастье, машина двигалась медленно. Боб только сильно погнул руль и отделался ссадиной на подбородке и несколькими порезами на руках. Зато у одного из его пассажиров был серьезно поврежден череп, а другой сильно поранил ногу. Говард позвонил отцу, который забрал сына домой и занялся его ранами, в то время как один из проехавших доставил остальных пострадавших в госпиталь.

В «Райзинг Стар» Роберту оплатили половину стоимости починки автомобиля. После того как еще один водитель врезался во флагшток, члены городского управления решили убрать с улицы это досадное препятствие. 16 марта Роберт опять смог поехать в Браунвуд на боксерские матчи и в Сан-Антонио, чтобы выпить пива и повеселиться в местных кабаках.

Приобретя машину, в одну из своих первых поездок Роберт отвез мать в Браунвудский госпиталь для сдачи анализов. Пока миссис Говард была занята своим здоровьем, Клайд Смит познакомил Боба со своей приятельницей-студенткой. Девушка оказалась хорошенькой стройной брюнеткой среднего роста. Ее звали Новэлин Прайс.

Живая, бойкая мисс Прайс выросла на близлежащей ферме и собиралась стать учительницей. Она очень интересовалась литературой, и между ней и Смитом было скорее наличие общих интересов, нежели романтическое влечение. Новэлин была наслышана о Роберте Говарде, которого Смит считал образцом для подражания, поскольку литературная карьера его друга складывалась весьма успешно. То, что Роберт был писателем, придавало ему несомненную привлекательность в глазах Новэлин.

Приехав к ней домой, оба молодых человека находились в приподнятом, возбужденном настроении, громко смеялись и шумели. Увидев, что это раздражает Новэлин, Боб заставил себя успокоиться и вести себя потише. Девушка почувствовала симпатию к этому статному, привлекательному, хотя и скверно одетому молодому человеку. Глубоко посаженные голубые глаза Роберта под нависшими бровями прямо-таки заморозили ее.

Прежде чем Боб вернулся в госпиталь, чтобы забрать мать, молодые люди объехали на машине окрестности города и прекрасно провели время все вместе. Но вскоре Роберт вернулся в Кросс Плейнс, и в течение двух лет он и Новэлин Прайс ни разу не видели друг друга.

***

В конце 1932 года Роберт совершал короткие поездки на своем автомобиле, обычно вместе с матерью. Он осматривал окрестности вокруг озера Лэйк Браунвуд, образовавшегося в результате запруды в дельте реки Пекан. Он говорил Смигу и Винсону о том, что ему хотелось бы построить домик на берегу озера и выращивать овощи и фрукты. Однако эти мечты рассеялись, подобно утреннему туману.

После Дня благодарения Говард и Линдсей Тайсон побывали на футбольном матче между командами колледжа Говард Пэйн и Юго-Западного университета. В порыве вдохновения он описал этот матч на трех страницах в письме Лавкрафту, которого спорт совершенно не интересовал.

Говард постоянно спорил с Лавкрафтом об относительной значимости умственного и физического развития человека. Мудрец из Провиденса признавал, что тело должно быть здоровым, но презрительно относился к привычке обывателей тратить целые часы, наблюдая за спортивными соревнованиями в качестве болельщиков. Лавкрафта, как и многих других мыслителей, раздражало, что люди попусту

расходуют драгоценное время, которое могли бы посвятить развитию своих умственных и творческих способностей.

Несмотря на то что Лавкрафт не имел в виду лично Говарда, его сверхчувствительный друг по переписке упорно принимал все подобные утверждения на свой счет. В ответном письме Говард яростно доказывал, что физическое развитие важно для любого человека, который, подобно ему самому, вынужден был время от времени выполнять тяжелую физическую работу, например, таскать тяжелые снопы сена или задавать корм животным. Хотя, на самом деле, Говард не был особенно искусен в обращении с инструментами и не слишком много работал дома и в саду.

Спор разгорался, так как Лавкрафт с абсолютным равнодушием относился к увлечениям обывателей, а Говард обижался на то, что его друг делает абстрактные обобщения. После одного особенно резкого ответа на доводы Лавкрафта Говард попытался исправить свою ошибку:

«Дело в том, что я писал это письмо, пребывая в том ужасном состоянии духа, которое иногда — к счастью, не очень часто — прямо-таки наваливается на меня. Если мной овладевает такое настроение, я не вижу впереди ничего хорошего, и основное чувство, которое я испытываю в такие моменты, — это слепая, бешеная ярость, направленная на все, что оказывается на моем пути. Хотя это, конечно, не означает ненависти к какому-то конкретному человеку. В такое время я — никудышный и невежливый собеседник. В такие периоды я стараюсь избегать любых контактов с людьми, чтобы не оскорбить кого-то своим поведением...»

Говард считал, что подобная смена настроений досталась ему в наследство от кельтских предков, но вряд ли его ирландские предшественники отличались столь же буйным нравом.

Несмотря на то что Лавкрафт, который был необычайно тактичным и предупредительным по отношению к людям, обычно забывая их выходки, никогда не опускался до злобных или язвительных насмешек над своим другом по переписке, «Боб-Два Ружья» продолжал принимать многие из его замечаний на свой счет и приходил из-за этого в ярость. Надо сказать, что Говард вообще все воспринимал близко к сердцу и в ряду его многочисленных добродетелей не числились объективность и беспристрастие.

***

В течение всего 1933 года жизнь Говарда казалась спокойной, рутинной и лишенной особых событий. Он сидел дома и без устали колотил по клавишам пишущей машинки, печатая рассказы; посещал множество боксерских и футбольных матчей; совершал вместе с выздоравливающей матерью прогулки на автомобиле. Он слушал те общеобразовательные передачи, которые мог поймать по своему радиоприемнику, — выступления Ирвина Шоу, Мохандаса Ганди, Сакса Ромера, Джорджа Уильяма Рассела и Александра Вулкотта; наслаждался чтением пьес Мольера, Шекспира и Софокла, музыкой Бетховена, Листа и Вагнера. Жаль, что у Говарда не было возможности полностью удовлетворить свою тягу к знаниям. Несмотря на утверждения, что он — простой человек с бытовых интересами, очень вероятно, что Роберт, если бы у него была такая возможность, наслаждался бы самыми изысканными удовольствиями.

Говард по-прежнему проглатывал огромное количество книг. В это время внимание Роберта особенно привлекло одно произведение — автобиографический роман его друга по переписке Дерлета, называвшийся *«Весенний вечер»*; начатый в 1930 году, роман был опубликован лишь через 11 лет. Там повествовалось о любви молодых людей из Висконсина: юноша, воспитанный в католической вере, влюбляется в юную протестантку, но им не суждено быть вместе из-за яростного сопротивления родителей.

Так как литературные вкусы Говарда были прямо противоположны реалистической буколке Дерлета, остается только гадать, не отражает ли интерес Роберта к роману настроения самого писателя, тяготившегося постоянным давлением со стороны родителей.

В конце марта 1933 года Роберт усадил мать в свой «шевроле» и отправился в Остин, а потом в Сан-Антонио, чтобы избежать весенних песчаных бурь, характерных для того района, где они жили. В течение нескольких недель, пока жара не заставила их вернуться в Кросс Плэйнс, ему приходилось выносить общество друзей Эстер Говард. Роберт не сожалел об отъезде, потому что неделя, проведенная в любом городе, вызывала у него ощущение, будто он «находится в клетке или в тюрьме».

В течение следующих месяцев Говард предпринял еще несколько поездок. Трижды он ездил в Даллас по делу, о котором не упоминал в своих письмах. На пути домой Ро-

берт проехался по штату, разыскивая исторические ценности на месте разрушенных военных гарнизонов и заброшенных фортов. Он также несколько раз ездил со своей матерью по соседним графствам, а однажды поехал в Стэмфорд, расположенный в 135 милях от Кросс Плэйнс, чтобы посмотреть на ежегодное родео. Затем, после Рождества, он отправился в ту неудачную поездку, что закончилась аварией после столкновения с флагаштоком.

***

Весной 1934 года усердие Говарда, регулярно писавшего письма, было возмещено сторицей. В полдень 8 апреля в дом Говардов на «форде» модели А приехали Хоффман Прайс и его жена Ванда, которые направлялись из Оклахомы в Калифорнию. Прайс, стремившийся восполнить недостаток средств, подрабатывая механиком в гараже, специально изменил маршрут, чтобы встретиться с другом по переписке. По дороге с супругами приключился непредвиденный случай.

Прайсы ехали всю ночь и пересекли мост, ведущий в Техас через реку Ред Ривер почти сразу после восхода солнца. Измученный долгой дорогой, Прайс попросил Ванду зажечь для него сигару. Как только она откусила кончик сигары и зажгла спичку, из кустов появился отряд помощников шерифа и остановил машину. Увидев женщину, зажигающую сигару, они подумали, что им попалась знаменитая преступная пара — Клайд Бэрроу и Бонни Паркер, которых разыскивали по всему штату. Изумленные молодые супруги предъявили свои документы, после чего продолжили свой путь по направлению к Кросс Плэйнс.

Так как точная дата их приезда была неизвестна, Боб Говард уехал из города. Его родители встретили Прайсов очень приветливо. Миссис Говард предоставила в распоряжение гостей свою собственную спальню и проводила туда сонную Ванду. Эду Прайсу не так повезло: ему в течение нескольких часов пришлось отвечать на расспросы д-ра Говарда, который хотел знать все о писательском труде и издательском деле; о Сибири Куинне, Лавкрафте и других писателях, публиковавшихся в «Сверхъестественных историях»; а особенно о том, почему Роберту не платили вовремя за его рассказы.

Прайс отвечал ему так: «Доктор, всех нас обсчитывают. Поверьте, никто не пытается строить козни именно против Боба. Ну да, Райт — редактор и Спренджер — главный издатель, получают зарплату регулярно, но мы, писатели...

После ужина Айзек Говард снова приковал Прайса к стулу своим магнетическим взглядом и продолжал допрашивать его, в то время как измученный молодой писатель безуспешно пытался подавить зевоту.

Агрессивные, напористые манеры доктора произвели на Прайса неизгладимое впечатление. Много лет спустя он писал: «Иногда мне в голову приходила совершенно безумная мысль — что отец, а не сын должен был бы стать писателем. Я не могу вспомнить ни одного человека, у которого были бы такие пронзительные глаза, как у доктора Говарда: ясные, холодные, голубые, живые, они как бы дополняли его голос и жесты. У него были белоснежные волосы, кустистые брови и резкие черты лица...» Нам повезло, что Прайс отличался не только наблюдательностью, но и превосходной памятью; благодаря предоставленной им информации, мы смогли получить ценные сведения о сложных взаимоотношениях между членами семьи Говардов.

На следующее утро во время завтрака появился Боб, который приехал уже после того, как гости заснули. Прайс вспоминает, что он был «высоким, крепким, как бы возвышающимся над всеми — квадратное загорелое лицо, широкая грудь, короткая толстая шея; словом, настоящий мужчина. Выражение его лица оставалось невозмутимым, флегматичным до тех пор, пока он не протянул свою большую руку, улыбнулся и заговорил. Спокойное дружелюбие в его голосе было для меня неожиданным...»

Прайсу нужно было подстричься, поэтому они вместе с Бобом отправились к местному парикмахеру, не прекращая оживленной беседы. Прайс отметил две особенности в его манере разговаривать: он произносил слово «wound» так, что оно рифмовалось с «sound», а слово «sword» — со словом «sward». Возможно, Говард научился произносить так эти слова, когда читал детские книжки, задолго до того, как услышал от других их правильное произношение.

В тот раз Боб ни разу не употребил ни одной из своих шокирующих фраз, к которым он иногда любил прибегать, но зато сказал с обезоруживающей откровенностью: «Эд, я чертовски горжусь тем, что ты приехал навестить меня».

«Не понимаю, какого черта ты гордишься моим приездом, — ответил Прайс. — Должно быть как раз наоборот». «Все думают иначе, — сказал Боб. — Поэтому я горжусь тем, что могу показать этим сукиным детям, что такой удачливый писатель, как ты, проехал тысячи миль для того, чтобы навестить меня».

Когда он произнес эти слова, Прайс вспомнил тот год, когда у него еле-еле хватало денег на еду, и то, что Говард как писатель, преуспевал гораздо больше.

После визита к парикмахеру Прайс выразил желание ознакомиться с местными способами добычи нефти, поэтому Говард повез его за город, где находилась буровая вышка. Голландец-управляющий объяснил им принципы действия этого устройства. Когда они шли обратно, Боб спросил своего гостя: «Он не нагрубил тебе? Если он сделал это, я вернусь и задам ему хорошую трепку. Никто из этих подонков не смеет пренебрежительно относиться к моим друзьям!»

Удостоверившись, что нефтяник вел себя более чем приветливо, Говард неожиданно спросил: «Эд, у тебя есть враги?»

Прайс, изумленно посмотрев на него, ответил: «Не думаю...»

Роберта так ошеломил этот ответ, что Прайс, запинаясь, добавил: «Ну, есть, конечно, несколько ублюдков, но это настолько ничтожные людишки, что я не могу назвать их врагами».

После ленча Боб и Прайс устроились в маленькой комнатке Роберта, чтобы поговорить о его рассказах. Прайс, который недавно прочел несколько забавных историй о Западе, с которых Боб начинал свою писательскую карьеру, воскликнул с воодушевлением: «Какие великолепные вещи! Они — как раз то, что нужно для больших иллюстрированных или серьезных журналов. Это просто здорово!»

Во время разговора Роберт сообщил, что никогда не продумывает заранее сюжет своих рассказов. Как мы выяснили из других источников и сохранившихся отрывков его неоконченных рассказов, это было лишь полуправдой. Многие из рассказов Говарда тщательно продуманы. Некоторые писатели, которые совершенно бессознательно обдумывают свои рассказы, прежде чем их написать, действительно пишут «из головы». Но литератор, использующий этот прием, часто сталкивается с тем, что подсознание вдруг отказывается работать, а рассказ написан лишь наполовину. То, что Говард иногда пытался писать подобным образом, возможно, и является причиной того, что многие его рассказы остались неоконченными. Он также мог и преувеличивать этот факт, вдохновленный романтическим образом писателя, который, одержимый собственным гением, создает в одно мгновение шедевр, не выполняя скучной предварительной работы над сюжетом и каждой главой.

Позже Прайс вспоминал: «Говард сочинял инстинктивно, не обращая особого внимания на форму. Он говорил мне: «Из трех придуманных мной историй две я выбрасываю, а одну отправляю в редакцию; это легче, чем сознательно что-то обдумывать. Иначе печаталось бы втрое меньше моих рассказов. Какая, к черту, разница; я просто люблю писать...»

Говарда приводило в восхищение то, с какой увлеченностью Прайс обсуждал боевые искусства, например, фехтование. Позже он написал Лавкрафту, выражая сожаления по поводу того, что в Техасе почти не было учителей фехтования, и когда Роберт со своим приятелем пытались обучиться этому искусству, используя в качестве рапиры военные сабли, он проткнул ему руку. После этого Говард никогда больше не занимался фехтованием.

Уже было далеко за полдень, а друзья все сидели в маленькой комнате Роберта, а Ванда Прайс и миссис Говард болтали в гостиной. Зазвонил телефон. Когда миссис Говард сняла трубку, Ванда услышала женский голос, спрашивавший, дома ли Роберт. Эстер сказала звонившей, что его нет дома, хотя голос сына был хорошо слышен из-за закрытой двери.

Кто тогда звонил Роберту, остается тайной и по сей день; но этот странный случай наводит на мысль, что двадцативосьмилетний Роберт все-таки завязал дружбу с одной из местных девушек. Видимо, ее привлекло обаяние Боба; по крайней мере, она не считала его всего лишь местным чудачком.

Более того, это могло свидетельствовать и о том, что Роберту не хватало женского общества. Известно, что, когда на следующий год он стал постоянно встречаться с девушкой, Эстер Говард сделала все, чтобы помешать их отношениям, включая и подслушивание телефонных разговоров. Если Боб и делал робкие попытки подружиться с девушками, все они оказались тщетными из-за непримиримого враждебного отношения к этому Эстер Говард.

Роберт, если и знал об этом, ничего не рассказал своему гостю. В конце концов, если он допускал, чтобы мать отваживала его знакомых, это означало, что он был не таким уж героем — а маску героя Боб Говард использовал, чтобы скрыть от других свою уязвимость.

***

На следующий день, 11 апреля, Говард повез Прайсов осматривать окрестности Кросс Плэйнс. Вид местного ландшафта не привел того в большой восторг: «...не на что

посмотреть, кроме дуба, самого маленького из низкорослых дубов, и огромных открытых пространств, которые оживляют лишь горные цепи на горизонте».

В то время, как Боб рассказывал по дороге об истории Техаса, машина поравнялась с мескитовым деревом. Прайс рассказывает, что Роберт остановил машину, вынул из отделения для перчаток пистолет и зашагал к мескиту походкой лихого бандита с Запада. Вскоре он вернулся к машине, сказав при этом: «У меня много врагов; они есть здесь у всех. Не то, чтобы я думал, будто мы врежемся во что-нибудь, но я должен был удостоверить... постоянные распри происходят и по сей день... вы можете наткнуться на врага, куда бы ни поехали».

Техасцы славилась тем, что могли ловко разыгрывать тех, кто недавно прибыл в штат. Они любили уверять своих гостей, что вот-вот появятся команчи и снимут с них скальп или их убьют бандиты, поэтому мы спросили Прайса, не было ли странное поведение Говарда лишь «розыгрышем». Прайс решительно отверг эту мысль, заявив, что это было бы просто возмутительно, учитывая большое уважение, которое испытывал к нему Роберт, и его искреннее старание как можно лучше принять гостей.

На закате Прайсы попрощались с Бобом на заправочной станции у окраины города. Вспомнив, как Прайс жаловался на скудные доходы от писательского труда, Боб на прощание воскликнул: «Эд, я уверен, что у тебя все образуется. Черт возьми, так и будет. Удачи тебе!»

Когда они попрощались, у Прайса осталось чувство, что Роберт за прошедшие годы совсем не изменился. Он пришел к выводу, что Говард был «...сложным и загадочным человеком, которого невозможно разгадать сразу. Мужчина-мальчик, ученый, писатель, сочиняющий захватывающие вещи, с поразительно цепким вниманием; наивный бойскаут; человек огромной эмоциональной глубины, но почему-то стесняющийся проявлений своих чувств, которые, как он несправедливо заявлял, он не мог перенести в свои рассказы... Крепкий, широколицый, не слишком пронизывающий на первый взгляд парень... вежливый, предупредительный, добрый и гостеприимный человек... щедрый, бесшабашный, порывистый, сердечный малый, обожавший всяческие истории и происшествия, от которых будто исходил запах пота, пыли и лошадиного, овечьего и верблюжьего помета... шумный, сумасбродный подросток, сочинявший невероятные истории о стране, ее жителях и о себе —

не для того, чтобы ввести в заблуждение или оставить вас в дураках, а потому, что ему нравился сам поток слов, и он знал, что вы бы хотели слушать и дальше... Непонятная, загадочная, чувствительная, тонкая душа, скрывавшаяся в этом большом, грубовато-добродушном парне.

Много лет спустя в письме, датированном 21 июня 1944 года, д-р Говард подтвердил, что Прайс как нельзя более точно описал характер Боба. Письмо начинается так:

«Уважаемый мистер Э. Хоффман Прайс! Наверное, это колдовство. Вы даже не представляете, насколько реалистична та картина личности Роберта, которую вы изобразили. Она была настолько правдоподобной, что я почувствовал, будто опять вижу перед глазами Роберта, живого, смеющегося, разговаривающего так, будто он на самом деле был здесь, со мной; я мог почувствовать исходящее от него тепло, как от живого существа, мог видеть его улыбку и слышать негромкий, поразительно чистый голос, даже безошибочно угадать его непередаваемый тон. Удивительно, как всего после двух визитов вы смогли так великолепно составить представление о личности человека. Живя рядом с Робертом, находясь с ним в тесной связи с его раннего детства до конца жизни, я бы не смог так же точно, как вы, описать его характер. У Роберта было много знакомых, но близко дружил он лишь с двумя мальчиками из Кросс Плейнс. Действительно, Роберт был очень одиноким человеком, потому что окружающие не слишком понимали его образ жизни и характер. Его писательский труд совсем не интересовал местных жителей. В газетных киосках продавались журналы, в которых в течение некоторого времени печатались его рассказы, но вскоре выпуски «Сверхъестественных историй» и других журналов, в которых печатались рассказы Роберта, исчезли. Для жителей Кросс Плейнс он умер; сейчас он, должен признать, всего лишь неясное воспоминание...»

В 1934 году гостем маленького домика был не только Прайс. В мае Труэтт Винсон и Боб провели вместе неделю, когда у Винсона начались каникулы. В первый день друзья поехали на автомобиле Винсона в юго-западном направлении, к Бэллинджеру, чтобы сходить там в кино и выпить пива. Потом друзья решили, что путешествие надо продолжить, и на следующее утро они опять были в дороге. Машину вел Винсон. После целого дня утомительной езды они добрались до знаменитых Карлсбадских пещер. Говард пришел в восторг от их величия и исполинского труда природы, по буйной прихоти фантазии и в соответствии со своими непостижимыми законами создавшей

этот сумеречный мир. Пока Говард карабкался вверх по узким переходам и лестницам, ему показалось, что в глубинах, которые как будто грозили поглотить его, он наяву видит воплощение своих ночных кошмаров. Темные своды гигантских пещер заставляли его сердце сжиматься от ужаса.

Затем друзья направились в сторону Эль Пасо, расположенного на западной границе Техаса, и заехали в Суидад Хуарес выпить пива и текилы, прежде чем вернуться домой через Форт Стоктон и Сан-Анджело. За четыре дня они проехали 1,137 миль. По возвращении Говард отправил своему другу Лавкрафту огромного волосатого паука в закупоренной бутылке из-под виски. Затем он вернулся к работе над рассказами.

***

Говард писал рассказы о Конане один за другим. Но у него оставалось время, чтобы попробовать себя и в других направлениях этого жанра. Он продолжил писать серию историй о Фрэнсисе Гордоне, которую начал еще в двадцатых годах, и ему удалось продать пять рассказов. Он так и не закончил еще девять, а три оставшихся рассказа были окончены, но не опубликованы. В этих рассказах вымышленный главный герой Гордон из Эль Пасо, штат Техас, в начале века становится наемным солдатом и сражается на Ближнем Востоке. В Гордоне переплетаются черты подлинных исторических персонажей — Гордона по кличке Китаец и сэра Ричарда Фрэнсиса Бартона; первый фигурировал в романе Ахмеда Абдуллы и Т. Комптона Пакенхэма *«Имперские мечтатели»* (1929), а второй напоминал Томаса Эдварда Лоуренса, героя книги Лоуэлла Томаса *«С Лоуренсом по Аравии»* (1924). Говард прочел обе эти книги.

Гордон, в жилах которого течет шотландская и ирландская кровь, это как бы вновь возродившиеся Бран Мак Морн и Турлоф О'Брайен, герои более ранних серий рассказов Говарда. Как и его литературные предшественники, он смугл, среднего роста и наделен сверхъестественной силой, проворством и выносливостью. Большая часть действий происходит в Афганистане, где местные жители зовут его Эль Борак, то есть «Быстрый». С небрежностью, свойственной иногда пишущим для журналов, Говард решил, что основным языком в Афганистане является арабский, и дал своим героям арабские имена, хотя на самом деле люди там говорят на фарси и никогда бы не дали оказавшемуся среди них американцу арабское прозвище.

Тем не менее эти рассказы довольно занятны. В них грохочут копыта, слышится треск ружей, выстрелы пистоле-

тов, турецкие сабли со свистом рассекают воздух, ручьями льется кровь. Многие истории кончаются тем, что Гордон и его противник сражаются в поединке на саблях. Изобретение винтовок и револьверов сделало мечи устаревшим оружием даже в отдаленных районах, но Говард решительно отказывался признавать этот факт.

В это же время Говард взялся за серию рассказов о Кирби О'Доннелле, который внешне был почти копией Фрэнсиса Гордона. О'Доннелл путешествует по Афганистану, переодевшись в форму курдского наемного солдата, убивая тех, кто встает у него на пути. Говард написал три рассказа из этой серии, продать удалось два, называвшихся *«Сокровища Тартарии»* и *«Мечи Шахразара»*.

В 1932 году в журнале «Восточные истории» появились две исторические новеллы Роберта Говарда, а еще две были опубликованы в 1933—1934 годах после того, как журнал стал называться «Волшебный ковер». На написание этих рассказов Говарда вдохновили, несомненно, рассказы Хэролда Лэма в «Приключенческом журнале», поскольку он безмерно восхищался этим известным писателем для журналов и знатоком Востока.

***

В начале 1934 года Роберт Говард наконец нашел тот стиль рассказов о Западе, который давал ему возможность полностью раскрыть свой недюжинный талант. Он добавил к характерным чертам вестерна те элементы, которые успешно использовал ранее в забавных рассказах о боксерах. Результатом явилась целая серия великолепных пародий, читая которые, можно было смеяться до упаду.

Ранее Говард продал три вестерна: *«Стервятники Вальтона»*, *«Святыни стервятников»* и *«Кладбище расплаты»*, причем последний он написал в соавторстве. Но, несмотря на то что остальные рассказы, которые так и не были опубликованы при жизни Говарда, сейчас уже напечатаны, обычные вестерны не пользовались в то время большой популярностью.

***

Юмористические же вестерны можно считать по-настоящему талантливыми произведениями. В первой серии рассказов повествование ведется от первого лица, некоего Брекенриджа Элкинса, обитающего в горах Гумбольдта, штат Невада.

Брекенридж, получивший свое имя по названию деревни, расположенной в сорока пяти милях от Кросс Плэйнс, внешне несколько напоминает Конана. Его отличительной особенностью является также превосходное чувство юмора, характерное для жителей пограничных районов. В одном из рассказов он говорит: «Пуля вошла в скалу в нескольких дюймах от моего лица, а осколок камня задел ухо. Когда мне стреляют в ухо, это выводит меня из себя». Позже он сообщает: «И тогда он попытался ударить меня винтовкой, но промазал и разбил приклад о мое плечо. Мне надоело смотреть на то, с каким упорством он пытается разmozжить мне голову, поэтому я схватил его и швырнул прямо в пропасть...»

В промежутках между такими развеселыми драками герой получает письмо от своей тетки:

«Дорогой Брекенридж, я думаю, что время несколько смягчило чувства твоего кузена Бирфилда Бакнера. Он ужинал у меня прошлым вечером, сразу после того, как прикончил троих сыновей Эванса, и был в наилучшем расположении духа с тех самых пор, как вернулся из Колорадо. Поэтому я как бы случайно упомянула твое имя, и он не побагровел, как всегда случалось раньше, стоило только упомянуть о тебе. У него только слегка позеленела кожа вокруг ушей, но, возможно, он просто подавился медвежатиной. Единственное, что он сказал — если ты случайно попадешься на его пути, он вышибет тебе мозги дубовой кувалдой, а это — самое безобидное из того, что он сказал о тебе с тех пор, как вернулся из Техаса».

В другом рассказе Брекенридж видит молодую женщину, которую пума загнала на дерево. Брек вежливо приподнимает свой стетсон и начинает рассказывать девушке о привычках пум, кугуаров, пантер и горных львов. В этот момент кошка прыгает, чтобы вцепиться девушке в ногу. Тогда Брек заявляет:

«Все начинало заходить слишком далеко, поэтому я окрикнул пуму, чтобы она слезла с дерева, но та лишь посмотрела на меня снизу вверх и презрительно фыркнула. Тогда я, протянув руку, схватил ее за хвост и дернул вниз, а потом ударил три или четыре раза о землю. Когда я отпустил пуму, она пробежала несколько ярдов и, повернув голову, посмотрела на меня очень странным взглядом. Затем помотала головой, как будто не могла поверить своим глазам, и опрометью понеслась прямо в направлении Северного полюса».

— Почему ты не застрелил ее? — спросила девушка, с напряжением всматриваясь вслед зверю.

— О, она уже больше не вернется, — заверил я ее.

Здесь мы снова убеждаемся в том, что Говард любил животных. Действия Брекенриджа не соответствуют распространенному на Западе отношению к диким животным, которое кратко может быть охарактеризовано одной фразой: «Если оно движется — стреляй».

Интересно отметить, что действие в рассказах про Брекенриджа Элкинса происходит очень далеко от того места, где жил Роберт Говард — если быть точными, в 1,200 милях, — то есть в тех местах, о которых он имел не больше представления, чем об Афганистане. В этих рассказах также ничего не говорится о жизни фермеров или о нефтяной лихорадке в Техасе, о которой Говард знал предостаточно. Поэтому неверно будет утверждать, будто Говард наконец-то стал писать рассказы, в которых появились описания его родного края.

Если брать широкое значение слова «фантазия», означающего рассказ о вымышленных событиях в противоположность рассказам о сверхъестественных силах, то рассказы про Элкинса написаны в «фантастическом» стиле. Как и рассказы П. Дж. Вудхауса о жизни высшего британского сословия, это юмористические пародии, в которых реальные события преувеличены и искажены — и это одна из причин, делающими их привлекательными для читателя.

Реальная жизнь, несмотря на то что в ней иногда происходят и смешные случаи, никогда не бывает забавной постоянно. Здесь не имеется в виду, что ярко выраженный реализм в художественной литературе «лучше», чем история, полная вымышленных событий. Кто-то из читателей предпочитает один жанр, кто-то — другой, и в любом из них можно написать как хорошие, так и никуда не годные произведения. Больше всего везет тем читателям, которые способны распознать качество и, руководствуясь лишь этим признаком, могут наслаждаться чтением огромного количества произведений, написанных в различных жанрах и видах художественной литературы.

***

В самом начале 1933 года Говард решил попробовать продавать свои рассказы с помощью агента. Те, кто писал ему, упоминали его имя — Отис Эдельберт Клайн; он жил в

Чикаго и написал несколько серий довольно удачных рассказов в стиле Эдгара Берроуза. Клайн настаивал на том, чтобы его клиент попытался написать детективные истории, хотя в этом жанре Говард чувствовал себя неуверенно. Но тем не менее Говард в положенный срок завершил работу над несколькими детективами, близкими к научной фантастике или «фэнтези».

Два удачных детективных рассказа появились в февральском выпуске журнала «Невероятные детективные истории» за 1934 год. Один из них, опубликованный под настоящим именем автора, был переименован редактором в «Золотые клыки». В этом рассказе главным героем был Стив Харрисон, бесцеремонный детектив, который решал проблемы, пуская злодею пулю в лоб либо с самым серьезным видом наносил ему смертельный удар средневековым жезлом. Другой рассказ, который был переименован в «Тайна гробницы», вышел под псевдонимом Патрик Эрвин; но как раз в то время, когда в журнале появилось объявление о появлении в следующем выпуске еще одного рассказа, ежемесячник закрылся, и рассказ «Повелитель мертвых» так и не был опубликован.

Говарду удалось продать еще два рассказа про Стива Харрисона. Рассказ «Имена в Черной книге», как и «Тайна гробницы», повествует о зловещем восточном культе, напоминая произведения Сакса Ромера или Роберта Чэмберса. Другой рассказ, называвшийся «Кладбищенские крысы», появился в февральском выпуске журнала «Ужасные тайны» за 1936 год. Но еще четыре рассказа про Стива Харрисона оказались неудачными и опубликованы не были. Роберту Говарду не доставляло никакого удовольствия в течение долгих часов биться над поисками ключа к разгадке. Гораздо больше ему нравился звон мечей и предсмертные вопли врагов в рассказах, наполненных событиями. Поэтому в 1935 году он окончательно забросил детективный жанр.

В течение нескольких лет упорного писательского труда Роберт Говард написал множество самых разнообразных рассказов. Их было так много, что его биографы не считают нужным указывать названия всех, рискуя слишком отвлечься от повествования о жизни самого автора. В одних появляются крестоносцы; в других говорится о таинственных происшествиях в глубинах Африки или Азии; в третьих автор пытался — хотя и не совсем неудачно — писать о современном ему периоде. Но среди рассказов Говарда мы не найдем ни одного написанного в жанре научной фантастики. Он

писал: «У меня изначально не было ни малейшей склонности к научным знаниям, поэтому я не был бы уверен в своих способностях, доведись мне писать на эту тему».

Одна из серий рассказов тем не менее заслуживает внимания, потому что эти истории обязаны своему возникновению книге Джека Лондона *«Звездный странник»* — в ней говорится о человеке, которому снятся сны о его прошлых жизнях. В рассказах Говарда герой, Джеймс Эллисон — калека, он приговорен к смерти от какой-то неизвестной болезни. Из шести рассказов, которые начал Говард, был продан один. Он назывался *«Долина Червя»* и появился в журнале *«Сверхъестественные истории»* в феврале 1934 года. В нем Эллисон рассказывает о том, что когда-то его звали Ньордом, и он был первобытным человеком, гигантом с белокурыми волосами, который победил саблезубого тигра, ядовитого змея длиной в восемьдесят футов и гигантских размеров белого червя со множеством щупалец.

Нет ничего удивительно в том, что эти рассказы не пользовались особым успехом. Как только герой убивает одного доисторического монстра, ему сразу же приходится вступать в борьбу со следующим, и рассказ превращается в прогулку по зоопарку. Кроме того, жизнь первобытных людей, изложенная во всех подробностях, довольно скоро наскучивает читателю из-за ее однообразия. Нужно отметить, что, хотя Конан и Кул — варвары, в тридцати рассказах, написанных про них, действие происходит в цивилизованных странах либо по соседству с ними. Причина проста: в цивилизованном мире, даже если в нем царит жестокость, происходит гораздо больше волнующих событий, которые могут быть вплетены в канву рассказа, чем в примитивном обществе, где все ограничено повторяющимися, довольно однообразными и скучными событиями.

***

В течение двух лет, с тех пор как Тевис Клайд Смит познакомил ее с Робертом Говардом, Новэлин Прайс вспоминала молодого писателя, о котором Клайд упоминал часто и с восхищением. Она закончила колледж в мае 1933 года и в соответствии со своей специальностью стала преподавать ораторское искусство. Когда во время весеннего семестра 1934 года учительница английского языка подала заявление об уходе из браунвудской школы, Новэлин предложили временно замещать ее.

Дружба Новэлин и Клайда Смита прекратилась, когда он женился на Руби Баркли. Он оставил юную учительницу в одиночестве, поскольку теперь некому было разделить ее интерес к литературе. Поэтому в мыслях Новэлин не случайно появился Кросс Плейнс. Если она сможет возобновить знакомство с Робертом Говардом, тот, возможно, даст ей совет, который поможет ей реализовать свое еще не окончательно сформировавшееся стремление к достижениям на литературном поприще.

Кроме того, в Кросс Плейнс Новэлин Прайс влекло и то, что в этом городе у нее были две кузины, учительницы. Инид Гуэтли, старшая сестра, возглавляла отделение английского языка; другая, Джимми Лу, преподавала в младших классах. Узнав, что в школе свободно место учителя, Новэлин подала заявление о приеме на работу и вскоре начала преподавать там.

10 сентября 1934 года, перед началом учебного года, Новэлин переехала в Кросс Плейнс, сняла комнату и стала готовиться к первым урокам. Спустя день или два после приезда она и Джимми Лу пошли в аптеку Смита, и в это время из приемной доктора, которая находилась в противоположном конце помещения, вышел седой мужчина и направился к двери. От жены владельца аптеки Новэлин узнала, что это был доктор Айзек Говард.

«Это не отец Боба Говарда?» — спросила Новэлин. «Да», — ответила миссис Смит. Джимми Лу добавила: «Держись от Боба Говарда подальше — он просто ненормальный. Я на самом деле боюсь его». «О, я встречала Боба в Браунвуде, и он показался мне очень приятным человеком», — возразила Новэлин.

Несмотря на опасения своей кузины, Новэлин решила, что она во что бы то ни стало должна вновь увидеться с Бобом — в Кросс Плейнсе ей не хватало интеллектуального общения еще больше, чем в Браунвуде.

Она была не из тех девушек, которые ждут, пока их заметят, поэтому позвонила в дом Говардов, и не один раз, а несколько. Каждый раз к телефону подходила Эстер Говард и отвечала, что Роберта нет дома, его нет в городе, или что он не может подойти к телефону. После дюжины безрезультатных звонков Новэлин решила выяснить, в чем же дело. Вечером в четверг, 20 сентября, она уговорила Джимми Лу, чтобы та отвезла ее к дому Боба и подождала в машине, пока она позвонит в дверь. Когда д-р Говард от-

крыл дверь, Новэлин спросила, можно ли поговорить с Робертом.

Доктор посмотрел на нее странным взглядом и, повернувшись, крикнул: «Эй, мать, Роберта спрашивает какая-то юная леди! Впустить ее?»

Новэлин так и не услышала ответа, потому что в эту минуту за спиной отца появился Боб, широким шагом пересекавший маленькую прихожую. «О, привет, Новэлин! — воскликнул он. — Как хорошо, что ты зашла навестить нас!»

Роберт проводил свою гостью в гостиную, сказав, что ему нужно поговорить с матерью, находившейся в своей спальне. Несколько минут спустя он появился и предложил Новэлин подвезти ее до дома. Когда они уже почти спустились, их окликнула миссис Говард, и Роберт остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. Он молча повернулся и пошел обратно в дом, в то время как Новэлин продолжала идти к машине своей кузины, чтобы предупредить ее об изменившихся планах. Роберт вскоре вернулся и торопливо помог Новэлин забраться в «шевроле», как будто ничего не случилось.

Молодые люди никогда не узнали, что, когда они отъехали от дома, Айзек Говард сказал жене: «Мать, а ведь похоже, мы потеряем нашего мальчика».

Много лет спустя, когда доктор рассказал Новэлин об этом разговоре, он повторил слова своей жены. Эстер Говард тогда ответила ему: «Нет, можешь не беспокоиться. Мы его не потеряем».

Пока они, освещаемые лунным светом, ехали за город, между молодыми людьми сразу же завязался оживленный разговор. Они говорили обо всем: истории, политике, литературе, поэзии, философии — всех предметах, которые их чрезвычайно интересовали. Более всего Роберта и Новэлин взволновало то, что многие их интересы и склонности пересекались. Узнав об этом неожиданном сходстве, Боб буквально расцвел, в нем проснулось все его обаяние, которое появлялось, когда его не восстанавливали против себя те люди, которых он недолюбливал, когда он не находился в толпе людей, среди которых чувствовал себя чужим.

Их восторженное узнавание друг друга было прервано, когда Боб сказал Новэлин, что должен вернуться домой, чтобы ровно в десять часов дать матери лекарство. Новэлин удивленно спросила: «А разве твой отец не может этого сделать?»

Роберт коротко ответил: «Ну, это всегда делал я».

Когда они подъехали к дому, Боб попросил девушку подождать в машине. Он вошел в дом и вернулся минут через пятнадцать, после чего молча завел мотор. Когда они отъехали, возобновилась оживленная беседа.

Слова так и рвались наружу. Новэлин почувствовала, что наконец-то нашла человека, с которым она могла поделиться своими абстрактными идеями. Несомненно, и Роберт, на первом в своей жизни свидании, почувствовал то же самое. Он договорился с девушкой о следующей встрече через несколько дней и высадил ее около пансиона, где она снимала комнату.

Они влюбились внезапно — друг в друга, в любовь, в ночь, в свои творческие возможности, отражение которых они видели в собеседнике. Молодые люди оказались настолько готовы к земному проявлению своих романтических чувств, что когда самые неосознанные их мечты воплотились в явь, они буквально ухватились за них; осуществление своих фантазий казалось им чудесным даром судьбы. В действительности, они, конечно же, влюбились не в настоящих Новэлин Прайс и Роберта Говарда, а в то, какими в их представлении должны были быть идеальные мужчина и женщина. Они не обращали внимания на то, что в каждом из них присутствовали такие качества, которые не нравились другому, — впрочем, как и многие другие романтически настроенные пары в такой ситуации.

Слишком взволнованная, чтобы заснуть, Новэлин провела несколько часов, записывая в дневник свои впечатления от минувшего вечера. После этого в оставшиеся до рассвета часы она выскользнула из дома во двор и в одной батистовой белой ночной рубашке кружилась в лунном свете в счастливом танце, забыв о том, что рано утром ей нужно идти в школу на уроки.

Не исключено, что Роберт тоже лежал без сна на своей узкой кровати в неприбранном кабинете, думая о жизнерадостной и энергичной девушке, которая так неожиданно вошла в его жизнь.

***

После первого свидания Роберт и Новэлин решили по-настоящему узнать друг друга. Их встречи доставляли им удовольствие, каждый из них чувствовал, что его собеседник — единственный человек в мире, с которым можно чувствовать себя совершенно свободно. Как однажды заметил

Роберт, с кем еще он мог провести вечер, разговаривая о истории и политике и узнавая одновременно о профессии учителя?

Иногда они встречались несколько вечеров подряд; однако могли не видеться и неделю, если Роберт полностью погружался в создание очередного рассказа или Новэлин была занята в школе. Сначала во время этих разлук Новэлин пробовала звонить Бобу. Каждый раз к телефону подходила миссис Говард и заявляла, что Боба нет дома или что он уехал на несколько дней. Однажды, после того как ей несколько раз отвечали, что Роберта нет дома, Новэлин на следующем свидании спросила: «Боб, ты был в Браунвуде или еще где-нибудь?»

Нет, ответил Роберт, он уже несколько недель не выходил из дома, работал над рассказами.

Пораженная, Новэлин сказала: «Интересно, тогда почему, когда я звонила, твоя мать говорила, что всю прошлую неделю тебя не было дома?»

Поставленный перед фактом обмана, Роберт смущенно пробормотал: «О... да, я уезжал. Я, должно быть, забыл об этом».

Роберт всегда защищал мать, даже если она откровенно вмешивалась в его отношения с другими людьми, стремясь не выпустить сына из своей железной хватки. Если он когда-либо и чувствовал себя неуютно из-за зависимости от матери или повышенных требований отца — все это, разумеется, было скрыто под маской заботливой родительской любви, — Роберт никогда не обнаруживал свою подавленность, особенно в присутствии любимой девушки. Однако Новэлин почувствовала враждебность миссис Говард и ни разу больше не появлялась в доме Говардов. Когда Новэлин и Боб не встречались, они писали друг другу. Роберт сам всегда ходил на почту, а значит, никто не мог вскрыть его письма.

Иногда во время вечерних свиданий молодые люди ходили в кино, ради чего им приходилось проехать сорок миль до Абилене или тридцать миль до Браунвуда. В таких случаях Боб перевозмогал свою нелюбовь к «наридам» и облачался в костюм-тройку с галстуком. Иногда они совершали непредсказуемые поступки, например, бегали, держась за руки, по дороге, залитой лунным светом. Иногда просто катались по окрестностям и, припарковав машину у входа в аптеку, заходили выпить лимонаду.

В 30-х годах в маленьких городках во время свидания молодые люди обычно ездили на машине, разговаривали, вместе

перекусывали в каком-нибудь кафе; если отношения были достаточно близкими, они могли держаться за руки, невзначай дотрагиваясь друг до друга, иногда целоваться. Много лет спустя Новэлин с улыбкой признавалась: «Это он умел делать очень хорошо».

Это было задолго до того, как началась так называемая «сексуальная революция», к тому же воззрения Роберта насчет благопристойности могли считаться консервативными даже для наиболее пуританских сект в Техасе. Поэтому Новэлин всегда чувствовала себя рядом с Бобом в безопасности, он никогда не пытался заходить слишком далеко, несмотря на ее страстную горячую натуру и несколько вольные замечания. Их отношения по местным меркам оставались безупречными, хотя Новэлин — как и любой влюбленной женщине — часто приходили в голову смелые фантазии о страстной любви.

***

В то время как крепла дружба Боба и Новэлин, становились все более ясными различия в их характерах. Открыв для себя, что каждый из них не совсем соответствовал тем образам, которые появились благодаря ореолу волшебства, окружавшему их первое свидание, оба они решительно взялись «переделывать» друг друга. «Как можно ближе к пожеланиям сердца», как говорил Омар Хайам, поэт, любимый ими обоими.

Новэлин была привлекательной девушкой с мягкими темными волосами и большими черными глазами, которые в гневе были способны метать молнии. Она обожала красивую одежду и одевалась чрезвычайно элегантно. Тонкая как тростинка, она тем не менее сохраняла женственную округлость форм, однако в ее порывистых быстрых движениях и неукротимой решительности не было и намека на мягкость или пассивность. Новэлин живо интересовалась происходящим вокруг и иногда выражалась крепкими словечками, которым научилась у отца. Такая манера разговора шокировала Боба Говарда, который был одержим старомодными идеями насчет того, как должны говорить женщины, а сам редко употреблял выражения, более хлесткие, чем «черт» или «сукин сын». Раблезианский юмор, говорил Роберт, вызывает у него тошноту.

Как и Роберт, Новэлин приобрела в Кросс Плейнс репутацию эксцентричной особы — потому что встречалась с Робертом Говардом и потому что была требовательным, взыс-

кательным преподавателем, всерьез желавшим привить детям любовь к Шекспиру. Каждый год в университете Техаса проходил конкурс на лучшую ораторскую речь. Новэлин так безжалостно заставляла членов своей команды репетировать целые акты из пьес Шекспира, что ученики из Кросс Плэйнс неизменно занимали на этом конкурсе первое место.

Но жители города не боялись Новэлин и относились к ней кеплохо, чего нельзя было сказать о Роберте. Так как она прославилась городок, люди были склонны забывать о некоторых ее странностях, например, о фантастической работоспособности и литературных амбициях. Им было трудно представить, что человек в здравом уме может захотеть сделаться писателем, но они более терпимо относились к причудам Новэлин, поскольку она была женщиной.

Между Робертом и Новэлин неизбежно начали возникать разговоры о свадьбе, но это было больше абстрактной идеей, чем реальными жизненными планами. Идея помолвки возникла у них не раз, но они никогда не говорили об этом достаточно серьезно. Когда девушка, казалось, была согласна, Говард становился нерешительным... а в следующем месяце они менялись ролями.

Отношение Боба к женщинам — тема, к которой мы постоянно возвращаемся, — усиливало его нерешительность. Говард мог яростно защищать женские права; он писал рассказы о женщинах-воинах, которые одним ударом меча могли разрубить человека так же легко, как кусок масла, — такими были Рыжая Соня из рассказа *«Тень стервятника»*, Валерия из *«Гвоздей с красными шляпками»* или Агнес де Шатильон из рассказа *«Воительница»*, — но от женщин, с которыми он сталкивался в повседневной жизни, ожидал безоговорочной зависимости и подчинения. В действительности большинство женщин в его рассказах были мягкими, робкими, пассивными, глупыми созданиями — как Наташа из рассказа *«Скользкая тень»* или Мюриэла из *«Сокровищ Гвалура»*; похоже, они и были идеалом женственности для их создателя.

Нетрудно догадаться, откуда взялся этот идеал. Всю его жизнь любящая мать была добровольной рабыней своего сына. Когда он без устали писал рассказы, мать приносила Боба на подносе еду и безмолвно ставила перед пишущей машинкой, дабы ее мальчика не мучил голод, когда на него сниходило божественное вдохновение. Новэлин же считала, что это бесконечное прислуживание портило Роберта и не собиралась делать то же самое. Она не находила никакой

радости в хлопотах по дому и не могла представить, что всю жизнь ей придется заниматься готовкой, уборкой и стиркой для кого бы то ни было. Во время одного из их споров Новэлин взорвалась: «Если бы я вышла за тебя замуж, это означало бы готовить еду три раза в день и гладить твои рубашки!»

Боб, чтобы пресечь спор, прорычал: «Полетче, девочка, если бы я был Конаном, я бы швырнул тебя на землю, схватил за волосы и хорошенько извалял в пыли!»

Несмотря на эти полусушительные угрозы, Роберт Говард относился к женщинам исключительно предупредительно: приподнимал шляпу при встрече, открывал перед ними двери, помогал сесть в автомобиль и вставал, когда они входили в комнату. Его злило, когда женщина выполняла мужские обязанности или пренебрегала его помощью.

***

В то время как Роберт требовал от окружающих его женщин беспрекословного подчинения, он сам, в связи с прогрессирующей болезнью матери, все больше и больше становился рабом ее капризов и прихотей. То, как Эстер Говард использовала свое недомогание, чтобы манипулировать сыном, и в то же время не уставала утверждать, что ее болезнь — сущий пустяк, сбивало Новэлин с толку и заставляло думать, что жена доктора вовсе не так уж серьезно больна. Когда Новэлин встречалась с ней, миссис Говард выглядела совершенно здоровой. Из-за яркого румянца и общего возбужденного состояния, которые на самом деле были вызваны туберкулезом, Эстер казалась для стороннего наблюдателя абсолютно здоровым человеком. Это обманчивое впечатление еще более усиливалось ее манерой одеваться. Когда бы она ни отправлялась в город по самым обычным делам, миссис Говард одевалась со вкусом; в те времена шляпу и перчатки носили лишь леди, поэтому она обязательно надевала и то, и другое.

Роберт всюду сопровождал свою мать — на рынок, в лавку, к знакомым. Для Новэлин это означало скорее желание Эстер полностью завладеть временем и вниманием сына, нежели свидетельство о хрупкости и беспомощности. Девушка догадывалась, что Эстер Говард давно вбила клин между собой и мужем, и чувствовала, что она использовала такие же приемы, чтобы не допустить близости между ней и Робертом. Когда они случайно встречались в маленьких магазинчиках в Кросс Плэйнс, Эстер холодно оглядывала молодую женщину

и разговаривала нехотя, «рассматривала меня так, будто я была какой-то ядовитой змеей». Не удивительно, что после таких встреч Новэлин чувствовала себя крайне неудобно.

Если у Боба и Новэлин возникла любовь с первого взгляда, то между Эстер Говард и девушкой с первого взгляда вспыхнула явная неприязнь друг к другу. Зная о враждебности между двумя женщинами, которые были ему наиболее близки, Роберт никогда не говорил с Новэлин о матери, даже тогда, когда состояние миссис Говард внушало опасения. Когда Новэлин начинала критиковать ее или ругала Боба за то, что он стал ее добровольным рабом, он умолкал, уходил в себя и выглядел чрезвычайно обиженным. Если он и говорил об этом, то лишь косвенно, настаивая на том, что за родителей нужно нести большую ответственность, чем ту, которую соглашалась взять на себя Новэлин.

Однажды, когда Боб предупредил Новэлин, что она рискует своим добрым именем, встречаясь с «местным психом», она стала убеждать его приспособиться к местным нравам — одеваться менее вызывающе и хоть немного отрастить подстриженные коротким ежиком волосы. Свою первую «приличную фетровую шляпу» Говард купил именно по ее настоянию, хотя в письме утверждал, будто это заставила его сделать мать. Он жаловался Лавкрафту:

«Ненавижу эти вещи! Я никогда ничего не носил, кроме кепки или широкополого сомбреро. Большую часть времени я вообще хожу с непокрытой головой... Шляпы хороши для городов, где нет ветра, солнца и вообще ничего естественного, но для открытых пространств единственный подходящий головной убор — широкополый стетсон».

После того как он с большой неохотой приобрел этот предмет, Новэлин уговорила Боба сняться на фотокарточку в коричневом костюме и новой шляпе. Несмотря на то что в 1930-х годах мужчин вообще редко снимали в головных уборах, Новэлин хотела, помимо всего прочего, чтобы он надел шляпу так, чтобы его короткие волосы, которые ей не нравились, были из-под нее почти не видны.

В течение всего времени, что они встречались, Роберт неохотно приглашал Новэлин на какие бы то ни было сборища, будь то футбольный или боксерский матч, хотя она была чрезвычайно привлекательной девушкой. По его мнению, двое человек уже были компанией, трое — толпой, а большое скопление народа он ненавидел с каждым годом все сильнее. Несмотря на то что Роберт регулярно назна-

чал Новэлин свидания и открыто говорил, что он «встречается с юной леди», он ни разу не звал ее на банкеты, устраиваемые местной покровительницей изящных искусств, поэтессой Лекси Дин Робертсон.

Миссис Робертсон, тучная и смешливая, устраивала приемы в соседнем городке Райзинг Стар и приглашала на них как известных, так и начинающих писателей со всего Центрального Техаса. Роберт неизменно приходил на эти приемы один и был в течение всего вечера окружен толпой незнакомых ему людей. А потом жаловался Новэлин о том, как ужасно провел время; когда люди обращались к нему, он лишь неразборчиво бормотал в ответ что-то нечленораздельное.

Новэлин часто обращалась к Бобу с просьбой помочь ей научиться писать рассказы. Они придумывали сложности в сюжете и спрашивали, как другой поможет своему главному герою справиться с такой задачей. Роберт тоже частенько обращался к Новэлин за идеями для своих рассказов. Однажды он спросил: «А что ты думаешь об этом? Одного человека преследует его умерший отец...» В другой раз Роберт искал для Новэлин ответы на вопросы, связанные с историей; его библиотека, хоть и небольшая, была тем не менее самой крупной в округе. Однажды, когда Новэлин задумала написать рассказ о белой женщине, похищенной индейцами, Роберт перелистал свои книги на эту тему и отметил те абзацы, в которых говорилось о подобных случаях. Эти пометки все еще можно увидеть в книгах Роберта Говарда, которые теперь хранятся в библиотеке университета Говард Пэйн.

Художественная литература тем не менее оказалась еще одним предметом их бурных дискуссий. Новэлин больше склонялась к реалистической прозе, Боб — к романтике и фантастике. На их второе свидание Боб принес свой предмет гордости — экземпляр журнала «Сверхъестественные истории» за август 1934 года, в котором был опубликован один из его рассказов о Конане, называвшийся «Железный демон». На обложке журнала красовалась иллюстрация, выполненная миссис Брэндедж: Конан пытается вырваться из обвивших его колец гигантской зеленой змеи. Могучий варвар вонзает в тело змеи меч, в то время как красотка-блондинка, единственный наряд которой составляет прозрачный шарф, в ужасе пытается убежать подальше от схватки.

Новэлин заявила, что ее не интересуют рассказы, если они сопровождаются подобными иллюстрациями. В этом она

была заодно с большинством собратьев Говарда по перу, которые восхищались тем, что его рассказы печатают, но считали их недостойными своего внимания, так как они были опубликованы в дешевых журналах с непристойными картинками, изображающими полуодетых красоток с пышным бюстом. Его соседи придерживались того же мнения; как нам известно, у Роберта Говарда не было читателей среди жителей Кросс Плэйнс, конечно, за исключением доктора и его жены. Единственными, кто интересовался творчеством Говарда, были Клайд Смит из Браунвуда и Терстон Торбетт из Марлина — каждый из них в свое время был соавтором произведений Говарда.

Вымышленные рассказы про Конана были совершенно не по вкусу Новэлин. Ей больше нравилось заниматься дневниками и мемуарами, она собирала различные выражения и описания для того, чтобы потом использовать их на уроках в школе. Несмотря на то что она полагалась на компетентность Боба, когда речь шла о том, как лучше продать рассказ, девушка надеялась, что сможет написать произведения, имеющие большую литературную ценность, чем приключенческие рассказы для дешевых журналов.

Роберт, в свою очередь, с пренебрежением относился к дневникам и заметкам Новэлин. «Ты никогда не станешь профессиональным писателем, — говорил он, — если будешь целиком сосредотачиваться на своей работе в школе». Когда она настаивала на том, чтобы Боб изучал человеческую натуру, чтобы придать большую правдоподобность его вымышленным героям, он презрительно фыркал, утверждая, что большинство людей — просто круглые идиоты. Тем не менее в этом Новэлин была права. Говард бы понял, как важно четко схватывать малейшие нюансы в характере и личности каждого человека, если бы «дорос» до чтения более серьезных журналов, не говоря уж о «серьезной» литературе. Но ему не суждено было это понять, потому что Роберт жил крайне уединенно и почерпнул большинство своих знаний о людях и разных странах из книг по истории и приключенческих романов.

Для Роберта Говарда создание рассказа было интуитивным процессом. Когда он придумывал образ главного героя и события, которые должны были с ним произойти, то чувствовал, будто герой сам начинает писать этот рассказ. Поэтому он отвергал действительность и «настоящих» людей, которых Новэлин пыталась заставить его изучать. За исклю-

чением некоторых стилистических подражаний, большей частью бессознательных, творчество Говарда не было подвластно его сознанию; лучшие свои произведения он написал, когда ничто не препятствовало свободному полету его фантазии. Соответственно, он не признавал образование и литературные изыскания в качестве пути к приобретению писательских навыков; возможно, писателю, работающему в жанре героической фэнтези, стоило придерживаться именно этого, второго пути.

Более того, Роберт пытался отговорить Новэлин от дальнейшей учебы, настаивая на том, чтобы она больше времени посвящала сочинению своих произведений, а не работе в школе. Его уговоры граничили с требованиями, так как он все больше ревновал к любому, кто хоть на какое-то время завладевал вниманием Новэлин. Когда она обмолвилась, что ее начальник, директор школы Нэт Уильямс, — замечательный человек, Боб вдруг обнаружил, что испытывает к нему ненависть. Он также не любил тех из ее учеников, которых она считала особенно одаренными.

Но Новэлин нельзя было сбить с толку этими нападками на образование. Она почувствовала, что вышла из того возраста, когда отвергается любая дисциплина, особенно умственная. Она знала, что главным убеждением Роберта было: «Не стоит даже жить, если кто-то думает, что имеет какое-то влияние на тебя».

Новэлин была твердо уверена в том, что любому человеку, а писателю в особенности, высшее образование пойдет на пользу. Она считала, что Боб совершил ошибку, когда отказался поступить в университет; сама она планировала продолжить образование, чтобы получить ученую степень. Роберт яростно отрицал оба довода. В результате этих бесконечных споров беспокойство и сомнения, терзавшие его, выливались в яростные скандалы. Тогда обычно такой мягкий, спокойный голос Роберта переходил в крик; с его губ срывались нарочито неуклюжие фразы: «Ничего-то я не знаю; не получил я никакого образования, как ты!» В гневе он колотил кулаком по рулю, однако никогда не давал Новэлин повода беспокоиться за собственную безопасность.

Несмотря на разногласия во мнениях и частые размолвки, которые могли предвещать конец их дружбы, Новэлин и Боб продолжали наслаждаться обществом друг друга. Иногда Роберт на ходу сочинял истории: «Слушай, девочка! Однажды, давным-давно, на острове посреди океана существовала

давно исчезнувшая страна Атлантида... — и начинал рассказывать историю о безумных приключениях в своей прошлой жизни, когда он был атлантом. Тогда в нем пробуждалось все его природное обаяние: он был нежным, открытым, добрым.

Иногда они дружески спорили о религии. Роберт мог придерживаться самых разных взглядов — методистов, кэмпбеллитов, верующих в переселение душ, философов-скептиков. Они обсуждали *«Трактат о божествах»* Х. Л. Менкена и спорили по поводу книги Уильяма Джеймса *«Разнообразие религиозных опытов»*.

Новэлин очень интересовалась взаимоотношениями между представителями различных народов, этот интерес вспыхнул после случая, произошедшего много лет назад, когда ее отцу нелегко жилось в маленьком городке, потому что некоторым его жителям пришло в голову, будто он был индейцем. Ее отношение к этому вопросу близко к тому, что сейчас наиболее распространено среди образованных американцев, но Боб соглашался с ней лишь отчасти. Нелепо запрещать неграм въезжать в графство Кэллахан, заявлял он, но в целом придерживался традиционной точки зрения большинства южан.

***

Постепенно приближалась зима, и Новэлин все больше осознала, что она — одна из воюющих сторон в борьбе за жизнь Роберта Говарда. После того как их отношения прекратились, она поняла, что Эстер Говард неизбежно победила бы, потому что была терпелива, лучше знала своего сына и предъявляла к нему меньше требований, чем юная и пылкая, жаждущая познать жизнь молодая женщина. Более того, миссис Говард считала Роберта почти совершенством, ее он вполне устраивал таким, какой есть, в то время как Новэлин, с обычным для энергичной и деятельной натуры эгоизмом, хотела изменить мир, начиная с любимого человека.

В начале 1935 года зародившаяся несчастливой звездой любовь Новэлин Прайс и Роберта Говарда стала постепенно угасать. Новэлин оказалась в самой невероятной ситуации: очень зависимому мужчине была отчаянно нужна ее поддержка, ее общество, но ему также необходима была зависимость от матери, на неизбежную кончину которой он предпочитал закрывать глаза. Попытки Новэлин уговорить Роберта

более трезвым взглядом оценить то, что происходило с его матерью, только усиливало до предела его страх и вызвало ярость.

Так как в 30-х годах в маленьких городках считалось, что если молодой человек встречается с «приличной» девушкой несколько месяцев, то это является молчаливым свидетельством его благородных намерений, молодые люди частенько подумывали о свадьбе. Но проходили зимние месяцы, и решение Новэлин не выходить замуж за Роберта, даже если бы он и попросил ее об этом, окончательно окрепло. Родители Говарда яростно сопротивлялись намерению их сына жениться, поэтому казалось маловероятным, что Роберт когда-нибудь осмелится сделать ей предложение.

Даже если бы он попросил ее выйти за него замуж и Новэлин согласилась бы, она сознавала, что их браку не суждено состояться. Собственно, он был обречен с самого начала: из-за стремления Новэлин сделать карьеру преподавателя и на литературном поприще, из-за отсутствия у нее интереса к домашнему хозяйству. Он был обречен из-за того, что Роберт требовал бы от нее полного подчинения, из-за того, что когда он был бы целиком погружен в работу, он в течение долгих дней сидел бы один в своей комнате, избегая любых контактов с людьми. Он был обречен также и из-за непримиримой враждебности Эстер Говард и патологической зависимости сына от матери.

Много лет спустя Новэлин говорила: «Он был бы невыносимым мужем! Да, он был бы таким для Новэлин и, возможно, для любой другой женщины».

Неопределенность ее положения и постоянное эмоциональное напряжение подорвали здоровье Новэлин. Решить раз и навсегда не выходить замуж за человека, который в течение столь долгого времени занимал ее мечты и помыслы, который казался предназначенным ей судьбой, — одно из наиболее трудных решений, которые женщине приходится принимать в жизни. Чтобы сделать разумный выбор, необходима железная воля и огромное мужество. Несмотря на то что Новэлин была здравомыслящим человеком, эта борьба противоречивых чувств разрывала ей сердце.

Весной 1935 года Новэлин слегла; казалось, что она уже не поправится. Она проконсультировалась у д-ра Говарда; после нескольких ее визитов тот сказал, что в Кросс Плэйнс для нее больше ничего нельзя сделать, ей необходимо лечь в больницу в Браунвуде. Когда она спросила, не может ли Боб отвезти ее в

Браунвуд, чтобы устроить в больницу, тот жестко ответил: «Об этом не может быть и речи!»

Все то время, что она провела в больнице, Новэлин удивлялась, почему Боб так ни разу и не приехал навестить ее. Она была уверена, что как-то раз, когда распахнули дверь в ее палату, она мельком увидела Боба, который стоял и разговаривал с кем-то в холле, но он ни разу не взглянул в ее сторону. Позже она узнала, что д-р Говард отдал распоряжение, чтобы в ее палату не пускали никого, кроме врачей.

Таким образом Новэлин поняла, что несмотря на то, что Айзек и Эстер Говард стали чужими друг другу, они оказались единомышленниками в их решении не потерять своего мальчика...

СОДЕРЖАНИЕ

СЛЕД ГУННА

Воительница	
Перевод с англ. А. Курич	7
Клинки для Франции	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	56
Подруга смерти	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	89
Королевская служба	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	114
След гунна	
Перевод с англ. Г. Подосокорской	141

САД УЖАСА

Врата Империи	
Перевод с англ. К. Плешкова	171
Дорога Боэмунда	
Перевод с англ. К. Плешкова	223
Рожающий гром	
Перевод с англ. Н. Дружининой	250
Сад ужаса	
Перевод с англ. М. Райнер	311

КОРАБЛЬ МЕРТВЕЦОВ

Край, где заходит солнце	
Перевод с англ. Н. Дружининой	335
Л. Спрэг де Камп. Любовь и одиночество	411

Литературно-художественное издание

ГОВАРД РОБЕРТ ИРВИН

ВРАТА ИМПЕРИИ

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Екатерины Пеняевой*

Корректор *Вера Безымянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.03.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,6. Тираж 6000 экз. Заказ 1372.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.
Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Огонь с воем пожирал внутренности
донжона. Женщина призывно вскинула
руки, и молнии устремились на ее зов.
— Чего вы ждете, псы? Шастильонская
ведьма перед вами!
Древнее предсказание обрело плоть...**

ISBN 5-7906-0079-4

9 785790 600791

•Северо-Запад®